

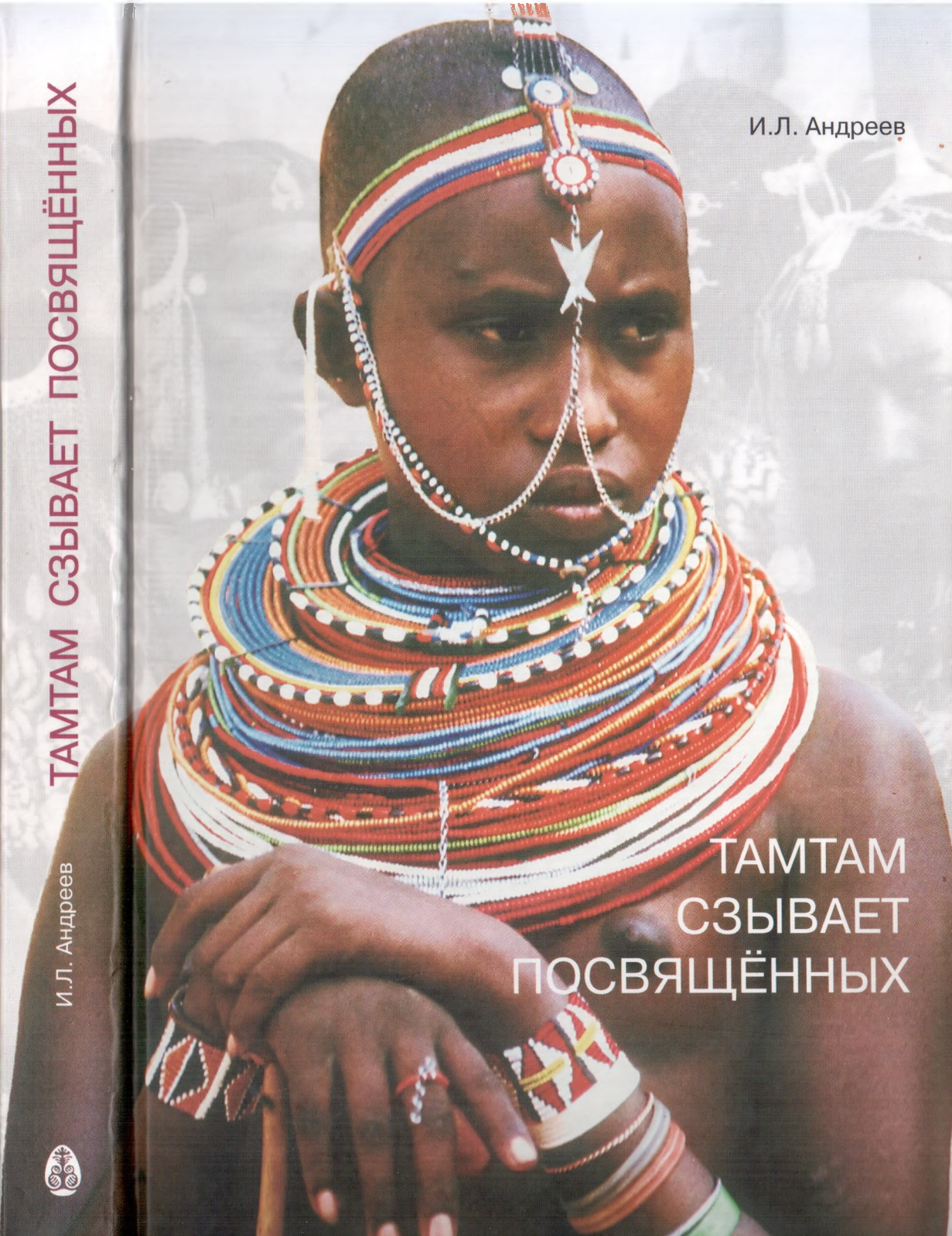
ТАМТАМ СЗЫВАЕТ ПОСВЯЩЁННЫХ

И.Л. Андреев

И.Л. Андреев

ТАМТАМ
СЗЫВАЕТ
ПОСВЯЩЁННЫХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

И.Л. Андреев

ТАМТАМ СЗЫВАЕТ ПОСВЯЩЁННЫХ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОПСИХОЛОГИИ

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ
МОСКВА

УДК 39
ББК 63.5(3)
А 65

Федеральная целевая программа
«Культура России»

Андреев И. Л.

А 65 Тамтам сзывает посвященных. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 384 с.

ISBN 5-89826-279-2

Очерки И. Андреева, известного философа, этнолога и психолога, построены на основе многолетней работы автора в 15 африканских странах. В центре внимания автора – взаимосвязь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти, общинные и родоплеменные институты непосредственной демократии, деятельность тайных ритуальных обществ, роль денег в психологии африканцев, взаимоотношения полов и поколений в африканском социуме, специфика народной педагогики, соотношение традиционных культов с мировыми религиями, трудности адаптации африканцев в других странах и особенности их отношения к иностранцам на родине. Авторский подход позволит читателю глубже понять отличную от европейских стандартов логику мышления и поведения африканца.

Книга написана в жанре философского эссе и снабжена богатым зрительным рядом, в том числе фотографиями, собранными и сделанными автором.

ББК 63.5 (3)

*Стихи африканских поэтов даны в переводе
Мориса Ваксмахера (Михаила Курганцева)*

ISBN 5-89826-279-2

© Андреев И. Л., 2007
© Ваншенкина Г. К., оформление, 2007
© Прогресс-Традиция, 2007

Африка еще не открыта

Африка жителям стран «золотого миллиарда» нередко кажется падчерицей Истории, вселенской нищенкой, краем ленивых от жары, беспечно танцующих либо умирающих от голода и инфекций примитивных людей, словом, глобальной помехой для грядущего планетарного мироустройства а-ля Запад, удобного и выгодного «золотому миллиарду». Вступление человечества в информационную эпоху, резко ускорившее бег исторического времени, лишь обострило это ощущение. Однако на смену использованию фактически поставленной на грань вымирания значительной части Черного континента, выступающего в качестве богатейшей природной кладовой дефицитных полезных ископаемых и источника практически даровой рабочей силы, приходит все более отчетливое понимание неизбежной вовлеченности населения Африки во всемирную историю как набирающего силу ее субъекта. Поворот повестки дня последних саммитов «Большой восьмерки» в сторону африканской проблематики есть проявление этой тенденции.

Вместе с тем нельзя забывать о том, что, по мнению многих ученых, Африка – колыбель человечества и историческая родина цивилизации как всемирного феномена. Именно там вызревали естественно-биологические предпосылки Истории, происходило формирование человечества, закладывался «генетический код» мирового цивилизационного процесса. Именно в Африке практически в континентальном масштабе сохранились фрагменты, модули, блоки древнейших социальных структур и институтов, в принципе однотипных тем, что лежали в фундаменте классических цивилизаций Востока и доколумбовой Америки, а также ранней Античности и европейского Средневековья. Речь идет прежде всего о различных типах общинного устройства. От изначально архаичных до самых со-

временных их модификаций. Словом, значительная часть населения континента как бы застыла в локальных, традиционно-культурных стереотипах, «сверху» слегка припудренных компьютерным антуражем.

Не случайно под пеплом новейшей истории прозорливые ученые сплошь и рядом наталкиваются на институты и формы общения, во многом схожие с теми, что сохранились в африканских саваннах и джунглях. Более того, моделируя социальные отношения будущего, взоры футурологов, в духе гегелевского закона отрицания отрицания и тоффлеровской концепции «трех волн» всемирной истории, все чаще обращаются к Африке, к сохранившим гуманистический потенциал эмоциональным элементам африканской народной культуры и психологии. Они до сих пор пребывают в традициях отношения к природе и людям, в формах предотвращения и разрешения внутренних социальных конфликтов, в устойчивости родоплеменных и в ценности семейно-родственных структур, в уважении к людям почтенного возраста и в деятельно-осмысленной заботе о детях.

В последние годы изучение специфики африканского континента активно выходит за привычные прежде рамки «чистой» этнологии и полевых экспедиций. Центры африканских исследований множатся по всему миру. Заметный вклад вносит в разработку актуальных проблем африканистики, включая взаимодействие общинно-племенных институтов с тенденциями развития постиндустриального мира, отечественная наука¹.

Именно в рамках традиционных культур веками живет видение природы и места в ней человека, во многом противоположное классическому европейскому, заложенному эпохой Ренессанса. В качестве антитезы индустриально-конвейерному мышлению и договорному сознанию, а также провозглашению природы служанкой человека экологическая среда воспринимается африканцами как целостный живой организм, все части которого тесно связаны друг с другом. В соответствии с та-

¹ Из работ последних лет, связанных с проблематикой книги, можно отметить: Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию А.Б. Давидсона. М.: ИВИ РАН, 2001; *Ethnologica Africana*. Памяти Д.А. Ольдерогге. М.: Институт Африки РАН, 2002; Политические системы и политические культуры Востока. МГИМО МИД РФ. М., Восток – Запад, 2006; Букалов А. Пушкинская Африка: По следам «Романа о черном арапе». М.: Алетейя, 2006 и другие.

ким пониманием, которое можно выразить словами Гиппократ «Не навреди!», по отношению к природе не допускается специализированное силовое воздействие, означающее грубое вмешательство в протекание естественных процессов. Африканец не противопоставляет себя природе, не стремится насильно проникнуть в ее тайны, относится к ней с доверием, любовью и благоговением, преклоняясь перед ее могуществом. Вектор его преобразующей деятельности обращен «внутрь» человека и к поиску гармонии с природой. Характерно, что вину за естественные катаклизмы (засуху, например) африканцы ищут в себе самих и в окружающих людях, в их поступках, в замыслах и даже в помыслах.

Култ предков сложился как другой аспект единения вечной природы, заключенной внутри человека, как непрерывная черед поколений, как принцип, отражающий и выражающий их глубокое уважение друг к другу, как передаваемые по наследству генетическое богатство и почтительно-бережное отношение к Матери-Природе. Конечно, в наше смутное время и он, как и традиционное отношение к естественной среде обитания, к сожалению, претерпевает деструктивные коллизии, но все равно африканские принципы жизнедеятельности остаются альтернативой грабительски хищническому отношению к человеку и к окружающей среде, рожденному индустриальной цивилизацией. Как это ни парадоксально звучит, но подлинными экологами сегодня являются пигмеи, бушмены, готтентоты, все те, кто еще окончательно не оторвался от «стартовой площадки» исторического процесса.

Веками, еще с Античности, образованная Европа высокомерно отказывала народам, живущим в Африке южнее Сахары, в признании их цивилизованности. Инерцию исторического снобизма и узколобой чопорности вольно или невольно поддерживали своим авторитетом даже такие великие умы, как Аристотель, Гегель, Морган, Ясперс, Тойнби и другие. «Планкой» и эталоном цивилизованности они считали европейские шедевры хозяйства и торговли, зодчества и военного дела, науки и искусства, великодушно прощая праотцам грабительские набеги на далекие берега, изощренную жестокость веков рабовладения, низводящего людей до скотоподобного состояния, костры и пытки «святой инквизиции», столетние междоусобные войны.

Цивилизация – универсальная форма гармоничного регулирования отношений между созданной людьми Культурой и «данной им Свыше» Природой, чтобы эти противоположност-

ти не могли взаимно уничтожать друг друга, а значит, самих себя и все человечество. Цивилизация – вовсе не исторический комплимент народу, эпохе или социуму, а неотъемлемое качество человеческого бытия, истоки которого скрыты на «дне» Истории¹. Но кое-где ее глубинные слои как бы обнажаются, в силу ряда специфических обстоятельств, нередко благодаря самоотверженной полевой работе этнографов и усилиям представителей философской антропологии. И тогда люди получают редкую возможность хоть краешком глаза заглянуть в далекое прошлое. Увидеть расплывчатые контуры исходной социальности, чтобы сравнить самобытную «природную» цивилизацию прошлого с тем, что окружает нас в обычной жизни. Это даст возможность скорее почувствовать, чем понять, как много теряет самовлюбленная элита современного западного мира, брезгливо отворачиваясь от некоторых вечных человеческих ценностей и эмоциональных элементов гуманной составляющей традиционной культуры, сохранившихся на благо нашего общего будущего в джунглях, саваннах и пустынях Африки. Эта идея пронизывает концепцию «коллективного бессознательного» как ядра архаического менталитета, нашедшую наиболее полное выражение в книге классика племенной этнологии Клода Леви-Строса «Печальные тропики». Эволюция мировой культуры представляет собой, по его мнению, наполненное острыми противоречиями и подчас кровавыми конфликтами движение человечества к единству чувственного и рационального начал, утраченному индустриальной цивилизацией и нуждающемуся в восстановлении на качественно новой основе.

Итак, это книга об Африке, еще не открытой. Многим сегодня непонятной и многими пока еще непонятой в этнопсихологическом плане. Прибегнув к многозначной метафоре выдающегося этолога, лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренца, его можно назвать внешне невидимым и в этом смысле виртуальным «поведенческим скелетом» типичных африканцев. Однако попытка мотивации специфики традиционных отношений и алгоритмов поведения исключительно или преимущественно факторами, принадлежащими к стертым и полузабытым периодам европейской истории, в науч-

¹ Андреев И.Л. Община и социальные процессы в освобождающейся Африке // Вопросы философии. 1965. № 8. С. 56–67; Он же. Осторожно с «часами» Истории! Методологические проблемы цивилизационного процесса // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 38–53.

ном плане мало продуктивна. Более того, при таком подходе, как правило, остается в тени одна из ключевых причин нестыковки, а то и прямого конфликта выкованного жесткой конкуренцией рационального менталитета, характерного для конвейерно-индустриальной эпохи, и эмоционального мировосприятия, присущего традиционному общинно-племенному обществу, экономические корни которого действительно ушли недалеко от технологий неолитической революции. В этом смысле, будучи соседями на нынешней карте мира, Африка и Европа лежат в разных исторических временах, которым объективно присущи свои специфические закономерности социальной жизни и психологические стереотипы. Ключ к пониманию данной проблемы и к смягчению, а в предельном случае – к «снятию» (в гегелевском смысле) межцивилизационных противоречий представителей различных этносов и культур лежит в сфере этнопсихологии, могущей и должной открыть путь к толерантности как социальной парадигме нашего времени. Тем более что Африка – отнюдь не досадный довесок, а реальный компонент единой человеческой цивилизации и многообразной мировой культуры. Их глобальной скрепой выступает время, которое, будучи единым, планетарным, принципиально универсальным в своей физической и астрономической реальности, локализуется и по-своему «индивидуализируется» в жизни различных сообществ, этносов и народов, регионов и стран, групп и даже отдельных людей.

Социальная психология любого этноса имеет свои, специфически цивилизационные «рамки», виртуальные, не видимые непосредственно, а воспринимаемые только через анализ стереотипов поведения и алгоритмов мотивации поступков. А потому этнопсихология отражает не только социально-генетические и географические особенности различных народностей, народов и стран, но и их временную «родословную». Словом, упирается в сложнейшую философскую проблему – проблему времени. «Ни одна сфера жизни природы и человеческой деятельности, – резюмирует П.П. Гайденко, – не обходится без соприкосновения с реальностью времени: все, что движется, изменяется, живет, действует и мыслит, – все это в той или иной мере связано со временем. Неудивительно, что время отнесится к тем реалиям, которые с глубиной древности определяли смысловое поле человеческого мировосприятия... Характер рассмотрения времени, способ включения его в систему других категорий мышления, так же как и основные интуиции

времени, определяют самосознание различных культурно-исторических периодов»¹.

Словом, современная карта мира имеет незримый временной социально-психологический подтекст. Будучи изначально стихийным, не скованным (во фрейдовском смысле) культурой, он нередко дает о себе знать тем, что прорывается наружу в виде широкого спектра фобий – от непонимания, неприязни до вражды, войн, терроризма по отношению к представителям других государств, национальных и расовых общностей. Для оценки подобного рода ситуаций и определения стратегии их разруливания наиболее приемлем принцип единства времени и пространства действия. Его оригинальную и во многом продуктивную интерпретацию предложил крупнейший отечественный специалист в области микробиологии академик Г.А. Заварзин, заведующий лабораторией Института микробиологии имени С.Н. Виноградского РАН. Сам термин *haeseitas* принадлежит философу XII века Дунсу Скотту и означает *ha* – здесь и сейчас, *esseitas* – существующее нечто. Мартин Хайдеггер перевел его на немецкий язык словом *Dasein*, широко применяемым в философии экзистенциализма. Изучающий процессы эволюции микромира планеты, длившейся миллионы лет, Г.А. Заварзин в замечательном философском эссе «Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас» пишет: «Хаэссеитас – это то, что мы наблюдаем здесь и сейчас как реально существующее действительное. Прошлое обладает действительностью в той мере, в которой приходит в настоящее как результат, хотя оно обладало действительностью в полной мере в исчезнувшем времени. Будущее относится к области возможного и оценивается по вероятности, как, например, неизбежная смерть живого существа; будущее не реализовано и находится в области пространства возможностей, не воздействующих на настоящее здесь и сейчас»². Единственное, что в данном фрагменте вызывает возражения, – это неправомерное по отношению к социальной реальности дистанцирование процесса становления будущего от воздействия на него многофакторного и противоречивого настоящего.

Мир «вокруг» Африки неузнаваемо изменился, и этот процесс развертывается со все возрастающей скоростью. Будто

¹ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция. 2006. С. 5.

² Заварзин Г.А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 4. С. 336.

неторопливая, размеренная жизнь традиционного общества протекает на фоне быстро меняющихся декораций. Последние в форме новейших средств массовых коммуникаций, современных информационных и иных технологий, престижных товаров, демонстрационного эффекта потребления и «красивой (по европейским представлениям) жизни» так или иначе просачиваются в структуру общинного сознания, традиционных стандартов жизнедеятельности и родоплеменных институтов собственности и власти.

Процесс «пополнения» сохраняющегося в недрах настоящего прошлого тем, что родилось в других регионах, как и тем, что мгновение назад было настоящим, непрерывен. Будущее, подобно медлительной черепахе от быстроногого Ахилла в известной апории Зенона, отодвигается по мере приближения к нему, как видимая линия горизонта. Де-юре его еще нет, хотя де-факто оно уже присутствует в настоящем. И не просто незримо существует в сумбурных процессах нашей жизни, но и неодолимо тянет на себя тенденции ее спонтанной эволюции либо целенаправленно программируемого развития. Оно существует, но пока виртуально, перцептивно невоспринимаемо, как потенция, которая может себя по-разному реализовать: продуктивно или контрпродуктивно, созидательно или катастрофно. Все зависит от того, какие тенденции поддержит либо затормозит своими действиями человечество, насколько адекватно оно сможет распознать проблески грядущего и растолковать с помощью науки адресованные нам знаки. Ибо от самих людей, сумевших расшифровать неявные послы из будущего, зависит, насколько успешно они помогут им, выражаясь языком Гегеля, «пробить скорлупу наличного бытия»¹.

Наиболее явно встреча и столкновение прошлого и будущего человеческого рода сегодня проявляется именно в Африке. При анализе этой головоломно сложной ситуации заведомо односторонними оказываются и общинно-племенной оптимизм, и попытки накладки на третий мир кальки рыночной экономики и либеральной демократии, предлагающей народам Африки тупиковый путь «догоняющего (Европу) развития»². В то же самое время социально-психологической «подложкой» ряда наиболее благополучных и успешно развиваю-

¹ Андреев И.Л. Россия: взгляд из Будущего // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 4. С. 320–329.

² Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 491 и сл.

щихся стран современной эпохи являются прошедшие сквозь века и сохранившиеся до наших дней (естественно, в значительно модернизированном виде, в большей степени как принципы, нежели как институты) традиции «допотопной» общины. Они не только активно участвуют в формировании «поведенческого скелета» общества и «хребтом» национального характера, но и конституционно закреплены, как «нижний этаж» государственного устройства¹.

Мировая история как целое не может быть понята вне познания мозаики ее отдельных фрагментов, признания элементов уникальности каждой культуры и каждого этноса. Вместе с тем, как тонко заметил один из величайших философов истории и психоаналитиков XX века Карл Ясперс, «взгляд на человеческую историю ведет нас к тайне нашего человеческого бытия», ибо «к чему я принадлежу, во имя чего я живу, все это я узнаю в зеркале истории». К слову, история – вовсе не обязательно покрытое патиной прошлое. Она и то, что сейчас протекает, происходит, делается на наших глазах (особенно учитываемая бурное развитие Интернета и средств массовой информации) и нередко с нашим непосредственным либо опосредованным участием. История – это ткань, которая соткана из поступков людей самой жизнью.

Уникальность цивилизаций, «застывших» на обочине мировой истории, поиск и расшифровка их самобытных корней в свете жгучей необходимости решения современных глобальных проблем человечества обусловили обострение интереса к африканской культуре. И не только среди интеллектуальной элиты континента, стремящейся к самопознанию, но и со стороны целого ряда носителей евро-атлантической (западноевропейской) традиции (цивилизации). Африка – иной «мир», не изученное толком самобытное «измерение» общечеловеческой культуры. Внимание привлекает оригинальный вклад африканцев в охвативший мир процесс неумолимой глобализации. Однако ей сегодня не хватает именно гуманизма, взаимного понимания и терпимости, искренней человечности, трепетного отношения и уважения к окружающей природе, которые, пусть в виде локально-замкнутых сообществ, сохранили свою первозданность во многих уголках континента. Кстати, африканские интеллектуалы, как и наиболее вдумчивые евро-

¹ Андреев А. И. Швейцарское «товарищество по присяге»: реликт прошлого или воспоминание о будущем? // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 2. С. 84–89.

пейские гуманитарии, чутко улавливают возрастающую необходимость Африки современному миру уже не в виде резервара вывозимых за море рабов и богатейших кладовых минерального сырья, а как неотъемлемый компонент складывающейся цивилизации будущего, опирающейся на генетическое, этническое и культурное многообразие человечества – единой биологической популяции *homo sapiens*.

Автор стремится воспроизвести Африку в нерасторжимом единстве первозданности и имплантированности в ее «тело» (но не душу) достижений индустриальной революции и информационных технологий. Африку совсем иную, нежели то, к чему привыкли наши «цивилизованные» глаза, уши и души. Поэтому на страницах книги почти нет упоминания об островках евроатлантической цивилизации и присущего ей образа жизни, о небоскребах в раскаленном добела африканском воздухе, о банковских офисах, современных портах, фешенебельных отелях и виллах, хотя Европа уже давно стремится воспроизвести на континенте свое второе, откровенно периферийное «издание». Акцент в книге сделан на этнопсихологических проблемах традиционного африканского социума, на том, что надо бы занести в «Красную книгу» эволюции человечества из-за слишком реальной опасности его исчезновения, а подчас и целенаправленного уничтожения. Того, что вот-вот рискует сорваться, рухнуть в пропасть безвозвратного небытия, но пока еще существует, живет, действует, воспринимается и – кто знает?! – может стать одним из весьма важных компонентов в муках рождающейся планетарной цивилизации.

Иными словами, мир, хотим мы этого или не очень, становится глобальным. Параллели и меридианы, страны света и континенты, благодаря новым средствам связи и Интернету в их числе, формируют новое, информационно-технологическое «единство» мира. И вместе с тем этот объективный процесс неизбежно вскрывает новые линии разломов, разделяющие человечество. Их называют по-разному: иногда «цифровым расколом», чаще, с легкой руки Сэмюэла Хантингтона, – конфликтом культур и цивилизаций, который он провозгласил доминирующим фактором современной истории и мировой политики. Но среди этнопсихологических трещин, раскалывающих сегодняшний мир, основной видится та, что, пролегая между **пост**индустриальными и **до**индустриальными (традиционными) цивилизациями, во многом совпадает с границей между радикально различным образом жизни Запада и Востока (в несколько иной интерпретации – Севера и Юга), между

демонстрационным эффектом сверхпотребления и агрессивным эгоизмом первого и трагическим недопотреблением, протестом и завистью, зреющими в недрах второго.

В такой ситуации на первый план выступает проблема не соперничества культур, а познания, рефлексивного восприятия, старательного понимания и внутреннего принятия представителя иной цивилизации и культуры как генетически и исторически сложившегося Другого Человека, имеющего полное право быть и чувствовать себя социально-культурным продуктом привычной и комфортной ему, буквально впитанной с молоком матери собственной, локальной истории своего этноса, племени, общины. Другого, имеющего иные внешний вид, одежду, стандарты поведения, суждения о желанном и должном, словом, непривычного и кажущегося странным, а порой просто нелепым из-за образа его жизни, включая традиции, обычаи, представления о различных аспектах общественного устройства, сложившиеся в специфических природных условиях и неповторимых исторических обстоятельствах. Такой подход непривычен, труден, особенно для людей англосаксонской культуры, выросших в горниле жестокой конкурентной борьбы и жесткого соперничества за любые жизненные ресурсы. Для людей, высокомерно и самозвано считающих себя элитой мира и гордостью Истории. Для людей, которым неведомо или просто лень мысленно поставить себя на место тех, кто живет и думает иначе, по-иному относится к природе и себе подобным. Кроме того, зачастую всплывают «удобные» для определенных социальных, религиозных групп и политических сил локальные и этнические интерпретации различных фобий и давних исторических конфликтов, замешанных именно на различиях образа жизни и менталитета. К тому же в рамках тотальной глобализации все более отчетливо проявляет себя тенденция локализации и своего рода культурно-психологической «трибализации» социальной сферы, включающей в себя весь спектр отношений людей друг к другу, к самим себе и к окружающему миру.

Именно это обстоятельство, на мой взгляд, делает гораздо более актуальным, нежели тезис о неотвратимом, неизбежно сокрушительном и кровавом конфликте культур и цивилизаций, проблему этнопсихологии как ключевой духовной парадигмы гуманистического предостережения. Или, по крайней мере, как оптимального средства максимального смягчения неизбежных неувязок, противоречий и конфликтов при решении нынешних и будущих противоречий в неодолимом процес-

се закономерного перехода такого социально, экономически, политически, этнически и психологически разнообразного человечества к единой всемирной информационной цивилизации XXI века.

Иными словами, виртуальные образы объективного мира, в частности, Африки, создаваемые под своим углом зрения различными науками, именно благодаря философской интерпретации могут давать относительно целостную и достаточно адекватную субъективную картину исследуемой реальности. В отечественной науке высказана плодотворная, на мой взгляд, идея смены парадигмальной методологии исследования в духе «научных революций» Т. Куна методологически более продуктивной, особенно в плане междисциплинарного дискурса, синтагмической концепцией познания. Синтагма – греческое слово (в наиболее удачном переводе: «вместе построенное») изначально использовалось для обозначения синтеза разнообразных знаний, направлений и подходов к комплексному решению актуальной задачи. Имеется в виду гносеологический эффект концентрации внимания ученых не на самих вовлеченных в процесс исследования конкретных науках, а лишь на их наиболее значимых для данной темы достижениях. «Синтагма... – полагает признанный специалист по проблемам науковедения А.И. Ракитов, – не какой-то уникальный образец деятельности или базисная теория, а специфическая, часто нестандартная, задачно ориентированная, многокомпонентная система знаний, создаваемая... для решения насущных проблем. Ни одна парадигма, единая для всего периода развития науки, в подобных случаях просто не смогла бы работать»¹. В этом ключе исследование африканской ситуации открывает возможность не просто междисциплинарного подхода, но гораздо более глубокого взаимодействия «абстрактных», и в этом смысле виртуальных, не поддающихся непосредственному наблюдению и измерению законов философии истории и этнопсихологии с конкретными реалиями традиционной африканской действительности, а также достаточно гармоничного сочетания языков «чистой» науки и обыденной логики.

В данной связи еще одно предварительное замечание касается жанра. Возможно ли фрагменты, сохранившиеся со времен далекого прошлого, органично и естественно связать с современными формами социального и технологического бы-

¹ Ракитов А.И. Наука и науковедение XXI века // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 2. С. 133.

тия? И переплести с ними проблемы, родившиеся вместе с самим человечеством и до сих пор сохранившиеся в самых глухих закоулках нашей невообразимо многообразной планеты и в глубинных структурах нашего мозга? Каким образом построить исследование не столько на стыке различных гуманитарных и естественных наук, сколько на их максимально гармоничном синтезе? Ведь у каждой из них неповторимый угол зрения на мир, свой понятийный аппарат, специфический язык, сложившиеся традиции постановки задач исследования и интерпретации полученных результатов. Какой жанр наиболее приемлем в такой непростой гносеологической ситуации? Как говорил изысканно-язвительный Вольтер, все жанры хороши, кроме скучного. Разумеется, задача автора вовсе не сводится к тому, чтобы развлечь читателя. Наука – не телешоу. Вместе с тем не хочется, чтобы у него сводило скулы от зевоты, а книга могла бы продаваться в аптеках как патентованное экологически безупречное снотворное. Смена сюжетов и жанров – дело рискованное и в ученых трудах не принятое. Но ради интеллектуально-эмоционального комфорта читателя стоит на это пойти. Поэтому выбор жанра пал на философско-антропологическое эссе, в рамках которого допустим гармоничный синтез серьезных концептуально-теоретических размышлений с очерково-публицистической, научно-художественной манерой их изложения.

Эти очерки не являются описанием конкретного путешествия. В их основе – размышления автора над тем, с чем он сталкивался, работая в 15 африканских странах в период с 1962 по 2004 год. Здесь нет претензий на воссоздание собирательного образа африканца. Вместе с тем нельзя не отметить инстинктивного стремления народов африканского континента сохранить исконные традиции, тянущуюся из глубин истории ментальность. А это нелегко в условиях глобальной турбулентности нашего бурного века, сочетающего повторяющиеся тысячелетиями картины самозабвенных танцев под будоражающую дробь тамтамов в освещенной костром саванне или на поляне тропического леса с характерными компьютерными перебивками, позывными мобильного телефона и мерным жужжанием кондиционера в величественной прохладе современного офиса или многозвездного столичного отеля.

К тому же далеко не всегда и не все традиции, и тем более обычаи, прошлого, особенно родившиеся на грани зоологического и социального миров, логичны, гуманны и приемлемы с точки зрения правовых, моральных, эстетических принципов

и законодательных норм нашего времени. Из них еще предстоит «вышелушить» и адаптировать к современности то, что может связать исходную (нередко жестокую и подчас кровожадную) социальную дисциплину в рамках общинно-племенной группы как императив выживания и альтернативу вымирания в первобытную эпоху с принципами планетарного гуманизма и сотрудничества, без принятия и соблюдения которых человечество рискует безвозвратно скатиться в пучину политических, экономических, техногенных, экологических и климатических катастроф, ставящих его на грань вымирания. Классические гегелевские «тезис» и «синтез» как стартовая и финишная ступени процесса развития, а также модные сегодня тоффлеровские «первая волна» и «третья волна» всемирного исторического процесса наиболее полно и зримо «встречаются» сегодня именно в Африке. От их взаимодействия во многом зависит, как бы это излишне возвышенно ни звучало, будущее всего человечества. Наверное, не меньше, чем от успешного развития находящихся сейчас у всех на слуху информационных, биологических и нанотехнологий.

Это еще один солидный аргумент в пользу того, что писать о контрастах африканского общества в виде картинок «дурного» и «хорошего» – банально, независимо от того, что чем считать. К тому же тривиальные путевые заметки – жанр, не звучный компьютерной эпохе, а от назойливого калейдоскопа дат, топонимики, пейзажей подчас возникает раздражение и зависть.

Поскольку непосредственно незримым, но тем не менее универсальным стержнем нашей жизни и развития является время, а главное отличие Африки от остального мира зиждется на ее пребывании в ином, нежели Запад, социально-историческом времени, логика расположения составляющих книгу эссе выстроена по принципу выделения аспектов «временного бытия» различных сторон традиционной африканской жизнедеятельности. Специфика восприятия африканцами пространства и времени в общинно-племенных структурах дает ключ к пониманию традиционных отношений собственности и власти. Возрастная структура африканского социума объясняет парадоксы (с точки зрения римского права и Кодекса Наполеона) наследования, ухода из жизни. Драматический (и нередко трагический) процесс «вписывания» общинно-племенного сознания в институты рыночной экономики и либеральной демократии подчас порождает криминальную «гремучую смесь» техники тайных ритуальных обществ с современными информацион-

ными и военными технологиями, так что зачастую против «примитивных дикарей» оказывается бессильным, казалось бы, всесильный Интерпол. Из этого вытекает поистине глобальное значение поиска не только политических и экономических, но и этнопсихологических принципов и механизмов гуманного сближения Запада и Востока на африканском континенте как адекватного цивилизованного «ответа» на интеллектуальный «вызов» не только С. Хантингтона, но и Р. Киплинга, уверенного, что «им не сойтись никогда».

Как сегодня написать о том, что было вчера, чтобы это с интересом прочли завтра? Один из способов – погрузить читателя в недра былых впечатлений, увиденных как бы со стороны, с позиций невидимого, но в то же время все видящего виртуального демона Максвелла, спрятавшегося вблизи от происходящих событий, но принципиально не включенного в интригу взаимодействий, составляющих их ядро. Только так, мысленно отождествив себя с ним, можно увидеть Африку в специфическом ракурсе, связывающем настоящее с прошлым и грядущим будущим, естественную природу с искусственной культурой в их единстве. Ведь, внимательно вглядываясь в Африку, нельзя не увидеть в ней каких-то корней исторического прошлого своей страны, своего этноса и даже некоторых ростков цивилизованного будущего. Такова нелегкая, весьма рискованная и ответственная задача, поставленная перед собой автором книги, которую вы держите в руках.

ЦИФЕРБЛАТ БЕЗ СТРЕЛОК

Но нигде на часах, показывающих нам время,
мы не найдем времени, ни на циферблате,
ни в часовом механизме... Где же время?
Есть ли оно вообще и имеет ли какое-то место?
Время явно не ничто.

Мартин Хайдеггер

Птица Времени, белый морской орел,
Несет меня из чужого французского «сегодня»
В родное африканское «всегда».

Леопольд Сенгор

Танец с Солнцем

Что такое время для африканца? Оказавшись в Танзании, Кении или Эфиопии, попробуйте побеседовать на эту тему с воинственным масаем в неизменно оранжевых домотканых одеждах и неразлучным с копьем – ассегаем. Гордый сын саванны никогда не позволит себе поставить его острием на землю, дабы не причинить ей – праматери всего живого – боль. Виртуозно жонглируя своим орудием-оружием, полуденный пастух выполняет замысловатые па одному ему ведомого сольного экваториального танца с вдохновением и самоотдачей, достойными сделать честь сцене Большого театра. Дитя Природы, он широко улыбается радующему его Солнцу, от которого я не знаю, как укрыться, и самозабвенно напевает что-то очень душевное и заунывное. А вокруг на многие километры – ни краалей, ни соплеменников. Перед ним лишь несколько жалких коровенок, больше похожих на крупных коз, да путник, из-за неисправности автомобиля застрявший в знойной саванне близ местного «затерянного мира» – легендарного кратера Нгоронгоро.

В состоянии экзальтации и полного слияния с Природой масай возник среди бескрайней саванны как призрак ушедших тысячелетий, когда все было так же, как сейчас, кроме моего присутствия и автомобиля. Он будто вырвался из тривиального «сейчас», оказался вне времени и вместе с тем «внутри» него, в какой-то невидимой ауре временной невесомости, где нет точек отсчета, вех, границ, где все едино и всеобъемлюще.

Складывалось впечатление, что одинокий масай буквально растворен в расплавленном воздухе и затерян в жухлой растительности сухого сезона с неуклюжими бутылками редких бао-

бабовых стволов среди островков акаций. Под зелено-желтыми зонтиками этих деревьев, украшенных игриво свисающими сережками крупных стручков, – прибежище изящных жирафов. Издали они напоминают томных длинношеих дам, изящно задрапированных в пятнистый камуфляж. Ассоциация с чем-то удивительно знакомым и близким занозой вошла в грозивший расплавиться от жары мозг. С ясностью галлюцинации, хорошо знакомой мне по вечно ускользавшим миражам в Сахаре и в Калахари, кинематографическим наплывом вокруг мирно жующих листики акаций жирафов вспомнились до боли ясные ажурные силуэты Санкт-Петербурга начала XX века. Там, в отличие от заспанной саванны, с тех пор всё слишком часто и бурно менялось, а время то билось в конвульсиях борьбы и энтузиазма, революций и репрессий, то замерзало в страшные блокадные зимы и темные ночи «плановых» арестов. Оно то невнятно металось взад и вперед, будто сбившийся с дороги усталый путник, то наивно-решительно катилось назад к призрачному Серебряному веку русской поэзии и культуры.

А здесь, в африканской саванне, эти десятилетия как бы утонули в размеренной череде сухих и дождливых сезонов, смене поколений масаев, в ландшафте, сохранившемся без всяких реставраций не хуже, чем классическая набережная Невы. И будто сквозь десятилетия остановленного зноем времени мне что-то нашептывает прежде никогда не слышанный, но легко узнаваемый голос известного русского поэта, сердцем прикипевшего к Африке и, видимо, по ассоциации со шпилями в силуэте родного города создавшего свой неповторимый художественный символ континента. Им стала для Николая Гумилева не общепризнанная мудрая сила слона, не многократно воспетое мужественное благородство могучего льва, а легкое изящество, необычная красота цветовой гаммы и, возможно, спокойная дальновидность и скромная гордость са-
мых миролюбивых обитателей африканской саванны.

*Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.*

Экваториальная жара жестоко растапливает навоеванное
именем поэта приятное воспоминание о влажной петербург-

ской прохладе. К стрелкам моих наручных часов будто привязали невидимые гири, а циферблат смазали каким-то вязким клеем. Мучительно тянулись минуты и часы тягостного ожидания дорожной оказии в раскаленной, как кастрюля в духовке, машине, выйти из которой даже по причине физиологической надобности было рискованно: рядом мог оказаться лев-симба, а ведь у меня не было ассегая.

А рядом со мной, взмокшим и несчастным, будто за толстым стеклом, отделяющим меня от параллельного мира, пел, плясал, радовался солнечному теплу и свету человек, который живет в другой эпохе и принадлежит иной, соседней цивилизации, гораздо более адекватной его образу жизни, представлениям о времени и самом себе. Наверно, Альберт Эйнштейн, увидев нашу нелепую пару, подумал бы о каком-то социально-историческом варианте теории относительности... Мысленно сопоставляя его концепцию и представления безвестного первоизданно-наивного масая, я как стремящийся быть предельно добросовестным ученый абсолютно не уверен, кому из них отдать предпочтение.

Я не согласен с глубоким и уважаемым немецким философом Карлом Ясперсом, который в качестве критерия, границы, Рубикона цивилизации и цивилизованности предложил рассматривать так называемое «осевое время» исторических событий¹. Поставьте себя на место масая. Как он истолкует в обычных происшествиях и житейских представлениях время, «нанизанное» на ось? Как буддийское «колесо жизни»? Чем-то вроде шампура в ночном костре: *то, что изжарилось, никогда не станет сырым?*

Хотя принятые в современной теоретической физике в качестве умозрительной модели «петли времени» (как возврата к зоне исходной точки после определенной траектории событий) в чем-то созвучны масайской картине мира и жизни. В отличие от античного символа – стрелы времени – они ближе к образу бумеранга, который бестолковый абориген в некогда популярном анекдоте никак не мог выбросить, чтобы завести новый. Да к тому же стрела, как упорно утверждал великий грек Зенон, покоится даже тогда, когда она движется, находится в полете. Значит, время, в котором она существует и функционирует, неоднородно, неоднозначно, слоисто?!

Масая это трудно уяснить. В отличие от бушмена или пигмея, он луку со стрелами явно предпочитает легендарный ас-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.

сегай, завещанный ему далекими предками и их духами и со временем ставший как бы органом его тела, продолжением правой руки. Движения тандема «рука–копье» в боевых плясках масаев как бы описывает дугу или петлю времени. Будучи многократно и методично повторенной, она имитирует модель накручивания в принципе однородных событий на виртуальный цилиндр, в чем-то изоморфный вращению Земли и вместе с тем напоминающий ствол пальмы их традиционно-архаической жизни. Сотканная из ритуалов, символов и суровых табу, нить первозданного бытия, вращаясь вокруг невидимого столба, как бы закручивается в узелки особо памятных дат и событий. Ритуальный «циферблат», в отличие от часового, не имеет определенной, зримой, осязаемой, конкретной формы. Лунные «деления» на нем нередко преобладают над солнечными, хотя «стрелки» солнечных лучей фиксируются легче, нежели астрономически гораздо более информативные формы лунного диска и «селеновые» дорожки» на водной поверхности. К слову, в Западной Европе минутная стрелка на циферблате в дополнение к часовой появилась лишь на предпоследнем рубеже.

Эпохи и пласты времени могут наезжать друг на друга, ломаться, вздыбливаться, подобно тектоническим плитам во время землетрясений и извержений вулканов. В духе этой метафоры правомерно говорить о переломах в восприятии времени и отношении к нему в терминах «времятрясения» и «времяизвержения». Оно может представляться смутным и ясным, призрачным и прозрачным, быть быстро или медленно текущим относительно жизненно важных процессов. То оно набирает бешеную скорость, как устремившийся за верной добычей гепард или разъяренный носорог, то резко тормозит, будто угодивший в болото гиппопотам.

Словом, время – оно и в Африке время, хотя отношение к нему, обращение с ним и использование его там сегодня совсем иное, в корне отличное от евро-американских стереотипов. Другое дело – современная физическая идея все расширяющегося и углубляющегося «туннеля времени». Он может связать напрямую людей, представления и события, оказавшиеся на разных континентах и даже в различных исторических эпохах. Это, между прочим, возможный фундамент для запуска диалога разделенных веками и тысячелетиями, глобусными параллелями и меридианами, горами и океанами ареалов различных цивилизаций, культур, менталитетов – ключа к планетарному гуманистическому уважению и сотрудничеству.

Ведь по большому счету оба параллельных, по-своему переживаемых нами восприятия времени сосуществуют в одном и том же астрономическом интервале экваториального полдня – как рельсы железной дороги на громадной равнине, незаметно сливающиеся где-то вдаль. В принципе между нашими, по-своему альтернативными, хронотопами может быть проложен психологический туннель взаимопонимания и взаимодействия. Вроде как под Ла-Маншем. Но ведь и его строительство – дело тоже долгое, дорогое и обязательно обоюдное. А пока? Я нужен масаю еще меньше, чем он мне. Может быть, напишу о нашей нечаянной встрече что-то вроде эссе-новеллы. Он-то и писать не умеет. Да разве ему в новинку эти вечно куда-то спешащие, суесящиеся, такие нелепые в своих затеях, одеждах и поступках европейцы? Абсолютно неинтересны!

...Я не отрываю залитых потом глаз от циферблата. Распухшим от жажды языком пытаюсь считать секунды и минуты, буд-то это хоть как-то сокращает время. Масаю часы ни к чему. Лишняя тяжесть и помеха. Время для него спонтанно, как эта песня, экспромтно, как его танец, случайно, как наша встреча, и необходимо, как дыхание. Оно, будто собственная тень, неизменно рядом, да в руки не дается. Его нельзя сохранить, засушить, заключить в *калебас* (сосуд из высушенной тыквы), потрогать, понюхать, попробовать на вкус, увидеть, услышать. Оно – в движении звезд и смене времен года, в фазах Луны, круговороте дня и ночи, чередовании сухих и дождливых сезонов, рождении и взрослении детей, смене поколений, возвращающей родившимся «освободившиеся» имена ушедших в тень абстракций предков. Время – это то, что «сейчас». То, что было, и то, что будет, когда-то прошло и/или неоднократно пройдет через неизбежное, непосредственно переживаемое «сейчас». Как метафорически тонко заметил наш поэт-песенник, жизнь – это «миг между прошлым и будущим». Он образует *«своеобразный поперечник по отношению ко времени большому. Его фигура – не прямая, но какой-то невнятный росчерк, наподобие оборванных волокнистых линий на картинах Жоана Миро»*¹.

Внутренним «боем часов» для масая является чувство голода, внешним – состояние природы, «подсказывающее», как его утолить. Масаи в отнюдь не щедрый на плоды земли сухой сезон в случае необходимости доят своих животных, а затем выверенным движением ассегай вскрывают яремную вену одного

¹ Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 61.

из них. Молоко, смешанное с кровью, – дежурное блюдо, которое всегда с собой, как бутерброд в кармане европейца-язвенника, в суровый и тоскливый период между вожделенными тропическими ливнями и оживляющими саванну яркими сочными красками и разнообразящими меню кочевников фруктами, овощами, ягодами, корнеплодами, богатыми протеинами насекомыми.

Время для масая вроде воздуха. Жить без него нельзя. Но иногда, например ныряя в воду, человек приостанавливает дыхание, чтобы потом оно стало более интенсивным. Время безбрежно, безмерно и безразмерно. Ему нет цены. Оно выше вещей, настроений, утрат. И только глупые европейцы вроде меня, вместо того чтобы безоглядно наслаждаться жизнью, безжалостно подстегивают его. Часто смотрят на часы, вечно куда-то мчатся, считают деньги, ругаются, завидуют, ссорятся, хотят урвать у другого и вообще обогнать время, не понимая, что оно-то и есть – сама жизнь.

Мы так и могли, не касаясь друг друга, проплыть мимо на собственных орбитах времени и судьбы. Но встреча наша все-таки состоялась, хотя сам контакт оказался весьма лаконичным и малоплодотворным для обеих сторон. Услышав гудок автомобиля, масай изменил траекторию своего пути и вскоре приблизился. Тогда-то наш бессменный часовой, удобно расположившийся под ближайшим деревом лев, завидев оранжевую тогу и легкое игольчатое копьё, недовольно поднялся и степенно удалился, словно почуяв, что потенциальный ужин следует искать в другом месте, скажем у водопада.

Между тем, приблизившись, гордый обитатель саванны невозмутимо позировал перед объективом избавившегося от львиной осады экипажа. Через короткое время, почему-то облюбовав мой пестрый, модный в ту пору галстук, масай принял боевую стойку и твердо дал понять, что ему в этой жизни только галстука и не хватает. Мои робкие возражения насчет завтрашней лекции в Дар-эс-саламском университете впечатления не произвели. Возможно, эти слова, включая наименование столицы, он слышал впервые или истолковал на свой лад, предложив в обмен одну из крохотных коровенок. Сразу вспомнился кавказский тост о том, чтобы наши желания (хочу купить «Волгу») соответствовали нашим возможностям (денег хватает разве что на козу)! В конце концов, среди моих вещей он выбрал ковбойку оранжево-охристого, близкого и привычного ему цвета, кстати гармонизировавшего с традиционной накидкой.

Таким замысловатым способом мы начали поиски общего языка. Я огорчился насчет поломки автомобиля, посетовал на потерю времени и уже явное опоздание на важную встречу в столице. Он без тени сочувствия: *«Зато мы встретились и поговорили. Значит, все идет хорошо, как раньше и как должно быть»*. По его мнению, поломка мотора в прекрасный солнечный день неслыханная удача: *«Какая красота вокруг! Сколько света, тепла и зелени! А спешить вообще никуда и никогда не надо. Спешить – плохо! И тем, кто спешит, нервничает, ошибается из-за этого. И тем, к кому спешат: они ведь не только стойко переносят тяготы ожидания, но и чувствуют переживания спешащих, стремящихся не опоздать на встречу. Нам, ма-саям, видеть эту сутолоку грустно, и за вас, европейцев, обидно: до чего же вы бестолковые и суетливые! Искусственно подгоняя время, совсем не считаясь с ним, вы даже не думаете о том, что можете причинить ему боль и страдания»*.

Сам он в городе ни разу не был. И его туда совсем не тянет. Хотя молодежь иногда из крааля уходит и не всегда возвращается. Поэтому старейшины разработали особый ритуал напутствия и защиты тех, кто волею судеб или влекомый собственным неодолимым легкомыслием оказывается вдалеке от их могил, и другой – очистительный, чтобы снять скверну чуждого традиционному быту города с возвратившихся оттуда своих блудных сынов.

Вскоре наше общение явно наскучило одинокому путнику или просто утомило его. Скорее всего, эти факторы взаимодействовали. Я не удивился, будто даже ждал этого. Великий швейцарский психолог Карл Юнг удивительно тонко подметил и объяснил резкое несоответствие времени и степени концентрации внимания архаичного человека на узком сенсорном поле (обычном, привычном, как бы незамечаемом) и разбросной форме беседы в виде ответов на вопросы. Юнг признавался, что даже ему, психиатру и психоаналитику, не удавалось растянуть свои разговоры с африканцами, индейцами, обитателями островов южных морей более, чем на два часа. После этого собеседники на различных континентах, словно сговорившись, заявляли о своей усталости, скуке, потере интереса к словесному общению, хотя обстановка при этом могла быть самой непринужденной, а вопросы простыми до примитивности. Характерно, что тот же самый человек мог без перерыва и жалоб на усталость пробежать 120 километров в качестве письмоносца или без устали танцевать ночь напролет вокруг пылающего костра при температуре воздуха в 34 градуса.

Кстати, наше общение было неожиданно прервано, едва успев набрать обороты. На дороге появился джип с эмблемой Женевского Красного Креста и несколькими молоденькими монахинями на борту. Одна из них буквально поразила мое отупевшее от многочасовой неносной жары воображение. Узнав, что причиной аварии автомобиля послужил разрыв приводного ремня, настолько старого, что ремонту он уже не поддавался, а запасного у африканского водителя, естественно (лишние расходы!), не было, она лихо стянула с себя колготки (до сих пор не пойму, зачем они нужны вблизи экватора; разве что в качестве средства защиты от насекомых?) и быстро пристроила их на место, предназначенное конструкторами для приводного ремня. Как ни странно, медленно и очень неуверенно, но наша застоявшаяся, будто сросшаяся с красной почвой саванны, машина все-таки сдвинулась с места. Чуть позже мы сообразили, что надежнее подцепить ее тросом к вездеходу, и дружно покатили в сторону легендарного заповедника.

Нгоронгоро – реальная модель «затерянного мира» Артура Конан Дойля. Только не на труднодоступном горном выступе, а, наоборот, в громадном кратере давно погасшего вулкана. Среди отвесных стен внизу шла обычная для саванны зоологическая жизнь. Хищники охотились за копытными. Вторые, как могли, спасались от первых. Никто, кроме птиц (в основном санитаров африканских прерий – марабу), не мог ни проникнуть в кратер, ни выбраться оттуда. В ясный день из специально оборудованного павильона с уютным кафе можно часами наблюдать естественную жизнь саванны в этом самом естественном из зоопарков мира. За порядком здесь следил чех Гржимек-старший. Его сын, известный исследователь африканского животного мира, погиб во время аэрофотосъемок над Нгоронгоро. Память об ученом увековечена скромным обелиском с пропеллером того злосчастного самолета.

Лунная сюита

Я вспомнил о Нгоронгоро потому, что почувствовал аналогию между законсервированным во времени фрагментом зоологического мира и малым социумом масаев как сколком Африки первозданной, как остановленных в пространстве времени истоков человеческого бытия и мирочувствования. И эпизод с масаем, встреченным мною в Серенгети, – подтверждение этой мысли. Примерно в тот же период американский этнолог Колин Тернбул в другом регионе Африки – среди влажных тро-

пических лесов бассейна реки Итури, притока Конго, – попал в ситуацию, в принципе аналогичную моей, хотя внешне все выглядело как бы наоборот. Среди черной тропической ночи ученый, мучаясь бессонницей, вышел из палатки подышать свежим воздухом и столкнулся со странным, почти мистическим видением. Вначале ему в глаза бросилось освещенное пятно и какое-то движение в его центре. Приблизился и пригляделся. На залитой призрачным лунным светом редкой поляне посреди громадного тысячелетнего леса самозабвенно танцевал и припевал сам себе одинокий крохотный юноша-пигмей. Его обступили, будто молчаливые великаны, колонны деревьев, почти в сто раз выше самого танцора. Холодно-серебристый лунный свет играл бликами на его матово-коричневой коже. И среди всего этого волшебства – растворившийся в нахлынувших на него чувствах Человек, так удивительно гармонично слившийся с величавой в своей неисчерпаемости Природой, вступивший с ней в доверительный, по-своему интимный диалог, чем-то напоминавший исповедь в храме Вселенной. Будто все это происходило на далекой звезде. Едва оправившись от изумления и выждав паузу, много повидавший на своем веку всемирно известный профессор-африканист робко спросил юношу, почему же он танцует среди ночи один? Ответ поразил маститого ученого ничуть не меньше, чем само необычное зрелище: *«Разве я один? Я ведь танцую с Луной!»*

Оставляя в стороне древнеегипетский культ Солнца, хочу сконцентрировать внимание на романтически-образной стыковке магнетического влияния Луны с определенными проявлениями жизни землян в стихах деревенского паренька, ставшего известным поэтом. Во внешне космических мотивах его рифм пронзительно звучит язычески чистая земная притяженность: *«Звезды белые светятся, словно... поле созревшего хлопка»*. В стихотворении «Танец под Луной» вечная спутница Земли вдохновляет влюбленных. Они чувствуют ее присутствие и благотворное влияние, но танцуют все-таки друг с другом, как бы «при ней», но не с ней, в отличие от юноши-пигмея. Светлое время суток занято у земледельца заботой об урожае, когда приходится смотреть больше на землю, нежели на небо. А когда наступила пора отдыха и расслабления, взошла Луна, спутник веселья. Она солирует в гордом одиночестве на своей небесной поляне под аккомпанемент *дунумбы* – разновидности барабана. Возбуждая и энергетизируя людей, высвечивая серебром замысловатую атрибутику и временную последовательность ритуальных танцев и действий, снимая с психики людей

стрессы дневного зноя, сплывая клан перед лицом нечистых сил, злых духов, наводящих священный ужас демонов, населивших крошечную тьму саванновых пролесков и грозной сельвы – тропических джунглей.

*Дунумба под луной разразился, как гром.
Гаснет эхо в серебряном небе саванн.
Дунумба – это голос во мраке ночном,
в раскаленную кровь проникающий к вам!
Это лунное пламя скользит по траве,
по лиловому мрамору девичьих лиц,
по курчавой по круглой твоей голове –
поднимайся, танцуй, хохочи, веселись!
Дунумба, дунумба набухает во мгле.
Блещут бедра и груди в подлунной пыли.
Две руки – две змеи – припадают к земле
и взывают к ночным небесам от земли.
Дунумба выбивает из бездны веков
эту пыль, и нечистую силу, и страх.
И косматые лица соломенных львов
скалят зубы, качаясь на длинных шестах.
Вдруг кончается танец. Молчит барабан.
Все застыли, приникли к земле.
Тишина. Только в небе, в серебряном небе саванн
одиного и гордо танцует Луна.*

«Ганское» время

Время, наряду с пространством, ключевая координата человеческого бытия. Различные цивилизации по-своему воспринимают, используют, организуют и осознают временные параметры жизнедеятельности. Время, как, скажем, и мутации, радиация, электронные воздействия, непосредственно не воспринимается органами чувств. У человека нет специального «органа времени». Оно абстрактно, в отличие от пространства, и имеет психофизиологическую опору в эволюционно молодом левом полушарии головного мозга – связанном со слухом речевым, мыслительным, оперирующим обобщенными понятиями.

Архаический образ жизни, истоки которого скрыты в таинственных глубинах процесса возникновения человека и человечества, везде и всегда предполагает необходимость решения проблем выживания племени путем организации деятельности людей в пространстве его обитания. Это связано с преимущественной активизацией и опорой на эволюционно более древнее, консервативное и устойчивое, правое полушарие, регулирующее зрительную и образную память, эмоции и фанта-

зии, манипулятивно – конструктивную деятельность и вообще двигательную координацию и активность. Не является исключением из общего правила и африканская цивилизация.

Африканец, не учившийся в Европе и не состоявший на государственной службе, время и сегодня воспринимает под углом зрения достаточно комфортной «вписанности» в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности. Сроки сельскохозяйственных работ в родной деревне регулирует природа, а прием или поиски пищи инициирует голод, мысль об отдыхе – усталость. Нередко в африканских городах можно наблюдать такую сценку. Идет прохожий, потянулся, зевнул (от усталости или жара сморился), выбрал место в теничке, бросил циновку (если она оказалась с собой) или развесил на стоящие рядом стволы деревьев свой походный гамак (его обычно носят при себе бродячие певцы – гриоты), лег и уснул. Проснувшись, свернул свое «ложе» и продолжил прерванный сном путь...

Помню, будучи еще аспирантом, я искренне удивился, прочитав в первом пункте Кодекса бригад социалистического труда одного из крупных государственных предприятий Республики Мали обещание приходить на завод каждый (!) рабочий день и, по возможности, не опаздывать. Между тем для вчерашнего крестьянина-общинника это довольно нелегкая психологическая проблема, связанная с правополушарной ориентацией мозга в условиях традиционной жизни, столь отличных от заводской технологической дисциплины, и преобладанием вместо привычных родственных во многом обезличенных, опосредованно-административных отношений людей друг к другу. Тогда мне не было дано этого понять, но и вычитанная в западных журналах мысль о фатальной лени тропических народов никак не стыковалась ни с моими теоретическими взглядами, ни с небольшим, правда, тогда личным опытом.

На Всемирном социологическом конгрессе в Варне (1970), где я выступил с докладом на африканскую тему, западные коллеги стали подначивать меня различными вариантами самого популярного в те годы «тропического» анекдота. Лежит африканец под пальмой, отдыхает, размышляет, мечтает. Подходит европеец. Спрашивает: «Почему ты лежишь? Полезай на пальму, сорви орехи, отнеси их на рынок, продай. Потом купишь тележку, и прибыль твоя возрастет. Со временем приобретешь грузовичок, наймешь пару-тройку работников. Они будут сры-вать кокосы, возить их на рынок и продавать. А ты будешь ле-

жать под деревом и смотреть в небо!» Ответ гласил: «Зачем? Я ведь и так лежу под красивой пальмой и любуюсь облаками!»

В другом варианте ситуация и начало диалога повторялись, но затем карикатурный африканец перевел разговор в другое русло: «Зачем напрягаться понапрасну? Подует ветер, и орехи попадают сами». – «А если ветра не будет?» – «Значит, неурожай!» О чем это свидетельствует? О непроходимой тупости африканца и заслуживающей восхищения деловой сметке европейца? О том, что безмашинный африканский крестьянин якобы противостоит «предпочитает цивилизацию удовольствий цивилизации потребления»? Отнюдь! Просто логика первоначального накопления и обрамляющие ее «цивилизованные сказки» на сюжет «взял – удачно продал», «купил подешевле – ловко продал гораздо дороже» и т. п. построены на жестком диктате времени и на необходимости во что бы то ни стало обогнать либо оттеснить конкурента, сильно противоречат африканской ментальности, а потому с большим трудом вписываются в обыденную психологию естественного течения времени.

Мой главный козырь в этих дискуссиях был чисто экономическим. В бельгийском журнале «Цивилизация», который чудом оказался в это время в моих руках, содержались конкретные выкладки, согласно которым крестьянин Того, увеличивая вдвое урожай и сбор зерен зеленого кофе, получал за свой труд прибавку всего в 1,5 % по отношению к первой «половине» реализации своих производственных возможностей. Что же касается арахиса, то за идущий на экспорт продукт непосредственно производителю платили в то время всего 3,7 процента его реальной продажной цены.

Кстати, и сегодня многие европейцы, работающие на континенте, сетуют на трудности с соблюдением регламента труда на африканских предприятиях, констатируя неуклонную тенденцию безапелляционного вычитания из официального рабочего времени многочисленных племенных и общинных праздников, семейных и родственных событий. При этом они не вдумываются в глубоко аргументированные логикой иной цивилизации и по-своему мудрые обычаи демонстрации социальной консолидации. Недаром у живущих в поистине нечеловеческих условиях векового мрака и тесноты тропического леса пигмеев – *мбути* – время бодрствования распределяется на две равные части. Одна из них предназначена для «улаживания» отношений с кормилицей-природой (лесом), другая – друг с другом, между собой. Иначе им не выжить!

В обыденном сознании ведущего традиционный образ жизни африканца нет резкой разницы между работой и отдыхом. Ему подчас трудно определить, чем является для него участие в ритуальном мероприятии. По обязательности оно напоминает работу. Вместе с тем это отнюдь не всегда ведет к восстановлению жизненных сил и приносит удовольствие, чтобы считаться полноценным отдыхом. Обыденное, реалистическое мироощущение африканца еще не отслоилось в полной мере, не дистанцировалось в достаточной степени от мифологических, потусторонних образов и представлений. Они как бы поддерживают, подпитывают друг друга, повышая степень ощущения жизненной устойчивости индивида и группы, с которой он себя идентифицирует. В традиционно-архаическом сознании до сих пор нет сколь-нибудь четкого представления о необратимости времени, его разворачивании по оси от прошлого к будущему. Особенно отчетливо это проявляется в мифах и сказках, где события свободно, будто в специфической временной невесомости, перемещаются в обоих направлениях, напоминая пространственные миграции. Но главное действие происходит неизменно на территории, соперничество за которую и ее перераспределение по новому принципу выступает основой фабулы конфликта положительных и отрицательных героев, сил добра и зла.

Но и на уровне бытового менталитета прошлое отнюдь не потеряно для современников. Оно находится с ними в неразрывном единстве. Настоящее может влиять на прошлое, в частности, на благополучие и покой ушедших в небытие поколений путем жертвоприношений, весьма скрупулезного соблюдения длинной череды традиционных обрядов и иных церемоний в их честь. Границы между прошлым и настоящим здесь очень зыбки и условны. Они не только прозрачны, но и проницаемы.

Вместе со своими местными друзьями мне неоднократно доводилось слушать самозабвенное исполнение старинных монотонных баллад и сказаний бродячими поэтами и сказителями, носящими в Западной Африке название *гриотов*. Их особенно много в Мали, Сенегале, Буркина-Фасо, Гамбии, Нигере, расположенных по южной кромке Сахары. Слух европейца фиксирует обычно лишь мелодию и протяжный речитатив. Текст в переводе с бамбара кажется достаточно простым, довольно бесхитростным сказанием о мудрости и мужестве предков. Но для африканца баллада гриота – это действие, переносящее его в «красивое далёко», позволяющее ему воочию

увидеть сквозь задумчиво прикрытые глаза события той поры с отчетливостью их непосредственного участника. По сути дела, для него «побывать» таким образом в прошлом – почти то же самое, что для интеллигентного европейца посетить библиотеку или подключиться к Интернету.

Разброс систем архаического времяисчисления весьма широк. Это может быть простая веревочка с узелками, предназначенными для того, чтобы точно в срок объявить о каком-то конкретном посюстороннем событии, не пропустить праздника или ритуальной «встречи» с душами предков. Еще интереснее – параллельное существование в традиционном календаре малых (иногда четырехдневных) недель, называемых ярмарочными, и больших (нередко восьмидневных) недель, включающих также рабочие дни. Другая шкала – подсчет сухих сезонов (обычно с их помощью фиксируют свой возраст деревенские старики), от которых – всего шаг к понятию календарного года и европейской системе определения времени. К их принятию склонна в первую очередь молодежь, особенно в городах, где есть телевидение, кинотеатры, дискотеки, клубы, кафе, другие увеселительные заведения и мероприятия, функционирующие в ритмах западных стандартов.

И все-таки для подавляющего большинства африканцев восприятие времени менее значимо и менее развито, нежели на удивление великолепная ориентация в пространстве, которую можно без преувеличения назвать прирожденным «чувством местности». Представления же о времени обычно небогаты впечатлениями и ассоциациями, как бы «сплюснены» до подчас элементарного различия того, что было, – «давно», и того, что есть, – «сейчас». Еще сложнее обстоит дело с размытостью границы между «сейчас» и «потом», затрудняющей планирование даже самого ближайшего будущего.

Чего стоит, например, ставший уже притчей во языцех феномен пресловутого «ганского времени»! Выступая дежурным объектом местного юмора, он заключает в себе одну из самых тягостных, подрывающих структуру партнерского общения местных традиций.

Опоздания на несколько часов, а то и дней воспринимаются как вполне естественные, простительные, с улыбкой, скорее добродушной и лукавой, нежели виноватой и извиняющейся. И практически всегда у опоздавшего или пропустившего встречу находится весьма оригинальное, обычно неожиданное для европейца, и вполне убедительное, с точки зрения африканца, объяснение. То, что в школьные годы в устах завуча зву-

чало как «уважительная причина». Но если фантазия неаккуратных школьников и нерадивых студентов вращалась в довольно замкнуто-ограниченном круге типичных псевдопричин (болезнь, транспорт, неинформированность, забывчивость), то этого никак не скажешь об африканцах. Например: крохотная дочь уснула у меня на руках, и жалко было ее перекладывать на «неодушевленную» кровать; я отдыхал, набираясь сил перед долгожданной встречей, и нечаянно задремал; я настолько тщательно готовился к встрече и вчитывался в документы, которые предстояло обсудить, что даже забыл взглянуть на часы. И так до бесконечности...

Один пожилой бизнесмен, в прошлом министр финансов своей страны, обратил мое внимание на то, что когда он отправляется на деловое свидание непосредственно из своего офиса, то безупречно пунктуален. Если же из дома, то непредвиденные задержки почти неизбежны. Скажем, зашел спонтанно кто-то из поистине бесчисленной родни. Не уделить гостю внимания – позор. К тому же ты (то есть я) скоро уедешь в свою Москву, а большущая семья и ее мнение обо мне останутся навсегда, перейдут к детям, внукам. Этим шутить нельзя!

Впрочем, было бы несправедливо данный, с позволения сказать, обычай связывать только с Ганой и средой простых людей. Помню, в рамках конференции ООН в столице Республики Нигер городе Ниамее меня как человека, представлявшего Россию, попросила о встрече делегация Республики Чад. Дата и место встречи были обозначены безукоризненно точно (так, по крайней мере, наивно полагал автор этих строк): вторник, 15 часов, конференц-зал или мой номер гостиницы, где жили все иностранные делегаты... Прошел вторник, миновала среда. В четверг по пути в бассейн (в соответствующей одежде) встречаю чадскую делегацию в протокольных костюмах и галстуках, несмотря на пятидесятиградусную жару. «В чем дело?» – «Но ведь мы договорились о встрече в три часа дня!» – «Правда, уже четверг!» Но во вторник мои партнеры, оказалось, утомились во время поездки по местному участку трассы авторалли «Париж – Дакар», ведущему к одному из объектов обсуждения. В среду было что-то еще. Но уж в четверг, накануне завершения конгресса, они исхитрились выбраться на инициированные ими же переговоры, именно в 15.00. Разумеется, об изменившихся планах никто не позвонил, не известили. Даже извинения по этому поводу гости буквально выдавили из себя, явно следуя скорее европейскому этикету, нежели внутренней потребности.

Важно подчеркнуть, что такого рода эпизоды отнюдь не следует трактовать как акты легкомыслия или пренебрежения, злонамеренные козни, глубокомысленное желание что-то подчеркнуть. В них нет ничего, кроме того, что в них есть. Просто срывает принцип, характерный для иной, по-своему мудрой цивилизации: время для человека, а не человек для времени! Действительно, в условиях небольшой деревни бесхитростная формула встречи «на днях, после обеда» наверняка устроила бы всех потенциальных участников беседы. Здесь же, в пятизвездном отеле, в рамках международного мероприятия, близкий сердцу алгоритм малой родины, впитанный с молоком матери, был с немалым усилием адаптирован к «уставу» другой, по сути дела чужой, хотя и провозглашающей себя универсальной, цивилизации.

Часто оказываясь жертвой этого обычая (кстати, не столь уж отличного от родных российских привычек небрежного отношения к чужому времени: недаром в Малом театре занавес уже 100 лет поднимают ровно на 10 минут позже времени, указанного на афише), я попытался разобраться в ситуации с психологической точки зрения. Вскоре стала выявляться некая хрономаргинальность, своего рода раздвоение времени (недели, дня, вечера) интеллигентного африканца на традиционное и современное, европеизированное, как правило, с заметным психологическим приоритетом первого по отношению ко второму. Беседа в офисе, имеешь дело с партнером, подчас ничем, кроме внешности, не отличающимся от соотечественника в подходах к делу, лексике, стереотипах делового общения. Но, попадая к нему домой, нередко ощущаешь какой-то вневременной синдром «одиночества в толпе», чувствуешь себя неким странником в незнакомой пустыне, воистину затерянным в вяло текущем потоке приходящих и уходящих родственников, соплеменников, земляков, односельчан, ровесников, друзей и знакомых, а то и просто любопытных соседей. Ты непрерывно с кем-то раскланиваешься, кому-то пожимаешь руки, обмениваешься парой-другой любезных фраз и беспрерывно улыбаешься в ответ на непритворный интерес к тебе. Этот калейдоскоп белозубых лиц, непривычных имен, труднодостижимых степеней родства создает совокупный образ определенного слоя данного общества или этноплеменной группы, к которой принадлежит хозяин.

Поначалу купаясь в лучах бескорыстного внимания, вскоре начинаешь ощущать некую формальность происходящего, своего рода скольжение по поверхности процесса общения. Безбрежная приветливость становится безадресной, как у стюардессы

трансконтинентального авиалайнера... И все-таки согласитесь: продиктованные неумолимым обычаем вежливость и внимание к гостю – не пустая трата времени, а выверенная веками житейская мудрость. Ведь превентивное урегулирование межличностных и межобщинных отношений гораздо практичнее, нежели расхлебывание стихийно вспыхнувших либо спровоцированных, навязанных кем-то извне или изнутри конфликтов.

Маргинальность восприятия и использования времени интеллигентными африканцами нередко сочетается с параллельным исполнением социальных функций и некоторых ритуально-протокольных формальностей, взятых из разных актов всемирной пьесы по имени «История». Причем их действие могло протекать на разных континентах. Но в современной Африке они вполне могут встретиться в судьбе, жизни и деятельности одного человека.

Как-то во время моей работы в Замбии членом парламента этой страны была избрана образованная элегантная молодая женщина. Вскоре скоростижно скончался ее дядя по матери, вождь авторитетной этноплеменной группы. Так вот она, унаследовав его титул и «трон», пять дней в неделю жила в европейском ритме парламента. А на период уик-энда облачалась в изысканное традиционное бубу и исполняла нелегкие и весьма отличные от парламентских обязанностей функции племенного вождя, тем более что депутатом она была избрана по своему родному избирательному округу.

Словом, подобно моему давнему знакомому, экс-министру правительства Ганы, она, да и многие другие образованные африканцы, как бы раздваивает личное время. На *прошлом, традиционном, виртуальном и ритуальном, ориентированном на процесс деятельности* в роли вождя племени. И на *современное, вестернизированное, символическое, астрономическое, ориентированное на результат деятельности*, нацеленное на новаторство, устремленное в будущее, связанное с планированием и активностью в достижении поставленных задач в качестве государственного деятеля. Такая «двойная жизнь» представляется социально-психологическим аналогом элементарных частиц с периодически меняющимся направлением времени, несущих в себе виртуальную возможность двух его не просто скоростей, но и векторов. Во всяком случае, эта модель очень напоминает маргинальную хронопсихологию африканского интеллигента, функционирующего в двух временных измерениях и эпохах сразу или попеременно.

Епрочем, Карл Юнг пришел к выводу, что не только в морфологии, но и в психике под черепом наикультурнейшего человека дремлет целая череда первобытных предков, в принципе всегда готовых «ожить» и как-то заявить о себе во внезапно возникающих экстремально-стрессовых ситуациях. Новейшие достижения в исследовании головного мозга подтверждают эту гипотезу. В традиционном сленге будущее время нередко интерпретируется в терминах, строго говоря, пространственных. Например, масай, имея в виду нечто, еще не состоявшееся, но достаточно достоверно предстоящее, говорит ребенку: *«Давай посмотрим, что за углом, малыш!»*, хотя ни в саванне, ни в масайском варианте хижины – круглом (вроде чукотского чума) краале углов как таковых просто-напросто нет.

Глубоко образованный Гауссу Диавара, будучи народным поэтом, также связывает традиционные представления о времени с эмпирически более доступными органам чувств образами из сферы пространства и движением тел и предметов «внутри» последнего. Такая конкретизация, выражая конструктивную идею единства мироздания, как бы потакает архаическому вне-временью. Вместе с тем она перебрасывает столь важный для житейского мировосприятия его соотечественников и достаточно простой в психологическом плане мостик к адекватному восприятию того, что еще не произошло, но рождение чего зависит не только от предков и их духов, но и от нас самих. Метафорически рассматривая время как нечто, устремленное вверх, поэт с позиций сегодняшнего дня различает прошлое и предстоящее в рамках доступных обыденному сознанию понятиях «низа» и «верха» по отношению к движению от первого ко второму. Тем самым он интуитивно тонко и выверенно разрушает образ «стоячей воды», монотонно-однообразного круговорота занятых стереотипной деятельностью поколений, архаического аналога гегелевской «дурной бесконечности». Диавара видел и знает другую жизнь в различных ее ипостасях. И, обращаясь к читателям, метафорически зовет их в будущее, отличное от прошлого, но генетически связанное с ним и более того – как бы выросшее на его «плечах» в процессе драматических перемен растянувшегося во времени настоящего. Стихотворение, которое я имею в виду, так и называется: «Видение Будущего»:

*Вижу сегодняшний день – восхождение на неприступный отрог.
Прошлое – тень, облака и туманы, что проплывают у ног.
Завтрашний день – горизонт безграничный наших саванн
и морей,
горный орел, пролетающий в небе над головою моей!*

В поэме «Образы народа» поэт, понимая, что «Африка в будущем – это творенье наших собственных рук», мечтательно планируют ее будущий лик:

*Там, где стояли непроходимые джунгли,
мы воздвигнем улицы новых поселков,
школы, заводы, сады и детские ясли.
Там, где сегодня безводная стонет саванна,
мы создадим оазисы, полные тени и влаги.
По орошенным равнинам, где вырастут сочные травы,
двинутся новые наши стада
под музыку старых пастушьих рожков.
Мы поставим плотины на реках, на шумных крутых водопадах.
Как в Асуане на Ниле, так и у нас на Нигере,
на Конго, на Сенегале, на Вольте
мы заставим вращаться турбины.
Нам природа откроет свои сокровенные тайны.
Объединенные нашим обугленным прошлым,
кровью бесчисленных жертв, что пролита не напрасно,
мы построим грядущую Африку –
колыбель возрожденных племен, наш континент,
чи горизонты расцвечены красками зрелой мечты!*

Когда я встречаюсь с эмоционально-трепетным, тронутым сединой Гауссу, его «русской женой», литовкой Викторией, мы подолгу сидим в уютной беседке во дворе его домика. И опять поэта уносят вдаль мечты. Кстати, немало из того, о чем говорилось в стихах юного студента Литературного института, осуществляется на его глазах. Но многое, еще очень многое – впереди. И потому тема времени и будущего, уважения к славному прошлому и необходимости переустройства жизни своими руками, опираясь на опыт других народов и интеллектуальное, доверительное, эффективное, деловое сотрудничество с Россией, – важная доминанта его творчества. Своим поэтическим талантом и гражданским авторитетом он продолжает служить своему народу, тактично и мягко воздействуя на традиционные представления о времени и отношении к нему населения Мали и сопредельных стран, где его также читают и любят.

Лучшая новость – отсутствие новостей

Неоднократно беседуя с интеллигентными африканцами, я постепенно приходил к выводу, что одним из факторов недооценки перспектив будущего был связанный с ним риск нового, непредсказуемого (покаловишь журавля в небе, можно остаться

без синицы в руке). Этому способствовала специальным образом организованная «информационная переработка» прошлого в сторону искусственной героизации и его как такового, и действующих в лоне того времени лиц. Загадка – в другом! Почему абсолютно все предки оказывались неизменно мудрыми и самоотверженными, великими и величественными, добрыми и заботливыми? Неужели среди них не попадались (хотя бы исходя из теории вероятности) дураки, дебилы, трусы, жадные, жестокие и, наконец, просто люди, принимавшие ошибочные, пагубные для остальных решения?

Эти мысли десятилетиями, как назойливые мухи цеце в знойный день, мешали адекватно воспринимать традиционные исторические хроники. Что-то в них всегда было не то или не так. Какое-то явно приглаженное и припудренное прошлое с идеализированными действующими персонажами, подчас могущими состязаться в благородстве, бескорыстии и всеисилии с богами. Но кто же в древности и как начал осуществлять эту первобытную цензуру? Откуда, как и почему она вообще появилась? И вот я получил в подарок исторический роман «Победитель чанков», принадлежащий перу молодой писательницы Анастасии Эспинель Суарес. И хотя действие книги происходит в Андах эпохи империи инков, мне стали яснее африканские сюжеты.

Герой произведения – храбрый воин и юный правдолюбец, воспитанный в изгнании, среди простых пастухов. Выясняя причину столь ожесточенного нападения на столицу инков Куско, некогда покоренной его прославленным дедом, он вдруг узнает от поверженных, раненых и уже обезоруженных врагов, что их предки завещали достойно отомстить за неимоверную даже по тем суровым временам жестокость инкских полководцев. Тогда любознательный юноша обращается за разъяснениями к очевидцам и участникам того, былого завоевания. Они нехотя подтверждают показания пленных. Естественно, возникает вопрос: почему устные исторические хроники дают совсем иную фабулу конфликта и картину событий?

«– Так значит, в рассказах пленных чанков больше правды, чем в речах самого честного из наших амаут? – лукаво улыбнулся Пачакутек. – Значит, воины Явара Уакака и в самом деле были так свирепы, как рассказывают о них чанкские предания?»

– Дело не в свирепости кусканцев, а в том, что Инка Явар Уакак не выносил ни малейшего сопротивления – ни в битве с врагом, ни в спорах с друзьями. Временами его охватывала такая дикая слепая ярость, что он все крушил и ломал на своем

пути, но ведь придворные запоминальщики обязаны помнить только добрые дела Сапа-Инки...

– А чанки? – почти шепотом спросил потрясенный Пачакутек.

– Эти люди пумы сумели доказать, что именуют себя так не из пустого бахвальства. Они не покорились пришельцам и, конечно, вызвали бешеный гнев Явара Уакака. После его нашествия все марки Анта-Вальвы лежали в руинах, некогда прекрасная страна обезлюдела, и целые стаи кондоров кружили над усеянной трупами долиной»¹.

Словом, бесписьменным коллегам воспетого Пушкиным монастырского старца-летописца Пимена было легче, сподручней и безопасней корректировать историческое время царств и побед, в угоду жестоким правителям наделять их – под угрозой впасть в немилость, от чего до расправы было рукой подать, – исключительно положительными, благородными, богоподобными чертами. Вторым фактором почти патологической боязни перемен была реальная деструктивность подавляющего большинства экзогенных воздействий на естественное развитие различных очагов самобытной африканской цивилизации. Потому даже назревшие перемены, которых, буквально вопия, требовало время или неожиданно сложившаяся нештатная ситуация, могли реально осуществиться только путем тщательной маскировки под соответствующим образом интерпретированные «заветы предков». В противном случае правитель подлежал всеобщему осуждению и процедуре вполне законного отстранения от трона за попытку изменить традиционный уклад жизни либо пренебречь мнением совета придворной знати и старейшин. Устойчивый комплекс осторожности по отношению к пока не свершившемуся, а потому еще неизвестному будущему, инстинктивная боязнь изменений, которые оно может с собой принести, подпитываются интуитивным ощущением тупикового развития и неизбежного коллапса нынешней вестерн-цивилизации. Как бы не оказаться в кювете Истории вместе с ней!

В такой ситуации для африканца, погруженного в традиционный образ жизни, ограниченный, но надежный, лучшей новостью вполне может оказаться отсутствие новостей. Это резко отличается от евро-американской оценки времени, связанной со степенью насыщенности того или иного астрономического периода событиями, действиями, переживаниями, успехами и прибы-

¹ Суарес Анастасия Эспинель. Победитель чанков. Исторический роман. Ашгабат: Ылым, 1995. С. 185.

лю. Характерный штрих: американец и европеец обычно осведомляются при встрече: «Как дела? Ты – в порядке? Что нового?» Африканец интересуется, по сути дела, тем же, но в совершенно иной нюансировке: «Все хорошо? Все по-прежнему?»

Тенденцию африканского духа к стабильности, равновесности, балансу всех сторон бытия очень образно выразил через понятие *туду* известный мальгашский философ и политический деятель (в то время председатель Национальной ассамблеи и мэр столицы) профессор Ришар Андриаманзату. По его авторитетному мнению, в этом несущемся с сумасшедшей скоростью и уже потерявшем эффективное самоуправление мире нет ничего надежнее и практичнее, нежели следовать выверенным временем маршрутам поведения мудрых предков. Недаром их старательно вырезанные из дерева фигурки (нечто подобное – изображение лика усопших в дереве – я встречал, правда, и на литовских хуторах) обычно по периметру украшают специальное ритуальное возвышение над каждым семейным склепом.

Тем более что все в мире возвращается в конце концов на круги своя. И традиционные народные этические ценности, моральные принципы фукунулуны, древние эстетические представления и даже вековые, замшелые, языческие обычаи, казалось бы безжалостно девальвированные тлетворным влиянием грубо-ковбойской вестернизации, будто всплывают из глубин прошлого, чтобы вновь и вновь демонстрировать свою непреходящую жизненную ценность, гуманизм и человеколюбие, неизменную ориентацию на баланс интересов и консенсус как старинную форму превентивного предотвращения конфликтов среди «своих» и с окружающей природой.

Будучи пастором и поклонником великого католического ученого – аббата, археолога и философа Тейяра де Шардена, одного из создателей концепции ноосферы, автора всемирно известной книги «Феномен человека», – Ришар Андриаманзату полагает, что главная задача человека и человечества не нарушить, не дай Бог, хрупкую равновесность Универсума – Вселенной как божественного творения. Такая беда, в результате неосмотрительности, неосторожности и тем более умысла, неминуемо скажется не только на самом нарушителе, но и на его близких, потомках и предках, чуть ли не на всем человечестве и всей живой природе¹.

¹ См.: *Andriamanjato R. Le Taïny et le Tudu dans le pensée malgache. Antananarivo, 1982. P. 83.*

Что-то созвучное древнейшим пластам буддизма и еще более глубинным тотемическим представлениям первопредка, буквально слитого с мировым Порядком, фундаментом и хозяйкой которого является Природа. А человек – лишь гость в ее доме, в лучшем случае – актер в любительской пьесе с себе подобными, которая разыгрывается на фоне естественных декораций, априорно нуждающихся в безупречно бережном отношении к себе. Такова специфическая логика адекватной адаптации к Природе и миропорядку, созданному, выверенному и завещанному мудростью предков, в принципе исключаящая ориентацию на активность и тем более конфликтность по отношению к ним. Прометей и Адам с Евой, согласно такой концепции, – в одинаковой мере отступники и даже преступники-воры, поделом наказанные Судьбой.

Беседуя с пастором Ришаром, я долго и мучительно силился добраться сквозь дебри благочестивых христианских поучений до того, что лежит под покровом католических догм, на психологическом «дне» традиционной мальгашской этики покоя, созерцательности, отстраненности от проблем и противоречий реальной жизни, невмешательства в естественный ход событий. Ведь это так контрастирует с некогда бурным европейским темпераментом эпохи Ренессанса и пассионарностью, открытой Львом Николаевичем Гумилевым, а также с активной политической деятельностью моего собеседника и автора книги, суть которой вместе с собственными ассоциациями я вновь пытаюсь уяснить и прояснить для себя, на этот раз вместе с читателем.

К чему же я прихожу?

Во-первых, сохранение гомеостаза, status quo, незыблемости веками апробированного порядка вещей, обычаев и заветов имеет функцию прежде всего предохранительную. Как бы чего не вышло?! Чеховский Беликов, «человек в футляре». Только из другой эпохи. Гарант тянущихся из глубин истории представлений о мире и жестких норм отношения к нему. Что-бы не задеть, не дай Бог, нечаянно, а тем более по злому умыслу (в духе героев древнегреческих трагедий, бросающих вызов богам, а потом караемых свыше) что-то сокровенное, заветное, запретное, таинственное, лучше и надежнее всякого замка «запертое» на безоговорочно неумолимое табу.

Представляя себе психику индивида в традиционном обществе, отчетливо вижу ее интригующую амбивалентность. Крохотный пигмей с ножом, который он как-то выменял за три лукошка меда диких пчел у высокорослых соседей банту, а за неимением его с заостренной костью или остро сколотым

камнем, предварительно намазавшись свежим пометом слона, мужественно подкрадывается с подветренной стороны к гиганту джунглей, чтобы перерезать сухожилия его ног. Изящный майсай с небольшим ассегаем ищет встречи с хозяином саванны львом и радостно бросается в рукопашное единоборство с ним. И вместе с тем во всем, что касается потусторонних дел, эти отчаянные храбрецы (кстати, сами себя они таковыми вовсе не считают) в буквальном смысле до смерти боятся дурных примет, колдовских чар и нарушения табу.

Когда-то, будучи студентом, я купил у букиниста книгу доктора Бутце «В сумерках тропического леса». Событие, которое меня потрясло так, что помню о нем до сих пор, случилось прямо на глазах немецких ученых где-то в Лесной Гвинее. Члены экспедиции из самых добрых побуждений угостили местного подростка гречневой кашей, которая осталась после ужина. Паренок с удовольствием расправился с ней и был вполне доволен жизнью. Пока не узнал, что прежде в этом именно горшке хранили бананы – табу для его племенной группы. Шок был настолько велик, что, несмотря на все старания врача и ученых, мальчик в страшных муках скончался у них на руках.

Обладая чрезвычайно лабильной психикой перед лицом Неизвестности, не оторвавшийся окончательно от первобытности человек, естественно, испытывает робость перед всем новым и неуверенность в позитивных результатах новаторства из-за неопределенности результатов и непредсказуемости затрагиваемой при этом цепочки связей Универсума. Что-то вроде опасения феномена больших (подчас лавинообразных) следствий исходно малых причин (от слова «причинять»). И вызывает ассоциацию с сюжетом одной из шотландских баллад, популярной у нас благодаря удачному переводу Самуила Маршака. Вы наверняка помните ее знаменитый рефрен: «Потому что в кузнице не было гвоздя!» Из-за такого пустяка случилось немало неприятностей. Например, пало вполне крепкое царство. Другой аспект «пралогического мышления» человека, живущего в условиях и ритмике первичного социума, – явное преобладание логики совпадений над присущим евро-американской культуре принципом естественнонаучной казуальности (причинности). В любой случайности он видит чью-то волю, промысел или умысел. Отсюда – крайняя консервативность, стремление делать то, что делали до него, не особенно задаваясь вопросом: «Зачем?» В такой ситуации любая инициатива может оказаться наказуемой. Юнг описал в Восточной Африке простой, но весьма колоритный сюжет. Некий миссионер соорудил

перед своим домом флагшток, чтобы по случаю праздника водрузить на нем британский флаг. Далее мне трудно удержаться от того, чтобы процитировать знаменитого психолога: *«Эта невинная затея могла обойтись ему очень дорого, так как некоторое время спустя после его крамольного поступка разразилась опустошительная буря, которая, разумеется, была соотнесена с флагштоком»*. Поэтому всякое новаторство следует тщательным образом закрепить мощным якорем традиций, выявить в нем тенденцию «возвращения славного прошлого», нечто вроде гегелевского закона отрицания отрицания, только «опрокинутого» назад, к былому, которое, преодолевая нынешнее смутное время, необходимо воссоздать и сохранить на будущее.

Когда на Мадагаскаре была провозглашена социалистическая ориентация развития, суть последней понималась руководителями страны и тем более простыми людьми (в чем у меня была возможность убедиться самому) не иначе как восстановление и оживление поруганной колонизаторами местной общины – фукунулуны, оплота традиций и духовности малагасийского этноса. На первый взгляд формула **«будущее – в прошлом»**, преобразованном с учетом позитивных достижений человечества, весьма удачно схватывала связь времен на историческом перекрестке, где волею судеб оказался крупнейший из населенных островов планеты – романтический и благоухающий Мадагаскар.

В обыденной жизни связь и круговорот времен малагасиец видит в том, что ныне живущие, оказывая почести и жертвоприношения (разумеется, не человеческие) умершим, способствуют их благополучию в мире том. В свою очередь, прозорливые и благодарные предки при необходимости обязательно придут, обычно по зову колдуна, с советом и помощью не только к нынешнему поколению, но и к тем, кто еще не родился. Мало того, предки не сбрасывают со своих плеч и другие проблемы, стоящие или встающие перед потомками всех колен, включая заботу о сохранении для них флоры и фауны, миропредставлений и ритуалов. Ибо только все вместе они владеют богатствами и решают проблемы родной земли, а потому сама мысль о возможности ее раздела и приватизации – кощунственна. Иное дело – быть собственником кустов и деревьев, растущих на общей земле: ведь в их выращивание и уход за ними вложен труд конкретных индивидов и семей. К тому же они не вечны, со временем уходят, как и люди, в отличие от неподвластной времени традиционной собственности на землю.

Здесь вспоминается очень показательный эпизод. Известный золотопромышленник-россиянин решил развернуть бизнес в Южной Америке. Следуя так называемому международному (на деле европейскому) менталитету и праву, он оформил долгосрочную аренду территории в центральных органах власти. Но индейцы считали землю исконно своей. Когда на ней появились чужие люди, не соизволившие нанести визитов вежливости касикам (вождям) с разъяснением цели своей деятельности, индейские снайперы обрушили на пришельцев град стрел, стараясь при этом никого не задеть. Однако россияне, не поняв достаточно прозрачного намека и не желая вдаваться в тонкости дикарской этики, обратились в полицию и суд. Одновременно они начали строительство дороги к будущему прииску. Днем провели расчистку просеки, а ночью индейцы высадили на месте будущей дороги саженцы бананов. Утром бульдозеристы по команде своего начальства срезали их ножами своих машин. И тогда аборигены подали в суд гораздо более обоснованный встречный иск, ибо собственность на землю, распоряжение которой формально может принадлежать государству, принципиально отличается от собственности на деревья и кустарники, регулируемой частным вещным правом. Запутанность ситуации спровоцировала россиян на эксцессы, в конце концов вынудившие их бежать из страны, бросив технику и надежды на «цивилизованный» бизнес в диких краях. Аборигены переиграли европейских юристов по всем статьям, а к этнологам глава фирмы обратился лишь по завершении инцидента, желая получить сочувствие в осуждении «беспросветных» дикарей.

Иногда ностальгия по прошлому, тенденция «оглядки назад», на уже знакомое или еще привычное, пока что не изгладившееся в памяти ныне живущих поколений, принимает остро сюжетную драматическую форму столкновения и своего рода конкуренции двух «прошлых»: совсем близкого, буквально вчерашнего, и относительно отдаленного, как бы позавчерашнего. Вряд ли вне связи с характером африканского менталитета может быть адекватно объяснен довольно типичный для континента феномен конституционного возвращения на свой прежний пост президента, всего пять лет назад отвергнутого при голосовании собственным народом, а затем вновь затребованного им же. Так произошло на Мадагаскаре с Дидье Рациракой (впоследствии свергнутым народом) и Метье Кереку в Бенине. Под этим углом зрения обвальное свержение Мобуту в Заире выглядит как реализованная память о светлом образе

бескорыстного и страстно любившего свой народ, выходцем из низов которого он был, незабвенного Патриса Лумумбы.

Впрочем, логика возврата к «источнику предков» не является панацеей от всех возможных конфликтов. Мир слишком переменялся. Поэтому фаталистическое цепляние за традиции ради сомнительного по большому счету комфорта исторически затвердевшей ментальности отнюдь не однозначно выступает фундаментом социальной стабильности, как в далекие времена. Напротив, оно может стать почвой регрессивных процессов, а подчас и кровавых столкновений между сторонниками «разного» прошлого. Историческое время трудно, болезненно и очень рискованно поворачивать назад. Стрелки Часов Истории могут не выдержать таких волюнтаристских метаморфоз, сломаться и ввергнуть целые народы, страны и регионы в пучину кроваво-трагического безвременья. Недаром в обыденном сознании африканца до сих пор превалирует модель баланса, равновесия, согласия.

Безвременно ушедшая из жизни, талантливая и обаятельная Ирина Синицына справедливо обратила внимание на защиту обычным правом природы, в частности бережного отношения к животным, как к домашним (за жестокое отношение к ним владелец получал от нарушителя крупную компенсацию, а вождь солидную сумму штрафа), так и к диким. Надзор за фауной осуществляется в традиционных обществах Африки специально выделенными для этого людьми. На них возложена функция сбережения природы от возможных негативных воздействий в течение всего времени жизни данного поколения. Смысл самоотверженной деятельности этих первых в истории человечества профессиональных «зеленых», покрытой пеленой символов и ритуалов, реально состоял в том, чтобы в максимально неизменном виде передать благодарным потомкам экологическое наследие, оставленное трудолюбивыми, заботливыми, почитавшими природу предками. Аналогичным было отношение к тотемным породам лесных деревьев у древних германцев, сохраненное их жрецами-друидами. Не вызванное крайней необходимостью сдирание коры с таких деревьев приравнивалось к покушению на жизнь человека и нередко каралось, исходя из этого критерия.

Иными словами, в Тропической Африке для сотен миллионов людей сегодня новации не столько притягательны, сколько нежелательны. Они отпугивают, ибо неизбежно предполагают риск нарушения заведенного мудрыми предками «нормального» порядка вещей. Только с позиций тянущегося из глубин

истории африканского менталитета понятен так называемый танзанийский прецедент. На всенародных выборах кандидаты, обещавшие избирателям изменения, направленные на улучшение их жизни, неизменно проваливались. Напротив, депутатами становились защитники традиций предков, консерваторы. Во многом по аналогичной причине отложенный спрос и отсроченное потребление, предоплата и хранение продуктов на условиях консигнации, кредитование, дача в долг и жизнь займы, столь типичные для Запада, почти неизвестны Африке. По крайней мере, за пределами городов, в основном столичных и портовых.

Африканское «прочтение» Декарта

Специфическая слитность времени африканца с процессом непосредственного общения буквально поражает. Мои впечатления по данному поводу сводятся к перефразированному афоризму Декарта: «Я общаюсь, следовательно, я существую» (для своего партнера, по крайней мере). Но вот я ушел, уехал, улетел, перестал быть чувственно воспринимаемым. Мой образ постепенно (и довольно быстро) вытесняют другие, более яркие, свежие, актуальные эмоциональные впечатления. Правое полушарие – арена пиршества чувств. Факсы, телефонные разговоры через тысячи километров до неузнаваемости искаженным голосом – это европейский суррогат истинного общения, лишь смутное воспоминание о совместно задуманном, бледная тень моего совсем недавно столь эмоционального образа. А какие дела можно всерьез обсуждать с «тенью»? И вот спустя сколько-то дней, недель, месяцев я появляюсь вновь. Сколько истинной, неподдельной радости и жажды совместной деятельности! Все вновь приходит в движение, как правило, с той самой точки, на которой оно остановилось в момент нашего расставания.

...Шли годы, менялись страны, города, партнеры. Но этот суровый алгоритм действовал с неумолимостью закона всемирного тяготения. Может быть, потому что при непосредственном и неформальном общении восприятие времени отходит на задний план, забывается эмоциями? И вообще доминантное в африканской цивилизации правое полушарие задействовано при этом в гораздо большей степени, нежели при телефонном разговоре и, уж конечно, при чтении плохо пропечатанного факсимильного сообщения.

Представителю промышленного Запада провинциальный африканский мир «без времени» кажется неправдоподобным, как бы вызываяще подчеркивающим противоположность традиционного и современного социумов, причем отнюдь не во всем в пользу последнего. Проблема психологического освоения времени вовсе не так проста, какой кажется на первый взгляд. Ведь если в индустриальном обществе даже дети умеют обращаться с часами и рано различают разные отрезки времени, а ритм жизни нашего вечно спешащего общества требует от бизнесменов, чиновников и многих других категорий населения скрупулезно расписанного плана на каждый день, то в Тропической Африке – картина совершенно иная. Там даже некоторые президенты (например, ныне покойный лидер Буркина-Фасо капитан Томас Санкара) позволяют себе демонстративно отвергать ношение наручных часов. Более того, дарить часы в странах Тропической Африки – дело тонкое, деликатное и нередко эмоционально рискованное, а в ряде случаев даже – откровенно неприличное.

Объяснение может показаться европейцу абсурдным, юмористическим и даже мистическим. Для африканца же оно естественно, как все, что находится в привычном ему круге миропредставлений. Его логика может быть примерно такой: как это чужой «неживой» предмет будет регулировать естественный ритм жизни вольного человека? Указывать ему, когда и что делать, контролировать, регламентировать извне, не будучи ни вождем, ни старшим родственником, по сути дела не кем-то, а чем-то? Вдобавок к непрерывному тиканью необходимо следить, чтобы часы не стали (заводить, менять батарейку). Ведь они и так могут раздражать уже тем, что прямо или косвенно заставляют сосредоточиться на чем-то, обычно малопривлекательном, тягучем и тягостном, из «новых» видов деятельности, например, абстрактно-логической, коммерческой, административной и т. д.

Однажды я неосмотрительно подарил командирские (модные тогда у нас) часы, предназначенные десанникам, этническому «королю» региона Сомания в Гане. Тактичный хозяин, чувствуя мою искренность, виду не подал, держался спокойно, как бы демонстрируя вежливое равнодушие и снисходительную терпимость к нелепому сувениру. Обидевшийся на меня карлик (при входе он предложил помочь мне донести до хижины-резиденции мой кейс, а на мою реплику насчет его тяжести гордо заявил, что он сильный), расположившийся на маленьком раскладном стульчике у ног своего повелителя, ехидно улыбнулся. Жены «короля», сидевшие за его спиной, рассеянно смотрели по сторонам, буд-

то избегая заглянуть в коробочку, хотя любопытство явно не было им чуждо. И лишь «спикер» с посохом черного дерева, увенчанным литой из чистого золота фигуркой крокодила, вежливо и чисто метафорически выразил от имени вождя и всех присутствующих общее недоумение весьма косвенным, казалось бы весьма далеким от характера возникшей ситуации, вопросом: *«Почему уважение к королю гость не выразил преподнесением ему парашюта, изображенного на циферблате?»*

Смягчить такого рода неловкость может, правда, позолоченный корпус часов. Но в таком случае подарком становится, по сути дела, красивая, блестящая на ярком экваториальном солнце вещь, эстетическая ценность которой совершенно явно забывает функциональную предназначенность хронометра. Когда-то цыганские бароны в российской глубинке любили щеголять изысканными карманными часами «без требухи» как модной принадлежностью к традиционной жилетке. Ведь спешить им, цыганам, как и сегодня многим нашим современникам-африканцам, было некуда, да и незачем. Дух вольности и ветер свободы, будучи даже кажущимися, несовместимы с любой регламентацией и властью, в том числе диктатом времени, ассоциируемым с часами.

Как-то на знаменитом «деревянном» рынке Маколо в центре Аккры местные лоточники и коробейники сдали полиции, которую они, как все полукриминальные торговцы мира, мягко говоря, недолюбливают, русского парня из Челябинской области. За что такое негостеприимство? Отнюдь не из соображений конкуренции: наш земляк не знал ни местных обычаев, ни языка, путался с затертым разговорником, выглядел отчаявшимся и растерянным одновременно, а потому соперничать с людьми, для которых именно этот рынок был важнейшей составной частью их жизни, естественно, не мог и на это не претендовал. Его арестовали за нарушение инвестиционного кодекса. Он запрещает иностранцам четыре вида деятельности: торговлю с лотка (мелкую розницу), содержание «салонов красоты» (иногда это всего лишь зеркало, прикрепленное к стволу баобаба, да табуретка в тени его ветвей и разложенные прямо на траве нехитрые инструменты бойких коллег неунывающего Фигаро), изготовление строительных блоков и извоз при наличии менее десяти автомобилей.

Но кто же на рынке ориентируется на законы, принимаемые в недалеком расположенном здании парламента людьми, которые никогда или, по крайней мере, очень давно на рынке не бывали, разве что сопровождая иностранных друзей, когда сами, как ино-

земцы, плят глаза на лотки и лавки, будто в зоопарке? Дело в том, что уралец торговал часами, предметами, в которых был заключен некий двойственный для традиционного сознания смысл. Вещь должна служить человеку – своему хозяину, а эта пытается ему диктовать, указывать, что и когда надо делать. А надо ли вообще по ее указке что-то делать? Желтые часы с вделанными в корпус цветными стеклышками раскупили мигом сами завсегдатаи рынка по дешевке, пока парень еще не адаптировался к логике местного базара. А когда остались часы только в белом корпусе, кликнули стражей порядка. Украшение – это одно. Часы – нечто другое. И земляк оказался в полицейском участке. Там он и рассказал пришедшему на выручку соотечественнику свою историю. Часовой завод, где он работает, искал рынки сбыта своей продукции. Кто-то надоумил «прощупать» Африку. Энергичному молодому человеку в складчину купили аэрофлотовский билет в оба конца и дали с собой мешок часов, выданных его сотоварищам в виде зарплаты. Мол, там продашь, и кров найдешь, и пищу, да еще впечатлений и жизненного опыта наберешься.

История завершилась без особых потерь. Денег было немного, ну а кому на Урале нужны эlegantные местные седи?! Только нумизматам, а во взбудораженном перестройкой Челябинске их не осталось. Зато впечатлений действительно мало не показалось, но никто (да и я сам) тогда не понял, что многое в этом эпизоде было связано не с самой «нелегальной» торговлей (почти все моряки, включая наших, этим грешат), а с ее столь специфическим предметом, каким до сих пор считаются в традиционном обществе часы!

Поговорка «на Востоке не торопятся» и чисто дружески обращенный к европейцам совет «Не суетись!» скорее фиксируют ситуацию, нежели объясняют ее. Так что для большей части населения Тропической Африки время еще не обладает особой значимостью. Оно попросту не ценится, как в странах западной цивилизации. Ни свое, ни чужое. Оно еще не связано напрямую с деньгами, прибылью. Скорее, используется как плата за удовольствие общения с приятным человеком и комфортное пребывание в хорошем месте, за удовлетворенность исполнением предписанных традиций, обычаев, за возрастание престижа среди своих – родственников, соплеменников, сослуживцев, за любование природой и другими людьми. Счета времени практически не ведется. По отношению к нему как к безразмерному, неисчерпаемому, находящемуся всегда под рукой в нужном количестве, действует логика присваивающего хозяйства, присущего природным цивилизациям.

Конечно, ситуация не останется неизменной. Сдвиг наметился, и он необратим. Но он и не фатален в смысле неизбежного повторения вестерн-варианта цивилизационного развития, ведущего в один из тупиков социальной эволюции. Современная идея времени в перспективе связана не столько с миром вещей и денег, сколько с миром человека и его творческой деятельностью. Последняя обусловлена не только внешними по отношению к индивиду (экономическими, политическими, социальными, экологическими и прочими) обстоятельствами, но и его внутренним миром, включая активизацию различных разделов такого универсального и уникального творения природы, каким является человеческий мозг.

ГЕНЕЗИС ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ: АФРИКАНСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Проблема пространства и времени в эпоху глобализации и невиданного ускорения социального и интеллектуального развития человечества перестает быть монополией астрофизиков. В рамках теории относительности выкристаллизовывается ее гуманитарный аспект. На стыке философии и физики, биологии и антропологии, этологии и психологии, этнологии и права, истории и социологии рождается новое видение фундаментальных параметров жизни человека и общественного устройства. В частности, философская антропология позволяет вплотную подойти к выявлению роли и значения пространственно-временных представлений как естественно-биологических предпосылок ключевых социальных институтов собственности и власти.

Исследования последних лет дают все больше подтверждений тому, что фундаментальным свойством нервно-психической деятельности является ее пространственно-временная ориентация, адекватная физической картине окружающего мира. Поэтому распределение функций между полушариями в процессе генезиса церебральной дихотомии головного мозга опосредуется через пространственно-временные факторы¹, а палеоантропология гармонично стыкуется с этнологией народов, сохраняющих традиционный образ жизни².

¹ См.: Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., 1981.

² См.: Андреев И.Л. Взаимосвязь пространственно-временных отношений с генезисом отношений собственности и власти // Вестник РАН. 2005. № 3, а также: Андреев А.И. Человек как предмет современной науки // Вестник РАН. 2006. № 2; Он же: Эволюционные истоки отношений собственности и власти // Государственная служба. 2005. № 6.

Наблюдения автора в процессе научной работы в 15 африканских странах приводят к мысли, что генезис пространственных представлений исходно связан с восприятием водных поверхностей как зримой природной двухмерности, достаточно стабильной в своих очертаниях и выступающей неперенным условием любых форм биологической жизни. Вместе с тем вода выступает наиболее зримым фактором демаркации пространства и его специфической формой, а тянувшийся из недр зоологического прошлого «образ» воды ассоциируется с устойчивостью, константностью мироздания, женским началом, дарующим жизнь всему существу.

Напротив, толчок к улавливанию и последующему закреплению в лабильной психике наших эволюционных предков временных ритмов, циклов и иных параметров окружающего мира и собственной жизнедеятельности дал огонь. Трепетно-нервное, притягательно-изменчивое, волнующе-динамичное пламя костра околдовывало их. Животные бежали от огня. Пращур его приручил. Но огонь, будучи источником повышенной опасности, не только даровал свет и тепло, но и диктовал определенный ритм совместной и наперед рассчитанной деятельности по его поддержанию. Не исключено, что именно огонь пробудил новый статус левого полушария, генетические предпосылки которого были заданы феноменом, аналогичным синдрому Бьюси-Клювера¹. Характерно, что *мифы об огне гораздо моложе, нежели мифы о воде*, причем сам огонь неизменно соотносится с образом мужчины.

Ящик без стенок

(Эволюция восприятия и демаркации пространства)

Более древнее в эволюционном смысле правое полушарие отражает и регулирует пространственные взаимосвязи и отношения, в которых поначалу утопает слабо и смутно дифференцированное соотношение процессов и их стадий в синхронно-асинхронном и причинно-следственном аспектах. Таким представляется пространство многим из африканцев. «Дном» его зримо выступает земная поверхность и ее рельеф, «крышей» – небо и бесконечный космос, а невидимыми и в принципе раз-

¹ См.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. М., 1968. С. 598–599, а также: *Андреев И.Л.* Происхождение человека и общества. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Мысль, 1988. С. 33–34.

движными «стенками» – естественные границы обитания (первоначально главным образом – водные), хозяйственной и ритуальной деятельности либо территория, занятая соседями, притязания на которую почти неизбежно связаны с обоюдным опасением выяснением отношений.

Именно правая часть коры больших полушарий отражает плоскостные и вертикальные взаимосвязи предметов, доминируя над другими разновидностями реальных зависимостей и противоречий. *«Способности, присущие исключительно правому полушарию... связаны с восприятием пространственных отношений. Возможно, что именно тогда, когда в левом полушарии развивался язык – символическая система более высокого уровня, чем любая сенсорная система одной модальности, в областях правого полушария развивались способы представления двух- и трехмерных отношений внешнего мира, улавливаемых с помощью зрения, осязания и движений. Представляется, что кроме пространственных задач... от правого полушария зависит способность мысленно видеть сложную дорогу или найти путь через лабиринт. Хотя правое полушарие обычно характеризуется как более пространственное, чем левое, его, пожалуй, точнее описывать как манипуляционно-пространственным паттернами и взаимоотношениями»,* – резюмируют американские исследователи С. Спрингер и Г. Дейч. Поэтому способ мышления правого полушария сходен с фрейдовским описанием подсознательного, ибо включает *«широкое использование образов, меньшее участие в восприятии времени и последовательности событий, ограниченную речь типа той, которая проявляется в сновидениях и в обмолвках»*¹.

Действительно, изменение образа жизни наших предков требовало новых форм ориентации в окружающей природе, и прежде всего в своей экологической нише. Ее пространственные параметры становились более обширными и разнообразными. Пространство как арена жизнедеятельности было зримо, осязаемо, обоняемо, часто слышимо, то есть доступно чувственному восприятию, опиравшемуся на старые структуры мозга, подвергавшиеся, однако, в процессе эволюции существенной коррекции со стороны новых зон неокортекса.

Освоение прямохождения открыло пращуров новые среды обитания. Обоняние стало уступать былые позиции развитию

¹ Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М., 1983. С. 221–222, 215.

зрения¹, без чего не могли бы столь эффективно действовать удивительно полифункциональные руки, освобожденные от участия в передвижении. Ключевую роль сыграла при этом связанная с церебральной дихотомией дифференциация правой и левой рук (начисто отсутствующая у обезьян) и вызванный ею совокупный эффект нового типа биологической жизнедеятельности, названный феноменом Сеченова. Ведь ей сопутствовала специализация зрения, слуха и голоса, дифференциация исследовательского и непосредственно жизнеобеспечивающих инстинктов, различение преобразуемого предмета и средства воздействия на него, отражение в психике складывающегося разделения все более различающихся форм жизнедеятельности, включая стадное и индивидуальное, инстинктивное и адаптивное поведение и т. п.

В изначально нерасчлененном, целостном мире благодаря развитию центральной нервной системы постепенно проступало конкретно-дискретное многообразие земной поверхности и расположенных на ней либо движущихся по ней симметрично-асимметричных предметов, адекватное представление о которых имело важное значение для выживания вида. По мере возрастания деятельностного потенциала новой биологической популяции окружающее пространство расширялось, разнообразилось, все более тесно срастаясь с формирующимся социумом. Изначальное восприятие двухмерности обитаемой территории (саванна, пустыня) постепенно сменялось осознанием трехмерности жизненного пространства (пещера, лес, горы). Маршруты охоты и собирательства, поиски и освоение удобных природных ниш для стоянок, ночлега, раздела и хранения добычи, орудийная деятельность и сбор группы для совместного времяпровождения – всё это включало в себя освоение пространственных отношений окружающей среды и предпосылки их изменения, реконструкции, структурирования.

Используя терминологию английского антрополога и этнографа Э.Эванса-Притчарда, замечу, что первоначально нерасчлененное ощущение (чувство) пространства (как и времени) постепенно раздваивалось на *экологическое* и *структурное*, то есть относящееся к природным и социальным процессам или к естественным ландшафтно-экологическим декорациям антропосоциогенеза и искусственным конструкциям, создава-

¹ См.: *Тарантул В.З.* Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М.: Языки славянской культуры, 2003.

емым на их основе. Скажем, пещера – естественное пространство, созданное карстовыми водами, тектоническими сдвигами, выветриванием горных пород. Искусственным пространством она становится, когда в ней ищут и находят регулярное укрытие от непогоды и хищников, разводят костер, хранят добычу и готовят пищу, кормят детей, стариков и тех, кто во время охоты был занят другими, важными для остальных делами, отдыхают, принимают роды, исполняют охотничьи танцы и другие обряды, наносят на стены знаки и рисунки. Рождавшаяся на стенах пещер графика – остановленные навеки движение и экспрессия, символ социальности, фрагмент первичной эстетики, истоки культуры представляла собой рефлексию пространства, место в нем людей и животных, еще сросшихся в *проясняющемся сознании*. Палеолитические Венеры с ярко выраженными признаками способности к детородной функции – свидетельство прочного освоения трехмерности пространства и закона подобия сложных объемных форм.

Французский культуролог А. Леруа-Гуран сказал бы в данном случае о доместикации (одомашнивании, приручении) пространства и о его классификации на *маршрутное* и *статичное*, *концентрическое* и *радиальное*. Углубляющееся разделение земного пространства на *естественное* и *искусственное* – принципиально важная веха не только в судьбах биосферы, но и в становлении ноосферы – сферы разума. Иными словами, «чувство пространства» и территориально-ландшафтный кругозор долго оставались (а в природных цивилизациях остаются до сих пор) необходимой предпосылкой более глубокого внедрения в свою экологическую нишу и освоения других ландшафтов, ресурсов, форм присваивающего хозяйства. В мандингском эпосе XIII века Сундьята, основатель империи Мали стремится не к уничтожению во что бы то ни стало кровного врага Сумаоро, а к его изгнанию и возвращению клановой территории¹. Так же нередко поступали зулусы. Окружая противника, они оставляли ему единственную тропу для бескровного отступления и освобождения территории, явившейся предметом войны².

Вместе с тем доминанта пространственных отношений неизбежно ограничивает активность индивида рамками его лич-

¹ См.: Сундьята. Мандингский эпос / Предисловие Д.А. Ольдерогге. М., 1963.

² См.: Брайант А.Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.

ного и группового (по рассказам, рисункам, знакам реконструируемого) опыта. Холистически целостная яркость и четкость однажды выделенного ландшафта, предмета или пройденного маршрута забивает тенденцию абстрагирования от деталей, неизбежного при вербальном общении. Когда в африканской глубинке спрашиваешь местного жителя, как найти дорогу куда-либо, то обычно получаешь столь подробно развернутый ответ, что не в силах его ни запомнить, ни записать. И тогда, сжавшись над тобой, тебе называют специфический ориентир с советом найти там кого-то, кто укажет, как идти дальше... В эфиопской провинции Гаму-Гофа мне довелось беседовать с добровольцами-курсантами, из которых готовили организаторов деревенских отрядов самообороны (это был период сомалийской агрессии) и санинструкторов. На мой вопрос, каково расстояние от их родных деревень, ответ обычно гласил: девять дней, четыре дня и т. д.

Исторически первой формой «цивилизованного» пространства было жилище. Исходная функция любого природного укрытия или сооружения на его базе жилья – использование естественной, а затем и искусственной микросреды путем отделения замкнутого, специально оборудуемого пространства от остальной (потенциально враждебной) внешней природы с целью обеспечения требующихся организму комфортных условий выживания и воспроизводства. Укрытие и площадка перед ним были обычно местом приготовления и потребления пищи, лечения, приема родов, изготовления орудий и оружия, обучения навыкам пользования ими, передачи накопленного многими поколениями социального опыта, осуществления организационно-планирующей деятельности, психологического общения различных половозрастных групп, аккумуляции первых знаний, создания произведений искусства, усвоения навыков морали. Здесь же обычно хранились вода и огонь, заготовленные впрок и на случай голода продукты собирательства и охоты, белила и охра, орудия и материалы, в частности камни, годные к употреблению и для обработки, а также кости животных, используемые в качестве орудий и топлива.

Принципиальная схема обустройства или сооружения любого укрытия предполагала приспособление естественных особенностей рельефа (гrotтов, скальных навесов, ям, пещер) и флоры (поваленных или наклоненных деревьев, стены кустарника), затем их искусственное конструирование с учетом характера климата и ландшафта (речных террас, холмов, равнин, низин, предгорий), а также наличия подручных строитель-

ных материалов (камней, бревен, дерна, шкур, костей крупных животных, веток). Для генезиса жилища характерно использование естественных навесов, гротов, пещер, а также создаваемых по их подобию легких простейших укрытий разного типа. Причем в природных нишах и полунишах подчас имитировался ветровой заслон из веток, деревьев, камней, шкур, а место ночлега специально выравнивалось.

Вместе с тем уже самое примитивное первобытное укрытие создавало замкнутое пространство не только физически, но и психологически. Индивиды становились ближе друг к другу. Каждый из них мог теперь более пристально «смотреться» в Другого, как в своего рода социальное зеркало. Так на плечах естественно-биологических процессов борьбы за выживание вида как бы исподволь создавались предпосылки качественно иной, нежели в рамках былой стадности, эмоционально-чувственной, житейской притирки друг к другу, чем-то напоминающей палеолитический вариант описанного В. Франклом феномена психологического вхождения индивидов друг в друга, самоотдачи себя Другому и получение его «в обмен»¹. В результате происходила постепенная выработка (в том числе в результате действия группового отбора) норм совместного общежития. Складывались зачатки того, чему Вадим Артурович Петровский дал название *«идеальной репрезентированности (отраженности) человека в жизни других людей»*².

Словом, вырванное из «дикой» природы живое пространство, в котором и вокруг которого происходила «централизация жизнедеятельности» (Р. Шовен), становилось местом завязи социальности, становления коллектива, сохранявшего долгое время преемственность с вытесняемой им стадностью. Искусственное пространство отодвигало наших предков от зоологического окружения за его пределы. Их жизнедеятельность разделялась на две различные стратегии индивидуального и группового поведения. Функцию развития в сторону социализации «пещерных» взаимоотношений, в связи с их отличием от стадности по характеру и перспективам, потребностью в типизации и начатках абстрагирования, а также в силу резкого возрастания фактора взаимодействия, значения для выживания вида мышления и речи, видимо, взял на себя «левый мозг». Для него открылась и собственная экологическая и антрополо-

¹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 100.

² Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону. Феникс, 1996. С. 11.

гическая ниша. Рефлекторные предпосылки общения переплавлялись в рефлексивно-социальные, в недрах эмоций зарождались чувства.

Поведение вне и внутри социального пространства различалось самым существенным образом. Роль зверя оставалась за пределами жилища. В пещере, освещенной костром, происходил регламентированный системой табу дележ добычи и приготовленной из нее на огне пищи с детьми, стариками, больными, занятыми изготовлением орудий и оружия, а также другими полезными для остальных делами. Внутри жилища зарождались отношения совместной собственности, вне его стен – захватной и обороняемой, монопольной и эксклюзивной, одним словом, в буквальном, первородном смысле – приватной (от латинского *privare*, что значит *лишать*) собственности, связанной с отстранением от предметов, ею охваченных, всех реальных и потенциальных конкурентов. Эрих Фромм сказал бы о фундаментальных различиях между двумя способами существования: в пещере и вне ее¹. Именно совместное проживание в едином пространстве, обустроенном своими руками, способствовало переплавке в поначалу слабо осознаваемые традиции наиболее социальных стадных инстинктов. Вызванное искусственным дистанцированием от круглосуточного соприкосновения с зоологическим окружением и дискомфортными гримасами климата раздвоение эмоций представляется следующим образом: «С одной стороны, агрессивность во время охоты, с другой – мягкость, нежность и взаимопомощь в домашней среде. Эти два феномена, обусловленные биологической дифференциацией мужчины, женщины и ребенка, различным образом создавали оптимальные условия для укрепления и развития социальности, столь необходимой для выживания человеческого рода»².

Территория, названная немецкими этнографами «жизненным пространством», конечно, имеет некоторое внешнее сходство с «территориальным императивом», который Роберт Ардрей обнаружил в львиных прайдах Горонгозо – в национальном парке на севере Мозамбика³. Но она принципиально отличается даже у самых архаических племен наличием механизмов со-

¹ См.: Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. С. 95–112.

² Парсонс Г. Человек в современном мире. М.: Прогресс, 1985. С. 270.

³ См.: Ardrey R. Adam kamm aus Africa. München, 1969; Ardrey R. The Territorial Imperative. A Personal Jnquiry into Animal Origins of Property and Nation. N.Y., 1966.

циального регулирования отношений с соседями. Одной из простейших моделей такого рода регуляции дефицитных пространств выступает общий лес или иной участок земли. В лесах Итури, притока Заира, живут пигмеи – мбути. Каждая группа занимает свою, строго определенную территорию, оставляя в центре лесов большой «ничейный» участок. Реликты запасной, заповедной территории – священного пространства – сохраняются и у народов, затронутых влиянием вестерн-цивилизации¹. «Вблизи многих деревень в краю йоруба, на западе Нигерии, сохраняются небольшие участки девственного леса. Туда не заходят женщины собирать хворост для домашнего очага, охотники не пугают укрывшуюся там дичь. Лишь голоса птиц да крики обезьян тревожат покой сырой, сумеречной чащобы» – такую картину рисует В.Б. Иорданский, дополняя ее важной деталью: «Эти священные рощи окружены плантациями шоколадного дерева, полями маниоки и ямса. Они оберегаются как оазисы мифического, населенного духами пространства, оазисы древнего, не тронутого человеком дикого мира»².

Американский антрополог Роберт Лонэй в процессе изучения пространственно-временных отношений в среде народа диула в Республике Кот-д'Ивуар пришел к выводу об их теснейшей связи с половозрастной и общинной структурой. «Пространственные представления, – пишет он, – отражали различия между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, свободными и рабами (зависимыми). Право старшинства определяло права на все виды пространства: мечеть, рыночную площадь, мечте, где ткачи устанавливали свои станки, дома и территорию, к ним прилегающую... никогда пространство не было нейтральным, а всегда – высоко организованным, зависящим от многочисленных и различных по характеру отношений в общине. Даже внутри дома для проведения ритуальных собраний, носящего у диула название "брон", порядок распределения пространства, по сути дела, был "слепком социальных отношений". Большая и лучшая его часть предназначалась мужчинам старшего поколения. От возраста человека зависело не только его право войти в брон, но и то, каким образом он должен это сделать, ибо одна из дверей предназначалась для старших, другая – для молодежи. Старейшины деревни, где проходило ритуальное собрание, располагались

¹ Тернбул К. Человек в Африке. М.: Наука, 1983.

² Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 333.

в центре, а представители других деревень (их присутствие было необходимым для многих церемоний) садились по сторонам от них. Тот, кто занимал неправильное место, мог быть наказан (вплоть до смерти) сверхъестественным образом, обычно духами предков или божеством. Социальное пространство по-разному воспринималось (психологический аспект) и использовалось (социально-экономический ракурс). Его разделение обычно связано с принадлежностью к определенному роду». Но сама дифференциация пространства могла быть незримой: «Лабиринт хижин и тропинок между ними был буквально пронизан сетью невидимых и непостоянных границ»¹.

Речь идет о пространственных представлениях и отношениях в среде динамичного торгового этноса. Но и в них просматриваются блики прошлого, в частности традиционная иерархия видов пространства: общественного (дом для ритуальных собраний, священные рощи, где совершаются обряды инициаций, кладбища – место обитания духов предков), резервного земельного и лесного фонда, обрабатываемых и нетронутых земель, личного, основанного на праве заимки и потом нередко переходящего в общинный фонд. Предметом особого внимания остаются также торговые пути и тайные тропы контрабандистов, которые охраняют от непосвященных наводящие священный ужас на окрестное население тайные ритуальные общества, носящие названия хищников (пантеры, леопарда, крокодила) либо других крупных животных, нападающих на человека (например, буйвола).

С чего начинается собственность?

Поскольку пространство-территорию нельзя унести с собой, первой зародившейся формой собственности на общественную хижину, обработанный участок земли, рощу, водный источник и иную недвижимость было пользование ими, более или менее гарантированное от претензий соседей. Распоряжение ими осуществлялось старейшинами рода и племени исходя из общих интересов и в соответствии с заветами мудрых предков. Предметами споров и войн с соседями были, как правило, претензии на территорию, захват скота и женщин. Институт собственности зарождался на спорных границах и служил пер-

¹ *Launay R.* Spaces and Times. Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Côte d'Ivoire. «Пространство и время в архаических и традиционных культурах». М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 98–101.

воначально ее защите от притязаний чужих. Еще Поль Лафарг акцентировал момент пользования в качестве «единственно возможного и понятного основания собственности у дикарей»¹. Зарождение же концепции владения, как продленного и наперед гарантированного пользования либо распоряжения, связано с восприятием времени.

В Африке распространено трогательно-бережное отношение к земле как к пространству, которое обеспечивает самым необходимым жизнь предков, современников и потомков. Бушмены отказались от организации на их территории коммерчески выгодных туристских маршрутов. Этнографы зафиксировали ситуации отказа делить землю общин и племен, ибо это территория, общая для всех, как воздух, дождь, небосвод. В обыденной жизни связь и круговорот времен африканец видит в том, что ныне живущие, оказывая почести и совершая жертвоприношения умершим, способствуют их благополучию в мире том. В свою очередь, прозорливые и благодарные предки при необходимости обязательно придут с советом и помощью не только к нынешнему поколению, но и к тем, кто еще не родился. Предки не сбрасывают со своих плеч и другие проблемы, встающие перед потомками, включая заботу о сохранении для них флоры и фауны, миропредставлений и ритуалов. Им всем принадлежит родная земля, а потому сама мысль о возможности ее раздела и приватизации – кощунственна. Иное дело – быть собственником деревьев и кустарников, растущих на общей земле, или пасущегося на ней скота: ведь в их выращивание и уход за ними вложен труд конкретных индивидов и их семей. К тому же растения и животные не вечны: окончив свой жизненный путь, они уходят, как и люди, в отличие от неподвластной времени «вечно» общей собственности на землю. Отношение к земле как к ключевому, исходному фрагменту, как к ядру пространственного восприятия окружающего мира до сих пор обуславливает амбивалентные чувства африканского крестьянина – страх перед ее гневом (если неосторожно с ней обращаться), грозящим голодом и бескормицей (для скота), и надежда на ее благосклонность, помноженная на веру в ее могущество. Воинственные масаи и теперь опасаются вонзать свои копыта-ассегаи острием в землю, чтобы ее не поранить, а осторожно ставят их тупым концом, иногда подкладывая камень или дощечку, что автор наблюдал в Танзании, Кении, Эфиопии. У народов этни-

¹ Lafargue P. La propriété: origine et évolution. P., 1895. P. 344.

ческой группы *акан* (Гана) зафиксирован обычай не работать по определенным дням, чтобы дать земле отдохнуть¹.

И.Е. Синицына справедливо обратила внимание на защиту природы обычным правом, в частности регламентации им бережного отношения к растениям и животным, как к домашним (за жестокое отношение к ним владелец получает от нарушителя крупную по местным масштабам компенсацию, а вождь – солидную сумму штрафа), так и к диким. Надзор за фауной издревле осуществляется специально выделенными для этого людьми. На них возлагается функция тщательного сбережения природы от возможных негативных воздействий в течение жизни данного поколения, чтобы передать благодарным потомкам экологическое наследие, оставленное трудолюбивыми, почитавшими природу предками².

*«Экологический подход (осознание себя не вне, а внутри природы) проявляется и в организации социального пространства, когда жилище и селение одновременно являются и прообразом Вселенной-Космоса и соотносятся с телом человека, – пишет Э.С. Львова. – <...> У догонов принцип тождества человека и пространства воплощался в планировке всех деревень и отдельных жилищ. Селение догонов воспринималось как распростертое с севера на юг тело предка Номмо. Голова – мужской дом («тогу на»); на «груди» – «жинна», в районе «сердца» помещался дом старейшины; по краям селения – «руки» и «ноги» – жилища «нечистых» женщин, ремесленников, имеющих дело с железом, деревом, кожей, кузнецов, гриотов (сказителей) – всё это представители низших каст. Этот народ подчеркивал также вечность, а следовательно, непрерывное воспроизводство **народа – среды – пространства – природы – человека** еще и тем, что расположенные в центре селения мелкие святилища и площадки, где днем работали ткачи, вечером проходили встречи, вершился суд, символизировали мужские и женские гениталии»³.* Кстати, в планировке новой столицы Танзании города Додома четко прослеживаются контуры «круговой» масайской деревни типа краала, символизирующей их представления о пространственной структуре мироздания.

Между тем в мутной воде безвременья кое-кто ухитряется ловить золотых рыбок современного бизнеса на крючки праде-

¹ См.: Ксенофонтова Н.А. Африканское крестьянство: перемены в общественном сознании. М.: Институт Африки РАН, 1990. С. 27, 31.

² См.: Синицына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 59, 64–65.

³ См.: Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 7.

довских обычаев, касающихся преобладания в местном менталитете пространственных представлений над временными. Участники полевой экспедиции в сельскую глубинку Мали, В.Р. Арсеньев и А.А. Маслов, обратили внимание на то, что наиболее ловкие и предприимчивые, но отнюдь не чистоплотные люди из числа «новых малийцев» спекулятивно подчеркивают свою якобы глубокую и искреннюю приверженность обычаям и заветам предков. При этом они коварно эксплуатируют их авторитет, а также реальные родственные и сверстнические связи для того, чтобы как можно более незаметно подобраться к традиционной собственности и максимально эффективно использовать ее в целях личного обогащения¹.

Переходной ступенью в отношении к земле как экономической категории, видимо, выступали измерительные процедуры, а также выжигание деревьев и кустарников ради ее освобождения под сельскохозяйственные культуры, в основном экспортные и технические, а также мелиорация, ирригация и т. д., которые коренным образом изменяли территориально-ландшафтную картину местности и традиционно сложившиеся отношения общинной и семейной собственности, ломая тем самым связанные с нею психологические стереотипы и архетипы в целом. По мере развертывания орудийно-хозяйственной деятельности и развития коммуникативных связей выявлялась недостаточность, ограниченность, неполнота мировоззрения, опирающегося на тянущуюся из зоологического мира доминанту пространственных координат внешней среды².

В свою очередь, восприятие пространственной организованности даже ближайшего окружения оставалось односторонним, плоским и расплывчатым, пока не была выделена и зафиксирована его закономерная связь со временем. Это означало интеллектуально-чувственное освоение временной структуры мира как объективного следования событий (изменений) друг после друга, рядом друг с другом либо различение стадий качественного преобразования окружающих предметов и сил, живых существ и их свойств. Эволюционные резервы психики в виде бурно развивающегося вместе с генезисом вербального

¹ См.: Арсеньев В.Р., Маслов А.А. Опыт полевой работы в Мали в 1996–1997 годах // Бюллетень Центра африканских исследований СПб ГУ. 1997. С. 11–13, а также: Андреев И.Л. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестник РАН. 2002. № 8. С. 710–729.

² См.: Андреев И.Л. Африка: социально-классовые сдвиги // Коммунист. 1982. № 18; Он же. Африка на цивилизационном изломе // Вестник РАН. 1999. № 1. С. 42–48.

мышления и левого полушария головного мозга позволяли все более корректно улавливать бестелесность времени и объективную ритмику жизнедеятельности, включая звуковой ее аспект. Это явилось мощным фактором дифференциации времени и в известной мере управления им.

Как формируется «чувство» времени?

Вопрос этот – философский. «Времени нет без человека, – констатирует в знаменитом эссе «Время и бытие» один из крупнейших философов XX века Мартин Хайдеггер. – Только что означает «нет без»? Человек создатель времени или его получатель? И если второе, то как человек получает время? Если человек сначала человек, чтобы потом по обстоятельствам, т. е. к какому-то определенному времени получить восприятие времени и встать в отношение к нему? Собственно время есть единящая троякий просвет его протяжения близость присутствия из настоящего, осуществившегося и будущего», ибо «в бытии как присутствовании дает о себе знать такая вещь, как время»¹. Далее Хайдеггер, по существу, показывает, что в индивидуальном сознании точкой развертывания времени как субстанции, данной человеку извне как одно из ключевых условий его бытия и вместе с тем не дающейся ему в руки, выступает ныне существующая реальность: «Настоящее – называя его само по себе, мы уже думаем также о прошедшем и будущем, о Раньше и Позже в отличие от Теперь. Но настоящее, понятое от Теперь, совершенно не похоже на настоящее в смысле настоящего многолюдного праздника. Мы потому никогда не говорим и никогда не сможем сказать: это был “теперешний” праздник вместо “настоящий”»².

Возможно, таким был механизм генезиса восприятия времени первобытным человеком. Во всяком случае, даже самое элементарное выделение себя из времени опиралось на зачатки рефлексии, а значит, было связано со специфической функцией, адресованной эволюцией вербальному (левому в норме) полушарию головного мозга. Из этого вытекает бывшая предметом дискуссий в отечественной науке «человечность» времени, трактовка его субъективности именно в духе «собственности», принадлежащей лично субъекту – потенциальному «стратегу» собственной жизни, а не оценочно-субъективист-

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 401.

² Там же. С. 397.

скому истолкованию феномена времени, что в свое время резко затормозило развитие генетической теории личности¹.

Иначе говоря, человеческое время формировалось вместе с человеком и в известном смысле в нем самом, в его мозге. Исходное восприятие однородности времени как совокупности биоритмов организма и окружающей среды (астрально-космических, климатических, гидрогеологических, биологических, химических, физических и т. п.) постепенно (по мере усвоения центральной нервной системой пространственных взаимоотношений) обогащается за счет выявления природной аритмии (смерть, болезнь, климатические катаклизмы, затмения, землетрясения, наводнения, извержения вулканов и т. п.) и отделения от настоящего вначале прошлого (в виде аккумуляции опыта), а затем и будущего. И если психическое освоение пространства ископаемыми предками имело физиологическим фундаментом развитие бинокулярного, стереоскопического, цветного зрения, то все более емкое восприятие ими временной структуры бытия опиралось на догоняющее развитие органов слуха и качественно новое место в их жизнедеятельности акустического фона среды и воспроизведения звуковых сигналов. Гипотеза о предшествовании скачка в зрительном отражении пространства коренному перелому в слуховом восприятии времени подтверждается данными эмбриологии, нейрофизиологии и этнографии: 1) пузырьки глаз появляются у человеческого эмбриона существенно раньше слуховых пузырьков; 2) слуховые анализаторы расположены в эволюционно более молодом левом полушарии мозга; 3) наиболее отставшие в историческом развитии племени и племенные группы в гораздо большей степени владеют пространственными, нежели временными представлениями. Пространственные искусства, начиная с древней наскальной живописи, графики, орнамента, макияжа охрой, татуировки, скульптурных изображений палеолитических мадонн и гипертрофированных фаллосов, предшествовали поэзии и музыке, связанным с последовательным, размерно-квантированным восприятием гаммы звуков².

Не исключено, что у истоков поэзии лежал первобытный речитатив с многочисленными повторами и монотонной ме-

¹ См.: Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 126, 134.

² См.: Леонардо да Винчи. Книга о живописи. Пример и отличие живописи от поэзии. М., 1934. С. 60; Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957. С. 188 и сл.; Шеллинг Ф.Б. Философия искусства. М., 1966.

лодкой, в чем можно убедиться и сегодня, слушая западно-африканских бродячих поэтов-сказителей гриотов, а музыка как самовыражение и создание эмоциональной экспрессии, вероятно, начиналась со звуковой ритмики, носившей поначалу информационный характер. На эту мысль наводит многообразие и многозначность звучаний тамтамов в самых различных уголках Африки. Кстати, тамтамы, помимо функций музыкального ударно-ритмического инструмента, выполняют роль и своеобразного телеграфа саванн и джунглей. Для этих целей в Центральной и Западной Африке используются двояковыпуклые барабаны, сделанные из выдолбленных внутри стволов деревьев. Выстукивая специальными колотушками только им ведомую «азбуку Морзе», умельцы не просто передают информацию на десятки километров, а там – по эстафете – дальше, но обычно ведут беседу, пересыпая разговор шутками, советами и насмешками. В ритмах тамтамов, основанных на тренировке считывания звуковых и беззвучных отрезков, инициирующих развитие слуховых рецепторов, а тем самым соответствующих структур левого полушария головного мозга, видимо, зрели предпосылки развития временных представлений.

Конечно, осознание поначалу как бы стянутой в одну точку временной структуры бытия вызревало в рамках пространственных представлений (как локально-конкретных, так и абстрактно-космогонических) и лишь постепенно отслаивалось, отличалось, дистанцировалось от них. Но, прежде чем стать, а главное, быть осознанным в качестве такового, первичное время (гораздо более психологическое, нежели логическое, по характеру восприятия и типу отражения в биоэлектрических кодах мозговой ткани больших полушарий) длительный период прозябало на задворках пространственных представлений. Видимо, левое полушарие еще не могло переплавлять в абстрактно-вербальные формы животрепещущие образы ушедших из поля чувственного восприятия родных и соплеменников. Дифференциация полушарий удлинила паузу между полученным извне импульсом и ответом на него с примерно двух до почти трех секунд. Зато вклиненность в процесс принятия решения молодого мозга содержала мощный гносеологический и деятельностный потенциал.

Кенийский профессор Дж. Мбити предпринял попытку построения африканской модели времени и места представлений о нем в структуре архаического менталитета¹. Время для африканца – простая совокупность событий (а не мерных еди-

ниц), которые были, происходят сейчас или вот-вот произойдут. То, что, по всей видимости, состоится в силу ритмов внешней или внутренней природы (например, сезон дождей, роды беременной женщины), примыкает к реальному времени как его потенциальная, в принципе неизбежная разновидность. Само же время в традиционных представлениях племени кикуйя включает две его разновидности, функционирующие параллельно. Правополушарное, ощущаемое, насыщенное красками, образами, эмоциями, живыми впечатлениями, сопереживаниями, охватывает то, что прожито, прочувствовано, хранится в памяти, либо непосредственно грядущие события, например, инициацию, празднество, важный ритуал. Это конкретное микровремя носит название **саса**. Так же называется охотничья сумка с атрибутами охоты либо самыми ценными кусками добычи. Напротив, левополушарное, вербально-логическое время охватывает то, что воспринимается как давно прошедшее, время предков и их духов, сказаний и мифов, включая представления о появлении людей и социума. Это макровремя называется **замани**.

Саса индивида меньше, чем саса всей совокупности ныне живущих. Чем старше человек, чем больше событий он непосредственно пережил и помнит, тем больше его саса, тем ближе он к заветному замани. Но даже физическая смерть не переводит его автоматически в сферу замани. Лишь полностью порвав с чувственным образом, хранящимся в сознании потомков, память о нем сакрализуется; он из предка превращается в духа, чья законная обитель – вожденное потустороннее замани. Посюстороннее саса как бы ввинчивается в потустороннее замани, достигая его и растворяясь в нем, будто река, впадающая в море. Но само время саса тоже весьма своеобразно и многослойно и напоминает своего рода хронологический сэндвич. К тому же саса обладает, в отличие от монолитного замани, известной эйнштейновской гибкостью. Оно легко претерпевает трансформацию сжатия и расширения. И изгибается, как лист Мёбиуса, не прерываясь, а переходя из одной реальной временной субстанции в другую, например, в ритмике смены поколений и периодического обновления «населения» традиционного социума. Замани выступает отнюдь не как кладбище времени, а как сокровищница опыта и мудрости народа по легко уловимой аналогии с историческими хрониками,

¹ См.: Mbiti J.S. African Religions and Philosophy. N.Y.; Wash., 1970; Id.: Concepts of God in Africa. London, 1970.

эпосом и больше всего с мифом. От него идет ток регуляции жизни традиционного социума. Время в сознании африканцев конкретизировано, связано с явлениями природы, сезонами, движением луны и солнца, с практической жизнью людей. Возраст человека может исчисляться по числу дождливых сезонов, событие связывается с лунными месяцами. У ряда скотоводческих народов время суток разбито на часы, связанные с конкретными действиями скотовода. Так, в Бурунди «амакама» – время для дойки скота (7 часов утра), «матурука» – время, когда выгоняют скот (8 часов утра). В мифологическом сознании нет понятия необратимости времени, оно движется в обоих направлениях. Прошлое не потеряно для настоящего и находится с ним в неразрывном единстве. Настоящее может даже активно влиять на прошлое, на существование ушедших в небытие поколений путем жертвоприношений¹.

Разброс систем обыденного архаического времяисчисления весьма велик. От веревочки с узелками, используемой в племени *лари* (Конго) для того, чтобы вовремя объявить о каком-либо событии или празднике, до наличия в традиционном календаре целого ряда этнических групп двух видов недель: малой – четырехдневной (мпики, нкойи, букондзо, тсаба – дни ярмарок) – и большой – восьмидневной (с добавлением: мандзакала, бумунгу, кади-кади, тсаба-диаманко), до подсчета суток сезонов. От них – шаг к понятию календарного года.

Словом, для большинства африканцев восприятие времени, как правило, бедно впечатлениями и ассоциациями, сплущено до элементарного различения того, что было, – «давно» – и того, что есть, – «сейчас». Всякие новации заведомо нежелательны, ибо рожают риск нарушения заведенного мудрыми предками «нормального» порядка вещей, а потому кандидаты, обещающие избирателям улучшение жизни, до сих пор проваливаются на выборах, а депутатами становятся защитники традиций предков. Соответственно, связанные с учетом временного фактора отложенный спрос и отсроченное потребление, дача в долг и жизнь займы (например, кредитование), столь типичные для Запада, мало известны Африке, по крайней мере за пределами городов. Время африканцем и сегодня воспринимается под углом зрения эффективной и комфортной «вписанности» в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности¹.

¹ Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе: Этнолингвистический очерк. М., 1983. С. 51.

Представителю промышленной цивилизации африканский мир «без времени» кажется неправдоподобным. В традиционном сознании преобладает пока что чувственно-ассоциативное, художественно-образное восприятие времени как своего рода живого, но невидимого Существа, как некоей перцептивно невоспринимаемой Субстанции, специфического фрагмента вездесущей Природы. Времени придается, когда оно становится объектом внимания, в большей степени поэтическая, нежели рациональная окраска.

Переход к психологической дифференциации времени был обусловлен усложнением хозяйственных процессов и коммуникативных связей, а также эволюцией головного мозга, и прежде всего его левого полушария. События прошлого и тем более будущего чувственно не воспринимаются: в этом смысле они – за пределами сновидений, фантазии, представлений – доступны лишь вербальной, то есть абстрактной и абстрагирующей фиксации. Потому для собирателей и охотников, ведущих примитивное присваивающее хозяйство, характерна жесткая «вписанность» жизнедеятельности в природные циклы, что в очень незначительной степени может стимулировать потребность в развитии временных представлений и специальных приемов (средств) ориентации во времени. Скажем, начало работ и их окончание определяются как непредвиденными обстоятельствами, так и личными побуждениями, состоянием здоровья, настроением и т. п. Отсутствие временных императивов делает ненужным специальную фиксацию хронометрического деления дня. В архаическом сознании время еще не отделилось до конца от событий, от всего того, что составляет ежедневные будничные заботы и хлопоты.

Короче говоря, вначале временные представления отслаивались от пространственных, нередко дополняя их, лишь в экстремальных ситуациях. Время раздваивалось на погруженное в пространственные алгоритмы жизнедеятельности и на выплетавшееся из них. К нему применим гегелевский образ сфинкса: из тела животного вырастает голова человека. Совсем не напрасно Гегель считал антиномию пространства и времени своего рода осью разворачивания духа, творившего всемирную историю. Последняя *«есть вообще проявление духа во времени, подобно тому как идея, как природа, проявляется в пространстве»*, писал он в «Философии истории», ви-

¹ Андреев И.Л. Циферблат без стрелок // Вестник РАН. 2003. № 2. С. 139–147.

дя именно в феномене времени некое *орудие всемирного духа*, вечный двигатель исторического процесса, в недрах которого *«пространственной прочности противостоит форма времени»*. Последняя, пробиваясь сквозь наслоения повторений, позволяет истории выйти за пределы *«все еще... бессознательной связи, существующей благодаря кровному родству, за пределы естественных сторон первоначальной основы»*¹. Время подтачивало, а затем взламывало некогда прочную устойчивость социумов: в их повторяемость по теории вероятности всегда вступала песчинка нового, неведомого, непредвиденного. Постепенно накапливаясь, новации обуславливали сбой, а затем – кризис функционирования консервативных систем, что отражалось неконтролируемым образом на изменениях элементов или связей исходных цивилизационных структур.

Мозг, время, власть: естественно-биологические истоки властвования

Первичная власть формировалась как распоряжение конкретным временем саса других индивидов и возрастных групп (даже если речь шла о традиционных видах работ) от имени священного замани его хранителями старейшинами, ближе всех стоящими к сонму мудрых предков и лучше всего могущими выразить их волю. Такой подход в принципе позволяет включить в исследование механизма генезиса координации и управления поведением различных групп, составлявших традиционный социум, факторы не столько экономические (кстати, едва ли определяющие в эпоху борьбы за элементарное биологическое выживание), сколько психологические.

Субъект властвования еще не был жестко персонализирован, но уже наметился круг, из которого он вскоре должен будет выйти, чтобы сесть на пень, игравший роль допотопного трона. Харизма, выраставшая на плечах культа предков, «населявших» замани, еще уравнивалась обычаем палабра (первобытного парламентаризма), в рамках которого все взрослые обладатели времени саса (обычно под священным баобабом) обсуждали животрепещущие вопросы своей жизни вплоть до достижения полного согласия, демонстрировавшего единство живущих перед лицом предков и потомков.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч.: Т. VIII, М.: Л., 1935. С. 69, 100, 41.

Анализ взаимодействия чувственного саса и ментального замани, возможно, проливает свет на «человеческие» аспекты лидерства и подчинения, которые при абстрактно-логическом анализе теряются в дебрях силлогизмов. Властвование – процесс неизменно обоудный, включающий в себя хотя бы самую элементарную рефлексию, заключающуюся в том, что обладатель власти и подвластный понимают основание противоположности своих социальных ролей. Поэтому исследовать генезис власти необходимо с учетом философской антропологии и теории цивилизаций, законов психологии и специфики эволюции человеческого мозга. Постепенно внешняя последовательность событий и процессов становилась внутренним психологическим временем индивида. Его регуляция могла исходить не только извне по отношению к нему, но и изнутри в виде потребностей, желаний, воли субъекта, переживающего эмоционально и оценивающего в понятиях события, действия, их результаты (ожидаемые, побочные, непредвиденные). Именно она становится предпосылкой выявления людьми казуальных, причинно-следственных отношений объективного мира.

Конечно, эта субъективная воля не существовала и не витала над реальностью сама по себе. Она была жестко ориентирована на свое место, роль и функции в традиционном социуме и его конкретных модулях, на деятельность, протекавшую не только в пространстве, но и во времени, а стало быть, планомерную, прогнозируемую, регулируемую. А поскольку такая деятельность осуществлялась совместно индивидами, обладающими сознанием и волей, ее регуляция и координация разнонаправленных усилий предполагала различные эволюционно-исторические уровни властного распоряжения их временем как в сфере жизнеобеспечения, так и в осуществлении общественных дел церемониально-коммуникативного плана. Параллельно и взаимосвязанно с освоением временных представлений зарождалось осмысление потестарных отношений (термин, предложенный Л.Е. Куббелем) власти и подчинения ей¹.

Исключительная жесткость исходных канонов традиционного поведения, отступление от которых грозило вымиранием изначально сращенному, подобно муравейнику, племенному социуму, имело поначалу чисто биологический смысл: дать шанс сохранению и воспроизводству первичного рода как ячейки ново-

¹ См.: Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

го зоологического вида. Видимо, здесь и скрыты истоки непре-рекаемой предписанности Свыше не осознаваемых, а продиктованных индивидам алгоритмов поведения и психологических клише восприятия; создателем и беспристрастным судьей пунктуальности их воплощения в жизнь выступала сама Природа. Ведь именно в ее чреве было зачато такое неживотное животное, как человек. Фатальность и неотвратимость отступления от ее канонов закреплялись групповым отбором в пробуждавшемся сознании наших пращуров в виде системы безоговорочных, аксиоматических запретов-табу и ритуального освящения указаний тех, кто по возрасту и связанному с ним социальному статусу находился ближе остальных к истокам жизни, к ее первооснователям-предкам, к заветному времени замани.

Его хранители – традиционные вожди, постепенно и незаметно, как бы исподволь становившиеся владельцами замани, в тени его сакральности черпают освященный вековыми обычаями авторитет. Незримая власть замани, истоки которой сознание отдельного индивида не в силах уловить, представляется ему вечной, несокрушимой, фатальной. Отсюда – прочное убеждение, что каждое саса незримо зиждется на скрытом в глубинах видимого мира энергетически неисчерпаемом и, естественно, неуничтожимом замани. Захваченные старейшинами позиции вблизи замани обеспечивали почетную монополию эксклюзивного общения с ним и трактовки его потребностей.

Изначальной целью было отнюдь не корыстное желание властвовать, а необходимость эффективного регулирования поведения членов первичного рода и складывавшейся вкуче с ним общины путем авторитетного и изобретательного манипулирования психологическими средствами их индивидуальным временем саса от имени предков в интересах всего коллектива. Беспрекословность подчинения вековым обычаям и их хранителям-интерпретаторам и стала зародышем первичной власти как средства управления поведением сородичей, соплеменников и своим собственным. Сама власть поначалу выступала как распоряжение временем саса не только младших возрастных групп, но и представителей зависимого пола, пришельцев, прибывших к группе со стороны осколков других родов и общин, а также захваченных женщин, детей, взрослых мужчин. В роли первичного властного субъекта фигурировала сакрализованная верхушка старейшин, выступавшая в качестве своего рода наследников первой руки системно-мифологизированного и «населенного» тотемными существами мира, включая космические объекты, «вечного» времени замани. Да и са-

ми предки и их духи находились, как правило, невдалеке. Ведь те, что умерли, не исчезли бесследно. Они – повсюду. В трепещущей листвой акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада, в подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в рыночной толпе, ибо умершие вовсе не умерли совсем и навсегда. Незримые и неслышимые, они все видят и слышат, могут помочь в добром деле и покарать отступника.

Словом, истоки властного авторитета коренились в окутанном замысловатыми ритуалами культе предков. Первые носители власти выступали как имитаторы их действий, как интерпретаторы происходящего от их имени, как исполнители их воли. Первыми подчиненными были младшие возрастные группы, зависящие от старших и учившиеся у них. Реликтовые формы исходно-властного распоряжения временем других индивидов до сих пор сохранились в Тропической Африке. Добавлю, речь идет о потестарной власти, не имеющей иных средств принуждения, кроме морального авторитета и устрашения, психологического давления, а кроме того, выступающей в патронажной роли блюстителя общих интересов. Традиционная власть в своем самоопределении неизменно опирается на уходящее в глубь древности сакрализованное правремя.

Однако, при всей своей ограниченности и примитивности, архаическое время гуманнее, ближе к человеку, добрее к нему, снисходительнее к его личным качествам, желаниям, слабостям, к трудности сосредоточения внимания на абстрактном феномене, каким является обезличенное время, порожденное индустриальной цивилизацией, господствующее в городах, учреждениях, на общественном транспорте. Привыкание к дисциплине времени, чувственно невоспринимаемого вне результатов его протекания, – требует длительной тренированности, закрепляемой системой воспитания. Лучший пример – германский либо американский характер¹.

Вместе с тем есть определенный смысл в индивидуализированном, спокойно-рассудительном, неторопливом философском восприятии времени как психологического противоядия беспроектной суеде «крысиных гонок» на выживание с оттеснением конкурентов, отставших, обманутых, причем в сфере не только бизнеса, финансов, коммерции, но также

¹ Андреев И. Л. Феномен Генри Форда (вместо послесловия) // Форд Генри. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.

культуры, науки, техники, досуга и наслаждений. Одна из ключевых задач будущей цивилизации – научиться синтезировать гуманистическую «вневременность» традиционной и деловую супервременность индустриальной эпохи в гармоничное восприятие времени, адекватное психофизиологической и нравственно-культурной сущности человека и социума.

ШАГАЯ ПО СТУПЕНЯМ ЛЕТ

Время в африканском племени отчетливо фокусируется в возрасте человека. Когорты ровесников выступают как устойчивые группировки, отличающиеся друга от друга общественными обязанностями и социальным статусом. Индивид шагает по ступеням традиционного бытия не в одиночку, а будучи прочно «впрессованным» в свое возрастное братство или сестринство. В этом смысле его жизненный путь в значительной степени предопределен уже в момент рождения.

*«Счастлива та,
у которой малыш за спиной»*

Наукой доказано, что первые месяцы и годы жизни ребенок как бы повторяет в своем развитии «детство» человеческого рода: учится ходить, говорить, ориентироваться в окружающем мире и собственных ощущениях. Особое значение этот фактор приобретает при исследовании проблемы материнства и раннего детства в рамках так называемых «природных» цивилизаций, в частности в архаических структурах африканского общества. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всего круга вопросов, связанных с исследованием условий социального «воспроизводства» человека в странах Тропической Африки, автор видит свою задачу в акцентировании тех философско-антропологических и биоэтических граней этой проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться на Африканском континенте. Возможно, такой подход позволит четче обозначить «фарватер» дальнейшего изучения эволюции традиционного отношения к младенцам и детям младшего возраста, которым предстоит жить, работать и перестраивать жизнь своих стран в незаметно наступившем XXI веке.

Говоря о молодой африканской матери, так и хочется использовать слово «мадонна». Оно невольно рождает ассоциацию с итальянской живописью эпохи Ренессанса, с врезавшимся в сознание образом трогательной, одухотворенной, беззаботно-счастливой, восхищающейся своим ненаглядным младенцем юной европейкой, кормящей его грудью в проеме арочного окна, излучающей вечный свет истинного блаженства, спокойствия, материнского счастья, безоблачного и естественного. Чем же, кроме цвета кожи, эти юные мамы и их ненаглядные малыши отличаются друг от друга?

Из-за маминой спины

В Африке мамина спина, а не грудь и руки, как в европейской культуре, – создает ассоциацию с перемещением в пространстве, защитой и следованием по материнским стопам. Распространенная африканская пословица: «Счастлива та, у которой малыш за спиной» – это афористически выраженная философская концепция, охватывающая и почетный статус материнства, и отношение к детям, и способ первоначального восприятия ими мира из-за маминой спины. Тем более что распространенных в Европе специальных младенческих кроваток и колясок в Тропической Африке (за пределами больших городов и интеллигентных семей) практически нет.

По ассоциации в сознании возникает любопытный психологический парадокс: первой гуманной парадигмой отношения к аборигенам со стороны европейской культурной элиты была снисходительно-отеческая оценка их как взрослых детей, еще неразумных, но, в сущности, милых и доброжелательных. Примером может служить гегелевская «Философия истории», где величайший из мыслителей Нового времени писал о кротости и добродушии, которые в мирное время проявляли к европейцам жители «находящейся к югу от пустыни Сахары подлинной Африки»¹. Наоборот, африканская народная поэзия сравнивает европейца, обычно беспомощного в непривычных для него условиях Африки, с капризным, избалованным, изначально эгоистичным ребенком. Одна из песен народности *эве*, населяющей Гану, Того, Бенин, так и называется: «Младенец – это европеец».

*Младенец – это европеец:
Он нашей пищи есть не может,
Из своего кувшина пьет.*

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Т. VIII. М.; Л., 1935. С. 88, 87.

*Младенец – это европеец:
Он с нами говорить не может,
За это сердится на нас.
Младенец – это европеец:
Ему до ближних дела нет,
Тиранит он отца и мать.
Младенец – это европеец:
Он слишком хрупок, слишком нежен,
Ему царапина страшна.*

Мысленно возвращаясь к параллели с образом молодой европейской матери, вижу совсем иную, нежели на родине, но от этого отнюдь не менее трогательную картину. Африканка гордо, неторопливо, величественно и вместе с тем грациозно и плавно движется с привычной ношей на голове. Чаше всего это таз с фруктами и овощами, предназначенными для продажи, или с иными продуктами, если она возвращается с рынка. А из-за маминой спины с молчаливым любопытством зыркает глазами грудной малыш, ловко привязанный к телу матери широким платком, узел которого торчит впереди, под материнской грудью. Обычно двое-трое малышей чуть постарше семянят рядом, следом, иногда вцепившись в подол маминой юбки.

Картина мало меняется, если рядом налегке идет молодой и здоровый мужчина. И не потому, что он не джентльмен или не любит идущую с ним спутницу, а потому, что не хочет ее обидеть. Это дань традиции, живое «воспоминание» о том времени, когда мужчина – охотник и воин – подолгу отсутствовал, а будучи рядом, вынужден был находиться в постоянной готовности защитить женщин и детей. Таков пришедший из далекого прошлого биоэтикет. Поэтому попытка проявить элементарную европейскую вежливость и помочь африканке в ее повседневных делах и заботах может быть воспринята как верх бестактности, неуважения, неверия в ее здоровье и силу. Традиционное общество такие качества воспитывает в своих членах любого пола и возраста. Модный девиз: «Не плачь, не бойся, не проси!», которым бравируют «новые русские» бизнесмены и политические деятели, является новым столько же, сколько существует человечество. Ибо ни плакать, ни просить было не перед кем и нечего. Страх часто был равнозначен позорной гибели. Словом, африканская мадонна не считает себя слабым полом и не апеллирует к жалости и защите. Она может постоять и за себя, и за своих детей.

Итак, европейская мать на улице обычно держит ребенка на руках или в коляске, но неизменно перед собой. Чтобы он был всегда на глазах и все время мог видеть маму. Африкан-

ка, наоборот, прижимает его к своей спине. Ребенок видит то же что и мать. Из-за ее плеча или сбоку. Кстати, психологи находят в этом феномене не просто иную, сложившуюся в других климатических и исторических условиях пространственную диспозицию женщины и малыша, а принципиальное различие в характере и степени тактильных контактов и взаимодействия биоэнергетических полей матери и дитяти.

Африканский малыш непосредственно чувствует все движения мамы, напряжения мышц, слышит ее дыхание, биение сердца. Маленькое тельце постоянно массируется соприкосновением с материнской кожей, в то время как его европейский сверстник пассивно лежит в коляске или сидит в креслице-рюкзаке за спиной отца, отделенный от него синтетическим материалом. Конечно, время от времени и африканка кладет ребенка на теплую землю или мебель, улыбается ему и ласково разговаривает с ним, берет на руки и кормит грудью, пеленает, а потом ловко забрасывает за спину и закрепляет платком. В результате при нормальном питании африканские дети к концу первого года жизни, как правило, заметно обгоняют по уровню физического и психического развития своих западноевропейских сверстников, несмотря на все ухищрения педиатрической науки и практики, которые могут себе позволить обитатели зоны «золотого миллиарда». Малыши-африканцы раньше начинают стоять, ходить, петь и танцевать, жестикулировать и говорить. Их движения гармоничнее, пластичнее, увереннее. Они более любознательны, деятельны, инициативны, самостоятельны. Реже сосут палец, не склонны подолгу засиживаться на горшке (тем более что его чаще всего нет), больше отвечают стандартам нормального психического развития. Данное обстоятельство документально зафиксировано в материалах ЮНИСЕФ, ВОЗ и других подразделений ООН¹. Однако позднее вступают в силу факторы социальные, и полученное на старте жизни некоторое психологическое преимущество быстро испаряется, что отнюдь не лишает этот африканский феномен известной практической ценности.

Ведь непосредственные тактильные, зрительные, слуховые, мимические, жестовые, вокальные, песенно-танцевальные контакты с родными и близкими способствуют развитию не только правого (больше связанного с движениями и манипуляциями предметами), но и левого (коммуникативного, речевого, логи-

¹ См.: Famille, enfant et développement en Afrique. P.: UNESCO, 1988. P. 113-120.

ческого) полушария головного мозга. Начиная с пятого месяца беременности эмбрион воспринимает ритмику музыки и пения, составляющих неотъемлемую часть африканской жизни. «Младенец, – отмечает выдающийся отечественный психолингвист, академик РАН Вячеслав Всеволодович Иванов, – уже в первые часы после своего рождения реагирует на музыку правым полушарием, а на речь матери – левым»¹. В африканском социуме обе составляющие обыденного слухового ряда подчас слиты воедино. Не сразу различишь, поет ли мать о ребенке самой себе, или ему о том мире, в который он пришел благодаря ей. Оба полушария задействованы одновременно и в принципе гармонично, что особенно важно сегодня, когда шагнувшее в компьютерную эру «человечество стоит перед проблемой увеличения значимости правого полушария»². В условиях нынешней евроамериканской цивилизации и тем более в карикатурных эпигонских подражаниях ей оно гораздо позже левого формируется и существенно раньше выходит из строя, что в принципе противоречит естественной логике эволюции органического мира и является своего рода «антропологическим мечом Немезиды», занесенным над нарушившим законы гармоничного общения с природой (внешней и своей собственной, внутренней) человечеством. Поэтому европейские дети подчас слишком рано для своего возраста становятся умными старичками, а старики все чаще на закате резко удлинившейся жизни впадают в «детство». Правое полушарие, тесно связанное с характерной для теплокровных млекопитающих лимбической системой, переплавляющей воздействия внешних сенсорных раздражителей в эмоциональные реакции³, – предпосылку чувственных порывов – представляет собой своего рода связующее звено между высшими проявлениями могущества и разносторонности человеческого интеллекта и вершинных чувств, с одной стороны, и предшествующей эволюцией животного мира – с другой.

Африканец танцует и поет, еще не умея стоять на ногах и не зная значения многих звуков, среди которых он начинает свою жизнь. «Коллективное бессознательное» вполне сознательно окутывает его, проникая внутрь, становясь частью его самого. Об этом трогательно написала балерина Л.Н. Федоро-

¹ Иванов Вяч. Вс. Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 107.

² Там же. С. 110.

³ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. С. 240 и сл.

ва, работавшая в Конго и сопредельных странах: «Ребенок начинает познавать мир, раскачиваясь в ритме традиционного танца, привязанный к спине матери. Он еще не сделал своих первых шагов по земле, но, стоя на слабеньких ножках и уцепившись ручонками за шершавый край скамьи, всем своим телом реагирует на общий ритм музыкального сопровождения фольклорных действ. Никого это не удивляет и не умиляет, никому и в голову не приходит, что малыш учится танцевать: ведь он просто входит в жизнь, начинает чувствовать ее. Возможно, это не есть танец в обычном, общепринятом, я бы сказала, бытовом понимании этого слова. Это нечто более серьезное и важное, особенно если учесть значение танца в традиционной африканской среде, его роль и место в ритуально-обрядовой системе»¹. Профессор Е.И. Исенина экспериментально подтвердила, что правое полушарие уже в самом раннем возрасте легче осваивает ориентацию движений в предметном мире, а левое – общение с помощью мимики, вокальных и указательных знаков, жестов и поз. Ее рекомендации по общению с детьми 9–16 месяцев, во многом совпадают с тем, что африканские родители применяют интуитивно, по привычке, следуя неукоснительным заветам предков².

И ни громадная детская смертность от множества болезней, голода и травматизма, ни часто нарушаемый из-за белкового голодания естественный процесс конвергенции больших полушарий головного мозга не могут скрыть позитивного потенциала африканской народной педагогики грудного и раннего детского возраста, представляющей собой одну из непреходящих ценностей традиционного образа жизни, которую было бы совсем неплохо взять с собой в будущее самым цивилизованным по сегодняшним меркам народам, странам, культурам.

Истоки многодетности

Африканскую женщину трудно себе представить иначе, как в окружении детей, в основном малых. Африка – континент молодежный. Несмотря на колоссальную детскую смертность, более половины населения стран, расположенных южнее Сахары, не старше 15–16 лет. Рождаемость в Руанде достигает 8,4, в Заире – 8,1, в Кот-д'Ивуаре и Кении – 7,4 процента в год

¹ Федорова Л.Н. Африканский танец. Обычаи, ритуалы, традиции. М., 1986. С. 19.

² См.: Исенина Е.И. Психолингвистические закономерности речевого онтогенеза. Дословесный период. Иваново, 1983.

по отношению ко всему населению, включая стариков и младенцев, появившихся на свет в предыдущем календарном году. Для сравнения: в Италии этот показатель 1,5, а в Швеции и Канаде – 1,7 процента в год¹. Но это официально учтенная рождаемость. Зная менталитет африканской глубинки, легко понять глухое безразличие простых людей к административным органам и процедурам, олицетворяющим в лучшем случае совсем ненужные дальние дороги и напрасные хлопоты. Да и сама фиксация появления на свет твоего собственного ребенка чужим человеком (не родственником) в казенном месте непонятными, глухими, безразличными к столь важному событию чужими, «мертвыми» буквами – что-то несимпатичное в самой своей основе, привнесенное извне, из другой цивилизации. Лучше держаться от всего этого подальше. Так спокойнее. И духи предков зря волноваться не будут. Поэтому часть детей, прежде всего умерших во время родов либо вскоре после них, вообще не регистрируют. Зачем? Только душу зря травить? Словом, официальная статистика рождений обычно на 10–15 процентов ниже реальной рождаемости.

Кстати, это явление – отнюдь не специфически африканское. Как-то мне пришлось работать в Файзабадском и Гармском районах Горного Таджикистана. Перед глазами мелькали кишлаки и перевалы да беседы со стариками – бывшими басмачами, затем местными функционерами вплоть до ухода на пенсию. В конце поездки неожиданно выяснилось, что у сопровождавшего меня руководителя одного из районов опасно болен ребенок. Я искренне удивился его восточному хладнокровию и фатализму. А позднее узнал, что в глухих кишлаках часть родившихся детей не регистрируют, а имена умерших в младенчестве передаются родившимся позднее. Из-за этого возникали проблемы во время призыва в армию. Старики решали, кого из старших парней и под каким именем отправить в районный военкомат.

Имя собственное в традиционном обществе священо. Его не следует произносить громко и всуе. Его заменяют вторичным именем или прозвищем. Нередко наречение происходит, когда младенец окрепнет, дабы дух и нравственные качества его прародителя укоренились на физиологической основе. Иначе им приходилось «перекочевывать» в другого ребенка, что сопровождалось ритуалами, в которых давалось достойное и удовлетворяющее предков объяснение случившегося.

¹ См.: «Demographic Yearbook – 1987». United Nations, N.Y., 1989. P. 183–185.

Чем же обусловлена кажущаяся неодолимой тяга к деторождению? Ясно, что не чрезмерной любовью к сексу; хотя бы потому, что постоянно беременная, рожаящая и кормящая грудью женщина – табу для жаждущего сексуального общения мужа. Ведь в среднем 60 процентов всего фертильного (детородного) периода африканка беременна или кормит грудью, а в возрасте до 35 лет эта ее занятость родами, их ожиданием и выкармливанием младенца охватывает почти 80 процентов ее «жизненного пространства». Для женщины дети – предмет гордости и общественного признания. Но почему на все эти лишения, трудности и страдания так стоически идет отнюдь не обремененный темпераментом африканский мужчина?

Причин этому немало. Начну с той, что скрывается в глубинах эволюции. Первым органно-этологическим (поведенческим) приспособлением (ароморфозом) формировавшегося вида *homo sapiens* к условиям окружающей среды было освоение им прямохождения на задних конечностях. Толчком к соответствующей мутации, закрепленной естественно-групповым отбором, послужило пребывание наших ископаемых зоологических предков в теплых пещерах южной Африки с мягкой ионизирующей радиацией, вызывающей так называемый синдром Бьюси–Клювера. Воздействие ее на головной мозг ископаемого предка обусловило уменьшение числа половых хромосом с 48 у человекообразных приматов до 46 у подавляющего числа людей, огрубление нижней части позвоночника, что вынудило австралопитека выпрямиться, так как нижние конечности уже не могли хватать и удерживать добычу, а потому стали органами передвижения. Изменение осанки вошло в противоречие с прежним механизмом рождения потомства. Удобный для этого широкий таз мешал быстрому бегу, узкий – лимитировал размер мозга, главного отныне органа выживания.

Сложилась ситуация, образно названная петербургским ученым А.В. Немиловым «биологической трагедией женщины». Первоначально массовая гибель детенышей и самок при родах инициировала круглогодичную (вместо сезонной) сексуальность и закрепила в структурах мозга потребность в частых половых сношениях и многократных родах, чтобы обеспечить выживание популяции. Видимо, этот биологический механизм застрял в психологическом складе африканцев настолько прочно, что для его преодоления в быстро меняющихся условиях требуется определенное время и целый комплекс специальных мероприятий.

Пока что традиция связывает с числом выросших детей не только авторитет родителей, но и их материальную опору

в старости, чтобы они не «повисли» на иждивении общины. Кроме того, частые роды призваны компенсировать высокую детскую смертность, особенно при переходе от материнского молока к обычной (чаще всего сразу взрослой) пище. Нередко даже в интеллигентных семьях еду со взрослого стола, например кусочек напичканного специями шашлыка, дают пососать и подавить деснами грудному младенцу, приговаривая, что африканец должен сызмальства привыкать к традиционному меню своих предков, в котором самым зловещим для младенческого желудка выступает яростно-жгучий миниатюрный красный перец *пири-пири*. Наконец, традиционная община, сохраняя архаический способ хозяйствования, основанного на ручном физическом труде, нуждается в регулярном пополнении необходимым количеством работников.

Занимаясь диссертацией на кафедре философии Уральского государственного университета, я как-то приехал в командировку в Москву. Здесь познакомился с выпускником экономического факультета МГУ, уже известным малийским поэтом Альбакаем Усманом Кунта. Вскоре мы подружились. Тем более что тема Мали мыслилась как одна из ключевых в моей диссертации. Кроме того, оба ждали детей-первенцев. Пару дней мы бурно праздновали свое отцовство в кругу моих и его друзей-товарищей. Причем в ответ на пышные поздравления Альбакай смущенно объяснял, что обычай его народа – сдержанная радость по поводу рождения первого ребенка: а вдруг это случайность? Сам он был одним из 28 детей своего отца.

И сейчас, бывая в Бамако и навещая поседевшего Альбакаа, пишущего в простой школьной тетрадке экологические сказки для маленьких африканцев, я вижу двор, наполненный его выросшими детьми и внуками. Тогда я не совсем понял, скорее, принял за каламбур его фразу о том, что детей у настоящего мужчины должно быть как можно больше. Ведь это говорил утонченный интеллигент, будущий министр своей страны, известный в Западной Африке поэт и писатель. За это время он не изменил точку зрения. Впрочем, остались и причины, под влиянием которых она сформировалась. Скажем, смертность в первый год жизни в Сомали в 550 раз выше, чем в Норвегии¹.

Подлинный бич африканских детей – белковое голодание, связанное с абсолютным преобладанием растительной пищи, имеющей в тропиках за счет быстрого вызревания дефицит бел-

¹ См.: Рыбалкина И.Г. Дети в Африке: социодемографический аспект. М., 1993. С. 13.

ка, ряда витаминов и минеральных микроэлементов. Между тем даже двадцатипроцентный белковый дефицит, особенно в возрасте от двух до пяти лет, ведет к замедлению и подчас искажению процесса конвергенции развивавшихся в младенчестве в относительно автономном режиме полушарий коры головного мозга. Следствием таких ситуаций может стать массовое воспроизведение (вкуче с заметным распространением в городах алкоголизма и наркомании) живых аналогов феномена Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова, то есть появление карикатурных моделей социального поведения, особенно агрессивных¹, при отсутствии у индивидов способности их адекватной оценки, самокритики и вообще сколь-нибудь развитого чувства рефлексии, в частности способности видеть себя «со стороны». Западные медики, изучавшие сложившуюся ситуацию, пришли к выводу, что при лечении связанных с дисбалансом питания болезней *«в аграрных районах лучшие результаты наблюдаются у детей из больших полигамных семей, насчитывающих много родственников, которые могут оказать помощь и поддержку, и где большие земельные участки. В условиях города выздоровительные процессы несколько более эффективны у детей, живущих в семьях нуклеарного типа, которые в данном случае, видимо, больше подходят для развития и лечения ребенка»*².

Таковы в общих чертах факторы, поддерживающие инерцию чрезмерно частых родов, изнуряющих женский организм, ослабляющих потомство и подрывающих едва поднимающуюся экономику африканских стран, ибо на плечи мужчин ложится непосильная ноша изнурительного труда на невиданное в Европе количество иждивенцев, как собственных детей, так и родственников, близких и дальних, биологических и социальных, реальных и «примазавшихся», тем более что прирост населения в большинстве стран Тропической Африки обычно вдвое-втрое обгоняет темпы экономики, и в частности производства продовольствия, жилищного, медицинского и школьного строительства, подготовки местных кадров педагогов и педиатров.

Африканский вариант «планирования семьи»

В поездках по Африканскому континенту и ближним островам я встречал немало житейских ситуаций, свидетельствующих о

¹ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. С. 232 и сл.

² Рыбалкина И. Г. Дети в Африке: социодемографический аспект // Седьмая Всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире. Тезисы докладов. Вып. 1. М., 1997. С. 176.

том, что в Африке человек, не имеющий детей, рассматривается как ущербный, достойный жалости и сочувствия. Почти так, как относятся к альбиносам. Неоднократно бывая в Луанде, я частенько встречал вблизи рынка рыжего африканца со светлой кожей и даже с веснушками. Он шел сквозь рынок неслышно, как привидение. Люди тихо расступались перед ним, будто чувствуя себя в чем-то виноватыми. Даже обычно дерзкие на язык местные гавроши смущенно замолкали в его присутствии. Оставалось впечатление психологического вакуума, информационная капсула, сопровождавшая этого человека, будто раковина моллюска.

Не обошел этой животрепещущей темы и африканский фольклор. «Ничего не имеющий – бедняк; не имеющий детей – беден вдвойне», – говорят бантуязычные народы. «Чрево делает человека благородным», – несколько двусмысленно звучит поговорка сенегальских серер. Впрочем, традиции всегда гибки и великодушно оставляют обладающим фантазией людям выход из, казалось бы, самых безнадежных ситуаций¹. Все зависит от их изощренной интерпретации, опираясь на другие фольклорные ценности. Один из моих африканских друзей, занимающий высокий пост в своей стране, пригласил меня поужинать. Его вилла буквально звенела детскими голосами. Вскоре мы оба были обвешаны торжествующими от безнаказанности малышами, будто пальмы кокосами. Но в поведении и голосе приветливого хозяина нет-нет да и проскальзывали нотки легкой грусти. Потом он смущенно признался мне, что собственных детей у него пока нет и, скорее всего, не будет вовсе, а это – дети его сестер по матери, для которых он, согласно реликтовым традициям материнского счета родства, роднее биологических отцов, ибо их связывает с ним негасимое пламя общей крови предшествующих поколений предков. Проблема отсутствия своих детей была решена с помощью параллельных традиций к взаимному удовольствию и дяди, и племянников, которых он безоглядно баловал.

Характерно, что при знакомстве с заинтересовавшим их человеком африканцы обычно не задают вопрос о том, женат ли он или замужем ли она. Их волнует, есть ли у тебя дети, сколько их и какого они возраста. Наличие детей и отношение к ним – самый важный тест на оценку твоих человеческих качеств. А уж если кто-то из детей сопровождает тебя в поездке

¹ См.: *Terner V.W. Revelation & Dinamition in Ndembu Ritual*. London, 1975.

по Африке, ты наверняка свой человек, жаль только, что **бескожий** или, в другом варианте, **бесцветный**. Для африканиста – комплимент! Лучше не пожелаешь!

Обилие детей вроде бы должно создавать солидный базис для прорыва сквозь нищету и невежество к цивилизации нового типа. Однако реально почти ежегодные роды не только изнуряют молодых женщин и ухудшают национальный генофонд за счет ослабления здоровья новорожденных, но и существенно тормозят экономический прогресс. Прирост населения, несмотря на колоссальную смертность, сплошь и рядом вдвое, а то и втрое перекрывает рост производственных показателей. Между тем разработанные в рамках ООН программы планирования семьи, направленные на сознательное ограничение рождаемости, не приживаются в странах Тропической Африки. Хотя такие попытки предпринимаются. Однажды на севере Замбии вблизи пролетарского «медного пояса» мне встретился печатный плакат (постер), где была изображена длинная доска, лежащая на перекладине, вроде качелей. На одном ее конце стоял примерный мужчина-работник, на другом – трое здоровых, румяных, ухоженных детей со школьными ранцами за спиной. Явная модель для подражания. Рядом была помещена другая картинка: изможденный от непосильного труда, растерянный мужчина с печальными глазами и дюжина хилых, плохо одетых, явно давно уже не посещающих школу детей. Надпись гласила: «Выбирай!»

Мне представляется, что африканский менталитет с присущим ему приоритетом родства не приемлет лобового призыва к добровольному отказу от деторождения путем использования презервативов, которые, к слову, бесплатно раздают в аптеках. Гораздо более эффективным в психологическом плане станет призыв к увеличению промежутков между родами, к отказу от слишком ранних (до 18 лет) и поздних (после 35 лет) родов. Особенно если он будет подан тактично и с учетом традиций, аргументированный заботой о здоровье будущих поколений, приятной предкам и их духам, находящимся уже в «той» жизни, беспокойством о полноценном воспитании детей не истощенными непрерывными родами матерями и не измученными длительными воздержаниями и в силу этого менее агрессивными отцами. Первая тенденция прослеживается в государственной политике и средствах массовой информации Танзании, вторая – Анголы.

Другой стимул уменьшения количества родов – снижение детской смертности, поскольку высокая рождаемость носит

компенсаторный характер. Демографы считают, что около 50 процентов рождаемости объясняется именно этим и что нигде еще сокращение рождаемости не наступало раньше, чем снижался процент младенцев, жизнь которых прерывалась, так по существу и не начавшись¹.

Третий путь – образование женщин, их участие в труде и общественной жизни. Школа уводит в сторону от безоговорочного следования «слепым» традициям предков, в принципе дает (хотя далеко не всем) другую ориентацию и модель будущей жизни. Во всяком случае, девушки, окончившие 6 классов, рожают вдвое реже, чем их неграмотные сверстницы. Иной кругозор, насыщенный различными жизненными ценностями, естественно, отвлекает от бесконечных родов подавляющее большинство работающих женщин.

Детские сады и ясли в Африке

Около тридцати лет назад в ряде стран Африки появились и быстро прижились детские сады, а потом и ясли. Вначале при крупных предприятиях с преимущественно женским персоналом, например на текстильной фабрике города Анцирабе на Мадагаскаре. Затем – и при местных органах власти. Детские ясли особенно важны в период, когда ребенок переходит от грудного молока к обычной пище, которую в семье никто специально не готовит, что ведет к поголовным желудочно-кишечным заболеваниям. Кроме того, в детских учреждениях есть хоть какой-то, пусть самый элементарный, медицинский контроль за здоровьем детишек, делаются необходимые прививки, внедряются местные доктрины развития и воспитания подрастающего поколения.

Например, в одном из детских садов Аддис-Абебы дети 3–4 лет попарно раскладывали на столиках плоские разноцветные фигурки из фанеры причудливой формы с торчащим в центре каждой штырьком для удобства их комбинирования. Задача заключалась в том, чтобы они были уложены единственно возможным способом. При полном совпадении всех краев получалась карта Эфиопии, сложенная из ее провинций. Воспитатель с трудом объяснил мне (до сих пор не возьму в толк, как это поняли его крохотные питомцы), что идея территориальной целостности страны должна быть усвоена детьми как можно раньше.

¹ См.: Рыбалкина И.Г. Дети в Африке: социодемографический аспект. М., 1993. С. 10.

В другом детском саду, в районе главного рынка Аддис-Абебы, столиков не было. Дети находились в замкнутом со всех сторон пространстве неправильной формы, образованном заборами хаотично расположенных вокруг магазинчиков, складов, мелких кустарных мастерских. Играли кто чем мог: батарейками от транзисторов, сооружая из них нечто вроде башни или замка, пестрыми упаковочными коробками, подручными дощечками, кусочками труб, шайбами и болтами, тряпочками и конфетными фантиками. Все разбились на группы по интересам и возрасту. Время от времени в каком-то месте начиналось выяснение отношений с упреками и хныканьем, иногда плачем. Внутри шума рынка – шум детского сада. Замечания взрослого не слышны. Тогда воспитатель, стратегически верно курсировавший в центре огороженного пространства, длинной палкой, напоминавшей удилице, доставал нарушителей спокойствия (своего в первую очередь) и делал им внушение на непонятном мне амхарском языке. Конечно, такой детский сад был вынужденной мерой военного времени, он охранял воспитанников главным образом от бытового травматизма. Он больше напоминал камеру хранения или даже загончик для детей, чьи матери решали в это время свои дела на рынке.

Сейчас в странах Африки тысячи детских садов, воспитанники которых обычно уже в 5–6 лет переходят в нулевой или первый класс начальной школы. Граница между ними представляется нечеткой, размытой. Главное, что ребенок «при деле»: чему-то учится, чем-то занят, находится под присмотром да еще и завтрак в некоторых странах получает за счет государства. Стайки маленьких африканцев в синих рубашечках и фартучках в танзанийских образцовых деревнях *уджамаа*, преобладание оранжевых цветов в детской форменной одежде маленьких граждан Ганы – все это новый элемент африканского пейзажа, городского и отчасти уже сельского. Дети трепетно относятся к возможности учиться. Вместе с тем племенная дисциплинированность причудливо переплетается с африканским темпераментом и жадной свободной ритмической движением, того, что И.П. Павлов красиво назвал «мышечной радостью». В Аккре многие из работающих там россиян любят посидеть в уютном уличном кафе под названием «Авеню». Беседки, шашлыки, хорошее пиво, встречи, назначенные и нечаянные, спонтанные. Около окошка администратора не умолкает магнитофон. Иногда мимо проходят первоклашки из близлежащих школ. Вот они чинно, взявшись за руки, попарно доходят до того места, где уровень дебицелов оказывается непреодолимым для столь не-

равнодушной к музыке африканской души. Дети, будто по команде, одновременно освобождают руки и прямо с ранцами за спиной грациозно протанцовывают определенный участок, причем очень ритмично и строго индивидуально. Затем, по мере того как воздействие музыки уменьшается, дети вновь берутся за руки и как ни в чем не бывало продолжают свой путь.

Одна любопытная психологическая деталь всякий раз перекликалась в моем сознании при созерцании этой сцены с другой особенностью поведения представителей традиционной цивилизации. Будучи в полном смысле слова продуктом насквозь коллективистского образа жизни, маленькие африканцы с большим трудом овладевают такой нехитрой вещью, как движение строем. Видимо, в оболочке коллективизма каким-то непостижимым для нас образом сохраняется ядро индивидуальности, порождающей такого рода бытовой нонконформизм в непредусмотренных вековой традицией ситуациях. Впрочем, совсем недавно я встретил в этнологической литературе ссылку (но не объяснение!) на феномен неумения ходить в ногу по отношению к выходцам из традиционных общин Таиланда¹.

Информация к размышлению о персонажах традиционного общества! На первый взгляд, казалось бы, они такие похожие, совсем как кокосовые орехи на ближайшей пальме, а на самом деле – совсем разные. Значит, привычные нам представления об индивидуальности человека – вовсе не эксклюзивное изобретение изощренной научной элиты цивилизованной Европы. Их истоки, вне сомнения, скрываются где-то в глубинах первичной социальности, что заставляет внести коррективы в некоторые считавшиеся аксиоматическими психолого-педагогические представления и методики исследования.

Образ матери в африканской поэзии

Мать остается до конца жизни самым близким для африканца человеком, хотя отношение к ней и ее образ сугубо индивидуальны. Мой давний друг Альбакай Усман выразил память о матери в стихах, где в качестве фона даны обычно остающиеся в тени обыденные трудности и дискомфорт традиционного образа жизни. Ради своих детей она, будто святая великомученица, вынесла все, что ей было уготовано неласковой судьбой.

*Когда увидишь ты ладони моей матери
И каустиком съеденные пальцы,*

¹ См.: Гордон А.В. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии. М., 1980. С. 88.

*Шершавые, как пальмы ствол сухой;
Когда увидишь ноги моей матери,
Ступни, источенные жадными клещами,
Все в трещинах, как скалы над рекой;
Когда увидишь ты улыбку моей матери,
Поверженного ангела печальной,
И рот ее, сведенный немотой;
Когда увидишь очи моей матери,
Прекрасные, как праведников души,
И полные покорности тупой;
Когда увидишь спину моей матери,
Изрытую оврагами-рубцами,
Сеченную дождем, и ветром, и жарой,
Тогда поймешь ты, почему я слёз не лью
И почему в строю я и в бою¹.*

Какой контраст убогой внешности и почти божественной праведной души, противопоставление безмолвной покорности выпавшему жизненному жребию и вместе с тем стоической верности своему материнскому предназначению и долгу перед детьми, родней, предками и всей живой Природой, тоже далеко не всегда ласкавшей женщину, неуклонно шедшую фатальной тропой святой материнской судьбы!

Недаром в африканском фольклоре образ женщины-матери обычно символизируют первичные источники жизни: податливая и одновременно упрямо-упругая вода и плодоносящая, но требующая предварительной заботы о себе и внесения семян земля. Франсуа-Медар Майенго, поэт из страны, недавно именовавшейся Заиром, попробовал заглянуть в глубины обеих этих стихий.

*Из бесконечности шел этот голос,
голос воды.
Далекий, таинственный,
он струился из синего горизонта,
плыл из неведомого пространства,
вливая мне в душу
мелодию зыбкую дальней струны, –
о, долгий, протяжный напев!
...Этот голос летел в бесконечность,
из которой ко мне он пришел.
То был голос
всех голосов,
просто Голос...
И если когда-нибудь вам
он послышится тоже,
внимательно вслушайтесь в чистую песню его!*

¹ Здесь и далее стихи из сборника: Страницы африканской поэзии. XX век / Переводы Мориса Ваксмахера. М.: Наука, 1980. С. 84.

Вода и голос, в который она преобразуется. Невидимая, но неразрывная, как струя воды, связь прошлых и будущих поколений. Речь как озвученный сигнал струи Жизни, средство передачи опыта и переключки поколений. В водах Матери под звуки ее голоса эмбрион превращается в готового к рождению человека. Чтобы это произошло, женщине предстоит разделить нелегкую участь возделываемой земли и пройти через все, что уготовано ей свыше, безропотно и терпеливо:

*Земля, раздираемая мотыгой, никогда не бунтует,
Она отдается покорно своему укротителю,
Легка и доверчива, как девичья пряда.
Земля благодарно приемлет клинки горячего солнца
И отзывается песней счастливой в лад дыханью крестьянки –
Отзывается радостной песней.
Земля, раздираемая мотыгой, никогда не рыдает.
Она раскрывается тихо навстречу зерну.*

В ситуации обычного для Тропической Африки многоженства выросший сын подчас является основной, если не единственной, мужской опорой матери. Ведь дети одного отца, но от разных матерей обычно не питают друг к другу теплых родственных чувств. Каждый из них больше тяготеет к клану матери и дядьям по ее линии. Поэтому в лирической поэзии почти не встречается тема отца. Руандийский поэт Жан-Батист Мутабарука, предаваясь воспоминаниям, судя по всему, относительно благополучного детства среди родной природы, очень трогательно пишет именно о матери:

*Вспомни спокойствие вечера
Возле ручья,
Медленный танец травы
Под музыку ветра,
Журчанье прозрачной воды.
Вспомни, вспомни же,
Как ты с упоением бегал, как ты беззаботно
По выжженным травам
Под пылающим солнцем скакал.
Вспомни первые школьные дни,
Непослушные буквы,
Драки с мальчишками в жаркой пыли.
Вспомни ласковость матери,
Нежность рук материнских,
Которые гладят тебя по лицу,
А каждый твой нерв тетивую натянут
На лук раскаленного солнца.
О сокровище, милая мать!*

Словом, начав свой жизненный путь разглядыванием окружающего мира из-за маминой спины, африканский малыш может продолжить его в детских яслях и саду, поступая затем в школу. Но это в случае, если он – житель города или образцовой деревни. А если нет? Тогда его обычно ждет иная, чисто традиционная воспитательно-образовательная колея, еще более далекая от рожденных в Западной Европе стандартов подготовки детей к самостоятельной жизни.

Система подготовки к взрослой жизни

Как-то моя дочь обратила внимание на то, чего я, довольно часто бывая в Африке, почему-то сам не замечал. У африканских детей практически нет игрушек, если не считать неизменного колеса, которое едва ли не со времени его изобретения гоняют с помощью изогнутой проволоки мальчишки всего мира, и обрезков доски, початков кукурузы, каких-то местных корнеплодов типа маленькой маниоки, которые, повинувшись неистребимому материнскому инстинкту, трогательно «нянчат», закутав в тряпки, крохотные африканочки.

Игры, которых не знала Европа

По логике вещей достаточно однообразная, по крайней мере, стереотипная деятельность, преобладающая в любом традиционном или архаическом обществе, объективно повышает роль игры (а также праздника, досуга) в качестве психологического противовеса монотонному, во многом еще животному, примитивному труду. Эта мысль буквально пронзила мой мозг, когда я оказался в предместье Темы, города-порта в Гане. Щебень для строящейся автострады готовили женщины из близлежащих деревень. Они сидели кружком, устроив своих малышей под каким-то подобием навеса, дробили молотками привезенные на самосвале камни и... пели. А дети? – Тихо играли. – Чем? – Тем, что попало им под руку: кто-то пестрой банкой из-под пива, к которой была привязана веревочка, кто-то батарейкой, отслужившей свое в транзисторе, другие палками, камнями, ракушками, гайками, подобранными на дороге.

Между прочим, постнатальное развитие головного мозга, особенно левого полушария, настоятельно требует специальных целенаправленных усилий и для того, чтобы своевременно «вырвать» абстрактные понятия из их материального, реально-го субстрата, и для того, чтобы, сопоставляя разные варианты

возможных в конкретной ситуации действий и реакций, найти оптимальный с точки зрения принятой жизненной стратегии (морали в том числе). В детском и подростковом возрасте эту роль особенно явно берет на себя игра.

Поэтому неудивительно, что, оказавшись в стране, носящей название Кот-д'Ивуар, я первым делом попытался отыскать гордость местной науки – профессора Бартелеми Комо-Кру из Абиджанского университета. Ведь именно он создал, возможно, первую в мире (по крайней мере, в Африке) научную лабораторию по проблемам детских игр и науку об играх, названную им людистикой, а также предпринял плодотворную, хотя и не бесспорную, попытку создать специфически африканскую концепцию игры. Западная культура, начиная с Аристотеля, исходила в основном из представлений об игре как несерьезном моделировании серьезности жизни, как источнике острых ощущений, проявления жажды признания и отработки навыка структурирования личного времени индивида¹. Что же касается африканской трактовки игры, то применительно к ней правомерно выделить четыре основных момента, позволяющих выявить ее континентальную специфику. Во-первых, она помимо того, что акцентирует стихийно сложившуюся в ходе эволюции потребность в развитии коры головного мозга (концентрации внимания, наблюдательности, памяти, воображения, способности к рассуждению, изобретательности, координации движений, адекватности реакций на изменение ситуаций и т. д.), выступает также средством создания определенного психологического настроения. Последний обычно связан с мобилизацией группы на какие-то напряженно-рискованные акции либо, наоборот, способствует углубленной совместной релаксации. Во-вторых, важнейший компонент игры заключается в восприятии и доведении до автоматизма традиционных моделей поведения, полоролевых функций, навыков общения, уважения к старшим, поддержки сверстников, защиты детей и помощи старикам, чувства ответственности перед коллективом. В-третьих, игра призвана помочь ориентации африканца в окружающем мире, прививает и доводит до кондиции практическое познание окружающей природы и навыки определенных видов трудовой деятельности, как правило передающихся по наследству из поколения в поколение. В-четвертых, игровые действия обычно гармонично вплетены в во-

¹ См.: Берн Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Л., 1991. С. 171–172.

кальнс-звуковой и музыкально-танцевальный ритмический контекст. Возможно, это объясняется инерцией социального подкрепления генетически и эволюционно самого молодого из органов чувств – слуха, в архаической структуре бытия и менталитета африканского общества.

Восбще-то интерес к игрушкам, особенно новым и необычным, заложен природой в любом нормальном ребенке, даже в сдержанных среди незнакомых людей африканятах. Как-то раз, отправляясь на конференцию ООН в Республику Нигер, я приобрел в «Детском мире» целую коробку маленьких пластмассовых калейдоскопов. Прогуливаясь вблизи отеля, дочь подарила кому-то из местных детей эту нехитрую игрушку. Начиная со следующего дня нас при выходе из гостиницы встречал и далее сопровождал эскорт ребят, восхищенно восклицавших: «Сувенир пур лезо» (сувенир для глаз). До сих пор размышляю о причине беспрецедентного успеха в Африке (помимо Нигера – в Мали, Гане, Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Гамбии) такой простенькой игрушки. Что так привлекло в ней детей? Сама операция вращения пластмассовой трубочки? Удачная цветовая гамма стеклышек, заключенных в ней? Витражная геометрия узоров, радующих глаз? Или же необычность этой игрушки состояла в ее принципиальной непрактичности, невозможности использования в иных, кроме эстетических, целях?

Конечно, игра, по справедливому замечанию доктора Б. Кром-Кру, ничего вещественного, зримого, того, что можно было бы потрогать, обычно не создает (ни товаров, ни произведений искусства), не закладывается в генетический код человека. Однако недостаточность игрового компонента так же негативно сказывается на психике, умственном и физическом развитии человека (индивида), как и неполноценное питание, приводя к заметным психическим отклонениям и невосполнимой умственной отсталости¹.

Почему же у африканских детей почти нет специально предназначенных для их развития «игральных» игрушек? Только ли из-за вопиющей бедности континента? Или в связи с отсутствием интереса к ним? Конечно, по другой причине. И гипотетический ответ на этот каверзный вопрос звучит парадоксально: африканским детям они не особенно нужны, по крайней мере, далеко не в той степени, как их европейским сверстникам.

¹ См.: Кром-Кру Б. Учебно-воспитательный потенциал африканской концепции игры // Перспективы. Вопросы образования. ЮНЕСКО, 1987. № 4. С. 110.

Последние во многом отгорожены чересчур заботливыми родителями и специальными социальными институтами от реальной жизни со всеми ее противоречиями, опасностями, травматизмом, риском принятия самостоятельных решений. Их имитирует и во многом заменяет безопасный эквивалент в виде фантастически богатого мира разнообразных игр и игрушек, скаутских и иных сугубо детских и подростковых мероприятий, в крайнем случае перевоплощения в сыщиков-разбойников или в индейцев. Характерно, что ни индейская, ни африканская детвора в белых не играет, вероятно, потому, что психологического комплекса неполноценности не чувствует.

Африканские дети сизмальства вполне сознательно погружаются взрослыми в самостоятельную жизнь, с целью как можно раньше научиться обеспечивать хотя бы самое элементарное биологическое существование и нормальное психическое развитие. Самодельная Барби из початка кукурузы нужна лишь до тех пор, пока девчушка не в состоянии сама взять на руки младшего братишку или сестренку. Детвора Африки особенно охотно играет во взрослых, обычных окружающих их людей. Вероятно, в каком-то смысле ребята и сами выступают друг для друга «игрушками» типа специфического психологического зеркала, в которое они «смотрятся», сверяя свои действия, чтобы не очутиться в социальном Зазеркалье родного этноса.

В качестве материальных аналогов европейских игрушек африканские детишки старательно орудуют тривиальными предметами традиционного труда и быта, вся игрушечность которых заключается подчас в их уменьшенных по сравнению со взрослыми орудиями размерах. Маленькими мотыжками девочки самозабвенно рыхлят крохотные грядки. Мальчишки с луком и стрелами, а чаще просто с рогаткой охотятся на мелкую дичь, грызунов, земляных крыс, черепах, варанов, собирают съедобных термитов. Охотятся не на экране компьютера, не понарошку, а наяву, взаправду. Удочками и сачками ловят рыбу, с пастушеским посохом стерегут овец, коз, нередко вместе с подаренным по случаю дня рождения бычком (такой обычай бытует в скотоводческих племенах). Пригласив девочек (опять-таки в подражание взрослым), устраивают время от времени праздник своей возрастной группы с участием сверстников из соседней деревни и своих старших родственников. На стол подают, как правило, то, что сами вырастили, собрали, поймали. Если угощение оказывается слабым, то дети ходят маленькими группами среди хижин, где живут взрослые, и выпрашивают продукты для угощения в конечном

счете самих дарителей. Элемент игры, но с сильным реалистическим моментом, основанным на традиции уравнительного распределения пищи среди своих в случае крайней нужды. Короче говоря, ребята исполняют роли старших, но уже не с безмолвными и неподвижными куклами, а с самими взрослыми, как бы наравне с ними, могущими и тактично подправить, и помочь советом, и поощрить добрым словом. Что касается «сервировки» праздничного стола, устраиваемого детьми, то и в этом случае природная смекалка, а также выработанная в играх склонность к экспромту обычно избавляет от лишних хлопот и забот. Как-то в одной из провинций Эфиопии мне довелось оказаться гостем такого мероприятия. Помню, что общим сиденьем для гостей стал ствол когда-то срубленного дерева, слегка зачищенного накануне. Вместо стола для размещения пищи использовались собственные колени едоков. Столовые приборы вполне успешно заменялись естественными органами манипуляции предметами внешней среды – гибкими, многофункциональными, находящимися всегда «с собой» пальцами вымытых рук. Функцию оказавшейся совершенно излишней в подобной ситуации тарелки, а затем салфетки для вытирания рта и рук сыграли сорванные листья громадных африканских лопухов.

«Детская хижина»

За неимением в достаточном количестве национальных школ и учителей, а также в связи с общим бедственным положением большинства стран Тропической Африки, 37 из которых со средним доходом на душу населения менее 300 американских долларов в год отнесены ООН к числу наименее развитых стран, то есть составляют в рамках третьего мира его наиболее отсталую часть, нередко именуемую «четвертым миром» бедности, нищеты и болезней; на значительной части территории континента до сих пор сохраняется допотопная система подготовки подрастающих поколений к самостоятельной жизни. Мне довелось с нею соприкоснуться в сельской глубинке различных стран континента. Сейчас я хочу как-то систематизировать свои впечатления о специфике народной педагогики, опирающейся на бесписьменное обучение и воспитание.

Первое, что буквально бросается в глаза при посещении африканских деревень, – это удивительная самостоятельность детей младшего школьного и даже дошкольного, по нашим представлениям, возраста. Они, как бдительные часовые, раньше всех фиксируют появление гостей (чужих), становятся

добровольными гонцами, оповещающими об этом явно неординарном событии взрослых, будто разведчики, первыми интересуются целями вашего визита и возможностью получить достойный их внимания подарок кадо. Шустрые и любопытные, словно стая резвых молодых обезьянок, они вначале с опаской и оглядкой на меня, а потом уже достаточно решительно и энергично гладили руку моей дочери, словно удивляясь тому, как это у здоровых, нормальных с виду людей может быть столь огорчительно бесцветная кожа.

Откуда берется такая самостоятельность и социальная смелость? Оказывается, уже в возрасте 6–7 лет африканские дети (по крайней мере, деревенские), как правило, избавляются от опеки матери и переселяются в особые детские хижины, переходя под неусыпный, но весьма тактичный, неназойливый и не бросающийся в глаза патронаж своих соответственно дедушек (мальчики) и бабушек (девочки). При отсутствии крупных когорт ровесников объединяют погодков либо передают детей на воспитание в другую семью, желательно к дяде по матери. Эти обычаи, напоминающие азиатское аталычество, имеют своей целью исключить избалованность и капризность подростков из-за частого отсутствия необходимой строгости и объективности в оценке их поведения у излишне любвеобильных родителей. Генеральная стратегия воспитания и обучения – имитация занятий взрослых соответствующего пола, знакомство с основными приемами ведения хозяйства, со славными деяниями уважаемых предков и собственной родословной, а также прочное усвоение правил общения и общежития, истоки которых ведут к границе животного и человеческого миров, некогда составлявших неразрывное единство, что прекрасно отражено в космогонических мифах любой этноплеменной группы.

Главное, что поражает в детских хижинах, – взаправдашное, а вовсе не игрушечное самоуправление малышей, многим из которых еще порой требуется помощь при необходимости вытирания носа. И это всерьез! Лидеры избираются непосредственно ребятишками с предварительным выдвижением и обсуждением альтернативных кандидатур, а затем голосованием в лучших традициях представительной демократии, о существовании которой, скажем, в далекой Великобритании, они, естественно, и понятия пока что не имеют.

Правда, есть одно существенное отличие. Крохотные представительницы прекрасного пола, привычно дискриминируемые в парламентских и иных демократиях практически всего взрослого мира, здесь, следуя незыблемым канонам класси-

ческого равноправия полов (пока что зафиксированного в чистом виде только в рамках исторически исходного, эгалитарного первичного социума с материнским счетом родства, характерного для мезолитической цивилизации), сами, словно отважные мифологические амазонки, избирают себе руководительницу; причем мальчики не только не вмешиваются в этот процесс, но и не участвуют в нем, ибо протекает он в тайном месте, для них заведомо недоступном. Первичное равноправие полов состоит в их, так сказать, определенном дистанцировании и принципиальном невмешательстве в дела друг друга. Кстати, свободно избираемые лидеры столь же свободно лишаются своих общественных постов, если их стиль руководства не удовлетворяет «массы».

Когда речь заходит о детском и подростковом лидерстве в условиях самостоятельной жизни, хотя бы формально не зависящей от взрослых, невольно вспоминается леденящая душу и вместе с тем проникновенная повесть – притча английского писателя Уильяма Голдинга «Повелитель мух»¹. Острый сюжет талантливого произведения строится на том, что несколько десятков английских школьников младших и средних классов решили провести очередные каникулы в экзотических тропиках. Однако они оказываются жертвами нелепой авиационной катастрофы и попадают на необитаемый тропический остров, затерянный в необозримых просторах океана, вдалеке от маршрутов рейсовых судов. Все взрослые – и учителя, и пилоты – погибли во время вынужденной посадки, спасая детей. Оставшись одни, школьники-подростки в результате упорного соперничества за власть и непомерных личных амбиций тех из них, кто особенно рьяно претендовал на непререкаемое лидерство в сложившейся ситуации, по сути дела, докатились до самоуничтожения друг друга. Официально-абстрактные представления о джентльменских правилах взаимного уважения и поддержки, формально вдолбленные в их головы (но не души), оказались недостаточно подкрепленными соответствующим морально-чувственным эквивалентом и какой-либо конкретной социальной деятельностью в общих интересах, а потому в экстремальных условиях за ненадобностью и непрочностью они стали стремительно испаряться. Бурно формирующаяся стадность быстро вытеснила все то, что могло бы стать фундаментом коллективности и взаимной поддержки, столь необходимых в катастрофической ситуации, где ставкой стала борьба за выживание. Застрашавший в сознании англичан со времен Войны Алой

¹ Голдинг У. Повелитель мух. М.: Педагогика, 1990.

и Белой розы средневековый национальный принцип «мой дом — моя крепость» и карьеристская жажда героизма отодвинули от честолюбивых подростков реальную опасность для их жизни, раздробили то, что могло бы стать коллективом, дружной командой сверстников, сухопутным экипажем. Вместо этого за прозрачную виртуальную власть над обезумевшими от стресса ребятами билась с потенциальными, кстати весьма здравомыслящими, конкурентами небольшая группка законченных эгоистов и эгоцентристов, буквально подмявшая под себя почти всех остальных по принципу зависимости, страха и силы.

Игра в дикарей, согласно прописям рекомендованных школьникам романов об отважных путешественниках, победивших, подобно их национальному герою Робинзону Крузо, судьбу и стихию, вскоре привела их к подлинному, а отнюдь не игровому одичанию. Дети из самых респектабельных семей стремительно скатывались вниз по лестнице цивилизационного развития человечества. Выражаясь словами Джека Лондона, десять тысяч лет цивилизации и культуры слетели с них, как шелуха с хорошо прожаренных семечек. Более того, вскоре они действительно психологически выродились в какое-то уродливое, неандертальского типа, не имеющее социальных тормозов квази-племя, скорее даже стадо, несущее в себе исключительно зоологический, звериный, сугубо негативный, беспросветно агрессивный потенциал, единственной реальной перспективой которого было неизбежное самоуничтожение. Кровь действительно пролилась. Появились первые жертвы детской жестокости. Лишь случайный, по сути дела, заход в эти воды английского фрегата принес спасение остальным подросткам, хотя некоторые из них, войдя в раж, не слишком обрадовались прекращению кровавой «игры».

В африканской детской хижине, напротив, идет веками отшлифованный и выверенный целенаправленный процесс энергичного и по возможности осмысленного впитывания своих поведенческих принципов и норм. Другой вопрос: каких? Но это когда есть выбор. В общем случае тех, которые завещаны мудрыми предками с определенными элементами неизбежной адаптации к среде, которые диктуются ситуацией и, как правило, адекватны ей. В принципе, в традиционном обществе дед, беря на руки новорожденного внука, мог с высокой степенью вероятности предсказать его жизненный путь по аналогии со своим¹.

¹ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322.

Здесь особое значение имеет фиксируемый прежде всего правым полушарием, окрашенный положительными эмоциями личный пример и буквально напичканный яркими деталями и конкретными подробностями эмпирический опыт старших прародителей. Кстати, лет до 13–14 правое полушарие обычно доминирует даже у подавляющего большинства представителей современного компьютерного поколения, не говоря уже об обитателях африканских «детских хижин», занятых трудной и ответственной подготовкой к вступлению в чарующий и кажущийся издали притягательно-волшебным мир взрослых, где можно делать все то, чего нельзя сейчас.

Словом, в потрясающем воображение своей психологической конкретностью романе Голдинга тщательно выписана ситуация полной дезорганизации отправившейся на совместный отдых группы и бурного панического распада еще не сформировавшейся толком личности. То есть нарисована картина, страшная в своей возможной реальности и железной логике, пагубная, ведущая к гибели. Напротив, в африканской детской хижине обычно происходит нечто прямо противоположное – организованная адаптация индивидов-сверстников к коллективной жизни и совместной деятельности и, наоборот, своеобразная подгонка традиционных стереотипов поведения к конкретной психологической и физиологической специфике конкретных детей. У Голдинга – власть ради самой власти, эгоизма, незрелых амбиций. Здесь – лидерство как осознаваемая мало-помалу ответственность за остальных, постепенное целенаправленное, хотя подчас и неосознаваемое, развитие рефлексии левого полушария, обеспечивающей согласованность целей и координацию действий всерьез «играющих во взрослых» детей в условиях усвоения опыта предшествующих поколений. Реальные «дикари» на деле оказываются гораздо цивилизованнее и жизнеспособнее, нежели их самодовольные сверстники, потомки первых парламентариев планеты.

Ребязье «казначейство»

Второй по значимости и реальной роли игровой фигурой возрастного братства является также избираемый всеми казначей. Своего рода детский министр финансов, он же – заместитель лидера, вождя. В круг его непосредственных обязанностей входит распоряжение в общих интересах кассой детского сообщества, организация заработков и получение прочих доходов. Он же санкционирует расходы, обеспечивает фи-

нансовую сторону проводимых юным возрастным братством мероприятий, в том числе наиболее ответственных, связанных с приглашением дружественных коллективов со стороны и своих старших родственников.

Откуда же у детей, да еще в глухой деревне, настоящие деньги? Их и у взрослых подчас днем с огнем не сыщешь. Роль денег здесь обычно выполняют древние вещественные эквиваленты, до сих пор не вышедшие окончательно из употребления. Как-то дети африканских друзей принесли мне в подарок небольшие витые стержни из черного железа древнейшей местной плавки, вернее варки, как образно называет процесс их изготовления из болотной руды старинный русский летописец Даниил Заточник¹.

Оказалось, что передо мной лежали самые настоящие знаменитые «лесные деньги» *киси* с гвинейского плато Фута-Джалон, «выкорчевать» которые из меж- и внутридеревенского оборота французским колонизаторам так до конца и не удалось. Ими кое-где до сих пор платят выкуп за невесту, компенсацию за моральный ущерб или нечаянно нанесенную обиду, их дают в залог под будущую прибыль, берут в качестве эквивалента при отсутствии нормальных франков за нехитрую пищу и кров. Но, скажем, сигарет или кока-колы даже в деревенской лавке на них, конечно же, не купишь! Там уже царят совсем иные, труднодоступные традиционному сознанию, но исподволь все равно проникающие в него коммерческие отношения расчета, оборота, прибыли, которые, естественно (чаще всего косвенно), проникают и в детские хижинки. Мне пока что не довелось самому побывать в детских деревнях Лесной Гвинеи. И я не знаю, в ходу ли там сейчас древние *киси*. Но вот в других странах Западной и Экваториальной Африки и сегодня в цене (которая зависит в основном от удаленности от побережья океана) традиционные раковины мелких моллюсков – *каури*. Они здесь явно в большом почете. Громадное бронзовое изображение такой раковины украшает фронтон здания Национального банка Ганы. Изящная никелевая монета достоинством 20 *седи* (денежная единица этой страны) также несет на себе эмблему *каури*. Некоторые малийские ученые полагают, что благодаря хотя бы отдаленному внешнему сходству раковины *каури* в местном менталитете символизируют кости человеческого скелета, а потому имеют определенный сакральный смысл.

¹ См.: Андреев И.Л. Черная металлургия – древнейшая в мире? // Африка еще не открыта. М.: Мысль, 1967. С. 100.

В частности, именно ими уплачивается обязательный взнос при вступлении в ритуально-магические тайные общества¹.

В хозяйственных операциях детей каури играют роль взрослых денег. Например, для проведения праздника казначей объявляет сбор средств: по 80 каури с детей, по 160 – с подростков. Раковинами платят также штрафы за проступки. Каури хранятся в хижине как общий «денежный» фонд. Если дети или подростки продают на рынке что-то из самостоятельно произведенной ими продукции, то плату берут или «конвертируют» в каури и складывают выручку в общий котел. Когда надо что-то купить, например, в процессе подготовки к празднику с приглашением старших, раковины берут из него же. Каури не становятся индивидуальной собственностью детей и подростков. Они играют не разъединяющую (как во взрослом, особенно западном мире), а, напротив, интегрирующую обитателей детской хижины роль.

Вне этой сферы каури – один из самых распространенных элементов традиционных украшений. Из них делают колье, бусы, браслеты, часто в сочетании с хорошо выделанной кожей. Океанские раковины украшают, наряду с осколками зеркал, колокольчиками, рыболовными крючками, вбитыми гвоздями, также фигурками фетишей, иногда очень зловещих (по крайней мере, на вид). Мальчики могут вмонтировать раковины каури в древко своего копья или в дугу и накладку лука, девочки – сделать из них нехитрые украшения: бусы, браслеты, брошки. Дети привыкают, что деньги играют роль средства учета при ведении хозяйства, но избавлены от соблазна индивидуальных покупок либо накоплений. Все вместе, и всё – всем!

Кстати сказать, каури и кисы еще не стали исключительно детскими игрушками. И хотя в национальной экономике их роль ничтожна, на отдаленных от городов и дорог маленьких деревенских рынках они все еще в ходу. К тому же для многих африканцев каури и кисы психологически как бы ближе, роднее, теплее и привычнее, чем анонимные замусоленные бумажки с непонятными неграмотному человеку из деревни словами на иноземном языке и полустершиеся металлические кругляши, больше похожие на пуговицы форменной одежды швейцаров в принципе недоступных, да и ненужных ему столичных ресторанов. Все это – другой мир, другая цивилизация,

¹ См.: *Арсеньев В.Р.* Бамбара: люди в переходной экономике. Очерк традиционной организации хозяйственной деятельности. СПб., 1997. С. 188.

хотя обе расположены на одной земле. Однако пока что они больше соседствуют, нежели взаимодействуют.

Игрушечная «жена»

Третий ключевой момент феномена детской хижины – очень четкое обособление детей по признаку пола. Мальчишеские и девчоночьи возрастные группировки, входящие в нижние этажи традиционных мужских и женских союзов, связаны специфическими клятвами о секретах друг от друга, живут в разных, хотя и рядом расположенных помещениях, контуры взрослых связей и отношений между ними уже намечены. Внешне все выглядит как у старших. Но не совсем. Каждому мальчику предписывается самостоятельно выбрать себе понравившуюся ему (иногда, но достаточно редко, ему в этом помогают советом взрослые) детскую «жену» – девочку, которую он опекает, ухаживает за ней, помогает ей, оказывает знаки внимания, осуществляет заботу о ней, выступая в роли своего рода игрушечного «мужа»¹.

В дальнейшем их пути, как правило, расходятся. Семью каждый строит с кем-то другим, но дружеская привязанность нередко остается на всю жизнь. Что же гасит эту чистую светлую юношескую любовь? Интересное объяснение дал профессор Жозеф Оканза, в качестве посла представлявший в Москве Народную Республику Конго. По его мнению, отношения между игрушечными «супругами» в ходе совместных игр и частого общения складывались чересчур демократичными, равными, доверительными. Это в корне противоречит другим, более молодым (сложившимся вместе с вытеснением институтов матриархата патриархальным счетом родства и наследования) традициям, согласно которым муж в семье неизменно командовал, а жена должна была его бояться и безропотно ему прислуживать².

Другое весьма существенное отличие традиционного детского «супружества» от взрослого заключается в том, что здесь не фигурируют пока ни выкуп за невесту, ни желание установить или укрепить путем брака полезные родственные связи. Словом, никто не навязывает «молодым» свою волю, и игрушечный «брак» в этом смысле оказывается гораздо более избирательным и «адресным», нежели потом семья, строящаяся на фундаменте сухих и суровых архаических традиций.

¹ См.: Андреев И.Л. Школа жизни // А почему? 1997. № 7. С. 16–18.

² См.: Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. М., 1983. С. 59–62.

Зачем же тогда затевается сама игра «в супругов»? Чтобы более уверенно и психологически комфортно войти в предстоящую взрослую жизнь. Ведь именно «в представлениях о половых различиях символизируется социальная преемственность: родство, социализация младшего поколения, культуротворчество, совершение ритуалов, знаменующих наступление взрослости, зрелости и т. д.», считает американский автор К.У. Гейли, разъясняя далее, что помимо репродуктивной функции женщине предстоит, как правило, участие в производственном процессе и ведении домашнего хозяйства, а потому игровые ситуации подчас несут весьма важную нагрузку в гармоничном становлении будущих гендерных (межполовых в широком смысле) отношений, тем более что именно они, так сказать, в чистом виде представляют собой ничем не замутненную модель эгалитарного полового параллелизма безо всяких намеков на его, как правило, неизбежную последующую иерархизацию¹.

Начиная с первых вечерних сказок и еще раньше – с личного представления ребенку его окружения на фоне демонстрации половой дифференциации животного мира акцентируется принадлежность людей к «тетям» или «дядям». Отражается гендерный аспект и в прозвище ребенка, связанном с кем-то из реальных близких родственников, и в одежде, сменяющей пеленки и хождение голышом, и в игрушках, которые дают им взрослые, и даже в различном, в зависимости от пола и возраста, именовании гениталий. У бамбара Мали крохотный пенис малыша называется «мышонком», у подростка – «песиком», у взрослого – «выступом», или «достоянием». Соответственно, вагина в лингвистическом смысле эволюционирует от «ротика» к «змее», а затем (после инициации) – к «ловушке». Параллельно выделяются основные психологические и деятельностные параметры маскулинности и фемининности. В первом случае это смелость, твердость характера, умение убедительно говорить, связанное с обыденной немногословностью, самообладание и готовность к самопожертвованию. Во втором – обаяние, домовитость, работоспособность, сдержанность, выносливость, терпеливость, способность к деторождению и надлежащему воспитанию детей, покорность мужу.

«Молодежь бамбара», – резюмирует результаты собственных полевых исследований по затронутой теме известный

¹ Гейли К.У. Диалектика пола в процессе формирования государства // Советская этнография. 1990. № 5. С. 87.

санкт-петербургский африканист Владимир Романович Арсеньев, – с раннего детства видит противопоставленность и взаимодействие полов и в бытовых (жилище, прием пищи, разделение труда и т. д.), и в ритуальных (представления тайных союзов, праздники, обряды аграрных циклов и др.) ситуациях. Интуитивно и целенаправленно/осознанно она усваивает скрытый механизм этого “взаимодействия через противопоставление”, занимает свое место в нем в соответствии со своим реальным и признаваемым обществом полом. Тем самым создаются предпосылки к реализации идеального, с точки зрения принятых стереотипов, воспроизводства общества, идентификации половой реальности индивидов»¹.

Другой вариант так называемого «испытания женитьбой» понарошку, касающееся ребятишек несколько более старшего возраста, исследователи зафиксировали у племен **шона** в Зимбабве. Там мальчики и девочки 10–11 лет разбивались на пары, строили небольшие полуигрушечные хижины, вели совместное домашнее «хозяйство», демонстрируя друг другу свое искусство в трудовых и бытовых навыках. Они устраивали также совместные игры, по вечерам танцевали под тамтамы в кругу своих сверстников, словом, имитировали и репетировали (опять же в демократическом варианте бескорыстного равноправия) свою будущую взрослую семейную жизнь².

Характерно, что представители современного психоанализа и дзен-буддизма специально подчеркивают, что ролевая нагрузка девочки в таких ситуациях более сложна и ответственна, нежели мальчика. При этом они ссылаются на то, что материнство в гораздо большей степени призвано служить мерой самореализации самки человека, чем отцовство человеческого самца. Поэтому ориентация девочки на то, что она со временем станет мамой, вполне естественна и требует соответствующей психологической подготовки сызмальства, в отличие от аналогичного заявления ее сверстника насчет желания отцовства. Но ведь и материнство само по себе далеко не исчерпывает всего спектра возможностей самореализации женщины даже в традиционном социуме, будучи дополняемым (при

¹ Арсеньев В.Р. О воспроизводстве стереотипов полоролевого поведения бамбара // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 37 и сл.

² См.: Ксенофонтова Н.А., Львова Э.С., Караханян Д.Г. Брак и нормы половой морали как важнейшие элементы образа жизни африканской деревни // Мир африканской деревни. М., 1997. С. 141.

наличии соответствующих условий) хозяйственными, деловыми и социальными функциями¹.

Навеянное полными чудес и перевоплощений сказками и эпосом, красочными празднествами и таинственными ритуалами, стремление детей к максимально достоверной имитации поведения взрослых имеет целью доказательство ими на деле своего умения вести себя тактично и достойно по отношению к будущей жене, удачно сыграть на людях роль взрослого, настоящего, полноценного мужчины. В психологическом плане в этом нет ничего удивительного и даже мало специфически африканского. В годы всех войн и революций бурного нынешнего столетия наши прадеды, деды и отцы приписывали себе года, чтобы попасть на фронт и обязательно стать героем. Малыша похваливаем: «Какой ты большой!» Или стыдим: «Расплакался, как маленький!» Это какая-то общая закономерность. Молодость торопится, старости спешить уже некуда. Стремление к самостоятельности глубоко сидит в неизбалованных детях и подростках. В Африке высшая оценка поведения мальчика: «Ты поступил как настоящий мужчина!» *Как!* Пока только *как*, но надежда есть, что ты им станешь. Подростковый азарт достаточно гармонично вписывается в традиционном обществе в контуры воспроизводимой детьми и подростками социальной стратификации, сочетающей возрастные возможности индивидов со стимулируемым ритуалами поведенческим потенциалом.

Традиционная педагогика

Когда речь идет о детских хижинах и союзах, по сути дела, затрагивается такая утонченная, деликатная сфера, как народная педагогика. В данном случае – главным образом практическая, эмоционально-чувственная, деятельная, наполненная виртуальным содержанием. Правое полушарие головного мозга, обеспечивая целостное, картинное, образное, пространственно-двигательное мышление, вместе с тем дает пищу и простор для развития функций и структуры левого полушария – коммуникативно-знакового, ритуально-символического, абстрактно-логического, жестово-речевого интеллекта и моделирования поведения, как своего собственного, так и других людей. Вкупе они составляют эволюцию того, что в этнологии обозначают понятием менталитет, ментальность, деятельность коры голов-

¹ См.: *Мартино Р. де.* Человеческая ситуация дзен-буддизма // Фромм Э., Судзуки Д., *Мартино Р. де.* Дзен-буддизм и психоанализ. М., 1997. С. 189.

ного мозга, мыслительные процессы. У представителей традиционных цивилизаций, как правило, доминируют правое полушарие, в ходе эволюции сконцентрировавшее в себе генетический потенциал этологии всего класса млекопитающих, и виртуально-чувственное представление о происходящем вокруг. Такая же закономерность наблюдается и в индивидуальном развитии. С этих позиций задача архаической педагогики – по возможности не дать левому полушарию забить, оттеснить, подчинить, игнорировать развитие правого, которое с точки зрения конкретных задач непосредственного индивидуального жизнеобеспечения представляется в архаическом сознании залогом физического совершенства и ловкости, практической сметки и быстроты реакции.

Под таким углом зрения по-своему символически смотрится даже то обстоятельство, что операция счета предметов либо фиксации времени в традиционно-архаических социумах вызывает известную осторожность и даже некоторое опасение. Чего и почему? Лишения считаемых предметов каких-то внутренних свойств? Возложения на себя функций некоего высшего существа, способного выходить за рамки реального мира и созерцать его как бы со стороны, подобно демону Максвелла? Или это один из эволюционных вариантов специфической «диверсии» правого полушария, направленной на обуздание излишней активности левого, молодого, сформировавшегося непосредственно в процессе антропосоциогенеза?

Не этим ли объясняется эмпирически сложившаяся у древних племен Центральной Америки, например *киче*, *майя* и их предшественников, традиция прижизненной трепанации сразу после рождения специально сжимаемого черепа молодых людей именно с левой стороны, что вело к ослаблению потенциально доминирующей роли левого полушария, мешающего полной реализации специфической деятельности правого?¹ Не напоминает ли этот древний обычай в его крайнем выражении фабрикацию безмолвных, искусственно лишенных памяти и воли, бездумно послушных приказам своего хозяина манкуртов в степях Казахстана, описанных в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»? Не здесь ли лежит ключ к адекватному пониманию глубинных пластов мифологического мышле-

¹ См.: *Ершова Г.Г.* Интуитивное знание и модель универсума // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Духовная культура. Вып. 4. СПб., 1996. С. 41.

ния? Что есть первобытная магия: «удвоение» реальных предметов и процессов либо их раздвоение на абстрактные и чувственно воспринимаемые, виртуальные и константные?¹ Или в ее основе запрятано эволюцией направленное ограничение (до поры до времени) поля деятельности левого полушария, его подавление и оттеснение на периферию практической деятельности людей, оставляя ему, наряду с замысловатой многозначной речью, структуру мифа и эпоса, расшифровку жестов и поз, танцевальных фигур и иных знаковых действий, включая «язык» тамтамов. На нем виртуозы рассказывают забавные истории и даже анекдоты, а не только передают сухие информационные сообщения, благодаря которым эти африканские барабаны получили название «телеграфа джунглей»?

Одной из наиболее характерных черт африканской народной педагогики является безусловный и безоговорочный авторитет наставников и устной информации, которую он транслирует из далекого исторического прошлого. Сомнениям и скепсису здесь места совсем немного. Услышанное, как правило, приходится принимать на веру. Кроме того, знания мифологического, космогонического, эзотерического характера весьма слабо связаны с жизненно необходимыми практическими навыками овладения новыми современными профессиями и техническими средствами, а также основами предпринимательства и бизнеса, хотя инфекция и того и другого уже затронула многие традиционные институты солидарности и совместного выполнения общих дел, подчас ловко используемые «новыми африканцами» в эгоистических и корыстных интересах².

Иными словами, процесс обучения в архаическом обществе как бы расщепляется на то, что нужно знать, следуя традициям великих и мудрых предков, и то, о чем предки подчас представления не имели, но сегодня без этого трудно ориентироваться, а тем более сносно устроиться в современной жизни, особенно городской и портовой. Деревню эти новшества значительно дольше обходят стороной, оставляя ее – до поры до времени – буквально на обочине процессов бурно раскручивающейся социальной эволюции.

¹ Заслуга в разработке психологии виртуальности принадлежит А.Н. Носову. См. его книги: «Виртуальный человек» (М., 1997) и «Виртуальная психология» (М., 2000).

² См.: Арсеньев В.Р., Маслов А.А. Опыт полевой работы в Мали в 1996–1997 годах // Бюллетень Центра африканских исследований СПбГУ. СПб., 1997. С. 11–13.

Вместе с тем у меня сложилось стойкое впечатление, что в детских и подростковых поселениях функционируют какие-то свои, заветные, традиционные аналоги ежегодных ступеней продвижения по стезе практических знаний и умений со специфическими экзаменами, древнейшие прообразы будущих классов нынешней школьной системы, своего рода неписанные программы и методические приемы. Вероятно, поэтому в национальных системах образования (особенно начального) многих африканских стран в несколько трансформированном виде подспудно прорываются элементы и детской хижины, и подростковой школы саванн и джунглей. Это и акцент прежде всего на практический профиль познания окружающего мира, психологическую отработку надлежащего поведения в трудных и опасных ситуациях, бесспорное предпочтение коллективных задач и интересов индивидуальным, уважение к старшим и забота о младших, весьма оригинальные, выработанные тысячелетиями варианты ситуаций целенаправленного создания (нередко с помощью специализированных ритуалов) необходимого и смены нежелательного эмоционального настроя, широкое использование информационного и чувственного потенциала старинных песен и танцев, сказок и музыки, эпоса и шуток, загадок, пословиц и поговорок.

Танец и песня как средство игрового воспитания

В африканском обществе язык танца и песни как музыкального единства ритмики звуков, движений, поз, жестов, прихлопываний, пристукиваний, присвистываний, мимики, слов, междометий, помимо информационно-ритуальной символики, весьма важен в качестве привычной формы совместного переживания значимых социальных состояний, снятия усталости, преодоления меланхолии, создания атмосферы единения, осознания общих целей, готовности к совместным действиям и иных форм традиционной коллективной психотерапии¹.

Ядром всей обрядности и разыгрываемых ритуальных психодрам испокон веков был, остается и, насколько можно предвидеть, останется танец как коллективное одновременно физическое (спортивное) и психологическое действие, сближающее танцующих в общей волне ритмики и звуков, сплавляющее людей с самых малых лет. Вопрос: «Все ли африканцы умеют и любят танцевать?» – звучит так же нелепо, как интерес к тому, умеют ли они ходить, говорить, дышать, есть и пить. В танцах, поми-

¹ См.: Рудестам Ньелл. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1990. Гл. 7, 9.

мо тысячелетиями отточенной виртуозной техники, заключена глубокая духовная сила, направленная на сплочение родственного коллектива не только синхронно, вширь, как совокупности одновременно танцующих, но и вдоль по оси времени, связывая традиционным танцем живущих с уже умершими и еще не родившимися¹.

В чем же секрет африканского танца? Прежде всего в том, что органичный синтез музыки и танца воспроизводит такие естественные движения человеческого тела, которые соразмерны биению сердца и дыханию, ритму марша и любовного соития, мини-циклам важнейших природных стихий и даже всей Вселенной. Африканец, будучи на месте Декарта, мог бы сказать: «Я чувствую, я танцую “другого”, следовательно, я существую»².

По меткому, ставшему афоризмом выражению Леопольда Сенгора, обычно африканцы, ничего специально не придумывая, просто-напросто «танцуют свою жизнь», а гордая посадка их головы напоминает прямую и изящную шею лебедя пустыни – величественного страуса. Недаром, сопоставляя вестерн-цивилизацию с самобытной африканской, Сенгор в течение нескольких лет не устал повторять, что в первом случае речь должна идти о достаточно жестком конгломерате автономных и суверенных граждан-индивидов, а во втором случае – о динамичном диалоге, взаимодействии, общении трепетных душ³.

Основные скульптурного облика, осанки, выносливости, а также коллективистски-родственного мировосприятия и образа жизни закладываются в детских хижинах и союзах, затем закрепляются в подростковых лагерях подготовки к инициации. Вместе с тем за бесхитростной, казалось бы нарочитой, простотой художественных форм естественной жизни традиционного африканского социума скрывается весьма важная и одновременно поистине деликатная социальная функция. Ведь в общностях детей и подростков с их еще не устоявшейся, лабильной психикой настроение обычно динамично пульсирует от всплесков до спадов, очень легко, как огонь в засушливой саванне перебрасывается от одного к другим, чаще охватывая всех энтузиазмом либо унынием, реже – успокаивая одних и возбуждая остальных. Психологи давно отметили, что общий,

¹ См.: Федорова Л.Н. Африканский танец. Обычаи, ритуалы, традиции. М.: Наука, 1986. С. 28.

² См.: *Seinghor L.S. Nation et voie du socialisme*. P., 1961. P. 71.

³ См.: Сенгор Л.С. Негритюд: психология африканского негра // Ступени. СПб., 1992. № 3. С. 93–94.

объединяющий, оптимистический ритм настроения детского коллектива – явление нормальное, напротив, аритмия – сигнал тревоги и необходимости взять ситуацию под контроль старших: дедушек и бабушек – в детских хижинах и союзах, учителей и воспитателей – в детских садах и школах.

Постепенное целенаправленное введение детей, а затем подростков в выработанный веками жизненный ритм традиционного общества создает атмосферу некоего общего, усредненного, единого «времячувствования» в танцах, песнях, совместных переживаниях и деятельности как необходимого условия развития рефлексии – психологически адекватного ситуациям интуитивно-мысленного воспроизведения должного поведения других членов своего коллектива даже тогда, когда между ними временно отсутствует реальный перцептивный канал связи и исключена возможность любого общения. Это «коллективное сознательное», доведенное подчас до автоматизма, опирается не только на конкретно-практическую, предметную деятельность правого полушария, но и на речевую «работу» левого полушария в смысле его ориентации на мифы, эпос, сказки и т. д.

Сама мотивация традиционного поведения, по сути дела, лишена креативности, ибо идет как бы «из прошлого», порождается им, накрепко связана с ним. Поэтому жизнь подчас и представляется движущейся вспять, как бы навевающей ностальгию по тем временам, когда мерилom авторитета, щедрости и оценки адекватности даро-обменных отношений служили те самые гладенькие, отполированные водами и водорослями теплых южных морей раковины каури, которые сегодня выступают в роли игральные денег, как бы переместивших далекое прошлое предков в детские хижины их потомков.

Старинная русская поговорка гласит: «Новое время – новые песни». В африканском варианте ее резонно переиначить: «Новые песни (дела, ритмика жизни) – новое время» (вернее, его восприятие). Иными словами, перед традиционными парадигмами (формами) мировосприятия, различными слоями и институтами африканского общества все острее встает психологическая проблема своеобразного футурошока, столкновения с такой незримой ипостасью времени, как будущее, без чего невозможна сколь-нибудь адекватная ориентация в динамично меняющихся условиях современного мира. И хотя еще совсем недавно некоторые из африканских президентов бравировали, отвергая ношение часов как признак низкопоклонства перед Западом, все чаще на рынках и лотках коробейников в самых далеких уголках Африки,

а глазное, на тонюсеньких детских ручках можно увидеть дешевые пластмассовые часики. Вначале для многих они – становящееся модным украшение. Позднее такое украшение становится привычным, удобным и, наконец, необходимым регулятором деятельности.

Так в жизнь Африки (сначала городской и портовой, позднее – и сельской) входит глубинный психологический феномен – осознание времени как единого, равного для всех земель. Как в принципе всемирного пространства цивилизационного развития и человеческого бытия, как не вещественного (но информационного!) инструмента консолидации целей, задач и самой деятельности людей. В этом заключена возможность ее планирования, творческого и конструктивного отношения к окружающему миру и к самим себе, сознательного, целенаправленного преобразования условий, характера и перспектив социальной действительности, жизни собственной и последующих поколений рода человеческого¹.

Это одна из главных психологических задач и одно из ключевых, принципиальных отличий современной национальной африканской школы от традиционной детской хижины и подростковых лагерей подготовки к инициациям. Однако характерно, что при всем этом главные возрастные зарубки традиционной шкалы времени не стираются в социальной памяти нового поколения, а приобретают иной облик. Свой приход в школу юные африканцы воспринимают в духе обычая перехода в новую возрастную группу или переселения в детскую хижину, вступления в детский союз. Характерен в этом смысле фрагмент песни первоклассников, которую мне довелось услышать в городе Анцирабе на Мадагаскаре:

*Сейчас я вырос и стал другим
По сравнению с прошлым сезоном дождей,
Когда я только играл.
Сейчас я учусь и тружусь,
Потому что я уже вырос.
Я больше не плачу,
Я чаще смеюсь,
Потому что я уже вырос².*

Впрочем, вырос – еще не значит, что каури навсегда ушли из твоей жизни. Ведь в Африке они не только детские деньги, молодежные украшения, но и вполне взрослая азартная игра,

¹ См.: Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 126, 134.

² Перевод И.Л. Андреева.

построенная по принципу теории вероятности и напоминающая чем-то усложненный вариант бросания металлической монеты на предмет выпадения орла или решки. Игра эта в ряде африканских стран настолько популярная и захватывающая, что некоторые игроки заканчивают ее, лишь оставшись без одежды. А суть ее в том, что играющие садятся на земле в круг и поочередно бросают на кон по четыре раковины каури. Если две из них легли отверстием вверх или все четыре набок, но так, что отверстия все же видны, бросавший выиграл то, что поставлено на кон. Если расклад иной, он проиграл. Теперь настает очередь бросать свои раковины другим партнерам. И так далее.

Однако гораздо более азартной африканской «рулетки» с каури распространены подвижные игры, основанные на усвоении принципа зеркальной симметрии, которые развивают способность быстрого анализа пространственных взаимоотношений, а заодно дают детям и подросткам навыки координированных действий в сочетании с чувством коллективизма и уважением старших. На пустырях столичных пригородов и за околицами деревень во многих странах Западной Африки, наряду с истинной эпидемией футбола, зачастую можно наблюдать типичное для этих мест зрелище. Мальчишки и подростки играют в *мбонго*. Так называют битую, выточенную в форме небольшого диска из плотной древесины. Разделившись на две команды и выстроившись друг против друга на расстоянии нескольких метров, ребята по очереди раскручивают диск и метают его в сторону команды противника, а те пытаются на лету проткнуть летящий снаряд двухметровыми палками, вырезанными из ветвей кустарника. Каждый игрок, проткнув *мбонго*, должен выкрикнуть имя отца. В этой игре нельзя делать ставок на деньги и вещи. Счет очкам ведут до шести. Победившая команда хором кричит: «Ура! Мы взяли деревню!» Что это значит, откуда пришло такое выражение, мне выяснить пока что не удалось. Ответ стереотипен: «Так принято!».

Вроде ничего особенного. Но если в твоей жизни нет ни чтения, ни кино, ни театра, ни цирка, ни телевизора, то и *дзек* (так называется эта игра) способна пощекотать нервы и на время отвлечь от назойливых, будто сумеречные комары или полуденные мухи, достаточно однообразных и, как правило, скучных сиюминутных забот и хлопот.

Камикадзе саванны

Вообще-то природная сметка, подростковая находчивость в смелом сочетании с артистическим авантюризмом, а также

явное гребобладание групповых игр, проказ и проделок над индивидуальными – характерная черта формирующегося африканского характера. Плюс высокая степень адаптивности к обстоятельствам, быстрая и адекватная оценка ситуации. За примерами далеко ходить не надо. С целью пополнить свой обычно весьма скудный, но зато полностью самостоятельный групповой бюджет, обитатели детских хижин и особенно подростковых лагерей подготовки к инициации порою проявляют немало выдумки и энергии.

Мне вспоминаются в данной связи несколько эпизодов на проселочных дорогах Сенегала. Где-то на колдобине машина сбавила ход, и тут же ее облепила группа шумных, отчаянно жестикулировавших детей. Они не давали проехать дальше, прежде чем пассажирами не будет уплачен установленный совсем недавно (только что? кем же? ими самими?) обязательный сбор на реабилитацию (ремонт) этой самой дороги. Лишь получив мзду и вдобавок изрядно поторговавшись насчет уплаченной суммы, мальчишки пропустили наш автомобиль.

Сходная сцена произошла примерно на этом же месте дней через пять на обратном пути. Правда, в этот раз ребята держали какой-то самодельный плакат, призывавший добровольно жертвовать средства на проведение очередного чемпионата мира по футболу в Африке, Сенегале, чуть ли не в их родной деревне. «Прямо Нью-Васюки какие-то!» – лезло мне в голову, когда пальцы нащупали в бумажнике соответствующую случаю банкноту. Ведь при всей декларируемой «добровольности» взноса, без его уплаты проехать было практически невозможно. А время поджимало. Темнеет близ экватора очень быстро, будто занавес во МХАТе опускают. И вспомнился незабвенный Остап Бендер, за которым по Военно-Грузинской дороге бежали босоногие дети с монотонными воплями: «Денги давай!»

Но, как оказалось, и это был еще далеко не самый верх мальчишеской смекалки и удали в ситуациях, когда взрослые, в связи с занятостью, не мешают вволю разыграться детскому воображению и подростковой тяге к подвигу. Ведь почти каждый иностранец, особенно европеец, согласно устоявшемуся среди обитателей африканской глубинки мнению, обделен не только внешностью (б-р-р, какая у него обесцвеченная кожа, почти как бумага или выгоревшая на экваториальном солнце светлая ткань), но и интеллектом. Крыша у него в Африке (не от жары ли?) обычно прилично «съезжает» с того места, где ей надлежало бы быть. Он хотя и богат, но, как правило, по местным понятиям, неумен, а то и просто глуп. А потому по-

полнить за его счет кассу возрастного братства – благое дело. Главное – «зацепить» за живое, а здесь без буйной фантазии и великолепного знания «ущербной» психологии иноземцев уж точно не обойтись. За примерами и ходить никуда не надо.

...По проселочной дороге, ведущей в Гамбию, с большой скоростью мчится мощный лимузин. Каждому хочется поскорее пересечь эту скучную однообразную равнину. Далее – банальная ситуация, напоминающая почти один к одному хрестоматийный пример, давно обошедший почти все учебники информатики. Из окна встречной, обдавшей нас облаком густой пыли машины донесся крик: «Баран!», да еще вдобавок голос был женским. Взбешенный, с побелевшим лицом джентльмен, сидящий за рулем, резко прибавил газ, грязно выругавшись в ответ на только что услышанную реплику. Я открыл рот, чтобы напомнить ему похожую ситуацию, в которой слово «Свинья!» означало вовсе не оскорбление, а максимально краткое указание источника неожиданной опасности. Однако было уже поздно. Из-за редких придорожных кустов на дорогу, прямо под автомобиля колеса выбежал (после того как его тренированным движением вытолкнули несколько пар дружных рук) баран, который с тупым безразличием устоял на что-то шумное, яркое, совсем близкое. Визжат тормоза, опытный водитель тщетно пытается маневрировать. Но баран ведет себя, как ему и положено народной молвой, совершенно непредсказуемо, и столь изобретательно запрограммированное столкновение становится абсолютно неизбежным.

Пока хозяин автомобиля осматривает смятый капот на предмет хотя бы предварительного определения понесенного ущерба, из ближайшего укрытия вылетает целая стая возбужденных мальчишек. Один из них картинно рыдает; другие столь же театрально и безнадежно успокаивают его. При этом все вместе они наперебой галдят, требуя от водителя непременно дожидаться дорожного полицейского патруля, чтобы уплатить штраф за превышение скорости, неумелое управление автомобилем и возместить ущерб маленькому хозяину столь неосторожно сбитого животного.

Безрадостная перспектива длительного ожидания на самом солнцепеке представителя местного ГАИ, которого в такой глухомани может не быть неделю, а затем длинных, утомительных и подчас разорительных разборок с ним и целым сонмом его коллег-начальников – грустна и безнадежна. А время? А планы? А люди, встречи с которыми уже нереально перенести или отменить? Приходится искать компромисс, модно выража-

ясь, – консенсус. Его, впрочем, и искать не надо. Он здесь, на виду. Это компенсация за утрату бедного и к тому же, как выясняется, очень любимого животного. И естественно, гонорара: сценаристу, режиссеру, актерам и дрессировщикам. И хотя ребята, пользуясь уже упомянутым недомыслием европейцев, в частности их презрением к таким мелочам, как хотя бы приблизительное знание рыночной цены барана, смело запрашивают за него стоимость быка, соглашение обычно достигается достаточно быстро. Время обменивается на деньги. Деньги – при необходимости – на каури, но чаще используются как таковые, ибо, живя рядом с дорогой, мальчишки уже познали и смысл, и вкус хрустящих в руках денежных купюр. Причем недотепа-европеец даже не догадывается взять с собой уже оплаченного барана (стоит ли пачкать дорогой лимузин?). Так что умельцам достаются и деньги, и мясо, и слава, и новый жизненный опыт игры со взрослыми по их «правилам».

В городе дети побойчее. Уже в шесть-восемь лет они, увидев европейца, торопливо (конкуренция!) предлагают посторожить или помыть машину, показать дорогу, помочь купить и донести фрукты-овощи. Это опять-таки имитация поведения старших и подготовка к будущей жизни. Что их ждет, когда они повзрослеют? Многих – безработица, а потому навык ситуативного промысла, микробизнеса, оказания случайных услуг очень может сгодиться в самом ближайшем будущем. К слову, иногда и некоторые не очень щепетильные люди из числа наших соотечественников не прочь были воспользоваться этими ребятами в своих, не всегда безупречных, целях. Помню, в Аддис-Абебе у светофора на единственной дороге, ведущей из советского посольства в центр города, во время ожидания зеленого света к автомобилям со вполне определенными дипломатическими номерами подбегали местные босоногие гавроши и громко кричали в открытые окна (жара!) что-то вроде: «Иванов...» Далее следовали вариации из нескольких нецензурных слов, у каждого своих. Так один из обиженных и отправляемых в наказание домой сотрудников посольства решил отомстить своему главному обидчику. А мальчишкам, как мне потом удалось выяснить, было «заплачено» за труд ирисками и барбарисками. Опять смекалка! Теперь уже своя, отечественная. И отнюдь не такая бесхитростная, как у детей и подростков.

Игры и жизнь

Иными словами, для африканской детской и подростковой игры очень характерна высокая степень слитности с реальной

жизнью. Кстати, по одной из научных версий, первыми стали играть в придуманные ими игры взрослые. Дети собезьянничали этот вид деятельности к обоюдному удовольствию: и своему, и старших родственников. Значительная нерасчлененность игры и жизни, которую она отражает, выражает и репетирует, в эволюционном смысле опирается на биологическую потребность исследования окружающей среды, с целью максимально адекватной видовой адаптации к ней. Эта тенденция имеет мощный эволюционный подтекст, который прослеживается даже в поведении человекоподобных приматов¹.

Игра отличается от жизненных ситуаций, помимо всего прочего, тем, что игра *выбирается*, правила ее заранее оговариваются, а партнерство каким-то образом устанавливается, словом, тоже выступает предметом согласования. Играющие знают, что они *играют*. В жизни выбор зачастую отсутствует, правила поведения диктуются, а не обсуждаются, время, отводимое на решение проблемы, принятие Вызова и формулирование Ответа на него (по схеме Дарвина² – Тойнби³), нередко жестко регламентировано, а ценой ошибки, например, в кишасщем хищниками, змеями и прочими источниками повышенной опасности тропическом лесу или в такой мирной на вид саванне могла стать жизнь, причем не только самого незадачливого охотника, но и тех, кого он должен был защитить или снабдить пищей.

Считается, что высокая эффективность процесса воспитания в традиционном обществе определялась большой степенью совпадения его целей и результатов. Последние, по сути дела, копировали первые. Африканские дети играют в «прошлое», которое становится для них настоящим, а затем будущим. Иными словами, их будущее – в прошлом. Да и детства как особого социального периода жизни, отделенного от биологического созревания организма, в традиционном обществе еще нет. Едва встав самостоятельно на ноги, ребенок по мере сил охотно включался в жизнь своего социума. Мотивация такого ускоренного обучения лежала в сфере необходимости элементарного выживания вместе со всей своей этноплеменной группой, в ее составе, в слитности с нею, в глубоком психо-

¹ См.: Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М., 1976. С. 268–272, а также: Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988.

² См.: Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 39–49.

³ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

логическом взаимопроникновении и деятельностном взаимном «присутствии» ее членов друг в друге. Это подразумевает не только феномен развитой рефлексии и взаимопонимания, но и достаточно высокий общий эмпирический уровень практического взаимодействия¹.

По мере закономерного удлинения периода подготовки индивида к полноценному вступлению во взрослую жизнь, между завершением биологического детства и сознательным, самостоятельным его бытием возникает своеобразный разрыв, который необходимо заполнить некоторой иной, отличной от традиционной мотивацией деятельности, как правило нацеленной в будущее и учитывающей определенную степень его динамичности, а потому непредсказуемости. Вторжение в застойный мир традиционного социума понятия счета времени во многом связано с такой специфической игрушкой, как часы².

Типично африканское психологическое предубеждение против часов очень образно выразил один из самых крупных поэтов Кот-д'Ивуара Бернар Буа Дадье в стихотворении «Не люблю»:

*Я смерть на руке ношу,
Смерть бредовой Европы.
Я не люблю часов.*

Детство растягивается в традиционных структурах Африки вместе с вторжением в них свежего воздуха грядущих перемен, связанных не столько с поступью рыночной экономики (отторгаемой традиционным социумом) и парламентской демократией (малопонятной ему из-за опасности сепаратизма и анархии), сколько с неизбежным рождением глобальной гуманистической интеллектуально-информационной цивилизации. Последняя сможет, надо полагать, усвоить в процессе своего становления в качестве бесценного материала социальной селекции многое из того, что человечество чудом, можно сказать, сумело сохранить в почти первозданном виде в африканских джунглях, пустынях и саваннах. Это касается отношения людей к природе, друг к другу, первозданных систем обучения и воспитания, социализации подрастающих поколений. Мне вновь вспоминает-

¹ См.: Франкл В. Э. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990, а также: Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

² См.: Андреев И. Л. Циферблат без стрелок // Азия и Африка сегодня. 1997. № 6.

ся в данной связи настойчивость, с которой академик Н.И. Вавилов искал в самых различных регионах мира первозданные формы широко используемых человеком культурных растений. Ведь, скажем, дикий картофель в боливийских Андах, мелкий, малоурожайный, долго созревающий, неказистый на вид, с горчинкой, но зато не испорченный селекцией, как нельзя лучше подходит для генетических опытов и выведения новых сортов. Не исключено, что эта аналогия будет со временем применима и к «социальной селекции» в процессе творческого конструирования гуманистической цивилизации будущего.

Ритуальная «дверь» в мир взрослых

Инициация является одним из самых древних, если не древнейшим, обрядом, истоки которого теряются на границе зоологического и социального миров. Обычно ее считают примитивно-жестоким тестом на переносимость сильнейших стрессов, острой боли и проявления максимальной выдержки в самых критических ситуациях, своего рода экзаменом на выживаемость в суровых условиях традиционного бытия. Этот ритуальный церемониал выступает мучительным и в то же время одним из самых социально значимых событий в архаическом африканском образе жизни и менталитете.

Сквозь кровь и слезы, чтоб предков убажить

Известный французский этнолог-африканист Марсель Гриоль каждый год несколько месяцев жил среди одного из самых загадочных племен Тропической Африки – *догонов* Мали. В конце концов он ощутил потребность пройти вместе с их юношами инициацию, чтобы, по словам великого африканского философа и поэта Леопольда Сенгора, «узнать их по-настоящему». Такова магнетически притягательная сила одной из самых ранних и суровых церемоний дистанцирования первобытного человечества от своей альма-матер – зоологического мира.

Процедура инициации объединяет в себе знаковую половую идентификацию индивида путем искусственного удаления из гениталий физиологических реликтов противоположного пола и провозглашение его социальной зрелости. Она открывает путь к полноправному участию в собраниях – *палабрах*, мужских или женских союзах, ко всем видам традиционной деятельности, включая создание собственной семьи.

В наши дни обычай инициации распространен во многих странах Африканского континента. Там он остается не просто

живописно-экзотической картинкой далекого прошлого, а весьма существенной социальной, демографической и психологической проблемой. По данным различных источников, только бессмысленно-жестоким операции клитеродектомии (эксцизии) было подвергнуто от 80 (Всемирная медицинская ассоциация) – 90 (издающийся в ЮАР журнал «*Ливинг*») до 130 («*Эмнисти интернейшнл*») миллионов наших современниц, причем примерно 20 процентов из них умерли от заражения крови, другие подверглись инфицированию СПИДом, сильным стрессам, психологическим травмам.

Вместе с тем отсрочка решения проблемы чревата весьма негативными последствиями, хотя, конечно, одним махом либо самым строгим административным запретом снять остроту одного из ключевых компонентов традиционного воспитания и образа жизни практически невозможно даже с помощью специально принятых резолюций ООН. Всемирная медицинская ассамблея (Будапешт, 1993) приняла специальное Положение об увечьях женских гениталий (УЖГ). В нем перечисляются различные способы эксцизии от надреза крайней плоти клитора до «обрезания фараона», или удаления клитора и малых половых губ, и наиболее характерные виды нанесения вреда здоровью: кровотечение, инфицирование, заражение крови, столбняк, гангрена, сильнейший болевой шок, ужасные рубцы, гинекологические и урологические осложнения и хронические болезни. Ассамблея резко осудила участие врачей в таких процедурах, сделав упор на поддержку образовательных программ. Но профессиональная медицина может существенно уменьшить ущерб, наносимый здоровью иницируемых. Поскольку в этом ритуале заложены недоступные европейской логике эстетический момент и этический компонент (без него нередко возникают серьезные затруднения с созданием собственной семьи), то десятки миллионов девушек и юношей, презирая боль и опасность инфицирования СПИДом, идут на риск, минуя медицину. И вот как это выглядит.

«Обнаженные, с телами, вымазанными золой и маниоккой, юноши и девушки приближаются, танцуя на ходу. Головы их выбриты, глаза блестят. Юношей поджидает старик, увешанный амулетами и с ножом в руке. Девушек поджидает старуха. Старик и старуха тщательно заточили свои ножи на плоском камне, на который предварительно поплевали. Уже их помощники набрасываются с дубинками на очередного испытуемого, идущего неверной походкой. Ведь ему говорили, что, если он не выдержит даже небольшой боли, его нельзя будет назвать

мужчиной и следует, по обычаю, убить. Но страшась самой мысли о смерти, все новые и новые подростки присоединяются к группе неофитов. Кровь, стекая из раны по ногам, при каждом движении пачкает других: испытуемые тесно жмутся друг к другу. Однако полагается делать вид, что тебе совсем не больно. Вот почему они пляшут и поют. Равнодушные к их мучениям, старик и старуха продолжают свое дело. Девочки ждут, танцуя на месте. Старуха приближается к ним, выхватывает одну из танцующих, грубым движением раздвигает ей ноги, сильно сжимает что-то пальцами, оттягивает и отсекает одним ударом ножа и, даже не оглянувшись, бросает назад эти кусочки горячей, кровоточащей плоти, иногда они попадают кому-то в лицо. Упав на землю, они становятся добычей собак». Так описывает сцену коллективного обрезания и эксцизии в знаменитом романе «Батуала», удостоенном Гонкуровской премии, Рене Маран, антильский негр, уроженец Мартиники, много лет проработавший в странах Западной Африки.

Этот жестокий обряд, совершаемый только один раз в двенадцать лун, венчает длинный ряд испытаний, которым подвергаются с незапамятных времен подростки обоего пола, живущие по традициям первобытного строя. Непосредственно перед ним юноши и девушки два-три месяца обитают обособленно. Ни с кем, кроме наставников, они не общаются, не смеют играть и смеяться, питаются только травами и кореньями, выполняют опасные поручения (пройти в одиночку безлунной ночью через кладбище или сквозь сумеречные джунгли в соседнюю деревню, вбежать в специально подожженную старую хижину и вынести оттуда какие-то предметы, оставленные там «духом» и т. д.). И все это для того, чтобы более основательно сосредоточиться на социальном значении перехода в давно маящий мир взрослых.

Все испытания надо пройти мужественно. Не дай бог, во время обряда дернуться, вскрикнуть от боли, застонать, даже просто ойкнуть. Кара может быть неадекватно жестокой. Есть опасность прослыть неудачником, *ндуду*, с которым никто не захочет дружить, вступать в брак, заводить детей, даже просто общаться, что обрекает молодого человека на роль отшельника в своих краях, лишённого поддержки и защиты «родного» возрастного класса. Даже когда старик, проводящий инициацию, чтобы усилить впечатление от нее, плюнул на кровоточащую после обрезания рану жеваным перцем *пири-пири*, юноша – герой романа камерунского писателя Фердинанда Ойоно «Старый негр и медаль» – не издал ни звука, боясь опо-

зорить своих предков. «Неужели ж я допущу, чтоб им было стыдно за своего правнука?! Ведь меня обрезали, и колдун плюнул стручковым перцем на мою рану. А я не плакал», – гордился он собой.

Одна любопытная деталь. Почему мальчик называет себя правнуком по отношению ко всем своим предкам? Случайная оговорка? Других он лично не помнит? Между тем все без исключения мои собеседники-африканцы четко фиксируют в беседах отца и деда. Все более старшие родственники-предки охватываются единым словом «прадедушка». Я, отец, дедушка, прадедушка. Раз, два, много...Что это? Характерное для традиционного менталитета настороженно-пренебрежительное отношение к счету предметов, тем более живых и некогда достоверно живших? Или специфическое проявление традиционных представлений о времени? Или некий синтез того и другого? Недавно в Буркина-Фасо, где очень сильный и оригинальный кинематограф, был снят небольшой фильм о Сундиате. Фабула киноновеллы проста и бесхитростна. *Гриот*, сказитель, играя на традиционном струнном инструменте, *балафоне*, напевает мальчику жизнеописание великого предка. А в заключение говорит: «Вот каким был твой прадедушка!» Представьте себе, что, рассказав малышу о битве на Чудском озере, вы подводите итог словами: «Ты можешь гордиться своим прадедушкой Александром Невским!» Кстати, современником Сундиаты.

Словом, в 15–16 лет (иногда процедура откладывается до 21 года) африканским подросткам предстоит расставание с детством и юностью. Перед ними маячит дверь в мир взрослых. Однако открыть ее не так уж легко. К сожалению, не всем это удастся. Апогеем длительного процесса проверки знаний и умений, мужества и терпения испытуемых является процедура инициации. Впрочем, подспудно подготовка к ней начинается еще в детской хижине. Там есть своя возрастная дифференциация, последовательное посвящение (например, пять ступеней в детских союзах малийских бамбара) в новые возрастные группы. Они сопровождаются не только своего рода экзаменом относительно умелости и сметки, но и мини-инициациями: нанесением на лицо и тело шрамов, насечек, татуировок, иных узоров, выбивание или подпиливание резцовых зубов, прокалывание или прорезание мочек ушей и т. п. Может быть, этим и ограничится со временем обряд инициации. Во всяком случае, такой подход более толерантен, нежели прямой административный запрет.

Ритуальная «смерть» как новое «рождение»

Подлинная же инициация, означающая «смерть» подростка – сына матери – и «рождение» взрослого – сына отца – сопровождается не просто демонстрацией возможностей отныне полноправного члена традиционного общества, но и связанным с новым социальным статусом специальным акцентированием его половой принадлежности, обретением «знака» сексуальной идентификации. Дело в том, что объективное противоречие между полами занимает в структуре первичного социума место не менее фундаментальное, чем дифференциация возрастная. Потребность его регулирования, улаживания, гармонизации реализуется целой системой субъективных действий, включая ритуальные. Не случайно инициация осуществляется в период наступления не только физической и психологической возможности трудиться и решать общественные вопросы наравне с другими, но и полового созревания.

Надо сказать, что время инициации выбрано достаточно удачно. Помимо полового и трудового созревания возраст посвящения во взрослые связан с приостановкой разбега эволюции правого полушария за счет начинающегося ускорения в развитии левого мозга. При этом инстинктивно-имитационное, стадно-стереотипное поведение в известном смысле уступает место все большему осмыслению, индивидуализации, оптимизации. Это связано с известным замедлением реакции на события, в корне отличной от импульсивного, порывистого и часто необдуманного поведения подростков. Затяжка в сроках инициации могла бы привести к отказу от нее значительной части молодых людей, обретших собственные представления о смысле жизни и индивидуальных путях его реализации.

Рубеж полового созревания связан с завершающей стадией формирования головного мозга. В зависимости от преимущественной концентрации внимания на повторяющихся ситуациях, стереотипных движениях, монотонных действиях либо на лидерских и властных функциях руководства, планирования, организации деятельности, распределения ее участников во времени и пространстве, контроля за выполнением ими поставленных задач больше «пищи» для развития получает правое либо левое полушарие. Древний Египет дал хрестоматийную иллюстрацию этой тенденции. Различия в строении и форме черепа представителей царской династии и жреческой касты по сравнению с окрестными простолюдинами (в результате повторяющейся в течение тысячелетий практики непрямого наследования придворных должностей и тщательно разработанной

системы раннего развития интеллекта у индивидов, на них претендующих) оказалось столь значительным, что в науке встал вопрос: не принадлежали ли цари и жрецы к иной этнической группе, нежели основная масса податного населения.

Характерно, что иностранный язык половозрелыми индивидами не может быть усвоен на уровне родного в части безупречного произношения. У женщин-француженок выявлен любопытный феномен: между 20 и 30 годами левое полушарие как бы «замирает», чтобы не замутить излишним скептицизмом размышлений наиболее активный детородный период. В архаических обществах это явление носит гораздо более выраженный характер, охватывая, кстати говоря, больший возрастной интервал, в связи с более ранним в тропиках половым созреванием молодежи.

Конечно, феномен пола сложен и многослоен. Он связан не только с внешними признаками, например «устройством» гениталий. Пол индивида «запрограммирован» и на хромосомном, и на эмбриональном, и на гормональном, и на генитальном, и на психологическом (включая структуру мозга), и на поведенческом уровнях. Этим в значительной мере оправдано исходно раздельное в определенный период воспитание детей и подростков в традиционном социуме. Действительно, мальчики более подвижны, активны, агрессивны. Девочки, напротив, психологически более толерантны, предпочитают тихие игры типа домоводства, охотно возятся с малышами.

Поскольку половая идентичность не имеет аналогов в мире фауны, ибо отсутствие специфической функции левого полушария не позволяет животным увидеть себя «со стороны», постольку зарождение процедуры инициации может быть расценено как смутное еще осознание людьми факта «отрыва» от своих зоологических предков, выделения из животного мира. Не связана ли каким-то необъяснимым пока образом столь явно акцентированная процедура половой идентификации в традиционном социуме со стихийно-превентивным стремлением общества предотвратить тенденции гомосексуализма и скотоложства? Вспомним, что Моисей 40 лет водил иудеев по пустыне, чтобы отвадить их от сексуальной тяги к животным. А Содом и Гоморра были стерты с лица Земли по причине расцвета там эротических оргий, совершенно никак не связанных с деторождением, напротив, исключаящих его предпочтением однополых, анальных и оральных форм половой «любви». Может быть, потому раннее христианство так жестко поставило вопрос о безоговорочном приоритете функции размножения над со-

блажном наслаждения в отношениях между потомками Адама и Евы? Ведь такие связи, независимо от того, как их называть – сексуальными исключениями или половыми извращениями, – напрочь взрывали структуру первичного социума изнутри, взламывали еще хрупкие стерженьки собственно социальных отношений, вздымали с зоологического «дна» эволюционного процесса рефлекторные животные инстинкты, мешавшие проявлению формирующегося сознания нового биологического рода.

Но если на заре истории жестокий обряд инициации, возможно, помогал отличить «готовых» людей от первоначально весьма схожих с ними внешне палеоантропов, то сегодня он подчас трактуется верхушкой тайных женских ассоциаций как ритуальная форма дистанцирования не только от своих мужчин, но и от чужого ненавистного Запада. В столице Сьерра-Леоне Фритауне тысячи членов секретного женского общества «Бундо», возглавляемые его руководительницей Инесс Тома-Элиас, кстати, одновременно мэром второго по величине города страны, *Бо*, с колокольчиками и барабанами в руках регулярно пикетируют перед клиникой гинеколога доктора Олайники Косо-Томо. Демонстрантки бросают к ее дверям зловещие амулеты, означаящие проклятье, скандируют требование сделать им обрезание «здесь и сейчас», размахивают плакатами с надписью «Агент Запада». Доктор Косо-Томо говорит, что она не против «Бундо», но против страданий несчастных девочек¹.

Впрочем, жизнь не стоит на месте. В 2007 году Эритрея стала 14-й африканской страной, где на государственном уровне запрещены уродующие девочек инициации. Но в 27 государствах Африки они все еще сохраняются. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно на Африканском континенте обряду женского обрезания подвергаются около 3 миллионов девочек младше 10 лет.

Главное – выжить!

Согласно традиционным представлениям, весь мир – двуполый, лишь единство обоих полов составляет полноценный социальный организм, способный к продолжению рода. Наука подтвердила, что первые семь недель после зачатия зародыш остается сексуально нейтральным или бисексуальным. И только потом развиваются половые различия, причем в течение первой половины беременности «в сторону» девочки, а лишь

¹ Мабри М., Хечт Д. В защиту прав или предрассудков? Феминизм на африканский лад // Ровесник. 1999. № 2 (40). С. 10.

потом в случае получения специальных гормональных команд в виде андрогенов формируется мальчик. Почему-то этот эмбриональный нимфизм носит в гинекологии название «принципа Адама». Следы исходного «раздвоения» пола несет в себе каждый индивид. Ядром процесса инициации выступает «освобождение» организма от «присутствия» в гениталиях признаков такого рода двойственности: обрезание крайней плоти как реликтового остатка неразвившейся женской вагины и удаление клитора как миниатюрного, не получившего развития зачатка мужского члена, а иногда и малых половых губ.

В условиях антисанитарии, разгула СПИДа и появления лихорадки Эбола это бессмысленное варварство, наверное самое тяжелое из неоднозначного наследия традиционной цивилизации. Рассказы очевидцев рисуют еще более жуткую, нежели в романе «Батуала», картину «добровольной» и опасной для жизни пытки. Нередко хрупкую девушку, лежащую на земле, держат за ноги и плечи грузные пожилые женщины, а третья (иногда простой крышкой от консервной банки) совершает «операцию» сразу над несколькими десятками мучениц. В лучшем случае рану заливают баночкой йода или его местного растительного заменителя. Немудрено, что значительная часть иницируемых погибает от заражения крови, занесенных инфекций, психического или болевого шока. Специалисты оценивают долю жертв этой церемонии в одну пятую, при том что ежегодно ей подвергаются примерно два миллиона юных африканок. Другие теряют способность к деторождению, становясь отверженными в родном социуме. Третьи лишаются сексуальной эмоциональности, превращаясь в бесчувственные биологические рожальные машины, теряющие естественный интерес к индивидам противоположного пола и, следовательно, не дающие никакого повода для ревности и сами ее неспособные испытывать.

К слову, гибель во время подготовки к инициации и самой процедуры считается позорной дурной смертью. Она не сулит ничего хорошего покинувшему таким образом сородичей за чертой жизни. Мне припомнилась в данной связи непропорционально высокая подростковая смертность от травматизма (каждая шестая смерть) в странах Африки, согласно статистике Всемирной организации здравоохранения. Не является ли причиной распространение здесь обычая инициации? Кстати, Конвенция о правах ребенка, принятая единодушно Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) 20 ноября 1989 года, провозгласила неотъемлемое право ребенка на защиту от жестокого обращения, пыток, тру-

довой практики, наносящей ущерб здоровью. И хотя эту конвенцию безоговорочно поддержали все без исключения африканские государства, практическая реализация ее положений пока что сильно отстает от современных правовых концепций и гуманистических устремлений мирового сообщества. Мне кажется, что сегодня африканской женщине легче стать депутатом парламента или министром (их в Африке больше, по сравнению с Россией и Белоруссией), чем избежать бессмысленно-мучительной и опасной эксцизии.

Впрочем, подростки – уже не совсем дети. Кроме того, они идут на инициацию вроде бы добровольно. Некоторые даже с показным энтузиазмом и охотой. Но это желание мнимое. Многие просто не представляют себе иного. Так всегда было, значит, так всегда будет и так должно быть. Другие боятся мести всевидящих предков, их духов или представителей старшего поколения, хранителей традиций, включая эту. Чтобы заглушить естественный страх, подростки перед инициацией впадают в нервное состояние неестественной эйфории либо вседозволенности, дерзости, разнузданности. А после посвящения и «танца любви», чтобы снять пережитое напряжение и ослабить боль, следуют празднества, длящиеся иногда целый месяц.

Нередко в период инициаций молодые люди погибают не только от ран и инфекций, но и по непонятным причинам. Это дало повод слухам среди местной интеллигенции и даже научным публикациям об использовании стариками и старухами таинства обряда как удобного повода для превентивного избавления от юношей и девушек, наиболее продвинутых интеллектуально, психологически сильных, своевольных, скептически настроенных по отношению к сохранению священного порядка жизни, заведенного первопредками. Своего рода реликт ритуального жертвоприношения лучших из лучших ради сохранения целостности и благополучия всей этноплеменной общности?

После бесед на эту щекотливую тему с африканскими друзьями и коллегами-учеными я принял другую версию гибели в период инициаций значительной части вожаков молодежи и тех, кто был готов подать ей дурной пример непослушания и насмешки над обрядами, выглядящими сегодня нелепой тратой времени, сил и здоровья. Не исключено, что подростки с динамичной и легкоранимой нервной системой труднее переносят болевой, а тем более психологический шок, ибо лучше других сознавали бессмысленность, примитивизм и варварство допотопной процедуры, отказаться от которой не хватило силы воли. «Сшибка» мотивов резко ослабляет устойчи-

вость организма и нередко ведет к физической гибели. Такое объяснение реабилитирует стариков. Уж очень трудно себе представить дедов и бабок, сознательно обрекающих на заведомо «плохую» смерть своих внуков и внучек. Слепая сила обычая жестока. Но люди, выступающие ее слепым орудием, – родовые старейшины, колдуны и колдуньи племени. Борясь с проявлениями чужого пола в телесной организации иницируемых, они остаются людьми единой с ними крови. Вряд ли у них поднимется рука на свою кровь. Что тогда скажут им духи крови? Да и духи спермы? И как им ответить за это при жизни и тем более после нее?

Местной интеллигенции предстоит решить головоломную задачу вылушивания из старинных обрядов и ритуалов изуверских компонентов. Их психологически мягко заменить спортивно-художественными мероприятиями, позволяющими молодым людям демонстрировать свою мужественность и женственность в гуманных и полезных для здоровья формах. Кроме того, уходит в прошлое хранящее отблеск былого соперничества грубо-примитивное противопоставление полов.

Возможно, этому препятствуют в чем-то сходные отношения к женскому полу и ритуальное обрезание, присущие исламу, энергично проникающему в Африку. Во всяком случае, тенденция слияния анимистических традиций и мусульманских веяний ощущается достаточно отчетливо. Подчас обряд инициации по африканскому сценарию проводят сельские марабуты, выполняя функции старейшин. С другой стороны, угасанию допотопных традиций способствуют демографические факторы. В городах о них стали забывать, но в сельской местности царят представления, берущие начало в каменном веке. Более того, применяются особые ритуалы, призванные уберечь от скверны молодежь, уходящую в города, и очистить от нее же при возвращении (такое иногда случается) в родные пенаты. Сутолока города перемалывает племенные различия, ритуалы, оттенки мировосприятия. Колея жизни здесь иная, хотя она сохраняет традиционный привкус – в мерном шагании индивида по тысячелетиями отшлифованным ступеням возраста ритуал обретения статуса взрослого занимает особое место, что за ним следуют создание семьи, рождение детей, появление внуков, переход в группу старейшин и общую с собственными внуками половозрастную половину племени. Что ждет их, когда подрастут? Какой будет их дверь в мир взрослых? Надеюсь, иной!

МОЖНО ЛИ «ЖЕНИТЬСЯ» НА ВНУЧКЕ?

Связи и отношения различных возрастных групп сверстников обоих полов образуют специфическую пирамиду и до сих пор играют во многих странах Тропической Африки важную системообразующую роль. Своего рода генеалогической скрепой традиционного общества выступают межпоколенческие отношения. Последние вовсе не выглядят тривиальной возрастной лестницей. Напротив, в силу специфики психофизиологических особенностей, включая активизацию различных отделов головного мозга, и в связи с возрастными социальными статусами они как бы делят общество на две примерно равные части. Одну из них рекрутирует его активно функционирующее ядро – взрослые трудоспособные и половозрелые индивиды. Другую – дети и старики, составляющие основание и верх возрастной пирамиды.

Исходя из такой антропологической диспозиции, многие проблемы и парадоксы традиционного социума выглядят совсем иначе, нежели при безоговорочном рассмотрении в качестве его психологического фундамента противоречия между полами. Одно, впрочем, не исключает другого. Однако пространственно-временные поля этих отношений и связей во многом различаются и потому не могут совпадать по определению.

Дискуссионность проблемы

Время, превращенное в возраст, во многом обуславливает не только набор социальных функций, но и общественный статус индивида в традиционных структурах Тропической Африки. Вертикальная связь «горизонтальных» возрастных группировок, естественно, не означает игнорирования полового принципа дифференциации и архитектоники африканского общес-

тва. Вместе с тем она позволяет избежать крена в противоположную сторону. Соотношение этих принципов (факторов возраста и пола) организации первичного социума и его современных архаических форм – предмет научной дискуссии, в связи с чем автор высказывает точку зрения, подчас не совпадающую с мнением уважаемых коллег.

Ядром локализованного традиционного африканского социума, противостоящего окружающим этноплеменным группам и вписанного в привычную ему экологическую среду, выступает совокупность взрослых мужчин и женщин. Присущий им половой диформизм, различие биологических и социальных функций, неизбежное сотрудничество и элементы соперничества во многих сферах обыденной жизни обусловили невольное выпячивание в глазах ряда ученых отношений между полами в качестве фундаментального, системообразующего противоречия архаического общества. Такой подход представляется односторонним, неполным, оставляющим в тени некоторые важные проблемы, характеризующие жизнь и мировосприятие народов Тропической Африки.

Автор нескольких крупных монографий профессор Владимир Борисович Иорданский полагает, что *«противопоставление мужчин и женщин было способом организации общества и внесения порядка в характерный для него "хаос" межродовых, кровнородственных отношений»*¹. Более мягко высказывается на сей счет известный специалист в области гендерных отношений в Африке Наталья Александровна Ксенофонтова. По ее мнению, «в традиционных обществах Африки проблема взаимоотношений между мужчинами и женщинами была одной из самых главных», ибо *«их антагонизм, оппозиция пронизывали абсолютно все стороны производственной, общественной и семейно-родовой жизни»*².

При абсолютизации полового критерия дифференциации и консолидации традиционного общества, по сути дела, игнорируется другая, «разорванная» временем взрослости и сильно асимметричная половина населения африканской деревни, не говоря уже о значительной части городских окраин. Речь идет о тех, кто еще не вступил в активную социальную жизнь, составляя ее потенциальный резерв, и о тех, кто уже завершил

¹ Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. М., 1991. С. 86.

² Ксенофонтова Н.А. Женщина как действующее лицо африканской истории (Взгляд сквозь пространство и время) // Околдованная реальность (Мир африканской ментальности). М.: Институт Африки РАН, 1994. С. 110.

свою производственную и репродуктивную деятельность, переключившись на иные сферы поддержки жизнеспособности естественного коллектива.

Скрепой же между взрослой и недееспособной частями этноса оказывается обучение (выживанию, производственной деятельности, защите рода и интересов общины) и воспитания. Одни (большая часть, составляющая нижний этаж генеалогической пирамиды) нуждаются в получении знаний и умений, а другие (пожилое меньшинство, составляющее сходящий на нет конус верхней части возрастной структуры) обладают необходимым для их передачи временем (отпали производственные и сексуально-детородные функции) и накопленным жизненным опытом.

Кстати, обе – центральная и обрамляющие ее «сверху» и «снизу» – составные части традиционного социума количественно примерно равны. Например, в Чаде число детей и подростков, не достигших 14 лет, равняется примерно 42 % населения, а пожилых людей, чей возраст перешагнул за 64 года – всего 4 %¹. В Кении 48 % населения страны моложе 15 лет, и только 2 % – старше 65². Причем если в нижней части возрастной пирамиды традиционного общества преобладают мальчики, то в ее конусе – женская «половина» явно больше мужской.

Встречается также рассмотрение «чисто» возрастного принципа в качестве основного, фундаментального, системообразующего признака социальной дифференциации традиционного социума³, иногда с указанием на его осложненность специфическим феноменом «деления всех мужчин (остается добавить: и женщин тоже! – И.А.) на две половины», как, например, у кикуйю. В рамках этого этноса, пожалуй, в наиболее отчетливо сложилась своеобразная скользящая передача социальных функций, и политическая власть поочередно переходила то к одной, то к другой генеалогической «половине». Как правило, дети и отцы относились к разным «половинам»: в одну входили деды и внуки, в другую – отцы и их будущие внуки. Таким образом, чередование возрастных страт, осуществляющих властные функции, шло как бы «через поколение». Такая позиция представляется неравновесной. Один из ключевых принципов архи-

¹ Сагоян Л.Ю. Республика Чад. М.: Восточная литература. 1993. С. 16.

² Африканский рынок. 1997. № 4. С. 16а.

³ Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. Хозяйство и социальная организация. М.: Наука, 1989.

тектоники традиционного социума трактуется лишь в функционально-властном аспекте, что позволяет зафиксировать характерное явление, но не дает надежного ключа к его пониманию и объяснению. К тому же аргументация подобного рода зачастую опирается на арифметическую градацию возрастных когорт¹. Кроме того, в тень уходит гендерный компонент проблемы – взаимоотношения полов, причем не только сексуальные.

Эскалатор традиционного бытия

Одним из принципиальных моментов комплексного исследования человека выступает изучение феномена эволюции субъективного осознания времени, а также отношения к нему как к невоспринимаемой чувственно реальности, незримо пронизывающей всё и вся. К тому же естественная возрастная дифференциация и специфическая пирамидальность архаического социума по-своему «кодируют» процессы восприятия и оценки времени. Речь, в частности, идет о наполненности его повторяющимися явлениями и различными событиями, в том числе неординарными, из ряда вон выходящими. Вместе с тем само время, проходя сквозь призму возрастной дифференциации и своеобразной психологической оппозиционности возрастных конгломератов, обретает реальную социальную значимость, весомость и тем самым некую не только виртуальную, но и витальную, жизнеобеспечивающую «видимость».

Причуды «поведения» времени в сознании членов архаического общества поистине многолики. Причем почти каждое из превращений вездесущего и вечно ускользающего времени находит некое виртуальное подтверждение, как правило невероятно замысловатым (для европейца!) образом зашифрованное в тех или иных процессах, структурах, ритуалах.

Специфические качества традиционного африканского времени, как плоского, инертно-стабильного, вместе с тем обратимого и более того – обращенного назад и повторяющегося весьма своеобразно, преломляются в построении африканцами генеалогических рядов (вернее, архаических аналогов того, что носит подобное название в европейской культуре) и ритуалистике, непосредственно связанной с культом предков.

Особенно рельефно это проявляется в традициях социальной фиксации такого буквально бьющего в глаза феномена

¹ Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 84–85.

движения времени, каким являются рождение, взросление, старение и смерть человека. Ведь даже столь явно и зримо воспринимаемое течение жизни (представляющее собой со стороны не что иное, как реальную работу времени в виде неизбежного изменения биологического возраста человека) африканцы ухитряются запрятать в цикличное прохождение индивидов сквозь как бы законсервированную тысячелетиями систему возрастных классов и статусов.

Впрочем, при взгляде изнутри последняя вовсе не производит впечатления безнадежно застывшей. В известном смысле она даже динамична, но такое движение больше напоминает бег на месте. Пожалуй, вернее всего уподобить эту систему функционированию эскалатора в метрополитене, где пассажиры (элементы) постоянно обновляются, а сама лестница (структура) остается все той же. Разнится от этноса к этносу (в метро: от станции – к станции) лишь число ее ступеней – возрастных групп. Обычно оно достигает пяти-шести, но иногда – восьми и даже более.

Среди встречающихся в Тропической Африке трех основных систем прижизненного перемещения индивидов в «социальном лифте» сверстнических группировок – линейной, ступенчатой и циклической – особый интерес представляет собой последняя. В ней нетрудно разглядеть специфически африканский вариант древней концепции «нового рождения». Сохраняется преемственность наименования всей когорты ровесников и отдельных индивидов, в нее входящих, тем более что одновременно в употреблении находится нередко достаточно строго лимитированное число имен собственных. Такое обновление происходит обычно каждые 60 лет, как, например, у догонов Мали, населяющих плато Бандиагара, буквально взметнувшееся на плоской, будто поверхность гигантского желтого стола, границе саванны и безбрежных сахарских песков причудливыми высоченными скалами с прилепившимися к ним в расселинах похожими на птичьи гнезда жилищами, напоминающими сакли кавказских горцев.

Пикантная ситуация возникает, если старик к 60 годам еще жив, а его точно так же поименованный «двойник» уже родился. Физически старший тезка здравствует, а в социальном смысле можно сказать, что он, по сути дела, «умер». Живой «покойник», но не труп. Между его социальной и биологической кончиной образуется специфическая щель времени, своего рода индивидуальное вневремя. Такой долгожитель выступает как некий «никто», попавший в «яму» традиционного времяисчисления, откуда его вывести в число почетных пред-

ков и тем более их духов может только реальная физиологическая смерть, в том числе добровольная, встречающаяся среди вождей, наиболее уважаемых и уважающих себя старейшин.

Другой генеалогический парадокс. Казалось бы, совершенно ясно, что умершего не вернуть, иначе как во флере тускнеющих или лакируемых со временем воспоминаний. Но это, считают самые закоренелые африканские традиционалисты, точка зрения западного рационализма, жестокого, циничного и безжалостного, подобного звериным законам атомарного, разъединяющего людей и противопоставляющего их друг другу капиталистического рынка и конкуренции. Напротив, африканский менталитет рассматривает индивида как неотъемлемую часть этноса, постоянно нуждающегося в регулярном восполнении естественной убыли «смертной», то есть уже родившейся и еще живущей, части всего традиционного коллектива. Поэтому подготовка к самостоятельной жизни подростков поколений, так же как и уход стариков, обычно осуществляется в строгом соответствии с издревле сложившимися традициями и ритуалами.

Неудивительно, что африканские дети подчас большее значение придают тому, чьи они внуки и племянники, нежели тому, кто их конкретные родители. При сильной инерции материнского счета родства, писал член-корреспондент Академии наук СССР Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, *«сын и отец чужды друг другу»*. Зато дядя со стороны матери настолько уверен в своей власти над племянником, что однажды (здесь Ольдерогге привел доподлинно известный ему и весьма характерный для классического традиционного общества случай из реальной жизни) продал его собственному отцу мальчика за 20 покрывал, что стало предметом судебного разбирательства, к стати выигранного дядей¹.

В предпочтении деда и дяди по матери нет ни грана от пресловутой детской неблагодарности по отношению к биологическому отцу, который принимает такого рода ситуацию как вполне нормальную. Действительно, за пределами периодов кормления младенцев грудью, научения хождению и речи, почти все время дети проводят с представителями поколения прародителей и со сверстниками. Близость стариков

¹ *Ольдерогге Д.А.* Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 41.

и детей, дедов и внуков подчеркивается многими ритуалами. К ним относится, в частности, процедура наречения новорожденного именем, которой придается чрезвычайно важное значение.

Какое имя выберет цыпленок?

Радостные дети – гордость дома,
А луна и звезды – гордость солнца.
Из фольклора народности йоруба

Избирательные технологии древности

Мне неоднократно приходилось наблюдать в разных странах Тропической Африки процедуру наречения новорожденных. Обычно она начиналась с того, что разодетые в традиционные праздничные наряды люди с улыбками и добрыми пожеланиями обходят вокруг находящегося в центре деревенской площади или квартала главного виновника торжества. Затем чинно рассаживаются вокруг священного баобаба, который нередко «помнит» сто поколений их предков. Старейшины кланов обоих родителей начинают «делить» малыша. Но не так, как это делали эгоистичные матери в притче о мудром царе Соломоне. И иначе, нежели в прекрасной пьесе Бертольта Брехта «Кавказский меловой круг». А по-африкански: путем предпочтительного приобщения новорожденного с помощью присвоения ему «главного» индивидуального имени к тому или иному из своих кланов. В других, дополнительных, уточняющих именовании юного члена племени содержится указание на всю остальную родословную.

Но главное, центральное, неотделимое и неделимое личное имя – не просто нематериальная собственность младенца. Это первое личное достояние младенца. Оно является также знаком его будущей судьбы. А нередко и стартовой линией будущих социальных рангов и статусов, несущих на себе невидимую посторонним ауру авторитета далеких почтенных предков и их духов. Выбор должен быть снайперски точным, верным, честным и справедливым. Как же обеспечить все эти обязательные условия в глухих африканских деревнях, которые сегодня населяют полмиллиарда наших современников? Ведь об изощренных избирательных технологиях, изобретении потерявшего веру в человеческую порядочность Запада, здесь даже не слышали. Механизм выбора имени из сообщаемых вариантов и тем самым увеличения «квоты» предста-

вительства в нем того или иного из причастных к процедуре кланов отработан веками. Впрочем, формы его применения варьируют, в зависимости от местных привычек и фантазии участников священного действия.

Зачастую берут двух молодых цыплят (петушков, если имя надо выбрать для мальчика, и курочек, если речь идет о наречении девочки). Им условно дают имена наиболее почитаемых прародителей с отцовской и материнской сторон. Если цыплята внешне неразличимы, то, чтобы избежать излишних обид и споров, на голую от жары шею каждого из них наносят небольшую метку краской, которую выбирает для своего представителя каждый клан. Затем согласованно загадывают какое-то нехитрое действие. Например, кто из цыплят раньше прыгнет с шестка или, наоборот, взлетит на него. Имя, определенное таким способом, и дается ребенку. Никаких обид и претензий у обделенной новым именем стороны, как правило, не возникает. С общего согласия старейшин обоих кланов ответственный выбор был прилюдно сделан несмысленным цыпленком, бесстрастно выполнившим роль посланца духов предков. Ведь им «оттуда» виднее!

В других случаях над младенцем громко, медленно и внятно произносят имена умерших предков, внимательно наблюдая за его реакцией: вскрикиванием, плачем, гримасой, улыбкой. Бывает, что выбор имени (при неясности с этим) откладывают на время, чтобы младенец окреп и сам определился при повторном «опросе». Иногда старшие родственники поручают единолично принять столь ответственное решение местному колдуну либо авторитетному старейшине третьего, не заинтересованного в выборе конкретного имени клана.

Сам ассортимент используемых имен, как правило, заранее предопределен традицией. Обычно они повторяют имена дедов и бабок, уже ушедших из жизни, но изредка благополучно здравствующих, или их братьев и сестер. Этот набор личных имен называется «гнездом клана». Считается, что их передача знаменует новое земное рождение почивших предков¹. Соль процедуры именования младенца заключается в том, чтобы через правильный подбор имени узнать вернувшегося из инобытия предка либо уважить почитаемого старшего родственника, при жизни заслужившего титул предка. Своего рода знаком Свыше считаются особые внешние признаки, например роди-

¹ Ольдерогге Д.А. Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки. С. 45

мое пятно на тела младенца или, скажем, совпадение дня недели или других обстоятельств рождения их обоих.

Презентация новорожденного предкам

Наконец имя выбрано. Самое время известить об этом знаменательном событии предков и их духов. Для этого выработан специальный информационный и одновременно охранный обряд. Он так и называется: «Представление новорожденного предкам». Очень образно и красноречиво он звучит у племен сомба, населяющих Бенин и Того.

*Предок, охраняющий домашний очаг,
В первый раз на младенца взгляни,
Болезни и смерть от него отгони,
Не допусти, чтобы сын наш зачах,
Как чахнет росток в тени.
Предок, здешних земель недремлющий страж,
В первый раз устрями на младенца взор –
Это наследник твой, это наследник наш.
Если в ствол вонзится топор,
Дерево обречено,
А не вонзится – не рухнет оно.
Голова младенца да будет мудра,
Да будет тело крепче ствола;
Гладким, как молодая кора,
Да будет его живот.
Пускай младенец живет!*

Далее руководителем обряда впервые вслух произносится подлинное, главное имя новорожденного. Теперь оно уже перестало быть загадкой для всех остальных членов племени и жителей деревни, но часто остается табу для чужих. По милости предков и их духов имя призвано его охранять и сохранять. Иначе зачем было столько времени находиться в тесной утробе и не видеть белого света.

*Слушайте, предки мои, вблизи, вдалеке:
Я нарекаю дитя – Венке!
Был он во чреве, рос в тайнике,
Был в темноте, явился на свет.
Тайна была – и тайны нет.
Если ребенка вы дали нам,
А потом возьмете его,
Это значит – не дать ничего.*

Однако обряд продолжается. Поздравления родителям, в первую очередь матери, перемежаются здравицами в честь первопредков и пожеланиями в адрес новорожденного. Все это сопровождается песнями и танцами, подарками младенцу

и обычно щедрым угощением собравшихся. Дальше в дело идут старинные ритуальные дразнилки. Малыша называют в шутку дедушкой или бабушкой, как бы подчеркивая возвращение в его лице лучших черт и нравственных качеств прародителей. При этом младенец окружен повышенным вниманием многочисленной родни. Еще бы: отныне он выступает носителем имени, восприемником духа и личности деда или бабки. Характерная деталь: при отсутствии у ряда народностей (например, у амхаров Эфиопии) фамилии вместо нее в заграничный паспорт человека заносится, согласно инструкции МИДа этой страны, имя деда.

Важность процедуры обретения младенцем первой собственности – собственности на имя – заключается в том, что оно гарантирует ему право на охрану и помощь со стороны довольно широкого круга людей, которых он еще и различить-то толком не может. За него все это уже сделал древний обычай.

Особенно характерна в таком смысле распространенная в Мали общность по родовому имени (фамилии). Все Кейта, Ту-ре, Кулибали считаются социальными родственниками, независимо от реального родства или даже знакомства друг с другом. Они должны друг другу помогать, верить и при необходимости всякий раз поддерживать, как подлинных родных. Что-то вроде семейного землячества без его территориальной дислокации. Чтобы легче было представить себе размах такого «родства» в Африке, приведу несколько цифр. При 10–12-миллионном населении в Мали насчитывается порядка 150–200 общностей джамму.

Если же малыша неправильно назвали, а еще хуже – сознательно или по небрежности проигнорировали при наречении имени особо достойных и заслуженных дедушек или бабушек, возникает опасность особого вида психологической порчи. Это означает, что предки-тезки не могут или не хотят поддержать новорожденного, может быть, из-за давней ссоры с представителями другой половины его родни. Пусть, мол, те сами принимают необходимые меры, если, конечно, могут. Подобно эпидемии, такая порча может поразить не только бедное невинное дитя, но и его непутевых родителей, а также других родственников, как участвовавших в процедуре выбора имени, так и по каким-то причинам отсутствовавших на этом мероприятии. Словом, обретение собственного имени – дело в африканском обществе тонкое, деликатное, весьма ответственное. Отнюдь не частное, а социально значимое! Как тонко заметил мой пятилетний внук Саша: «Собственность человека – это он сам».

Своеобразный принцип социальной селекции предков действует в двух направлениях. Предпочтение, естественно, отдается наиболее героическим и трудолюбивым, достойным и мудрым, много хорошего и полезного сделавшим для племени и его отношений с соседями. Одновременно вступает в силу традиция исключения из числа претендентов на «новое» рождение в малыше тех, кто зря появился на свет: несправедливо жил, нарушал обычаи предков, общался с недостойными людьми и может всем этим засорить дальнейшую родословную клана. Кроме того, из числа достойных возрождения нередко исключались потомки хороших людей, умершие дурной смертью, например при инициации, или не оставившие после себя детей, струсившие в бою, просто бросившие в беде соплеменников. Иногда к числу нежелательных относят имена альбиносов, второго из близнецов, людей, имеющих явные дефекты от рождения.

Видимо, чтобы свести к минимуму возможность ошибки и поскольку «издали виднее», имя, как и имущество (когда оно появляется), передается в африканском обществе обычно не напрямую, от родителей к детям (часто неблагодарным и не всегда достойным), а через поколение, внукам и внучкам. Тем самым как бы подчеркивается глубинный, фундаментальный, а не зависящий от настроения, поверхностных симпатий и антипатий, свободный от лоббирования и давления конъюнктуры характер построения родственных связей. А также принцип их воспроизводства и закрепления путем тщательного выбора имени для нового члена «вечного» во времени племени.

Надо сказать, что принцип своеобразной инверсии биологическо-генеалогического времени, чем-то напоминающий течение его назад, касается консолидации и дифференциации (своего рода традиционной структуризации) не только мужской части этноса, но и представительниц прекрасного пола. Внучки и бабушки, девочки, не достигшие половой зрелости, и пожилые женщины, пережившие климакс и уже потерявшие способность к деторождению, образуют особую межпоколенческую общность внутри женской половины социума.

Специфическая слоистость поколенческой структуры традиционного африканского общества порождает, в частности, такой нонсенс, с европейской точки зрения, как вполне естественное, по местным меркам, предшествование статуса внука статусу сына.

Внук «становится» сыном

Чему бы меня старики ни учили,
Пускай я все их уроки запомню.
Из фольклора нигерийских йоруба

«Возвращение» взрослого сына

«— Сэм, ты говорил, что у тебя семеро детей. Но я вижу только двух очаровательных крошек. Где же остальные? Почему они не встречают твоего гостя? Разве ты и Сьюзи не хотите показать главное для африканцев сокровище своему далекому другу?

— Эти — самые маленькие. Они еще не могут обойтись без мамы и ее молока. Те, что немного подросли, — в детской хижине среди сверстников. Двое других, постарше, находятся сейчас в подростковых лагерях (мальчики и девочки — отдельно) длительной специальной подготовки к очень важной для них и всех нас церемонии инициации. Самый старший... Кстати, вот и он собственной персоной. Знакомься: Кофи, что значит «родившийся в пятницу». Он совсем недавно вернулся в родной дом. Почти 12 лет Кофи был... — как бы лучше выразиться в ваших понятиях? — социальным «сыном» моего отца и двоюродного дяди по материнской линии, а также их сильно поредевшего от времени, но не утратившего былой сплоченности и спайки «старшего» возрастного братства. Теперь, слава Богу, он опять стал моим, уже взрослым, сыном!

— Прости, но у меня впечатление, будто ты что-то не то говоришь. Или разыгрываешь доверчивого гостя? Словом, я просто ничего не понимаю. Если он — твой сын и внук твоих отца и дяди, то это на всю жизнь! На Руси издавна говорили: «Родителей не выбирают!» Он что, сбежал от тебя к деду, потому что ты был с ребенком несправедливо строг или не уделял ему по занятости достаточного внимания? И наконец, по аналогии с известным библейским сюжетом (прости: я не хочу задеть ничьих религиозных чувств), произошло чудо — возвращение блудного сына? Как это можно: родиться и расти сыном, потом превратиться во внука, чтобы затем опять «вернуться» в сыновья?

— Такое у вас в Европе трудно себе представить, а наша традиция и древняя система воспитания держатся на этих принципах уже не одну тысячу лет. Ни католичество, ни ислам не смогли вытравить давний обычай.

— А что он дает? Зачем он нужен сегодня? Ведь жизнь изменилась...

– Не все, что меняется, к лучшему. А старая традиция обеспечивает детям приспособленность к нашим условиям за счет усвоения опыта предков, скрупулезно и бережно передаваемого из поколения в поколение. Во-вторых, по-своему гарантирует целостность сообщества, дружбу сверстников, а также дедов и внуков с детьми и родителями. В-третьих, дает психическую и физическую закалку. Как учат наши предки: лучшее знание то, что ведет человека к другим людям. Убедил?

Я глубоко задумался. Случай оказался явно неординарным. Скажем, у папуасов и некоторых аборигенов островов южных морей старый дед, неспособный обеспечить себе достойное существование, становился как бы дополнительным «сыном» своего старшего сына, то есть, строго говоря, своим же «внуком». Здесь основой родства является не зачатие, не рождение, не воспитание, а кормление. Кто предоставляет другому еду, тот – старший социальный родственник, «отец». Пользующийся пищей, добытой другими, котируется как дитя, дед у папуасов в социальном смысле обретает статус собственного внука»¹.

Иначе дело обстоит в Тропической Африке: побывавший в роли внука, повзрослевший юноша после многолетнего перерыва вновь становится после прохождения обряда инициации – теперь уже полноценным и полноправным – сыном родного отца!

Бывая в африканской глубинке, я часто испытывал смутное зрительное ощущение явного непорядка в семейной структуре по сравнению с привычной, отечественной. Будто чего-то не хватает, словно зияют в ней какие-то провалы и бреши. Вместе с родителями, в основном матерями, видишь множество либо совсем маленьких детей лет до 6–7, либо уже повзрослевших, обзаведшихся или готовых обзавестись собственным семейством, словом половозрелых. Или наоборот, встречаешь группу сверстников, но вблизи – никого из взрослых.

Оказалось, что дети в течение 10–12 лет фактически оторваны от родителей. Их главными воспитателями и учителями-наставниками становятся прародители. Эта традиция имеет важный психологический смысл. Она разъединяет смежные

¹ Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. М.: Восточная литература, 1992. С. 11; Он же. Родство: Океанийская модель // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 1. СПб., 1995. С. 172–183.

поколения, образуя между ними искусственный разрыв. Он охватывает как раз период, когда младшие больше всего склонны к непредсказуемому поведению и поисковой активности, а молодым родителям не хватает терпения и мудрости в оценке поведения детей и его деликатной корректировке.

В архаических обществах конфликты чаще всего случаются между смежными поколениями. Американский африканист Коллин Тернбул сделал любопытный и неожиданный для нашего миропредставления вывод: «Если существует враждебность людей смежных поколений (отца и сына), то между людьми, отделенными друг от друга целым поколением (дед и внук), наоборот, сохраняются отношения теплой привязанности. Юноша знает, что отец может подвергнуть его наказанию, но ему это не нравится, и он ищет сочувствия у деда. Это не означает, что отец и сын не любят друг друга. Просто существует неприязнь, объясняющаяся тем, что один из них неизбежно заставляет другого думать о старости и смерти»¹. Возможно, именно с этим связан обычай, согласно которому африканские родители нередко отдают своих чад на воспитание в семью дяди по линии матери, где главными педагогами выступают двоюродные дедушки и бабушки.

Спрашиваю: «Зачем?» Отвечают: «Затем, чтобы чересчур любвеобильные мама и папа не избаловали, не изнежили или, наоборот, не «затюкали» своих детей. Чтобы успешнее и надежнее научить их всему необходимому для уважаемого члена традиционного общества. Чтобы дети усвоили с малых лет и на всю жизнь замысловатую структуру и в принципе безбрежные рамки африканского родства. Чтобы учились истинному коллективизму в кругу сверстников, побратимов по возрастному классу. Чтобы сызмальства умели ценить и уважать старших. Чтобы не отвлекали родителей, дядьев и теток от тех обязанностей и прав, которые им предписывает их возрастной статус».

Мы-мось

Так что, согласно логике традиционного общества, внук со временем все-таки становится полноценным сыном собственного отца. Данный парадокс, тонко схватывая подвижный характер генеалогического времени, кажется бессмыслицей вне дихотомической дифференциации племени. На ту его часть, которая является половозрелой и трудоспособной, то есть воспроиз-

¹ Тернбул К.М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981. С. 60.

дающей родоплеменную общность в демографическом смысле и в отношениях с окружающей средой, и на ту, которая в этих видах деятельности еще или уже активно не участвует, а потому выступает главным образом потребительской когортой.

В свете продуктивной концепции психологии субъектности индивида, предложенной талантливым отечественным психологом Вадимом Петровским, общение внутри каждого из этих блоков традиционно-архаического социума есть не что иное, как «производство индивидами их общего, что предполагает достижение обоюдной идеальной представленности взаимодействующих сторон (в отличие от коммуникации, которая может иметь чисто инструментальный характер)»¹. Это касается различных аспектов традиционного бытия: будь то целенаправленное созидание будущего на выросшем из прошлого фундаменте символов, традиций и обычаев, или же предметная совместная деятельность индивидов, творящих и сознающих смысл собственного бытия. Правда, у африканцев, сохранивших черты архаического образа жизни, в отличие от схематики В.А. Петровского, индивидуальность и отчасти субъектность носят еще сильную инерцию некогда психологически всепоглощающей человека коллективной «мы-мости», по удачному выражению председателя Ассоциации африканских исследований США, профессора Висконсинского университета Кроуфорда Янга².

Правда, в Африке за психологическим «поселением» соплеменников и друзей в сознании индивида стоит в основном традиция. И вновь найденного друга африканец хочет прежде всего «уплеменить». В массовом сознании Запада «пропуск» в душу человека открывает индивидуальная избирательная воля, обычно связанная с понятиями полезности и интереса. В славянском мире – то и другое, с явным пока что перевесом личной симпатии к желанному участнику субъект-субъектного общения.

Африканский «мир без часов» за пределами интимно-гендерных связей особенно сближает старшее поколение и малышей. В отношении стариков и детей вопрос ясен. Период беспомощно-«паразитарного» существования ребенка и целенаправленной подготовки его к самостоятельной жизни биологи-

¹ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 10.

² Young C. Patterns of Social Conflict: State, Class & Ethnicity // Daedalus. 1982. № 2. P. 74, 85.

чески гораздо продолжительнее, нежели у детенышей животных и по мере развертывания цивилизационного времени имеет явную тенденцию удлинения за пределами такого важного биологического фактора, как конвергенция больших полушарий головного мозга. С этим связана не только инерция увеличения продолжительности жизни, но и возрастание потребности подрастающих детей в маломощных, с точки зрения упадка физических сил, пожилых людях, доживающих в атмосфере уважения и почтения свое, так сказать, стариковское время. В традиционном, как правило, бесписьменном обществе на них ложится весьма ответственная и чрезвычайно важная информационно-интеллектуальная функция совокупной памяти коллектива. Она реализуется посредством вербализации в рамках устной традиции житейского опыта сверстников и предков, а также путем воспитания и отчасти обучения подрастающего поколения. Таким образом, срединная по возрасту часть общества (за исключением певцов-сказителей, называемых в Западной Африке гриотами, и молодежных вождей) от подобного рода педагогической деятельности освобождается, получая возможность не отвлекаться от занятий, непосредственно связанных с обеспечением жизнеспособности мини-социума, и его биологического воспроизводства на фундаменте кровнородственных и функционально-корпоративных отношений¹.

Крайности сходятся. И в нашем случае – тоже. Дети и старики реально кристаллизуются в специфическую дуально-возрастную композицию, выстроенную по принципу диалектического единства противоположностей. Она оказывается объективно оппозиционной по отношению к взрослой, но еще не старой части общества, продуцирующей основные средства потребления и производства, а также обеспечивающей биологическое воспроизводство социума путем деторождения.

В таком смысле образ эскалатора, хотя и явно принадлежит эпохе индустриальной цивилизации, удачно схватывает моменты очень отчетливого вступления на «ленту жизни» (рождение) и схождение с нее (смерть) как универсальные, оставляя различные конкретные варианты деления самого жизненного времени (цикла) на откуп традициям, жизненным обстоятельствам, социальным и индивидуальным. В этом смысле этносы

¹ См.: Андреев И.Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу // Советская этнография. 1971. № 2. С. 13–24.

Тропической Африки дают хрестоматийный пример генеалогической и иной жизнедеятельности общества, движущегося по кругу, ситуативно изменяющегося, но при этом остающегося в принципе тем же, что образно отметил в нестареющем афоризме мудрый Гераклит.

Что значит «жениться на внучке»?

Когда судьба заносит в иную цивилизацию, особенно если речь идет о так называемых «природных обществах», сплошь и рядом натыкаешься на обычаи и фразы, поначалу кажущиеся несуразицей. Твой устав в этом «монастыре» никто и знать не хочет. А здешний написан на непонятном социально-психологическом языке. Тем не менее люди здесь живут и умеют радоваться жизни. Кстати, вникая в другое мировосприятие, начинаешь лучше понимать себя. Вот и случай, о котором хочу поведать, многому меня научил и на кое-что подвигнул взглянуть другими глазами, как бы из глубины Истории.

Разбираясь в запутанных (для европейца!) лабиринтах родственной и матримониальной лексики, я оказался в логическом тупике, вспомнив известную русскую пословицу: «Чем дальше в лес – тем больше дров».

Подслушанный разговор

...Когда мои давние африканские друзья-ровесники, седые солидные джентльмены, отнюдь не похожие на сексуальных маньяков, вдруг вполне спокойно, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном, каждодневном, заговорили в моем присутствии о «женитьбе на внучке», я буквально похолодел от возмущения и отвращения. Интеллигентные люди, и вдруг – о, ужас! – откровенно циничное, ничем не прикрытое тяготение к кровосмесительству в его, пожалуй, самой вульгарной и даже криминальной форме?!

«Ну и семейка», – подумал я. И конечно, вслух в предельно резкой форме, не стесняясь в выражениях (они учились в России и знали русский язык), сказал все, что я по этому поводу думаю, словом, выразил свое отношение к столь гнусной форме инцеста, неведомого даже человекоподобным приматам.

В ответ – дружный, залиvistый смех, реплики насчет того, что, мол, не зная броду, не суйся в воду. В смысле: не разбираясь в тонкостях неведомого языка, не берись подслушивать чужие разговоры, а тем более столь бестактно и прямолинейно их комментировать. Далее последовала ссылка на удивительно

неудачные переводы на европейские языки местных выражений, касающихся весьма сложной и запутанной африканской терминологии родства, свойства и связанных с ними отношений брака и наследования. *«Европейцы склонны все переводить дословно, а понимать буквально!»*

– А что, разве, если в тексте речь идет о внучке, в переводе следует говорить о бабушке? – парировал я.

– *Дело не в терминах родства, а в глаголе. Здесь речь идет действительно о будущем замужестве внучки, которое любящий дедушка хочет гарантировать материально. Слов не хватает все это объяснить досконально, в тонкостях. Да ты все равно не поймешь. Для этого надо родиться африканцем. Или прожить среди нас всю жизнь. Как твой соотечественник Миклухо-Маклай среди папуасов. Или француз Марсель Гриоль. Он даже прошел мучительный обряд инициации, чтобы понять духовную жизнь загадочных догонов Мали».*

Действительно, в языках целого ряда племен, живущих на стыке границ Анголы, обоих Конго и Замбии, встречаются словосочетания, кажущиеся европейцу немыслимыми. Как, например, буквально перевести специальный глагол *«рождать внука»*? Ведь он сосуществует с нормальным словосочетанием *«рождать сына (дочь)»*?

Я уже рассказал, как словосочетание «женитьба на внучке» вогнало меня в ужас кровосмешительства и инцеста! На самом деле за ним стоит всего лишь традиция активного участия деда в судьбе внучки, предусматривающая за ней право распоряжаться имуществом деда (обычно по линии матери) чаще всего после его смерти. Кстати, аналогичный институт был известен древним грекам, рассматривавшим его как своего рода отрывку материнского счета родства и получившим название эпиклериата.

Словом, в отличие от обычной смены поколений, в наследовании как форме передачи имущественных прав могут быть заранее оговорены социально обусловленные пропуски. Например, имущество деда (как и его имя) переходит к его внукам и внучкам, минуя родителей (дочь, в частности). Здесь заключена определенная гарантия завещанного предками способа использования имущества, нажитого стариками, и защита его от своеволия детей и особенно их супругов, пришедших из других кланов. В условиях господства патриархального счета родства именно внучка остается наиболее уязвимым членом семьи, когда встает вопрос о ее праве самостоятельного (а не навязанного родителями) выбора мужа и решении связанных

с этим материальных проблем. Она ведь может полюбить неимущего. А для деда главное в такой ситуации уберечь их обоих от неведомого прежде социального зла – бедности.

Фольклор суахилийских племен Кении, Уганды и Танзании ярко высветил ее безжалостный лик.

Бедность – неподходящая доля для смертного существа.

Она людей превращает в животных, чья пища – одна трава.

Бедность несправедлива. Случится она с тобой –

Будь ты и знатного рода, ты беспомощен перед судьбой.

Патриарх российской африканистики Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, защищая в блокадном Ленинграде докторскую диссертацию о системах родства в Африке, первым выяснил, что словосочетание «женитьба на внучке» имеет параллельный смысловой перевод. Он его обозначил так: «Моя вещь – внучка»¹.

Впрочем, не исключено, что более точным явилось бы выражение: «*Мою вещь – внучке!*» Тогда смысл обычая может выглядеть следующим образом: «внучку, как мою собственность и воспитанницу, желаю “присоединить” к остальным моим вещам», или «вещи мои прошу передать (присоединить к) внучке в ее полное распоряжение». А поскольку наиболее типичным поводом «смены» собственника вещей является в традиционном африканском обществе заключение брака, постольку в ход мог пойти глагол, буквально означающий женитьбу как наиболее значительный в жизни африканцев акт смены социального статуса.

Итак, внук, пройдя все необходимые ступени подготовки и церемонию инициации, вступает в ряды полноправных мужчин. Это важное событие часто по времени совпадает с предстоящей женитьбой и довольно скорым отцовством. Внук социально дистанцируется от деда и, напротив, сближается по возрастному статусу с отцом, более близким ему по возрасту и осуществляемым видам традиционной деятельности. Внук в социальном смысле становится полноценным сыном, а внучка – дочерью своих собственных родителей!

Заботы африканского дедушки

По традиции африканский дедушка, живущий в джунглях или в саванне, выступает по отношению к окружающим его природе и людям как труженик и собственник одновременно. Сравниваю с собой. Живем на одной планете в одно и то же время. Я, гражданин государства, стремящегося стать цивилизованным, всюду натываюсь на запреты, созданные индустриализа-

¹ Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наука, 1983. С. 16.

цией и усугубленные непостижимой для меня приватизацией. Мой современник-африканец на малой своей родине всюду видит принадлежащие ему, как члену племени, предметы и дары природы и естественной задачей считает умелое собирание и эффективное использование их. В круге его представлений взаимосвязь человека с экологической средой выступает как отношение пассивно «дающей» щедрой природы и активно «берущего» человека.

Традиционную формулу эстафеты общей племенной земли и отличия от нее права собственности на то, что создано руками конкретного человека, неплохо иллюстрирует фольклорная песенка народа *тонга*, населяющего Замбию, Зимбабве и Мозамбик. Она представляет собой ритуальное обращение к родоначальнику соплеменников – к мудрому, могучему и доброму Змею, хозяину Леса.

*О Момбо-ва-Ндлофу, праотец наших племен!
Наша земля твоею была,
Ты сыну – Макунджу – землю отдал.
Сыну Хати землю оставил он.
О Момбо, первый среди равных;
Ныне правит нашей страной
Праправнука твоего правнук.*

(Далее следует индивидуализированная часть языческой молитвы.)

*Видишь, Момбо, вот он – я!
И тебе я молюсь, о праотец-Змей –
Нет прекрасней молитвы моей!
Я пришел к тебе – посмотри, –
Я пришел и принес дары.
А ты деревья мне подари –
Пальму, чтобы построить дом,
И какой-нибудь толстый ствол,
Чтобы выдолбить прочный челн.
Пусть рухнет дерево на краю болот,
И пусть лесоруба оно не убьет.*

В африканском сознании земля рассматривается как пра-матьер всего живого, воплощение неистребимого жизненно-го начала. Африканцу трудно себе представить ее приватизацию и тем более продажу. Ведь предки и потомки не простят такого кощунства. Нередко находящиеся на грани вымирания от голода бушмены даже за очень большие для них деньги наотрез отказываются разрешить сафари на своей племенной земле в практически безжизненной, но родной пустыне Калahari. Кто же позволит топтать прах предков и тревожить

их духов, которым предстоит со временем вернуться к земной жизни?!

Теперь, надеюсь, понятно, почему дед, собираясь уходить обратно в землю, стремится передать то, что создано им во время земной жизни, самой земле. Символом и знаком родной почвы выступает внучка, носитель нового начала племени и источник продолжения старой, но славной родословной. В Африке матриархат еще живуч внутри сменивших его патриархальных структур. Отчество у целого ряда племен не вытеснило из обихода находящегося на его задворках «матчества»; упоминания рода матери. Мне вспоминается оригинальная мысль Ролана Быкова, одного из самых тонких знатоков отечественного фольклора. Змей из русских сказок зовется Горынычем потому, что его мать Горына. Да и какой истинный отец может быть у вылупившихся из анонимных яиц, совершенно неразличимых маленьких змеенышей, тем более что он готов полакомиться ими, стоит матери ослабить бдительность? И когда богатырь вызывает Змея Горыныча на бой, оговаривая заранее, что он должен проходить честно и по правилам, то выясняется, что это невозможно в принципе. Потому что «правила» у людей и змей совершенно разные, несовместимые и несопоставимые. Как патриархат и матриархат!

По мере увеличения доли активно взятого у природы над пассивно отданным ею самой «добровольно» все более четко фиксируется их возрастающее отличие друг от друга. Общей, священной и неделимой остается собственность на девственную землю и естественные водоемы, объекты охоты и рыболовства, пограничные леса и кладбища. Она суживается и сжимается, будто мифологическая шагреньевая кожа. Ее теснит семейно-индивидуальная собственность на плоды рук человеческих. К ним обычно относятся деревья, кусты, иная растительность и скот, птица, другие домашние животные, хижина, загон для скота, торговый лоток и навес, ремесленный и сельскохозяйственный инвентарь, утварь, одежда, украшения, ритуальное снаряжение. Это сфера верховенства деда, главы большой семьи. Из рукотворных изделий и преобразованных человеком предметов природы составляет будущее приданое внучки.

Оно обычно включает в себя крупный и мелкий скот, орудия женского труда и утварь домашнего быта. Они «уходят» вместе с внучкой в семью и племя ее мужа, но право на ключевые, жизнеобеспечивающие природные ресурсы клана внучки муж и его родня принципиально не имеют, так как умершие особ-

ственники у них разные. А выяснить их отношение к такого рода пересмотру структуры общего достояния практически невозможно даже с помощью колдуна. Да и лучше не беспокоить по столь банальному поводу уважаемых предков и их духов. Словом, приданое внучки, как и выкуп, вносимый за невесту внуком, если присмотреться, являются одновременно откупом от возможных притязаний на общее с предками и потомками природное «имущество» рода-племени. Дед его сохраняет, а внучке для поддержания имиджа ее и всей семьи передает то, что создано им самим и его ближайшими родственниками собственными руками.

Никто не смеет обидеть внучку

Есть еще один психологический момент, который закреплен в этом обычае родственной связи через поколение. Отношения отцов и детей сложны не только в России, что акцентировал Иван Сергеевич Тургенев, но и в Африке, однако по-иному. Там родители, согласно обычаю, с детьми почти не общаются с тех пор, как малыши уходят в детскую деревню, и до той поры, пока они не завершат инициацию, означающую обретение ими статуса взрослых, аналогичного родительскому. Другое дело – внучата, которые в течение всего этого периода находятся на попечении бабушек и дедушек. Общение рождает отношение. Кроме того, в Африке считается, что довольно сухие, по нашим меркам, контакты детей и родителей обусловлены тем, что вырастающие дети невольно намекают отцу и матери о надвигающейся старости и незаметном приближении смерти. А деды и бабки с этим уже, как правило, давно смирились и спокойно ждут своего часа, щедро даря сохранившееся душевное тепло ненаглядным внучатам, к тому же нередко носящим их имена. В этом смысле внучка, весьма возможно, напоминает дедушке даже именем своим юную бабушку. И тем самым собственную молодость. А главное – эта «новая» будущая бабушка ближе в родственном плане дедушке, в отличие от старой, чужекровной.

Согласно архаическим представлениям, внучка ему заведомо роднее бабушки. Дух крови и дух спермы обоих родов объединились во внучке. Их синтез будет вновь и вновь воспроизводиться в будущих прадедушках и прабабушках до бесконечности. На этом стоял, стоит и будет стоять африканский традиционный мир, созданный великими и мудрыми перво-предками. Здесь, конечно, незаметно никаких психоаналитических изысков, аналогичных европейскому эдипову комплек-

су. Просто патриарх в странах Тропической Африки, как человек волевой и умудренный жизненным опытом, по традиции должен заботиться в первую очередь о малых и слабых. Его естественными союзниками выступают дядья внуки, сыновья деда, а также единокровные братья и сыновья внучкиной матери. Щекотливые нюансы в отношении дедушки и внуки порою вносит одно нередкое в архаическом обществе обстоятельство. При общем благожелательно-родственном отношении ко всем детям рода-племени как к своим, все-таки имеет место неприязнь, а то и прямая вражда между женами одного мужчины и его детьми от разных матерей. Она напоминает сюжеты поведения мачехи по отношению к родным дочкам и бедной падчерице в русских народных сказках.

Африканское многоженство, даже будучи органическим элементом традиционного образа жизни, все-таки не может вытеснить ревности как оборотной стороны любви и женской гордости. Когда-то давным-давно местные «амазонки» предпочитали, возможно, делить между собой лучших, с точки зрения воспроизводства потомства, мужчин. Одновременно, оберегая святое для них принципы матриархата, они, может быть, старались не допускать излишней концентрации мужчин в своем сообществе. Но времена переменились. Мужчины взяли власть в свои руки, хотя их численность уступает количеству соплеменниц-женщин. В Африке, как и в России, их соотношение 47:53.

Тема злой мачехи у племен, населяющих переполненные сиротами многострадальные Руанду и Бурунди, звучит особенно щемяще:

*Тише, тише, мой малыш,
Не отдам тебя, не бойся,
В руки мачехи твоей.
Мачеха такая злая –
За сухими за дровами
Может в самый дождь послать...
Она тебя будет водой поить,
Когда все коровы отца твоего
С выменем полным вернутся домой.*

Как же защититься от козней мачехи? Защитниками обездоленных или находящихся в опасности малышей выступают прародители.

*К бабушке я тебя отнесу,
Если на нас враги нападут.
Тише, любовь моя, тише,
Спи, несмышленка моя.*

*Бабушка – мама всех наших детишек,
Мама твоя и моя.*

Дедушка как глава большой семьи и «начальник» бабушки в таких случаях выступает в роли сурового, но справедливого отца-арбитра. Для него все внучата любимы и равно достойны одинаковых шансов на счастье в этой казавшейся поначалу длинной-предлинной, а на самом деле такой быстротечной земной жизни. Пусть внучка станет любимой женой достойного мужчины. Дедушка сделает для этого абсолютно все, что он еще может сделать. А потом, уйдя в другой мир и став духом, уже «оттуда» будет радоваться их счастью и помогать преодолевать неизбежные, к сожалению, жизненные невзгоды.

Таков благородный житейский смысл древнего африканского обычая, буквальный перевод словесной формулы которого долго сбивал с толку незадачливых европейских ученых. Стыдно признаться, но и меня в их числе.

Впрочем, особую тягу к прародителям проявляют дети не только в Африке. Помню, мой внук Саша в двухлетнем возрасте одну из самых первых сложных фраз посвятил именно бабушке. Перед началом детского обеда мама спросила, положить ли ей салат, а получив утвердительный ответ, отвлеклась проблемным кормлением двойняшек (Саши и его сестры Нас-ти) и, видимо, забыла о «салатном» диалоге. По завершении обеда Настя убежала по своим делам, а Саша продолжал сидеть за столиком, надувшись и всем своим видом выказывая недовольство. На вопрос мамы: «В чем дело?» – он угрюмо ответил: *«Она хотела, а ей не дали!»* Вот какой заступник у бабушки! Другой эпизод, напротив, связан с поиском у нее сочувствия. Трехлетняя Настя, уловив где-то кусок фразы о правах человека, прижалась к бабушке и горько посетовала: *«У меня нет никаких прав. Папа шлепает, мама шлепает. Ну, никаких прав нет у маленьких людей!»* Саша развернул другой аспект затронутой проблемы: *«Шлепать детей нельзя, потому что попа – это часть человека»*. И хотя Настя возразила, что *«человек – целый, у него нет частей»*, вместе они твердо уверовали в существование, помимо воплощенных в материальных документах водительских «прав», конституционного права гражданина защищать свое человеческое достоинство даже перед лицом родительского недовольства. Характерно, что в качестве адвокатов и своих правозащитников в таких ситуациях дети призывают именно дедушек и бабушек.

Парадоксы африканского чадолюбия, или Киндерсюрприз по-африкански

Не имеющий денег – бедняк.
Не имеющий детей – бедняк вдвойне.

Африканская пословица

Живучие обычаи группового родства и свойства впитываются африканцами с молоком матери как нечто такое же естественное, как сама мать и ее молоко. А потому они легко и непринужденно прорывают рамки не только биологического и семейного, но даже расового признака. У меня была возможность неоднократно в этом убедиться.

Неожиданная «дочь»

Очаровательная двухлетняя малышка, дочь моих ганских друзей Сьюзи и Кофи, впервые в жизни увидев меня – гостя своих родителей, – неожиданно бросилась мне на шею с радостным криком «Па-па!». Что это: случайность или бытовой реликт некогда господствовавшего группового родства, подсознательный отблеск первых зарниц цивилизации, когда все мужчины рода-племени выступали в глазах детей неким единым, совокупным, коллективным отцом по отношению ко всем, отнюдь не столь четко, как ныне, различаемым своим и «чужим» детям? Или она приняла меня за дядю – брата чуть более светлой матери, который, будучи с ней одной крови, гораздо «роднее», нежели биологический отец? Ведь у акан Ганы, согласно аксиомам матриархата, дух материнской крови *моджа* гораздо сильнее и важнее духа спермы *нторо*, передаваемого по линии отца.

Впрочем, нельзя отбрасывать и того, что девочка, выросшая в достатке и избалованная любящей родней, просто захотела поиграть «в папу» с импозантным, седым, бородатым, с трубкой в зубах дядей. Ведь он так непохож на окружающих ее мужчин. Почему бы мысленно не превратить его на «игральное» время в живую, говорящую, улыбающуюся ей и обнимающую ее куклу, вернее, в «кукла», эдакого биологического робота мужского рода.

Когда мы обедали, она, естественно, примостившись рядом с новым «папой» и время от времени перебираясь к нему на колени, старалась его угостить, гладила по бороде, прижималась и даже слегка, по-детски искренне кокетничала. В кого же она играла со мной? Что при этом чувствовала и о чем думала? Может быть, удастся узнать позже, когда она подрастет? Похоже,

я был первым европейцем в ее маленькой провинциальной жизни, а неординарные события дети запоминают обычно надолго, иногда на всю жизнь.

Вблизи Килиманджаро

Неоднократно в разные годы в далеких друг от друга странах Тропической Африки я сталкивался с согласием, готовностью и даже упорным желанием матери либо обоих родителей подарить приглянувшемуся европейцам, в частности мне как хорошему, по их мнению, человеку, одного из своих детей. Обычно речь шла о младшем, лишь недавно вышедшем из грудного возраста и уже способном обходиться без материнского молока, отлучение от которого здесь происходит довольно поздно, по нашим меркам, и в основном по инициативе самого ребенка.

Особенно отчетливо в мою память врезался первый эпизод такого рода в аэропорту кенийского города Момбаса. Почти рядом на склонах покрытой снежной шапкой высочайшей вершины континента Килиманджаро развертывался драматический сюжет одной из лучших новелл Эрнеста Хемингуэя. Рейс местной авиакомпании в самое сердце танзанийской саванны – город Арушу – задерживался по малопонятным всем авиапассажирам мира так называемым «техническим причинам». Они могут означать в африканской провинции все что угодно, вплоть до невозможности пилота расстаться с любимой женщиной, о чем перешептывались полушутя-полусерьезно привыкшие ко всему, всегда всё знающие и берущиеся судить обо всем аэропортовские клерки.

В ближайшем углу зала ожидания расположилась достаточно многочисленная африканская семья. Любопытные ребяташки вначале в упор, не мигая, как могут только маленькие дети и большие дяди-следователи из второсортных детективов, рассматривали меня в несколько пар глаз, затем осторожно обступили и, наконец, буквально облепили незнакомого, но явно доброжелательно к ним настроенного «бесцветного» дядю. Московские ириски и карамельки пришлось им по вкусу и закрепили обоюдную симпатию. Элементарный английский даже старшие знали едва-едва, да и то стеснялись, поскольку их родным был суахили. В нем, как я узнал из разговорника, заботливо предусмотрительно выданного каждому из пассажиров самолета на случай аварии и вынужденной посадки в джунглях или саванне, мне были знакомы только два слова: чай и сафари.

...Солнце – в зените. Знаете, что такое тропический полдень почти на самом экваторе? Чувствуешь себя как в сауне, где

приходится есть, пить, работать, словом, жить весь световой день, если некуда спрятаться от света и духоты. Особенно остро это ощущается на контрасте. Еще вчера в ночном Шереметьево-2 были полновесные декабрьские минус сорок. А здесь дышать нечем: плюс пятьдесят в тени. Думать трудно, почти невозможно. Мозг будто расплавлен, истомлен несносной жарой и бесконечным ожиданием. Нахожу единственно достойное в таком положении занятие – разглядывать африканских детей и по мере возможности общаться с ними. Их неиссякаемая в любом климате энергия и любознательность были, пожалуй, единственным источником оптимизма в этой, казалось бы, безнадежно тупиковой ситуации.

И вот наконец наш старенький самолет, возможно ровесник поздних изделий самих братьев Райт, вроде привели в относительный порядок. Появилась экзотичная стюардесса в кокетливой леопардовой пилоточке набекрень с притороченным в ее углу силуэтом хозяина этой шкуры, вытянувшегося в изящном и вместе с тем могучем прыжке-полете. В ее оттянутых с детства мочках неестественно длинных ушей были прорезаны специальные отверстия, в которые была продета в виде завитка их нижняя часть. Судя по всему, это был писк здешней моды, верх местных представлений о женской красоте, как и небольшая круглая, хорошо отполированная дощечка, на которую была натянута нижняя губа заядлой модницы.

В микроавтобусе, когда мы, стоя рядом, ехали по летному полю и я оказался лицом к лицу с прелестной хозяйкой африканского неба, меня бросило в дрожь от мысли о «цене» столь изысканной красоты. Что же должна была вытерпеть эта изящная, словно точеная статуэтка из эбенового дерева, куколка, чтобы так демонстративно гордо повернуть к восхищенным зрителям-пассажирам и пилотам свой воистину божественный профиль. Совсем в духе воззрений великого африканского поэта и философа Леопольда Сенгора, провозгласившего обнаженную черную женщину в росчерках молний тропической грозы искомым мужчинами всего мира идеалом красоты.

Настала пора улетать. Позвали на посадку. Многодетная семья, сверх всякой меры неожиданно экипированная значками, мелкими игрушками, открытками с видами Москвы и Владимира, оставалась среди разбросанных по полу фантиков всяких ирисок-барбарисок ждать своего рейса. И здесь наступила кульминация. Мать с молчаливого согласия отца отдает мне обратно малыша, сладко задремавшего у меня на плече, и объясняет слегка ошалевшему таможеннику, что я могу взять мальчика

с собой на свою далекую родину. Оказавшаяся поблизости женщина-врач из нашего посольства пояснила, что, судя по внешним данным и рассказам родителей, ребенок здоров и для своего возраста достаточно развит; необходимые детские прививки ему сделаны. И я, следовательно, могу взять на себя ответственность за его развитие, воспитание и дальнейшую судьбу. Африканцы ведь – люди чадолюбивые. И родители были уверены, что их сынишке будет лучше, если он уедет со мной.

Они заметно огорчились, когда узнали, что я отправляюсь вовсе не домой, а в длительную служебную командировку по четырем странам континента. Впрочем, дома от собственных детей мне тоже слегка «влетело»: неожиданно выяснилось, что моим сыну и дочери уже давно очень хотелось иметь братика-африканца...

Неугомонная Фанта

Другой похожий случай произошел несколько лет спустя. В Мали я впервые оказался со своей взрослой дочерью. Она знает английский, испанский, французский, арабский языки и на ходу бойко осваивала азы местного бамбара. Это облегчало наши контакты во всех сферах малийского общества, включая правительственные, дипломатические, артистические, коммерческие и даже мусульманские круги, а главное – с простым народом, простодушным, дружелюбным и гордым. Ведь о том, что они потомки западноафриканского Ильи Муромца, помнят все малийцы от мала до велика.

Впритык к российскому городку, где расположились здания посольства, торгового представительства, военного атташата и жилого дома, выстроенного для наших специалистов, под легким навесом расположилась фруктово-овощная лавка, которую уже много лет держит одна и та же семья. Причем мужчин, входящих в ее состав, я, нередко бывая в Бамако, ни разу не видел. Возможно, торговля тем, что растет под ногами или над головой, – дело малопривлекательное и недостойное настоящих малийцев, правнуков самого Сундьяты. Командует всем этим мини-маркетом бойкая, энергичная, голосистая женщина весьма зрелых лет по имени Фанта, окруженная сменным экипажем своих дочерей: одни выходят замуж и покидают мать, им на смену подрастают другие, а она тем временем рождает новых. Ничего удивительного! Материнство – самое престижное занятие африканской женщины. Уважающая себя и своего мужа африканская мадонна более половины детородного возраста проводит в состоянии беременности и вы-

кармливания малышей грудью. В среднем к 36–35 годам она имеет 5–6 детей. А в Мали и того больше: здесь ежегодная рождаемость превышает 7 процентов по отношению ко всему населению страны, включая стариков и младенцев.

Фанта – женщина авторитетная и по-своему отзывчивая. Видя муки российских командированных с французским языком, она из сочувствия к ним и руководствуясь законами борьбы за клиентуру, выучила худо-бедно русскую лексику (до грамматики дело пока не дошло) в ее, так сказать, базарном варианте, включая, естественно, наиболее смачные ругательства, подслушанные в общении покупателей между собой.

Когда мы с дочерью стали по несколько раз в день появляться в поле зрения Фанты и ее многочисленной родни, она быстро выхватила из наших диалогов наиболее часто повторяющиеся слова и довольно удачно сложила их вместе. Получилось «Алёна-папа». Это могло означать с одинаковой степенью вероятности: Алёна и папа, Алёна папина, Алёнин папа и т. п. Во всяком случае, отныне, стоило нам вместе или поодиночке появиться вблизи ларька, нас неотвратимо настигал зычный, какой обычно бывает у профессиональных торговков и уличных зазывал, призывный возглас: «Алёна-папа!» Вскоре это приветствие неслось по всей округе. В конце концов Фанта нас по-своему полюбила, признала за своих друзей и в знак большого доверия и привязанности предложила взять с собой в Москву одну из ее самых маленьких дочерей.

Меня долго терзала мысль: как это сочетается с традиционной африканской любовью к детям, особенно маленьким? Я даже специально читал под этим углом зрения Зигмунда Фрейда и Эриха Фромма. Но ничего не прояснилось. Скорее, наоборот. Ребенок – «имущество» матери, ее живой «капитал»? «Награда» за муки родов? Источник вечных хлопот и беспокойства? Надежда на обеспечение в старости?

Все это проблемы иной, вещистой, потребительской индустриальной цивилизации Запада, а вовсе не африканской, традиционной, близкой к истокам и еще не «потерявшей» окончательно человека как вечную основу и высший смысл бытия. Рождение ребенка рассматривается африканцами, скорее, как «возвращение» на землю для новой жизни духа одного из достойных и уважаемых предков.

Житейская логика проблемы «дарения» детей, как я убедился в результате личных бесед и опросов, оказалась на удивление простой и бесхитростной. Породниться с хорошим человеком никогда не лишне. Все равно что заключить морганатичес-

кий брак в средневековой Европе. Новый «отец» увезет малыша в даль дальнюю?! Ну и что из этого? Свет повидает, выучится, потом, Бог даст, может, на родину потянет? Глядишь, родителям на старости лет чем-то сможет помочь, а главное – братьям и сестрам, племянникам и племянницам. А на нет – и суда нет! Значит, так надо!

Как-то я встретил в Замбии уже немолодую европейскую женщину, держащую за руку африканского подростка. Она оказалась врачом из Кракова. Много лет назад ей довелось спасти во время жестокой эпидемии большую семью. При этом самого слабенького младшего ребенка, у которого шансов на выживание практически не было, она взяла по просьбе родителей, веривших в чудеса доброй человеческой души, с собой в Польшу. Мальчика удалось выводить, и вот он с европейской мамой и сестрой, ее дочерью, приехал погостить к своим африканским родителям, братьям и сестрам. Именно погостить, потому что, получив европейское воспитание, он уже не мог вести образ жизни соплеменников и предков, но собирался приехать на родину позже, получив медицинское образование.

«Белые – странные люди. Возятся со своими детьми, которых у них всего-то раз-два и обчелся, будто других забот нет. Надышаться не могут. Или ссорятся с ними, прямо-таки враждуют, подчас даже не поймешь из-за чего. А наши дети растут, как трава. Сами по себе. По законам предков. Конечно, поначалу требуют заботы и внимания. Потом путаются под ногами, норовят напроказничать. Знаем, сами были такими. Но постепенно включаются в общий ритм жизни деревни, отлаженный веками, или... сбегают в город. А уж там, как судьба распорядится. В общем, время с детьми летит незаметно. Да, и как за ним, бестелесным, невидимым и неслышимым, уследишь, если не глядеть на взросление детей? К тому же некогда, да и незачем. Других проблем – по горло...» – уверенно заключила Фанта, когда я решился на обсуждение с нею щекотливой проблемы отношения к детям в России и Африке. И по-своему она, конечно, была права. Если детей любишь искренне и бескорыстно, надежда на их лучшее будущее заслоняет тоску и горечь вынужденной разлуки.

«Ребенок, – продолжила она, – маленькое земное солнце, пытающееся танцевать раньше, чем научится ходить. Он то освещает нечаянной лаской и трогательной улыбкой наш незатейливый быт, то уходит «за горизонт» собственных проблем, унося с собой время нашей молодости, открывая грустную возможность ощутить шаги ее удаления – прелюдию неизбеж-

ного расставания и с Солнцем, и с Танцем Ночи, и с выросшими детьми».

Эти метафоры простых, зачастую не знающих грамоты африканцев часто всплывают в моей памяти. Однажды тема отношения ко времени стала предметом дружеской беседы с господином Абдуллаем Шарлем Даниоко, компетентным и обаятельным человеком, бывшим министром образования и науки, чрезвычайным и полномочным послом, представляющим в Москве одну из самых солнечных стран мира – Республику Мали. Там в среднем 363 дня в году раскаленное почти добела светило не терпит конкуренции облаков и туч.

«Наши крестьяне, – размышлял вслух мой собеседник, – смотрят на Солнце, а не на часы. Даже многие чиновники и другие городские жители еще толком не усвоили астрономического и математического значения времени. И с этим приходится считаться. Я – выходец из сельской местности. У нас в деревне и в семье – естественное отношение ко времени, диктуемое ритмами природы». А потом вдруг темпераментно развернул ход чинного салонного разговора, заявив в духе афоризма одного из французских королей: *«Время – это Я. Но ему не дано “иметь меня”, распоряжаться мною. Его нельзя игнорировать, с ним надо считаться, но не стоит попадать к нему в кабалу, становиться рабом неодушевленной часовой стрелки».*

Есть над чем задуматься! Народная мудрость глубока и оригинальна!

Приходя в этот мир, мы очеловечиваем и тем самым маркируем непосредственно не воспринимаемое нашими органами чувств время, окружающее и пронизывающее нас. Мы живем, действуем и танцуем во времени. Оно делает то же самое внутри нас.

Солнце – та ипостась времени, которую мы видим и чувствуем кожей. Танец – другая его грань, воплощающая движение и ритм. Танец – это Солнце в наших душах. Оно греет даже тогда, когда уходит за горизонт, а источником тепла и света становится ритуальный костер. Мудр Сенгор, изрекший: *«Африканец танцует свою жизнь».* Ее символом и сердцевинкой было, есть и остается Солнце.

Таким предстает изнутри кажущийся европейскому снобу неправдоподобно примитивным африканский «мир без времени», где часы заменяет Солнце, а крысиные гонки ненасытного бизнеса – самозабвенный темпераментный Танец!

«Жена» вдовы и дети «Духа»

Чрево делает человека благородным.
Пословица сенегальского племени серер

«Какие очаровательные у тебя дети и, видимо, прекрасный муж. Он так трогательно заботится о них и о тебе, не сводит со всех вас своих откровенно влюбленных глаз. Ты счастлива, конечно?! Сознавайся», – обратился я к своей давней знакомой – африканке, случайно встретившись с ее семейством погожим воскресным днем в провинциальном недорогом кафе.

Мой, казалось бы, такой невинный и вполне дружелюбный вопрос, заданный в то время, когда ее спутник вышел по каким-то своим делам из-за стола, неожиданно поверг молодую женщину в глубокое уныние. Будто раскаленное добела экваториальное солнце мигом затянуло тяжелые плотные тучи, несущие безжалостный тропический ливень.

– Что случилось, Отина? Чем я мог тебя огорчить или обидеть? Мне очень приятно видеть тебя, такую красивую, умную и заботливую, в кругу твоей семьи, с детьми, число которых, судя по твоей фигуре, скоро вновь увеличится. Я искренне рад за тебя, за него, за них. Расскажи, очень прошу, что тебя не устраивает в этой ситуации? Может быть, я чего-то не знаю, не понимаю? Или есть какие-то проблемы, которые я могу помочь тебе решить?»

Глубоко задумавшись, я стал мысленно перебирать варианты столь неадекватной реакции на вполне светскую реплику: «Ты что, не любишь его? Он не ценит тебя и плохо к тебе относится? Или к детям, хотя они так явно похожи на отца, больше, чем на мать, но ведь среди мужчин есть безумные ревнивцы?»

– Нет-нет. В этом смысле все – лучше некуда!

– Тогда в чем же дело? Почему ты так переменялась в лице? Откуда и зачем столько грусти? Объясни мне, пожалуйста, насколько это возможно!

– Как-нибудь потом. Не сейчас и не здесь, – с трудом выдавила из себя Отина сквозь незвано навернувшиеся слезы.

Я был крайне смущен и заинтригован одновременно. Интуиция ученого почти безошибочно подсказывала, что я невольно затронул какую-то тщательно охраняемую от чужого любопытства и очень важную для этих людей тайну. Не будучи сторонником выпытывания чужих секретов, я тем не менее почувствовал за всем происшедшим тень какой-то неведомой мне загадки архаического образа жизни, наполненного обычаями

и ритуалами традиционного менталитета, непонятными нам, европейцам, а потому экзотическими, а для африканцев – обычными и не всегда приятными.

Прошло еще несколько минут становившегося неприличным тягостного молчания. Наконец Одинго вернулся к столу. Отина уже пришла в себя, вернее, дети как бы вернули ее к повседневным делам и заботам. Самому младшему понадобилось вытереть нос, другой до самых ушей перемазался мороженым, третий старательно пытался откусить колесо у металлической машинки, которую я не очень осмотрительно подарил ему, и поцарапал щеку... Словом, все как бы вернулось «на круги своя», хотя уже не было прежней безмятежности относительно прохладного и беззаботного воскресного утра. В воздухе как бы повисла невидимая пелена невысказанной застарелой фантомной боли, отравляющей радость полнокровного сиюминутного бытия.

Неслышно, будто по воздуху, подошедший к столу Одинго с поистине сверхчеловеческой интуицией, невольно перенимаемой самыми опытными охотниками на крупных хищников от своих зоологических партнеров по опасно-азартной игре в жизнь и смерть, мгновенно уловил перемену эмоционального климата за столом, происшедшую в его отсутствие. И, не вдаваясь в расспросы и размышления по этому поводу, просто сообщил, что им пора уходить, что их ждут дела и друзья.

Чтобы хоть как-то снять напряжение, дать невольно растревоженным людям успокоиться, прийти в себя и нормально закончить воскресную трапезу, я быстро распрощался, вернулся к своему столу, оставил деньги в блюдечке со счетом и немедленно удалился по делам, которых у меня в этот воскресный день, как назло, не находилось. Мне было мучительно стыдно за собственную бестактность, но тогда я даже не представлял себе, сколь серьезно расстроил этих милых и приятных мне людей. Все прояснилось несколькими днями позже, когда по моему приглашению, переданному через наших общих знакомых, Отина и Одинго согласились, оставив детей на попечение подруги, вместе поужинать в гостинице, где я тогда остановился. Зная меня как ученого-африканиста и человека незлого, они сразу после моего молниеносного ухода из кафе поняли, что обидеть я их вовсе не хотел, поскольку совершенно не в курсе ситуации, которая их тяготила. Что я случайно и нечаянно прикоснулся к той боли, которая чем дальше, тем больше терзала по ночам их души.

– Так в чем же дело? – теряя терпение и приличия, настаивал я, когда мы закончили светский обмен любезностями. – Если «это» – секрет, я твердо обещаю его сохранить. Если конфликт с кем-то, попробую помочь уладить. Если нарушение обычая, постараюсь найти ему ритуальный «противовес». Если нужна моя помощь, можете на меня рассчитывать в пределах моих способностей и возможностей.

– Ни то, ни другое, ни третье, хотя... – начал было Одинго, но Отина его прервала, что нечасто случается в африканских разговорах:

– Мы оба – жертвы древнего обычая, но жертвы в кавычках, так как, хотя мы соединены извне, другим человеком, действовавшим в своих интересах, но нашу волю и взаимную симпатию тоже учли, и мы любим друг друга и детей. Ты сам это увидел и сказал нам в виде комплимента. Но от твоей искренности еще больше. Теперь, поскольку ты явно не понимаешь, о чем идет речь, словом, не в курсе этого, слава Богу, все более редкого обычая, держись, как у нас говорят, за баобаба, словом, приготовься к самому нелепому и неожиданному для тебя и, может быть, для твоей книжной науки. – Она перевела дыхание, взглянула в глаза Одинго и решительно, будто прыгая жарким днем в холодную воду, выпалила самое заветное и запретное: – С точки зрения формальной, Одинго мне не муж. Он – друг, любовник, в лучшем случае – гражданский, по взаимному согласию, сожитель. К тому же, хотя наши дети рождены по принципу «двое – в одном», то есть в каждом из них соединены именно наши тела и души, Одинго не является формально их отцом, а я – матерью. Моим «законным» мужем считается одна богатая женщина, занимающаяся торговлей овощами и фруктами, бездетная вдова Вамбуи Кената, заплатившая моему клану положенный по обычаю щедрый выкуп в виде быка, нескольких коров, овец, коз, ассегаев, калебасов.

Согласно древней традиции, после трагической гибели ее супруга старейшины моего клана за хороший выкуп и в знак поддержания дружеских отношений с соседями, особенно не размышляя, отдали меня ей в «жены» для рождения наследника. Но сам знаешь, женщины, даже если их собрать всех вместе со всей Африки, наследника родить все равно не смогут... без мужчины. Поэтому необходимого для этой цели «друга» вдова, опять же в соответствии с обычаем, нашла (не буду лукавить, не без моего согласия) в возрастной группе своего покойного супруга, среди его друзей-побратимов, проходивших вместе с ним годы детства, отрочества, юности и самое

важное – церемонию инициации. Вдова оплатила и свою «свадьбу» со мной, а также – добрая душа – начало нашего сожительства с Одинго. По правде говоря, мы ведь давно приглянулись друг другу. Но маленьким бедным людям приходится строить свои отношения не всегда по собственной воле, а подчас по стихии складывающихся обстоятельств.

Чего стоило нам обоим, например, категорическое требование вдовы, кстати, не ею придуманное, а вполне соответствующее одному из древнейших наших обычаев, давно потерявшему свое значение и смысл, относительно присутствия при первом акте нашей близости четырех свидетелей, которые должны были подтвердить мою непорочность и сам факт нашей интимной жизни. Неужели боялась, что мы будем морочить ей голову, будто, несмотря на все наши старания, наследник никак, мол, не «получается»? Этого не понять умом, если не испытать в жизни. Впрочем, что я несусь? Не дай бог такое даже в дурном сне увидеть. Предки, конечно же, были мудры; в этом грех усомниться. Но ведь жизнь эти тысячелетия тоже не стояла на месте, как кажущаяся снизу незыблемой заснеженная вершина Килиманджаро.

Потерявшие смысл обычаи чем-то напоминают перезревшие орехи, опасно висящие высоко над самыми головами тех, кто легкомысленно расположился отдохнуть под шум океанского прибоя в зыбкой веерной тени щербатой кокосовой пальмы. Но людям подчас легче их формально выполнить, нежели рисковать недовольством предков, их духов, а еще хуже – ссорой со старейшинами. И тем паче привлечь зловещее внимание тайного ритуального общества, следящего за тщательным и скрупулезным выполнением всеми без исключения предписанных давно «ослепшим» обычаем церемоний.

Отина перевела дух, еще раз посмотрела мне в глаза (насколько серьезно я воспринял услышанное), благодарно пожала кисть руки Одинго, а затем безо всякого перехода вдруг затронула собственную болящую тему социальной цены благородства бездетной вдовы и тягостных обязательств, наложенных на них с Одинго в связи с таким поистине странным «браком».

– Ведь дети, рожденные в нашем союзе, считаются детьми «духа», иными словами, покойного мужа вдовы, трагически погибшего в схватке с леопардом-людоедом, терроризировавшим деревню, где он родился. И его же наследниками. Так клан мужа позаботился об «удержании» стада, имущества, оружия, участка земли и детей покойного в своей орбите. Вдова же от его имени распоряжается судьбой детей, по крайней ме-

ре, вплоть до того времени, пока они вырастут и пройдут обряд инициации. Даже имена им обычно дает старейшина клана покойного охотника, особенно сыновьям.

– Как же так? – не понял я поначалу. – Ты «жена» вдовы!? Значит, древний обычай допускает насильственный, по сути дела, «брак» женщины с женщиной, хотя ни одна из них не является лесбиянкой?! Одинго – твой друг, что-то вроде бойфренда, нанятого вдовой на средства ее покойного супруга для выполнения его мужских функций. А дети, зачатые, рожденные и воспитанные вами в любви и согласии, следуя допотопному обычному праву, принадлежат человеку, умершему задолго до их зачатия. А состоятельная бездетная вдова – их опекунья и распорядительница их судьбой, по крайней мере, вплоть до достижения ими совершеннолетия. Словом, неведомая мне Вамбуи Кената своим «браком» с Отиной обеспечила неделимость и неприкосновенность от притязаний своей собственной, довольно алчной, даже по африканским понятиям, родни имущества покойного супруга?!

Все погрузились в молчаливое раздумье. Любовь, дети, имущество, обычаи предков – все смешалось и запуталось в моей ученой голове. Собеседники это прекрасно чувствовали и тактично давали мне передышку для того, чтобы привести свои мысли хотя бы в относительный порядок.

Как гласит любимая пословица Леопольда Сенгора, именно чрево делает человека благородным. Значит, право материнства и в Африке священо, – решился я нарушить становившуюся неприличной тишину, – ведь твоя кровь, Отина, освященная духом моджа (абуса), течет в жилах ваших детей. А дух спермы клана Одинго передал им черты лучших его предков.

Неужели эти воистину наиболее гуманистические и мудрые среди прочих традиционных представлений утратили свою силу и значение под натиском вестерн-цивилизации, сделавшей некогда святое родство безропотным и раболепным «орудием» бездушной и зачастую безликой собственности!?

– И все-таки обычай у нас, в Африке, подчас сильнее не только генетики, классической логики, но и просто житейского здравого смысла. Каково, думаешь, мне, нормальной, здоровой, как говорят у вас в России, бабе считаться женой женщины и рожать от любимого человека детей. К тому же их главное предназначение – обеспечить вдове и роду ее покойного супруга право пользоваться его имуществом, а затем стать наследниками богатства мужчины, которого я никогда в жизни не видела и заведомо не увижу!

– Но ведь, когда я встретил вас за столом всей дружной семьей, ожидающей пополнения, у меня было представление об идеальной картине человеческого счастья.

– Да, психологически и во всех других отношениях это, видимо, так и есть, если... мы подчас забываем о некоторых традиционных формальностях, которые могут со временем резко вмешаться в нашу жизнь и даже разлучить кого-то из нас с остальными. Где хоть какая-то гарантия того, что вдова, либо старейшины общины покойного охотника, если с вдовой не дай бог что-нибудь случится, не начнут навязывать свою волю нам, а еще хуже – нашим детям, которых они рассматривают как своего рода имущество клана, часть наследства одного из его членов? Да и сама вдова, когда старший сын станет совершеннолетним и пройдет церемонию инициации, предъявит на него свои права заботы о ней. И еще: задумает выгодно (для себя или клана мужа, с которым она теперь срослась и экономически) женить его не на той, кого он сам выберет и полюбит, а на дочери вождя или другой такой же вдове...

Вернувшись с разламывающейся от противоречивых мыслей головой к себе в гостиницу, я прочел в своде традиционного права народности кикуйя буквально следующее: «Когда муж умирает, оставив бездетную вдову, уже неспособную к деторождению, вдова может взять жену. Вдова уплачивает выкуп семье избранной женщины и подыскивает для нее мужчину из возрастной группы ее мужа. Дети, рожденные от такого брака, считаются детьми покойного мужа вдовы и самой вдовы»¹.

Кстати, у ряда племен, родственных этнической группе кикуйя, такого рода изменение структуры традиционной семьи путем инкорпорации в нее молодой женщины – потенциальной роженицы и необходимого ей для рождения наследника мужчины, согласно обычному праву, возможно и при живом муже. Женщина, оказавшаяся в подобной ситуации (нередко в результате повреждения ее гениталий во время инициации) или имеющая только дочерей, «может взять в жены девушку и уплатить за нее обычным путем брачные платы. Это может быть сделано при жизни мужа или после его смерти. Женщина избирает мужчину из рода ее мужа для половых сношений с девушкой, и любые рожденные дети будут принадлежать женщине, которая уплатила выкуп».

В принципе выступить в роли организатора такого рода искусственной семьи может не обязательно вдова или замужняя

¹ Синицына И.Е. Человек и семья в Африке. М.: Наука, 1989. С. 82, 219.

женщина, не имеющая естественного наследника, но и просто свободная и богатая особа. Если она всего лишь не хочет изнурять свой организм беременностью и родами, но хочет сохранить, помимо здоровья и фигуры, участок земли, отару скота, торговый лоток, хижину или дом, принадлежавшие ее матери, сложным путем принятия на себя функций социального «отца» женского рода по отношению к рожденным по оплаченному ею «заказу» детям. Поскольку выкуп обычно выплачивается в основном животными, последних нередко называют детьми скота. Причем в это словосочетание не вкладывается никакого обидного или уничижительного смысла. Ибо дети есть дети, а скот – основное в саванновой и пустынной зонах средство существования людей и мерило социального престижа его владельца.

...Многое для меня прояснилось. Но вопросов возникло больше, чем ответов на прежние. Можно ли повернуть в нормальное русло такого рода «брак» путем, скажем, постепенного возмещения некогда уплаченного выкупа и прочих расходов, понесенных женщиной – социальным «мужем» и «отцом» в процессе организации такого рода традиционной семьи. Ведь в ее рамках биологические родители и их естественные дети по своему правовому статусу чем-то очень напоминают так известных нам по отечественной литературе крепостных в старинной русской барской усадьбе?

Между прочим, судебная практика большинства стран Тропической Африки убедительно показывает, что прецеденты, основанные на традиционном праве «данного народа и территории» пока что, как правило, перевешивают юридическую аргументацию британского либо континентального законодательства, по моделям которых формируются в основном современные национальные кодексы большинства молодых независимых государств Африканского континента¹.

Детство и дедство в африканском контексте

Специфическим свойством африканского общества с древнейших времен был принцип возрастной связи через поколение. Может быть, этот феномен окажется более широко распространенным, но пока он выявлен и изучается прежде всего на материалах Тропической Африки. Акцент внимания на специфической близости и особого рода взаимной дополняе-

¹ Силицына И.Е. Кенийский прецедент // В мире обычая. М., 1997.

ти социальных функций периодов детства и дедства имеет гораздо более глубокий концептуальный и прагматический смысл, нежели может показаться при поверхностном взгляде на данную проблему. В психофизиологическом плане входящие в жизнь и сходящие с ее сцены возрастные когорты, знаменующие собой своего рода полюса жизнедеятельности биологического вида *homo sapiens*, оказывается, имеют особую фундаментальную внутреннюю схожесть.

Известное сходство детства и дедства заключено в неспособности этих возрастных групп к самостоятельному активному участию в трудовой деятельности общины и воспроизводству рода. Их «сближает» также то обстоятельство, что к 5–6 годам у детей происходит завершение процесса гармонизации функций правого и левого, чувственно-эмоционального и абстрактно-речевого полушарий головного мозга, а после 50 лет берет начало постепенное стирание различия между ними.

Возрастная пирамида

В житейском общении с африканцами на их родине для меня было принципиально важным уловить два диалектически связанных момента, характеризующих специфику традиционных обществ со стороны их возрастной дифференциации.

Во-первых, возрастная вертикальная многоукладность (удачный термин, предложенный В.А. Поповым) по времени предшествовала иным видам социально-экономического неравенства¹. К тому же эта традиция бережно сохраняется и тщательно культивируется².

Во-вторых, командный «деспотизм» старших возрастных групп по отношению к младшим в традиционных обществах – исходная предпосылка социальной дискриминации и экономической эксплуатации в рамках племенных структур³. Беспрекословное подчинение старшим по возрасту и отцу – ключевая норма поведения, несмотря на сильные реликты матрилинейного счета родства. В романе крупного нигерийского писателя Чинуа Ачебе аргументация жизненности данного обычая сводится к тому, что отец раньше станет предком и «оттуда» сможет эффективно помогать сыновьям в их временной земной

¹ Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990. С. 197.

² Эйбл-Эйбесфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг. М.: Мир, 1995. С. 69.

³ Сюре-Каналь. Африка Западная и Центральная. М., 1961. С. 97–98.

жизни. В свою очередь, должным образом воспитанный им сын будет тщательно соблюдать все необходимые погребальные и иные поминальные ритуалы, включая своевременные и достаточные для «той» жизни жертвоприношения, что поможет вхождению отца в сонм почитаемых и благоденствующих «там» предков¹.

На страже обычая неперемennого почитания возраста в африканском менталитете стоит концепция психологической инфекции, тесно связанной с физическим здоровьем (вернее, нездоровьем) нарушителей обычая предков. Съевший за общим столом какое-то (обычно – ритуальное) блюдо раньше, чем к нему притронется вождь, старейшина, отец, дядя, старший брат или другой родственник, рискует подвергнуться различной порче. Вызванные ею лихорадку, астению, депрессию, боли в брюшной полости могут снять лишь специально изготовленные местным колдуном мази либо омовение целебной водой. Отсутствие такого рода противоядия может вести к гибели даже невольного нарушителя, особенно если он случайно узнал о своем проступке².

Другим реальным стимулом поддержания возрастной иерархии выступает власть знания, монополия старших возрастных групп и индивидов на жизненный опыт, ценность которого трудно преувеличить. Рассматривая «культурный код» как относительно автономное образование и опираясь на созданную ею теорию трех типов культур, Маргарет Мид выделила специфический постфигуративный тип. В его рамках *«прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей»*, ибо *«взрослые не могут вообразить себе никаких перемен и поэтому передают своим потомкам лишь чувство неизменной преемственности жизни»*³. Исходя из представления, связывающего смерть с вполне вероятным перевоплощением умерших в духов, люди на всякий случай побаиваются стариков: ведь они так близки к иному миру сверхъестественного, их уже коснулось своим крылом его невидимое простым смертным могущество. Вместе с тем стариков искренне почитают за то, что они сумели так долго прожить. И так много сделать и, помимо всего прочего, произвести на свет детей и внуков, а подчас и правну-

¹ Ачебе Ч. И пришло разрушение. М., 1964.

² Корочанцев В. Плохой человек подобен вирусу // Азия и Африка сегодня. 1996. № 7. С. 71.

³ Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 297.

ков. Общество нуждается в опыте, знаниях и мудрости, накопленных пожилыми соплеменниками. И в их способности заглядывать далеко в прошлое, взирать оттуда на путь предков и проблемы потомков, трактовать события текущего времени *саса*, в контексте великого и вечного, безбрежно-необъятного, вселенского времени – *замани*¹.

Кстати говоря, именно возрастная пирамидальность, сохранившая свое значение и влияние во многих периферийных африканских сообществах, сегодня зачастую играет роль своего рода генеалогической лестницы. По ней внешние хозяйственные, имущественные, политические, идеологические воздействия проникают вовнутрь (под кожу) автохтонных систем социально-экологического гомеостаза, затягивая в воронку новых рыночных и представительных отношений все более глубинные элементы и слои родоплеменных традиций власти, общинных структур общей собственности, привычных видов деятельности и иных психологических стереотипов обыденного сознания африканской деревни. Ученые давно обратили внимание на то, что наиболее ловкие и предприимчивые из числа «новых африканцев» спекулятивно подчеркивают свою якобы искреннюю приверженность обычаям и заветам предков. На самом деле они используют привычный населению авторитет, а также реальные родственные и сверстнические связи для проникновения во властные структуры, а чаще – непосредственно для личного обогащения.

Ступени жизни

Карл Юнг, опираясь на фундаментальные открытия Эрнста Геккеля и Грегора Менделя, после полевых экспедиций к папуасам, индейцам и африканцам выдвинул плодотворную гипотезу о том, что сама возможность понимания традиционного сознания и адекватного контакта с ним как бы запрограммирована предшествующей эволюцией биологической и социальной жизни на Земле. *«Архаическая психология является психологией не только первобытного, но и современного, цивилизованного человека; однако под этим понимаются не те отдельные проявления атавизма в современном обществе, а, скорее психология каждого цивилизованного человека, который, несмотря на свой высокий уровень сознания, в более глубоких слоях своей психики все еще остается человеком архаичным. Так же как наше те-*

¹ Mbiti I. S. African Religions & Philosophy. N.Y.; Wash., 1970; см. также его фундаментальную работу: Concept of God in Africa. London, 1970.

ло по-прежнему представляет собой тело млекопитающих, в свою очередь обнаруживающее в себе целый ряд реликтов еще более ранних состояний, сходных с состоянием холодно-кровных животных, так и наша душа является продуктом, который, если проследить за истоками его развития, все еще обнаруживает бесчисленные архаизмы», – отмечал Юнг в своем реферате «Архаичный человек» (1930). Далее он добавил догадку о связи данного феномена с генетикой, поскольку «наше тело складывается из множества наследственных единиц, открытых Менделем; поэтому представляется вполне возможным, что и психика наша имеет похожую судьбу»¹.

Лишь в середине 1980-х годов после увенчания канадского ученого Р.В. Сперри Нобелевской премией за теоретическую аргументацию давно замеченной врачами функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга человека встал вопрос о генезисе и эволюции самого соотношения полушарий в цивилизационном развитии человечества и отдельных индивидов.

До двух лет оба полушария головного мозга развиваются параллельно и автономно. Правое формирует ориентацию в предметном мире и координацию движений младенца. Левое обеспечивает его приспособление к сфере коммуникации и символов, опираясь на усвоение звуков, жестов, мимики и иных телодвижений. Первый перелом обычно наступает в возрастном интервале, гениально угаданном и провозглашенном в названии книги «От двух до пяти» Корнеем Ивановичем Чуковским.

Именно тогда происходит бурная конвергенция обоих полушарий. Она включает в себя процесс координации, подгонки, активного взаимодействия до того действовавших разрозненно механизмов эмоционально-чувственного и вербально-рационального отражения окружающего мира, мысленного проектирования и психологического воплощения моделей своего поведения по отношению к внешней природе и себе подобным. Вернее, тянущееся из недр животного мира виртуально-образное, эмоционально-чувственное, ориентированное на прошлое и настоящее, преимущественно пространственное восприятие действительности как бы дополняется вербально-рациональным, сигнально-знаковым, каузально-логическим, развертываемым во времени по мере овладения индивидом речью и иными средствами коммуникации со своим социумом.

¹ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 158–159, 80.

Иными словами, функционирование правого, эволюционно старшего полушария, регистрирующего и регулирующего, прежде всего витально, значимые движения, предметы, манипулирование ими, дополняется пробуждением активности левого полушария мозга, ориентированного преимущественно на коммуникативно-знаковую вербально-виртуальную деятельность познания и общения.

К 6–7 годам механизм взаимосвязи полушарий обычно уже отлажен, но вплоть до наступления половой зрелости в этом тандеме совершенно явно доминирует правый мозг – эмоции, движения «переполняют» подростков, а потому процедура инициации и особенно длительная и мучительная подготовка к ней призваны как бы «приглушить» их, систематизировать и ввести в русло привычных, веками проверенных традиций, что считается абсолютно необходимым условием официального перехода молодых людей в разряд взрослых, полноправных членов коллектива.

Устная речь, превалирующая во всех архаических обществах, связана с жестикуляцией, мимикой, вокализацией, интонацией, движением 114 мышц, ее регулирующих, в значительно большей степени, чем речь письменная. Данное обстоятельство со своей стороны подкрепляет повышенную роль правого полушария в деятельности людей, ведущих традиционный образ жизни. С этим связано, в частности, столь явное преобладание в их сознании роли и значения пространственных представлений и ориентаций над временными, а в рамках последних – прошлого над будущим.

Пожилые люди (обычно после наступления климакса) переживают обратный процесс. Инволюция головного мозга в процессе старения имеет своей основой разбалансировку сложившейся прежде структуры функционирования обоих полушарий, их «обратную» дифференциацию с преимущественным изнашиванием правого мозга, регулирующего, наряду с прочим, физиологические потребности. Интенсивность данного процесса во многом, кстати, зависит от достигнутого при жизни интеллектуального уровня индивида.

Словом, помимо явных признаков сходства детства и дедства в виде неспособности к самостоятельному активному участию в трудовой деятельности общины и воспроизводству рода, близость дедов и внуков опирается на фундаментальный психофизиологический, точнее церебральный, рубеж (признак). Имеется в виду завершение обусловленной спецификой цивилизационного процесса конвергенции и известной гармо-

низации функционирования правого и левого мозга у детей и начала процесса инволюционного стирания функциональной асимметрии полушарий (вплоть до старческого маразма) у пожилой части социума.

Весьма интересный аспект взаимного психологического притяжения дедов и внуков вытекает из детально разработанной выдающимся психоаналитиком XX века Эриком Эриксоном (1902) концепции восьми стадий человеческой жизни¹.

Так, в латентный период D, охватывающий, по Эриксону, возраст от шести до одиннадцати лет, развивается способность к дедукции, к организованным играм и регламентированным занятиям, требующим соблюдения очередности. Психологическая «вилка» индивидуального развития на данной стадии заключена между умелостью, с одной стороны, и чувством неполноценности – с другой. Интерес обитателей африканских детских хижин сосредоточен на выявлении устройства вещей и умения пользоваться ими.

Пубертатный период E (пятый в классификации Эриксона), охватывающий возраст примерно от 12 до 18 лет, характерен переносом внимания к мыслям других людей. К самооценке, к взгляду на себя и окружающих как бы со стороны, к попыткам связать инерцию прошлого и проецирование будущего под углом зрения психологической антитезы идентификации личности с социумом либо путаницы в сознании своих социальных ролей. Положительно решить такую дилемму в духе заветов предков призваны в традиционном обществе специальные лагеря подготовки молодежи к весьма ответственной процедуре инициации.

Заключительная стадия жизни H (у Эриксона от 50 лет и далее) означает время размышлений и общения в основном с внуками. Вектор психоаналитического параметра данного периода движется между цельностью, включающей в себя удовлетворенность прожитой жизнью, и безнадежностью что-либо изменить в прошедшем.

Опыт обращения при анализе архаического материала к классическим схемам возрастной психологии позволяет обогатить новыми, подчас весьма ценными нюансами концепции, рожденные в недрах европейской науки, культуры и, как правило, игнорирующие исторический опыт периферии классических цивилизаций или сообществ, провозгласивших себя таковыми.

¹ Элкин Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. М., 1996.

Адаптация к будущему

Старики передают эстафету информационно-интеллектуального и нравственно-чувственного потенциала своего и ряда предшествующих поколений тем, кто только вступает в самостоятельную жизнь, в ком сконцентрированы «духи» их крови и спермы, кто сменит их в этой жизни и догонит в той, теневой. А дети как губки впитывают мудрые заветы уважаемых предков, стараясь во всем быть похожими на них, либо... уходят из традиционных поселений, от могил прародителей туда, куда их манят огни больших городов и заразительный дурной пример их рискованных братьев и сверстников. В этой относительно новой и в принципе разрушительной для прежнего образа жизни тенденции явственно проглядывают контуры культуры, которую известный американский этнолог Маргарет Мид окрестила конфигуративной, поскольку в ее рамках дети, а также взрослые учатся у сверстников, хотя старшие по возрасту по-прежнему господствуют.

Таким образом, складывается двойственное впечатление. С одной стороны, кажется, что время не властно над традиционным племенем. Прошли столетия и тысячелетия, минули страшные эпохи работорговли и колониализма. Но сохранились та же самая структура общения и связи поколений, тот же набор имен и ритуалов, практически неизменный образ жизни, относительный баланс отношений с кормилицей-природой, с соседями, друг с другом и каждого с самим собой. Эту первобытную идиллию взламывают и подчас вырывают с корнем провоцируемые извне этнические конфликты, войны, массовое бегство, голод, геноцид. Будущее притягивает, но гораздо чаще отпугивает африканца своей непредсказуемостью. Ей он зачастую предпочитает традиционную этику покоя, смысл которой заключается в парадоксе: «Лучшая новость – отсутствие новостей». Поэтому на выборах, организованных в африканских странах по европейским стандартам, кандидаты, предлагающие новации, чаще всего с треском проигрывают замшелым консерваторам – строгим блюстителям традиций.

С другой стороны, стрелки Часов Истории человечества явно не стоят на месте. «Третья волна» постиндустриального развития¹ докатывается до самых дремучих уголков планеты. Она означает неизбежное вступление всех населяющих ее обществ

¹ Toffler A & H. Creating a New Civilisation. The Politics of Third Wave. Atlanta, 1995; Андреев И.Л. Африка на цивилизационном изломе // Вестник Российской академии наук. 1999. № 1.

и людей в эпоху неизвестности и риска. Изменения среды и искусственных средств общения с нею все больше обгоняют естественные возможности человеческого организма. К тому же сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие. Им предстоит вступление в предсказанную Маргарет Мид префигуративную культуру неизвестности и риска, в рамках которой изменения среды и искусственных средств общения с нею все больше обгоняют естественные возможности человеческого организма. *«Сегодняшние дети, – прозорливо писала она в знаменитой работе «Культура и мир детства», – вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидели, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно»*¹. Как традиционная жизнедеятельность «встретится» с грядущей информационно-биотехнологической и компьютерно-креативной цивилизацией будущего – один из ключевых вопросов, стоящих перед современным человечеством и самой Африкой в первую очередь.

В таких условиях главным средством полноценной адаптации становится смена поколений. Пластичный, не замусоренный прошлым мозг легко и непринужденно воспринимает как естественно данное то, чему должны мучительно переучиваться представители старших возрастных групп. Применительно к Африке южнее Сахары это означает, что растет число молодых людей, которые входят в глубокий гносеологический конфликт со старейшинами, начинающийся обычно с различия в объяснениях одних и тех же природных, а затем и социальных явлений. Например, старики убеждены в том, что болезни, помимо всего прочего, несут красные облака, в то время как молодые люди, следуя школьным учителям, настаивают на существовании крохотных, невидимых врагов, называемых бактериями².

Причем истина лежит где-то посередине: старики правы по своему, ибо харматтан – красный ветер из Сахары, несущий среди прочего коварные бактерии менингококка-А, передаваемые затем воздушно-капельным путем от человека к человеку, – вызывает в странах Сахеля трудноизлечимые, подчас летальные инфекции вирусного менингита обычно в ноябре-декабре уже несколько лет подряд³. Зато при необходимости

¹ Антология культурологической мысли. С. 301.

² Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. Этнолингвистический очерк. М., 1983.

³ Осипов О. Африка. Проклятие Сахеля // Азия и Африка сегодня. 1995. № 11.

профилактики и особенно лечения получившая современное образование молодежь гораздо больше полагается на открытую совсем недавно вакцину против страшной «болезни серого вещества», нежели на чудодейственные отвары и магические заговоры местных колдунов, кстати говоря, далеко не всегда безоговорочно бесполезные.

Кроме того, посещающие школу молодые люди в период таких инфекций категорически отказываются пить воду и ритуальное пальмовое вино из общего калемаса (выдолбленной и затем высушенной тыквы, используемой в качестве традиционного сосуда), ссылаясь на гигиенические соображения. Однако такая никому не нужная щепетильность, по мнению стариков, лишь подспудно подтачивает родственные узы и племенную солидарность. *«В стране, где все танцуют на одной ноге, даже случайный прохожий должен следовать этому обычаю»*, – парируют они, намекая, что смерть «уведет» даже самого умного и осторожного, если за него будет некому заступиться из сонма предков и их духов.

*Как ты ни старайся, головой ни верти,
Бога на пальме тебе не найти.
Как ты ни дерзок, как ни силен,
Духа не поборешь, сильнее он.*

Так напевают в ритуальном обряде наставления на «путь» предков дерзкой и неразборчиво падкой на все новое молодежи мудрые старейшины крупнейшего в Африке племени йоруба.

Словом, аналогом российского конфликта отцов и детей в Тропической Африке становится мало-помалу подспудно зреющая проблема взаимопонимания и взаимоотношений дедов и внуков. Тем более что там уже встала проблема множества детей-сирот, знакомая россиянам по собственной бурной истории мировых войн, революций, репрессий. Ситуации, когда подросток по отношению к младшим братьям и сестрам вынужден брать на себя роль погибших родителей, а собравшиеся было на покой дед и бабушка при крайнем напряжении сил содержать пять-шесть, а то и поболее внучат мал мала меньше, все чаще встречаются в Тропической Африке, особенно в странах, погрязших в междоусобных войнах (Судан, Руанда, Бурунди, Заир, Конго, Ангола, Мозамбик, Эфиопия) либо серьезно пораженных разгулом СПИДа (Уганда, Кения, Танзания).

И внук, и дед при таком раскладе становятся, по сути своих социальных функций, отцами. Первый, минуя статус сына. Второй, обретая функцию своеобразного повторного родительства.

Так я сумел новыми глазами увидеть духовную самооценку родственных отношений между представителями «отдаленных» друг от друга поколений. Ведь именно их мы прежде всего рискуем свести на нет, а затем бездарно утратить в бесплодной суете сумбурных перемен и в изматывающих крысиных гонках за призрачной «птицей счастья завтрашнего дня», характерных для нашего смутного времени. Сбитые с толку новой реальностью и становящиеся порой беспомощнее своих детей, дедушки и бабушки чаще всего «застревают» в привычном им вчерашнем психологическом микромире. В свою очередь, слишком рано перегруженные бесконечным потоком самой разнообразной информации их внуки рискуют стать юными старичками, если отрекутся или окажутся иным образом изолированными от непреходящих моральных ценностей человеческого бытия. И те, и другие на переломе истории особенно нуждаются в душевном тепле, в уважительном общении и в терпеливом стремлении к взаимопониманию, чтобы тем самым помочь друг другу пережить трудные времена, не принося им в жертву самобытной духовности многих поколений предков.

Меня упорно не оставляет навязчивая мысль: «дикая» самобытная Африка может поучить самодовольную цивилизованную Европу уважительному отношению к старшим и особенно к прародителям, а также психологической самооценности комфортных родственных отношений. Вспоминается недавний прогноз известного британского футуролога Алисона Виртмарша. К 2020 году в наиболее благополучных странах нынешнего «золотого миллиарда» в браке будут состоять менее половины взрослого населения. Число разводов удвоится. Каждое третье жилище станет домом одинокого человека. Звонкий детский смех будет все более вытесняться мяуканьем и лаем бурно размножающихся четвероногих друзей человека, а также тотальным общением с помощью вездесущих электронных средств связи. Согласиться с таким решением проблемы взаимоотношений и сотрудничества представителей различных поколений – значит, добровольно погубить многое из гуманистического багажа, накопленного человечеством за всю его многотрудную историю.

ТАЙНЫЕ РИТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА АФРИКИ

Проблема гендерных отношений в исследованиях профессиональных африканистов обычно рассматривается в функционально-структурном плане. Изучаются институты общения мужской и женской «половин» общества, формы разделения труда, стереотипы ролевого поведения, виды браков и процедуры их заключения, соответственно ориентированные системы родства и традиции наследования. Скрытая от посторонних глаз деятельность тайных ритуальных обществ в странах Тропической Африки вообще крайне редко попадает в поле зрения ученых. А если и оказывается предметом их внимания, то главным образом в своих внешних проявлениях, а не в глубинных сущностных характеристиках. При этом корреляция последних с гендерным аспектом жизнедеятельности (структуры и функционирования) архаического социума или его фрагментов в рамках современной африканской государственности пока что вообще остается вне информационного поля современной науки¹.

Между тем в тени данного феномена скрывается мощный и многое объясняющий пласт паттернов и парадигм, нуждающихся в философском осмыслении. Последнее обстоятельство

¹ См. публикации автора: Община и социальные процессы в освобождающейся Африке // Вопросы философии. 1965. № 8; Системно-генетический анализ и проблема смены формаций // Вопросы философии. 1972. № 4; Эволюция архаического общества в Тропической Африке // Вопросы истории. 1998. № 10; Тайные общества как альтернативный государству механизм властного регулирования традиционных отношений в странах Тропической Африки // Африка: общества, культуры, языки. М., ПМЛ Института Африки РАН. 1998. С. 38–53; Африка: эпос и жизнь // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12; Лики африканской цивилизации: мифология и история // Мир психологии. 1998. № 3; и другие.

во представляется методологически весьма перспективным. Во-первых, с точки зрения тенденции универсализации понятийного аппарата социальной философии, до сих пор несущей на себе явный перегруз евроцентристских наслоений. Во-вторых, в контексте адекватного понимания невидимых механизмов африканской жизни в свете перспектив общения и сотрудничества со странами континента. В-третьих, для ориентации в далеко не однозначных процессах, происходящих в среде африканской диаспоры в процессе адаптации к российской действительности и решения в наших условиях своих внутренних противоречий.

Дедушку нужно слушаться и любить

Стремительное ускорение темпов технологического развития человечества приводит к тому, что время жизни людей удлинняется, а их отставание от ее новаций ведет к быстрой девальвации прежних знаний и навыков общения. Разрыв между поколениями в цивилизованном обществе западного образца подчас становится зияющим, лишая социальную психологию населения иных регионов мира традиционных морально-этических корней, на роль замены которых претендуют некие абстрактные «глобальные» ценности. Нередко это приводит к драматическим конфликтам не только семейного масштаба, но и к оживлению в сознании населения целого ряда стран с переходной экономикой древних форм сохранения устойчивости семьи как инстинктивной защиты от агрессивного вторжения импортированных рыночных отношений.

Одним из величайших перлов чеховской прозы является врезавшееся в память со школьной скамьи наивно-трогательное письмо Ваньки Жукова «на деревню дедушке». Сюжетным стержнем предлагаемой новеллы, наоборот, выступает переданное дробью тамтамов послание «из деревни от дедушки», адресованное заплутавшемуся в городских джунглях молодому человеку. Речь идет о том, как важно беречь обычаи своего народа, чем может быть чревато пренебрежение мнением старших, как ценны традиции коллективизма и родства. Без них нельзя быть достойным уважения и тем более счастливым человеком. По крайней мере, в Тропической Африке, где сохранились многие трогательные и забытые нами черты исторического «детства» человечества. О них, собственно, и пойдет речь.

Дедушка сказал...

В одной из африканских столиц был обнаружен труп молодого человека, не так давно успешно окончившего в Москве Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Официальная полицейская версия гласила, что он попал под случайный автомобиль из-за собственной невнимательности (как склонные к размышлениям люди, юноша временами был задумчив и сосредоточен на чем-то своем, а потому рассеян) и плохого зрения (носил сильные очки и мог их потерять, поскольку на месте происшествия очков не обнаружили). Водитель тут же скрылся, даже не попытавшись оказать помощи пострадавшему. Свидетелей, как это ни странно, не оказалось, хотя африканские столицы весьма многолюдны, причем большую часть суток их жители проводят на воздухе в пределах своего квартала.

Однако, хорошо зная эту улицу, я оставался в больших сомнениях относительно того, как, не будучи цирковым атлетом или знатоком кунфу, исхитриться попасть под колеса машины на грунтовой дороге с колдобинами в полметра глубиной. Ведь водитель, даже если он был ветераном ралли Париж–Дакар, вряд ли мог набрать скорость более 30 километров в час.

Впрочем, сомневался в этом не я один. Неофициальная версия, доносимая слухами у хлебной лавки, на рынке, у автобусной остановки, в уличном кафе и других местах общения жителей близлежащих кварталов, склонялась к недоказанному убийству на почве нарушения обычая беспрекословного подчинения старейшинам. Согласно ей, недавно потерпевший получил хорошее назначение на государственную службу с весьма высоким, с точки зрения людей, привыкших к безденежной натуральной экономике, окладом. И тогда, собственно, началась эта столь печально закончившаяся история. Далее я стараюсь по памяти и отрывочным дневниковым заметкам цитировать то, что мне передали знакомые, ссылаясь на «телеграф джунглей» – информацию, переданную гулками тамтамами.

*«Дедушка сказал, что мы все – одна семья, большая родня, ветви единого дерева. Чтобы жить мирно, дружно и спокойно, надо по-братски и по справедливости делиться со своими со-
родичами тем, что тебе преподнесла судьба с их легкой руки, занятой тяжелым ежедневным совместным трудом. Ведь все у нас в конечном счете общее. И предки, и традиции, и земля, и небо, и остальное, что мы имели, имеем и будем иметь впредь. Сегодня тебе, как стало нам известно, к сожалению,*

не от тебя самого, очень повезло. Мы разделяем твою радость. И надеемся, что предкам и их духам будет приятно твое желание облегчить участь обедневших после двенадцати лет засухи соплеменников. Отныне ты сам, по доброй своей воле, будешь платить налог за всех жителей твоей родной деревни. Кстати, мы брали деньги на твое образование из деревенского фонда. Оплачивали правильное заполнение непонятных документов на непонятном языке. И еще картинки с твоим лицом, которыми украшали те бумаги. Многим чиновникам в столице давали золотой песок, чтобы усердствовали и обязательно включили тебя в список отправляемых на учебу в страну светлоглазых друзей. И вовсе не твой отец, уважаемый человек, пусть подтвердит он, к сожалению, уже из другой жизни, мои слова, дал эти деньги. У него таких отродясь не бывало, как у газели слоновьих бивней. Да, он одним из первых в нашей местности уехал учиться в Москву. Там снег, который виден иногда на вершине Килиманджаро, лежит, говорят, под ногами людей прямо на земле и скрипит, будто песок в Сахаре. Мы отца твоего, как и тебя, всем миром снаряжали и несли необходимые затраты сообща. Однако на площади палабра (собраний) об этом не кричали во весь голос. Чтобы чужие, женщины и дети не услышали и потом не разболтали. А в городе даже шепотом на эту тему ни с кем, кроме чиновников, молча бравших наши подарки, вообще не говорили.

Так что не гневи предков, их духов и нас, стариков. И тех, кто еще не успел родиться, но узнает когда-то о тебе именно то, что ты оставишь в нашей памяти. Ветку, украшающую ствол векового баобаба и дающую людям живительную тень, любят и ценят. Ту же, что его уродует и сушит, безжалостно срубают. Термиты и черные муравьи, не говоря уже о мудрых пауках, все делают сообща и заботятся друг о друге. Не стоит говорить о священном тотеме, чтобы не произносить всуе его тайное имя. Однако если ты его шепотом спросишь, что тебе делать, он непременно ответит: свято чтить вековые обычаи. Не будь, как мудро говорят в народе, мотыгой: делай раз – для себя, раз – для других. Не забывай кровного родства и сделанного для тебя другими сородичами добра. Не бери дурной пример с тех, кто, подобно глупым зеленым мартышкам, во всем старается походить на розовоухих, захвативших когда-то силой и обманом наши лучшие земли. У них – одна жизнь, у нас – совсем другая. Как две реки, которые текут в разные стороны, и ни одна из них уже не может повернуть вспять, а тем более – на вершину хол-

ма. Жадность и забота только о себе многих уже погубили. Но никого, заметь, еще не сделали счастливым. Оторвешься от племени – непременно погибнешь. Белым ты все равно никогда не станешь. И из прекрасной кожи, подаренной тебе многими поколениями предков, никуда не вылезешь. Не зря люди говорят: сколько бы срубленный ствол ни лежал в воде, он никогда не станет крокодилом. К тому же месть тотема и духов предков, сам знаешь, неотвратима. От нее, как от солнца в полуденной саванне, никуда не скроешься».

Молва гласила, что молодой специалист, мрачно выслушав барабанное послание, переданное ему по поручению дедушки, загрустил, замкнулся, задумался. Но, видимо, думал он слишком долго. Так что дедушка потерял надежду на благоразумие блудного внука или попросту устал ждать. Ведь время в каждом возрасте течет по-разному: у стариков гораздо быстрее, чем у молодых.

Впрочем, столь детальные подробности, передаваемые из уст в уста, свидетельствуют о том, что если бы этого инцидента и не было как реального уголовного деяния, то он вполне мог быть, ибо лежал в русле здешних традиций. И, даже искренне жалея неразумного молодого человека, люди не спешили сочувствовать ему; во всяком случае, осуждения в адрес дедушки и других его, более покладистых, внучат, учинивших расправу над несчастным «мыслителем», я так и не услышал от местных жителей, даже городских. Им все было понятно, они считали случившееся делом вполне справедливым. Меня же мучил, буквально занозой торчал в мозгу неотвязный вопрос: откуда такая власть над молодым цивилизованным мужчиной у дряхлого, невежественного деревенского старика, который, скорее всего, даже читать-писать не умеет?

Версия первая. Дедушка был традиционным вождем. И олицетворял группу ответственных лиц-распорядителей общественного (общинного, деревенского, родового, племенного) фонда, с незапамятных времен доверяемого народом местным лидерам. В Камеруне, например, половина находящихся в обороте кредитных средств местных предпринимателей черпается из родовых и семейных источников. Большинство денежных сбережений населения сконцентрировано в страховых запасах общин, деревень, больших семей, возрастных братств, мужских и женских союзов, тайных ритуальных ассоциаций и других «сгустках» традиционных отношений. Эти деньги нередко используются для отправки на учебу молодых односельчан, чтобы иметь надежного, связанного узами род-

ства и другими обязательствами человека в местных и национальных структурах власти и бизнеса¹.

Версия вторая. Дедушка в качестве представителя предков рода и их духов руководил проведением инициации возрастного класса, к которому принадлежал погибший молодой человек. Сам этот факт делает дедушку больше чем крестным отцом в христианском обряде. Столь важную жизненную связь в архаическом обществе недопустимо игнорировать. Германский этнолог Эйбл-Эйбесфельдт написал об этом с завидной полнотой: *«Я часто задавался вопросом, почему такую важную роль в человеческих сообществах играет именно обряд посвящения в мужчины. Теперь я прихожу к мысли, что путем запечатления в мозгу групповой символики достигается отождествление себя и «своих» с соответствующими символами, а заодно и готовность придавать первостепенное значение общему благу всей группы (она-то ведь за символами и стоит). Повидимому, преданность группе внушается мужчинам с большим успехом, нежели преданность семье и роду. Применительно к мужчинам это очень существенно: на них возложена защита группы, и в случае чего они должны быть готовы сложить головы. Чтобы добиться такой готовности, в обряд посвящения вводятся какие-нибудь суровые испытания и унижения. Это создает между наставниками и учениками отношения господства и подчинения, облегчающие обучение. Такие приемы и по сей день используются для выработки нерассуждающего конформизма»*².

Версия третья и главная. Судя по оперативности, жестокости и профессионализму осуществления расправы с ослушником, не исключено, что за «спиной» тщедушного старика стояла невидимая со стороны, но достаточно мощная система иерархии возрастных братств. Вершиной ее обычно выступает геронтократия как специфический привилегированный «сверхвозрастной класс», по выражению французского африканиста Жана Сюре-Каналья³.

¹ Лопатов В.В. Камерун: путеводитель для бизнесменов. М., 1993. С. 28.

² Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1996. С. 69. Более подробно вопрос о роли и значении эволюции головного мозга как физиологической базы развертывания процессов социальной коммуникации см.: Eibl-Tibesfeldt I. Die Biologie des menschlichen Verhalten. Piper, München, 1984; Doane B.K., Livingston (eds.) The limbic system. Raven, N.Y., 1986 etc.

³ Сюре-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. М., 1961. С. 97–98.

Дедушка действовал, минуя громоздкую кровнородственную иерархию вождей и коррумпированные структуры государственной власти. Скорее всего, он опирался на репрессивный аппарат архаической «юстиции» одного из тайных ритуальных обществ. В их фундаменте лежат поколенческие связи индивидов, не зависящие напрямую от отношений родства и свойства, составляющих каркас родоплеменных структур. Это как бы вторая линия обороны древних обычаев и заодно привилегий их хранителей – старейшин – в условиях, когда новые политические процессы и хозяйственные связи бесцеремонно перешагивают прежде незыблемые границы кровного родства и свойства. Основанные на них формы социальной регуляции стали давать сбой. Понадобился новый механизм сохранения традиционных норм поведения. Его роль взяли на себя секретные ассоциации. Словом, история стара, как архаический мир традиций. Новацией было лишь то, что орудием (или его имитацией) мести за их нарушение в условиях столичного города сыграл продукт чужого индустриального общества – заморский грузовик. Кстати, это не просто страшилка из быта далекой Африки. Она проливает свет на истоки типичных конфликтов и криминальных эксцессов в многомиллионной чернокожей диаспоре Запада и в среде африканцев, осваивающих Россию. И стало быть, может оказаться полезной для тех, кто общается с ними по личной инициативе либо по долгу службы.

Тайная ритуальная власть

В процессе эволюции африканской цивилизации еще в доколониальный период социальное братство по возрасту постепенно уступало место содружеству, комплектуемому путем выстраивания пирамиды групп сверстников, а также конкуренции между кровнородственным и функционально-корпоративным (возрастными) принципами организации населения. Такого типа параллельной структурой по отношению к привычной, признанной учеными кровнородственной системе родоплеменных вождей и межплеменных «королей» выступают секретные ритуальные сообщества¹.

Спонтанную эволюцию в этом направлении можно представить себе следующим образом. Исходным ее компонентом вы-

¹ См.: Андреев И.Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу // Советская этнография. 1971. № 2. С. 13–24.

ступала дифференциация населения по возрастному, а затем и гендерному (означающему половую принадлежность) признакам, начиная с раздельного воспитания мальчиков и девочек в изолированной от родителей детской хижине.

Вторая ступень – интеграция индивидов противоположного пола и создание строго автономных и, более того, конкурирующих друг с другом мужских и женских союзов. Ее поведенческий и психологический фундамент закладывается в молодежных лагерях подготовки к инициациям с их жесткой ориентацией на половую идентификацию, всяческое подчеркивание и более того – выпячивание специфики и преимуществ именно своего пола. Иерархия возрастных классов в рамках этих союзов служит системообразующим скелетом таких зловещих и спрутоподобных, нагоняющих панический ужас, вездесущих и всепроникающих, изуверски жестоких и практически безнаказанных тайных ритуальных обществ. В их фундаменте лежат горизонтальные, поколенческие связи индивидов, не зависящие напрямую от противоположных им отношений родства и свойства, составляющих каркас родоплеменных структур.

Классической по насыщенности многочисленными и разнообразными тайными ритуальными обществами страной считается Сьерра-Леоне. Она ими буквально кишит, будто джунгли змеями. Секретные обрядовые ассоциации, как правило, возникали либо оживали после длительной «спячки» именно на волне отчаяния и бессилия простолюдинов перед лицом авторитарного произвола родовых вождей, нередко цинично надругавшихся над вековыми обычаями коллективизма и солидарности. В свое время иные из них до такой степени потеряли стыд и совесть, что стали специально отлавливать и поставлять соплеменников (например, детей отца от других жен – соперниц матери, а потому потенциальных недругов друг друга) белокожим торговцам людьми, продавать их на галеры, в заокеанское рабство либо в гаремы оттоманских султанов. Поэтому во Фритаунском университете, например, изучение генезиса и динамики эволюции секретных ритуальных обществ осуществляется главным образом под углом зрения их роли хранителей народных традиций и своего рода противовеса всем иным видам власти и социально-психологического давления, откуда бы оно ни исходило.

В нынешних условиях расползания по континенту стихии рыночных отношений сферу мелкого и мельчайшего, в основном овощного и фруктового, бизнеса абонировали энергичные и горластые торговки мамми, которые перенесли под навес не-

хитрого лотка значительную часть своей бабьей жизни, включая кормление и воспитание малых детей. Тайные ассоциации обрели тем самым некую дополнительную материальную базу в виде живых денег, а кроме того, проявляют тенденцию представления специфически женских интересов и чаяний в неведомом им прежде и мало понятном до сих пор политическом поле. В частности, некоторые мамы заседают сегодня в парламентах своих стран, представляя городские окраины и женские тайные ритуальные общества одновременно. Нередко политические путчи и перевороты (естественно, на предвзвешенно разогретой накопленным недовольством психологической почве) в африканских странах начинались с крикливого стихийного бабьего бунта на столичном рынке. Потом он, словно пожар в иссушенной солнцем саванне, стремительно перебрасывался на городские улицы и предместья, а от них – в парламенты и президентские дворцы. Довольно часто государственные лидеры отменяли в результате таких акций непопулярные указы, а не успев этого сделать вовремя, лишались своих постов. Наиболее громким скандалом такого рода было объявление теперь уже покойным президентом Республики Гвинея Секу Туре указа о запрете многоженства. И это в стране, где по несколько жен имел каждый четвертый мужчина. Их наличие было традиционным знаком серьезного и состоятельного человека. Решение президента крушило веками складывавшуюся систему без подготовки какого-либо альтернативного варианта и ломало местную психологию через колено. Весь день рынок гудел, как разворошенный улей. Ближе к вечеру на площадь к президентскому дворцу вышли одни только женщины. Они объявили о категорическом несогласии с «глупым» декретом и пригрозили: «Нас 54 % населения, и мы на ближайших выборах скинем тебя, наш прежний кумир Ахмед Секу Туре. Потому что ты совсем, видимо, потерял здравый смысл или своих французских советников слушаешь больше, чем собственный народ». Президенту ничего не оставалось, как выйти на балкон и объявить об отмене утреннего указа.

Кстати, ключевые загадки феминизма как застарелой идеи борьбы за равноправие женщин с мужчинами можно глубже понять, взглянув в зеркало традиционного африканского общества. Многое из того, что там сохранилось, было не столь уж отдаленным прошлым Европы и тем более пирамидных и вигвамовых индейских обществ Американского континента до его открытия Колумбом. Не декретивное уравнивание мужчин и женщин за пределами конституционных прав, а опреде-

ленное социальное дистанцирование полов с учетом их биологической специфики дает реальную возможность выстраивания естественных отношений с индивидами другого пола. Таким видится гуманизм цивилизации будущего. Ей будет много легче найти общий язык не только с внешней природой – экологией, но и с внутренней биологией самого человеческого рода, с его антропологией. Два пола существуют не только как инструмент размножения вида. Речь идет об асимметричных противоположностях, равно необходимых друг другу и открывающих широкий спектр самореализации представителям обеих половин единого человечества.

Чернокожие амазонки

Африканка отчетливо противостоит в традиционном племенном обществе мужчине. Это не антагонизм, а, скорее, разумная оппозиция представителей противоположных полов. Каждому из них она открывает определенное поле для маневра в групповых и индивидуальных отношениях друг с другом. И вместе с тем содержит, выражаясь современным языком, сложившуюся на заре истории систему сдержек и противовесов, обеспечивающую биологическую и социальную стабильность архаических форм человеческого рода. Психологическая мотивация и древние стереотипы поведения в рамках исполнения половых ролей опираются на фундамент местной мифологии.

Африканские мужчины издревле инкриминируют своим партнерам разрыв некогда дружественных отношений человека с небесами и их обитателями. Аргументируя столь явно неразумное и более того – кощунственное деяние, рассказывают старинную легенду. Некогда одна из женщин ударила местного бога то ли мотыгой (в эпосе племени динка в Южном Судане), то ли большим деревянным пестом типа скалки, которым она толкла местный вареный корнеплод, называемый кассавой (в фольклоре народности акан в Гане). Дело в том, что местный бог как-то обратился к одной из них с каким-то неведомым для мужчин, скорее всего фривольным, предложением. Женщину оно настолько возмутило, что она подняла руку на самого Создателя. Глубоко оскорбленное языческое божество, не отличаясь снисходительностью и терпением, покинуло грешную землю, бросив африканцев на произвол судьбы и волю духов предков, строго-настрого запретив им даже появляться в своей небесной обители. После этого уделом излишне строптивых женщин стала красная африканская земля, а на земле – вечно де-

фицитная на континенте вода. Небо же больше благоволит к мужчинам, предпочитающим, кстати, воде ее антагониста – огонь.

Воду характеризуют такие противоположные свойства, как растекаемость и стекаемость, динамика и статика, испаряемость (исчезновение, невидимость) и кристаллизация (овеществляемость, затвердевание). Промокшие предметы на суше существенно тяжелеют. Напротив, оказавшись в воде, они, как и тело самого человека, становятся заметно более легкими. Вода – прародительница жизни на нашей планете. Согласно одной из гипотез, наши обезьяноподобные предки в период глобального похолодания были вытеснены другими видами на побережье океана. Там они были вынуждены добывать пищу в прибрежной полосе и на мелководье, пока часть их совсем не переселилась в воду, превратившись в дельфинов. Заходя в поисках пищи все дальше от берега, они освободившимися от функции передвижения руками научились использовать несъедобные предметы (палки, камни, кости) для добычи еды и защиты от хищников. Здесь им на помощь пришло открытие умения управлять огнем.

В эволюционном смысле женщины несут сохранительный потенциал человеческого рода. Естественно, вода и населяющие ее существа, прежде всего змеи, уже в самом древнем мифологическом фольклоре стали знаком женщин. Напротив, огонь и обоюдоопасная охота на крупных млекопитающих как более поздние обретения людей издревле ассоциируют с поисковой активностью и склонностью к риску, присущими в большей степени мужчинам.

Даже в, несомненно, отредактированной мужчинами версии фольклорной песни нигерийских йоруба на змеиную тему «Питон» проскальзывает принцип первичности воды и их водно-растительного образа жизни, а также то, что угрозу воспетые преданиями змеи представляют прежде всего для мужчин.

*Это важная надменная принцесса,
Это великанша среди змей.
Говорят, что нет дома у нее, –
Я над этим только смеюсь.
Кто владеет землей под лимонной травой?
Кто владеет землей под слоновой травой?
Кто владеет болотом, родителем рек?
Кто лужей владеет, предком воды?
А еще говорят, будто змеи в лесу
Только в одиночку всегда ползут.
Конечно, рука об руку не ходят они.*

*Ну, а если гадюка ползет впереди,
А за нею зеленая мамба ползет,
А за ними с грохотом ползет питон?
Найдется ли на свете тогда храбрец,
Чтобы их приближения стоять и ждать?*

Африканский менталитет с незапамятных времен считает символом фемининности воду: стихию естественную, податливую. Она легко приспосабливается к меняющимся обстоятельствам, но вместе с тем совершенно необходима для людского существования и справедливо сочетается с культом плодородия. Примером может служить поэтическое описание богини реки Ошун в языческом пантеоне йоруба – крупнейшей народности самой населенной африканской страны Нигерии. Ей приписываются и мудрость, и всеисилие, и всемогущество, и благородное бескорыстие, и экзотическое убранство. Судите сами:

*Медь и перо попугая
На бархатной коже.
Белые раковины каури
На ягодицах черных.
Ее глаза сверкают в лесу,
Как на реке – солнце.
Она великая мудрость леса
И реки великая мудрость.
Там, где лекарь исцелить не мог,
Она исцеляет чистой водою.
Она исцеляет ребенка
И с отца не требует платы.
Она кормит бесплодную женщину медом -
И, как спелый пальмовый плод,
Тело сухое наливается соком.
О, как матери сладко
Прикосновение руки ребенка!*

Согласно местным легендам, самые сокровенные женские тайны лежат на дне речном и заключены в их слезах, соленых, как океан. Неудивительно, что активистки секретных феминистских ассоциаций, продолжая заложенную первоматерями традицию совместных женских купаний голышом, много времени проводят в воде. Там они надеются получить ответы на волнующие их вопросы от ушедших из земной жизни в водную стихию мудрых прародительниц. Поэтический образ такого ритуала в интерпретации сенегальского поэта Шейка Ахмеда Ндао, принципиально отрицающего знаки препинания, как разрывающие «поток неосознаваемого сознания», выглядит весьма живописно и по-своему концептуально:

*Жрицы
Древнего бога морского
Старинного таинства
Пляска волн
Молчаливая дрожь зыбей
Струенье волос под дождем
Намокшие пряди на влажных плечах
В неоглядной Сахаре водорослей
Татуированной тушью спрута.*

Естественно, все виды деятельности, связанные с водой, принадлежат исключительно женщинам и часто являются строжайшим табу для мужчин. Исключением выступают рыболовство, устричная марикультура и крокодиловые фермы. Мне доводилось присутствовать на спортивных праздниках в африканских странах. Соревнования по плаванию проводятся, как правило, среди девушек и женщин. Мужчины, даже живущие на берегах океана или крупных африканских рек, плавать обычно не умеют и учиться передвижению по воде избегают. Зато слабому полу строго заказаны занятия, связанные с огнем и металлом за пределами сферы приготовления пищи.

В Сьерра-Леоне функционируют связанные с культом воды женские ритуальные общества *Санде* и *Бондо*, *Хумон* и *Раруба*. Они готовят девушек к вступлению в брак и всячески ограждают соплеменниц от физического, психологического и экономического произвола со стороны мужчин, вплоть до осуществления жестоких коллективных расправ над наиболее зарвавшимися в своем поведении по отношению к женскому полу¹. Во всяком случае, я достоверно знаю, что африканские мужчины не проявляют желания охотиться за женскими тайнами и оберегающими их символами. Более того, они остерегаются случайно на них наткнуться, опасаясь если и не погибнуть, то, как минимум, стать импотентами. По местным поверьям, отсутствие детей равносильно дурной смерти. Оно означает невозможность стать предком, затем его духом, а значит, вновь вернуться на родную землю в обличье потомков.

В странах Западной Африки, где через саванну, протянувшуюся вдоль южной кромки Сахары, протекает африканская Амазонка – величественная Конго, неотъемлемым персонажем тотемических и мифологических представлений выступает крокодил. Секретные ритуальные ассоциации нередко связаны с его культом. Многие африканки искренне верят, что их вторая

¹ См.: *Zulor Eva. Totemism/Misticism & Mother Figure in the Francophone African Novel // Presence Africaine. № 154. P., 1996. P. 243–248.*

душа находится в обитающей совсем недалеко крокодилице, которая выступает в роли их alter Ego, наперсницы, защитницы, советчицы, тщательно скрытой ст нежелательных чужих взоров духовной «половины».

В отличие от отвратительных в свете эстетических вкусов Европы крокодилиц, культ, по сути дела, протиевственных русалок гочитается там как символ загадочного романтизма, непредсказуемой водной стихии. Ведь вода может быть манящей и ускользающей, податливой и непокорной, ласковой и жестокой, в зависимости от настроения и отношения к конкретным мифологическим и литературным персонажам, как правило, мужского пола. Что касается Африки, то переплетение образов воды и женского начала, как и ожившие легенды об отважных чернокожих амазонках, сплошь и рядом имеет реальное, хотя и весьма специфическое воплощение. Наиболее экзотически экстравагантный вариант реанимации традиционных женских ассоциаций, уходящих корнями в глубь матриархата, предложил в начале 1980-х годов известный политический реформатор – руководитель Ливийской Социалистической Джамахирии полковник и Учитель Муамар Каддафи. Он провозгласил создание специальных женских военных батальонов из числа ливийских «революционных монахинь», готовых отказаться от замужества «в знак протеста против арабского мужского начала, ибо по его вине потеряна Палестина, преданы забвению права и достоинство арабов». Это слова официальной клятвы ливийских амазонок, которые в камуфляже и с автоматами в руках охраняют своего лидера даже во время его зарубежных визитов¹.

Словом, душа африканки может и должна быть заключена для страховки параллельно с грешным телом в конкретном животном священного тотема. Но о нем знают только посвященные, члены тайного ритуального общества, которые с представителями тотемного сообщества породнены, духовно слиты и нерасторжимы, как магдебургские полушария. В ритуальных действиях и фольклорных танцах африканцы стараются подражать тотему, чтобы глубже впитать его достоинства, а заодно и ему сделать приятное. Авось, зачтется в трудную минуту! Подобные ситуации принципиально непостижимы для причинно-следственной логики европейца. Юнг назвал их психическим осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до самых темных начал.

¹ См.: Азия и Африка сегодня. 1997. № 6. С. 65.

Мафиози или мифиози?

Тайные ритуальные корпорации были и отчасти еще остаются важным элементом социальной организации в рамках самобытной африканской цивилизации. Одна из их важнейших функций – невидимый и неусыпный контроль за системой местной родоплеменной власти, деятельностью региональных вождей и этнических королей, превентивное ограничение авторитаризма тех и других. Они же осуществляют специфическими средствами «традиционное правосудие», обеспечивая строгое соблюдение обычаев, в том числе выгодных высшим должностным лицам секретных союзов, с целью замены сохранившихся институтов первобытной демократии геронтократией – господством стариков. Последние стремятся укрепить свое положение, удерживая вековые секреты и некоторые функции, предоставляемые старшим по возрасту и – главное – по рангу в ритуальном обществе.

При этом перенесенная из возрастных братств и объединений индивидов одного пола привычка взаимопомощи и взаимозаменяемости в критических ситуациях преодолевала в тайных ритуальных союзах прежнюю кровнородственную ограниченность, трансформируясь в мистический, окутанный зловещими ритуалами языческий фанатизм. Зачастую специально подогреваемая и во многом искусственная таинственность открывает широкие возможности для паразитирования верхушечных социальных групп (вероятно, прежде всего традиционной геронтократии) на глубоком невежестве и сильно развитой внушаемости подавляющей части сородичей и общинников. Теневые лидеры путем инициирования и умело драматизированного вбрасывания напряженных стрессовых ситуаций, включая провоцирование массовых психозов и даже локальных психических эпидемий, могут относительно легко манипулировать поведением общества.

Эпитет «тайные» – отнюдь не словесное украшение описываемого явления. Это одна из его ключевых, сущностных характеристик. Ритуальные товарищества буквально сотканы из эмоций страха и устрашения, магии и мистики, секретности и террора. Впрочем, в самой подобной скрытности есть специфическая оборотная сторона: активное афиширование акций, осуществленных братством (в том числе через незатейливый, но надежный механизм слухов и домыслов), при строгом сохранении инкогнито их участников. Такого рода таинственность обусловлена прежде всего стремлением скрыть факт косвен-

ного (а иногда и прямого) нарушения кровнородственной солидарности, обезопасить себя от наказания со стороны родовых старейшин, предков и их духов, а также от возможной мести со стороны священных тотемов. Поэтому в церемониях и ритуалах «братья» участвуют переодетыми (причем в тайной одежде проявляется тенденция к унификации), называют друг друга тайными именами, подчиняются тайным командам и вообще обмениваются только тайными условными знаками. Это сводит на нет риск быть узнанными со стороны непосвященных и гарантирует определенную безопасность от возможных репрессий со стороны руководства кровнородственной организации и клановых старейшин. Кстати, в окутавшей деятельность тайных ритуальных обществ пелене мистицизма и гипнотического ореола на первом месте фигурирует феномен невидимости и неузнаваемости, а также различные магические средства его достижения.

Второй аспект таинственности ритуальных братств заключается в функции устрашения непосвященных. Кровную месть за ритуальные убийства во время жертвенных церемоний или в ходе тайных расправ с виновными конкретно некому адресовать. Тем более что такое товарищество не является совокупностью родственников, по традиции солидарно ответственных за содеянное. К тому же переодевание и ритуальная экипировка деперсонифицируют участников тайных репрессий. Именно скрытость членства в тайных ритуальных товариществах позволяет его руководителям постоянно получать необходимую информацию о различных аспектах социальной жизни в рамках кровнородственных структур, оперативно и метко осуществлять акты террора, другие репрессивные и насильственные действия. Это ускоряет в принципе естественное разложение последних, порождая подозрительность, опасение вездесущих, невидимых глаз и ушей посвященных.

Видимо, здесь зарыта собака панической боязни первых миссионеров и колонистов, нынешних туристов и прочих любителей африканской экзотики – тревожных звуков тамтамов, темпераментных боевых плясок, устрашающих масок и фетишей. Особенно когда такого рода непонятные действия происходят после захода солнца. В них европейские поселенцы реально слышали и видели, а шестым чувством понимали неподвластную им стихию народных порывов, непостижимое возрождение дикой, не поддающейся ни культуртрегерству, ни проповедям в приходах, ни военной силе, разнообразной и многоязыкой, самобытной и оригинальной африканской цивилизации.

Сенегальская красавица

Инициация – дело серьёзное
и опасное. Прошедшие сквозь
боль и слёзы

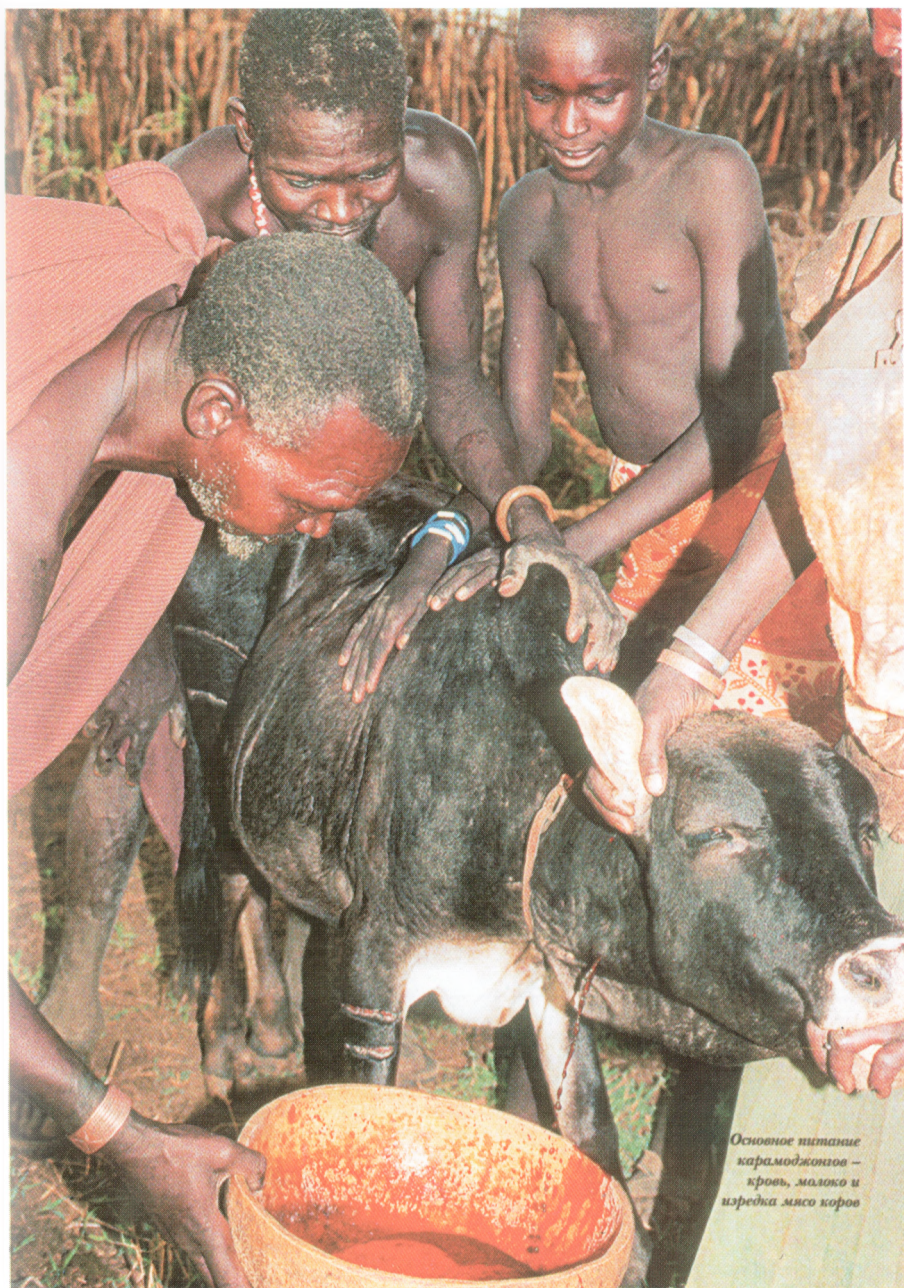
Невеста в свадебном убранстве. Чад

Теперь они – настоящие и полноправные мужчины

Таинство художественного ремесла

Основное питание
карамоджонов –
кровь, молоко и
изредка мясо коров

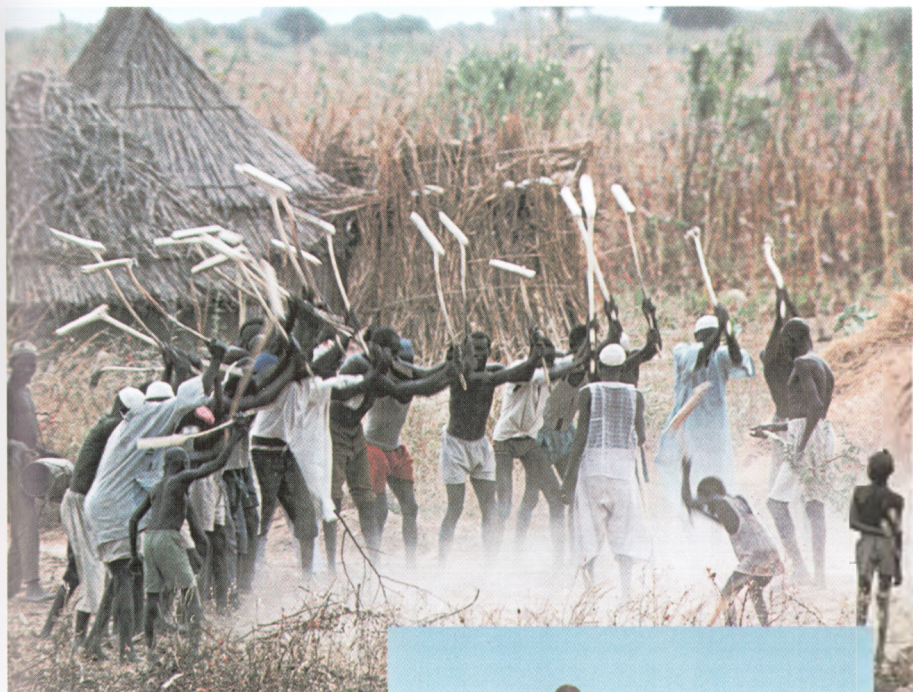
Кровь с молоком – дежурное блюдо масаев

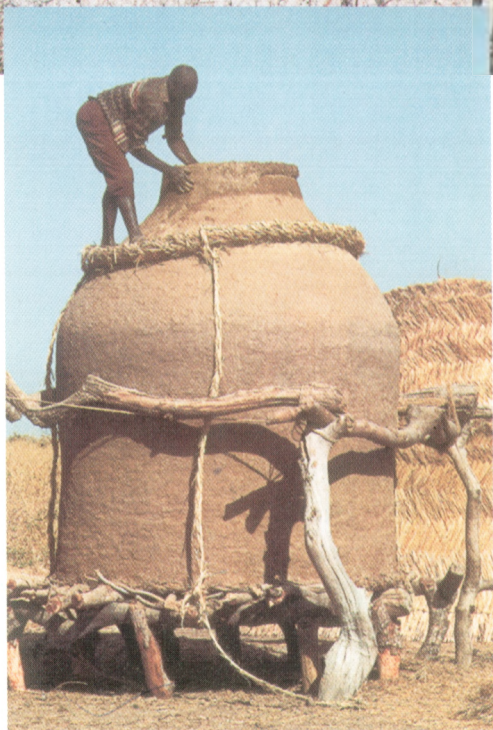
Так ловят рыбу в озере Чад потомки африканской родни А.С. Пушкина

Полдень в деревне

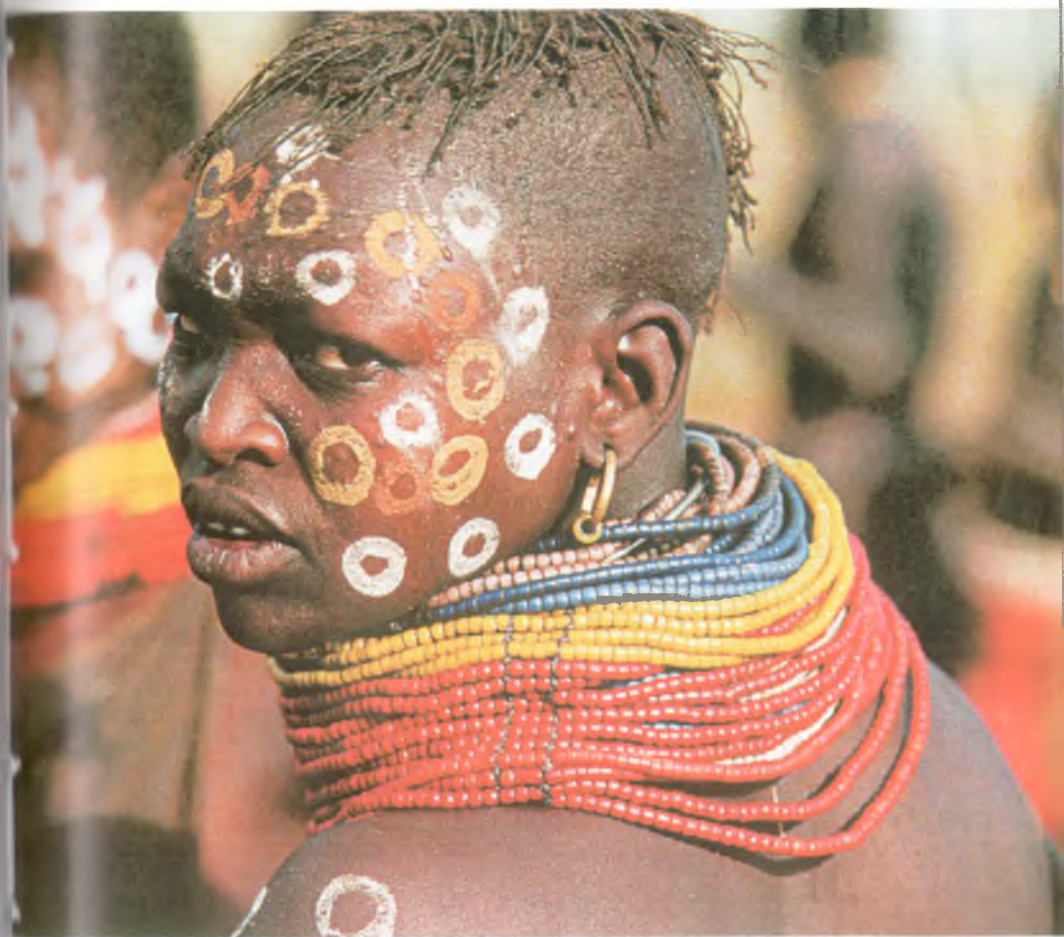

Общинные традиции
совместного труда

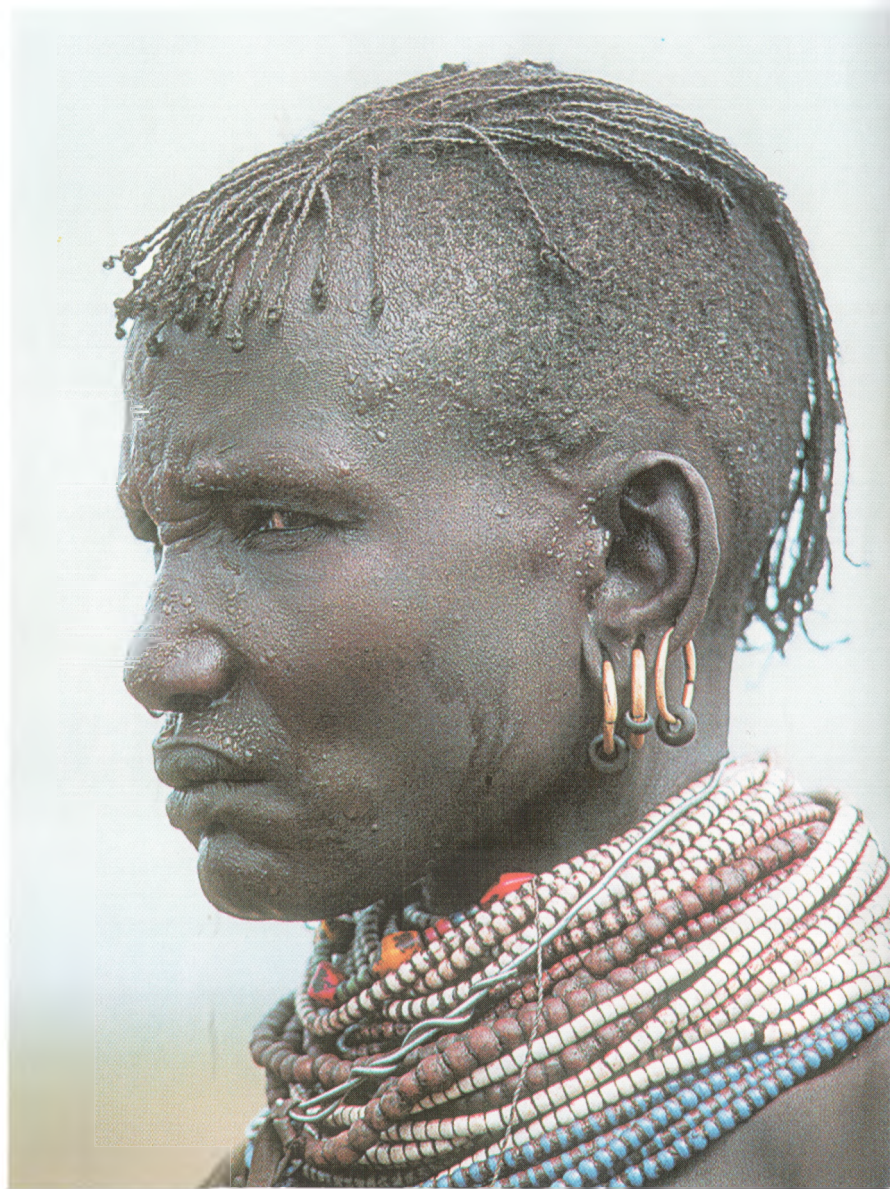

Зерно требуется надёжно охранять от антилоп и грызунов

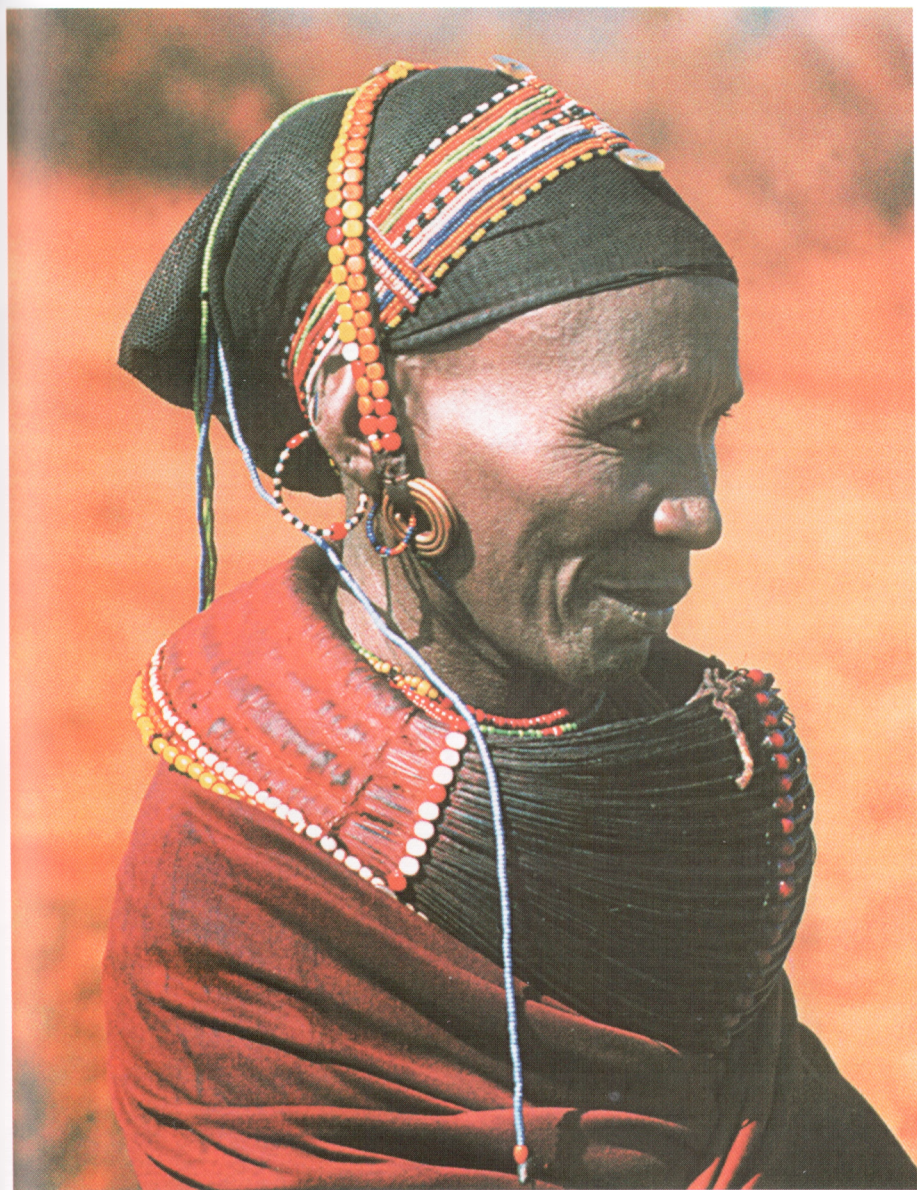

Законы красоты везде свои. Особенно женской

Красавец мужчина

Вдова, нанимающая «жену» умершему мужу

Дух тайного общества Поро. Сьерра-Леоне

Глава старейшин – имурон, он же колдун по имени Локиру (дождь)

Во дворе родного посольства

Алена в детской деревне: взаимный интерес

Изящная статуэтка не может не восхищать

Зажигательный танец

Кстати, механизм устрашения был не только банальной формой регулирования отношений тайных тотемических братьев и сестер с непосвященными. Он также пронизывал изнутри корпоративные связи. В тайных союзах всемерно поддерживался страх перед коллективной мстостью братства в случае малейшего отступления от его устава и самого малейшего неповиновения, а тем более – возражения руководству либо сомнения в правильности его указаний. Опять же копировался, будто через кальку, старинный обычай объявления скептика-ослушника чужим и позорного изгнания из рода серьезно провинившегося соплеменника, обрекаемого тем самым на неизбежные страдания и гибель.

Так возникло своего рода **раздвоение первичной публичной власти путем формирования ее теневой параллельной (оппозиционной!) структуры**, заимствовавшей многие черты исходного кровнородственного механизма социального регулирования. Эта вторичная система предгосударственной власти не менее жестка и жестока. Впрочем, у нее гораздо больший формат полномочий и масштаб регулирования, а соответственно, другие цели и иные средства воздействия, включая террористические акции, как на чужих, так и на своих. Охрана зарождающейся собственности и складывающихся привилегий «новых» вождей, обеспечение подчинения непосвященных, неполноправных, индивидов противоположного пола и младшего возраста, а также обуздание межплеменных распрей и расчистка торговых путей требовали мер не только психологического устрашения, но подчас и физических репрессий.

В Сьерра-Леоне ритуальное общество *Поро* играло и до сих пор продолжает кое-где играть роль тайной судебной коллегии по отношению ко всем племенам, с которыми оно связано. Одной из его важнейших функций издавна было взыскание долгов и наказание неисправимых должников, другой – подавление межплеменной розни. В выполнении акций второго рода карательный корпус братства составляли все члены Поро нейтральных племенных групп, которые ночью, вооруженные и одетые в устрашающие маски, нападали на селения провинившегося племени. Половина награбленного имущества шла в казну Великого Поро и на вознаграждение участников нападения, другая половина – на возмещение ущерба племени, обиженного жертвой расправы.

Превентивные меры против местнических тенденций родовой верхушки с целью расчистки торговых путей, включая, ес-

тественно, контрабандистские тропы, к океанскому побережью, а также взыскания долгов с помощью замаскированных сыщиков осуществляет тайное общество *Эгбо* («Пантера») в Камеруне и ряде сопредельных стран. На трупах жертв своих расправ его члены оставляли тайную метку: они прокусывали им сонную артерию щипцами, по форме копирующими след зубов пантеры.

Мне вспомнилась грустная отечественная аналогия. Детство мое прошло в Сибири. Во время войны там свирепствовала, буквально терроризируя население, практически оставшееся без мужчин, ушедших на фронт, разветвленная банда под названием «Черная кошка». Ограбив очередной продовольственный магазин и оставив голодными тысячи людей, преступники цинично заявляли о себе, рисуя на стене изображение черной кошки. Много лет спустя я увидел этот сюжет в известном детективном фильме братьев Вайнеров и Станислава Говорухина с участием Владимира Высоцкого «Место встречи изменить нельзя». Добавлю из своих детских воспоминаний, что людям, которые оказывали сопротивление, бандиты проводили по щеке перчаткой, в которую были вмонтированы половинки лезвий модной тогда безопасной бритвы. Налицо похожий механизм сочетания таинственности с ее афишированием. Таким образом (я сам это отчетливо помню) происходило нагнетание безотчетного ужаса, парализующего энергию отпора.

Месть тотема

Конечно, фотокорреспондентов, да и вообще свидетелей на ритуальные акции традиционного правосудия не приглашают. Более того, даже невольное вторжение в любые дела тайных обществ чревато опасностью для жизни тех, кто с ними так или иначе соприкоснулся. Поэтому картину происходящего в подобных случаях приходится восстанавливать буквально по крупицам, как многоцветное мозаичное панно. И тем не менее попробуем представить себе то, что нередко происходит в дебрях африканских джунглей.

...*Люди-муру*, экстренно собранные по секретному сигналу ритуального тамтама в глухом, неизвестном непосвященным месте, готовятся к важному ритуальному действу. Лидеры-старейшины старательно колдуют над только им известными рецептами специальных снадобий полунаркотического свойства. Они скрупулезно уточняют тысячелетиями тщательно разрабо-

танные сценарии такого рода мистерий, призванных быстро и надежно погрузить непосредственных участников ритуала в гипнотическое состояние. Оно облегчает им вхождение в нужный, заданный поколениями мудрых предков (вероятно, по системе первобытного коллеги Станиславского) «образ» тотема.

Они раскрашивают лица и тела характерными пятнами, закутываются в леопардовые шкуры, цепляют к поясу подобие хвоста в виде цепи, завернутой в пестрый типа камуфляжа материал, энергично размахивая им. Музыкальная прелюдия особых тамтамов как бы создает звуковой портрет предмета предстоящего воплощения. Движения танцующих все больше напоминают тотемный боевой охотничий танец, включающий в себя характерные позы и ритмику пятнистых хищников. Люди плавно и неслышно ступают по земле, потягиваются, выгибают спину, разминают мышцы, картинно скалят зубы. Затем резко и неожиданно, будто пестрой стрелой, выпущенной из ритуального лука предков, бросаются на воображаемую жертву, поддерживая боевой настрой исполнением обрядовых песен, больше напоминающих вербальное воссоздание и виртуальное, психологическое подкрепление образа тотема и стремление максимально точно соответствовать ему:

*Глаза леопарда подобны огню.
Хвост леопарда не знает усталости.
Но самое страшное в нем – это когти,
Которые в мягкие лапы упрятаны.*

Когти хищника имитируются тройками небольших ножей или крючьев типа альпинистских кошек для преодоления ледников, только с загнутыми концами и надеваются не на горные ботинки, а на руки и реже на ноги, обмотанные тканью. Иногда используются острые морские раковины.

...Глухая тревожная музыка, приближаясь к ритмике биения сердца, приобретает силу гипноза и до предела нагнетает атмосферу напряженного оживания, готовности к решающему яростному броску. Звучит новая «ода» в честь леопарда – носителя твоей души, виртуального двойника, коварного друга, всевидящего тотема:

*Ты – нежный охотник,
Который, играя хвостом,
Сокрушает хребет антилопы.
Ты – красавица смерть,
Которая в платье пятнистом
Подбирается к жертве.*

*Ты – игривый убийца,
Который в любовных объятьях
Разрывает антилопе сердце.*

Трагическая роль антилопы в готовящемся ритуале угощения соплеменнику, который, сопровождая на сафари нанявших его охотников-американцев, под коварным воздействием заморской «огненной воды» раскрыл находившемуся среди них дотошному писателю некоторые из сокровенных ритуальных секретов. Души предков-основателей общества и духи-покровители муру, вселявшиеся во время церемонии в своих потомков-почитателей, воззвали к мщению. Отступника известили об этом, подбросив к дверям его хижины бронзовую фигурку тотема, того самого, которого он вольно или невольно, но кровно обидел. Однако, будучи каждый день пьяным и возвращаясь домой в кромешной тьме, этот опытный следопыт даже не заметил зловещую метку, символический «вещественный протокол» приговора тайной лесной коллегии. Более того, словно специально споткнувшись там, где лежал сигнальный фетиш, он нечаянно отбросил неузнанный им ритуальный предмет в жидкие придорожные кусты, окаймленные жухлой травой. Духи явно отвернулись от того, кому прежде столь же явно благоволили. Да и сам он на этот раз оказался неразумнее собственной курицы, которая принялась клевать знак беды и смерти, адресованный забывшему обычаям предков ее хозяину. Все, что требовал предварительный ритуал, было соблюдено. Жертва сама упорно и настойчиво, даже как-то возмутительно вызываясь шла навстречу неотвратимой гибели. Страшная тень зверской расправы тяжелой тучей нависла над пьяной бедовой головушкой ничего не подозревавшего нечаянного и несчастного отступника.

...А тем временем в зарослях, возле дупла старого-престарого баобаба, облюбованного давно ушедшими в мир духов предками, завершалось приготовление к осуществлению их священной воли – водружение на головы «леопардов» заранее извлеченных из тайного хранилища масок. Надев ее, искренне верящий в обряды африканец перестает быть самим собой. Психологически он идентифицирует себя с тем, символом кого она является. Маска для него не просто средство маскировки, а своего рода ключ к перевоплощению. Поэтому поверхностная аналогия с бандитом здесь явно не годится. Ведь, натянув на голову нейлоновый чулок, грабитель, покушающийся на банк, отнюдь не ощущает себя очаровательной дамской ножкой.

...Глухой рокот тамтамов продолжает взвинчивать нервы, подогревая нетерпение, усиливая давление на психику, формируя готовность к бесстрашным и бездумным агрессивным действиям своего тотема или духа того, чей облик воспроизводится и кто берет на себя тяжесть ответственности (в людском понимании) за то, что предстоит совершить. Граница социального, зоологического и мифологического миров стала не только прозрачной, но и призрачной. Она все тоньше и тоньше, вот-вот прорвется...

Вдруг наблюдатель-сигнальщик подает условный знак появления давно уже поджидаемой жертвы. С имитацией урчания леопарда ударная группа расправы (захвата) на четвереньках приближается к тропе, ловко взбираясь на нижние, толстые ветви деревьев либо устраиваясь в близлежащих кустах. Едва провинившийся и приговоренный к расправе их прежний сотоварищ оказывается в пределах досягаемости психологических мутантов – леопардов, – как они с характерным жутким рыком хищника из засады вероломно набрасываются на растерявшуюся от неожиданности и мигом протрезвевшую жертву. Перебивают ей позвоночник цепью, условно замаскированной «под хвост», перерезают жилы на шее одетыми на руки металлическими крючьями, специально зазубренным соответствующим образом ножом или острой раковинной и, ломая кости, разрывают тело на крупные части «по схеме» настоящего леопарда, нередко используя в угаре собственные зубы.

Но вот ужасная расправа свершилась. Дело сделано. Взвинчивающая нервы дробь тамтамов сменилась их переходом на замедленный, успокаивающий, угасающий, убаюкивающий ритм. Забрызганные кровью «леопарды» в изнеможении после пережитого напряжения валяются на землю, снимают маски, прочую ритуальную амуницию, отключаются и... почти мгновенно засыпают. Поутру, в крохотном озерце, сохранившемся со времени сезона дождей, они совершают ритуальное омовение, чтобы снять с души грех и кошмар происшедшего. Затем еще до пробуждения деревни возвращаются в свои хижины. Домочадцы, несомненно, слышали зловещую ритмику ритуальных тамтамов, а потому, не зная подробностей происшедшего, догадываются, что прошедшей ночью тайное общество вершило «правосудие». Но вопросов благоразумно не задают, дабы не стать его следующей жертвой и не искушать по неосторожности отца, брата или мужа. Слава предкам и духам, что не они стали на этот раз предметом их праведного гнева!

Кстати, отнюдь не исключается определенная степень родства между ритуальными палачами и их жертвами, нередко братьями по линии отца, но от другой матери, поскольку дух крови заведомо сильнее и важнее, нежели дух спермы. Во всяком случае, вызов «конкурирующим» кровнородственным отношениям принципиально поощряется неписаным уставом большинства секретных товариществ. Кроме того, тем самым достигается другая цель: крепче «повязать» новообращенных и продемонстрировать им на деле реальную цену возможного отступничества.

Впрочем, и американцы, приехавшие в глубь континента ради экзотики знаменитых местных сафари, ясно слышали душевраздирающие предсмертные вопли жертвы и, видимо, узнали голос своего проводника-егеря. Однако, поскольку вскоре стемнело, на его поиск, опасаясь мести джунглей, с трудом решились отправиться только с рассветом. Долго плутали, пока наконец не попали на поляну, где обнаружили останки несчастного. Их уже начали растаскивать гиены и грифы, по пикированию которых и было найдено место страшной казни.

Мнение было единым и единственным: один из лучших во всей округе следопытов и охотников, должно быть, под влиянием коварной заморской «огненной воды» утратил обычную осторожность и стал жертвой внезапного нападения озлобленного леопарда-людоеда, которому кто-то помешал завершить кровавую трапезу. Никто из местных, конечно, этому не поверил. Но все удивительно дружно согласились с нелепой, зато удобной для всех (включая безмолвно встретивших беду близких родственников и членов возрастного братства погибшего) версией случившегося.

«Умершего все равно не вернешь. Главный вопрос: что же ждет его душу после столь ужасной смерти? Искупил ли он позором и мукой свою великую вину? Примут ли предки и их духи его заблудшую душу в свою невидимую, потустороннюю семью? В любом случае другим надолго будет уроком трагическая участь болтуна, связавшегося, на свою беду, с этими нелепыми бескожими и светлоглазыми белыми господами», – мудро рассудили фаталисты-африканцы. *«Какие же слабаки эти местные насчет виски, не то что наши негры! Надо же такому случиться: наткнулся спьяну на леопарда, будто на шкаф в гостиной! И ведь с винтовкой был. Жаль его, конечно. Впрочем, сейчас важно как можно скорее найти достойную замену столь отличному следопыту и талантливому (великолепному) рассказчику. Это сделать будет нелегко, особенно*

после разыгравшейся трагедии. Весть о ней уже успела, благодаря никогда не дремлющим и всегда пронзительным тамтамам, взбудоражить окрестные деревни на десятки километров вокруг. Но главное – поскорее убраться отсюда подальше в другое место, подальше от этого непонятно из-за чего взбесившегося леопарда...» – озаботились американцы.

...Еще одна тайна саванны канула во тьму тропических ночей!

Виртуальные перевоплощения

Что же это за мир, населенный какими-то оборотнями: днем – нормальными, по крайней мере с виду, людьми, ночью – жестокими, злобно-агрессивными животными, нелюдями? Где лежит ключ к рациональному (без мистики) пониманию такого рода иррациональных явлений, раскрытия психологического механизма столь удивительных, поразительных, групповых перевоплощений? Не означает ли это, что в глубинах человеческого мозга есть нечто, эффективно резонирующее с животным, зоологическим прошлым?

Несомненно, участники тайной ритуальной акции были погружены в глубинное генетическое дочеловеческое бытие. Роль машины времени сыграло при этом искусственное возбуждение и умелое акцентуирование подкорковых структур головного мозга при нейтрализации на это время коры больших полушарий по принципу короткого замыкания. Вспоминается в данной связи высказывание моего африканского друга: *«Ничего не помню. Был где-то далеко-далеко. Потом нашел себя здесь, дома, в своей хижине. Ощущение такое, что голова круглая и совсем пустая. Сегодня работать совсем не могу, буду только спать, спать и спать».*

Михаил Булгаков поднял своего Ивана Васильевича из глубин прошлого всего-то лет на четыреста. И то, какие его ожидали метаморфозы! А здесь, по сути дела, оживают не только изучавшиеся Иваном Петровичем Павловым и Зигмундом Фрейдом подкорковые структуры, носящие название лимбической системы, заимствованной человеком от теплокровных млекопитающих, но и гораздо более древние фрагменты мозга. Ими обеспечивали свою жизнедеятельность также находящиеся среди наших эволюционных предшественников гигантские хладнокровные рептилии, включая динозавров. Они получили название ретикулярной формации, или R-комплекса. Хранимая ими в латентном состоянии хромосомная память о дале-

ком биологическом прошлом особенно легко оживает под нажимом психотропных воздействий как виртуальная реальность в среде постоянного соседства и взаимного сосуществования с животным, играющим роль знакового символа окружающего зоологического мира, от которого люди в ритуальном экстазе еще не отделяют себя полностью.

Весьма лабильная психика архаического человека может играть роль физиологического реле, способного осуществить запуск фантастически мощного генетического лифта, способного достаточно плавно опустить, а затем вновь поднять индивида по стволу дерева эволюции на миллионы и даже десятки миллионов лет. Данный феномен отнюдь не является исключительно африканским. Он характерен в той или иной мере для представителей всех преимущественно природных цивилизаций, которые многие ученые с глубокой древности столь несправедливо и пренебрежительно называли не иначе как «эпохой дикости». Конечно, само по себе отсутствие письменности порождало необходимость создания локальных этно-региональных сгустков, достаточно плотных и регулярных, устных и тамтамовых информационных контактов с использованием абстрактных символов и знаковых систем. Это оставляло резервными многие из потенциальных возможностей левого полушария, специализированного на речевых и вербальных функциях. Зато правое полушарие у архаического человека, погруженного в природу в значительно большей степени, чем в социальные взаимоотношения и хитроумные манипуляции с техническими устройствами, натренировано на эмоционально-чувственное, образно-интуитивное, объемно-пространственное восприятие окружающей действительности.

Здесь лежит одна из физиологических причин того факта, что представители традиционных цивилизаций гораздо легче и естественнее вживаются в прекрасно знакомые и в силу этого близкие им виртуальные образы персонажей зоологического мира. Более того, они вполне допускают жизнь одной души в обоих – человеческом и животном – мирах одновременно.

Карл Густав Юнг, лично проводивший полевые исследования в Восточной Африке, среди индейцев Южной Америки и папуасов Новой Гвинеи, неоднократно фиксировал данный феномен. *«Один белый охотник, – вспоминает он, – застрелил крокодила. Сразу после этого из соседней деревни прибежало множество людей; крайне возбужденные, они требовали компенсации за нанесенный ущерб. Дело в том, что крокодил, оказывается, был на самом деле одной старой женщиной из этой*

деревни, которая умерла как раз с тот момент, когда раздался выстрел. Очевидно, ее душа находилась в этом крокодиле. Другой охотник застрелил леопарда, который угрожал скоту. В это же время в соседнем селении умерла женщина. Она так же была отождествлена с убитым леопардом»¹.

Грани данного феномена удивительно многообразны: от символики в элементах моды до кодировки криминальных атрибутов. Во всей Тропической Африке леопард – символ неоспоримой власти. Шкура леопарда – неременная принадлежность эксклюзивного туалета племенной знати высшего ранга². Но в нее же заворачивается не имеющий на то никакого права герой романа нигерийского прозаика Элечи Амади «Большие пруды», чтобы убить своего заклятого врага. Когда это не удается, он в безотчетном страхе перед неотвратимой ужасной мстью «хозяина» шкуры топится в пруду, вступая тем самым в незримый спор с богами и предками, даровавшими ему жизнь. Их он боится меньше, чем притаившегося в тени джунглей жестокого леопарда.

В прекрасном романе «Жрица леопардов» английского офицера Роберта Сазерленда Рэттрея, прослужившего в колонии Золотой Берег (ныне Республика Гана) более четверти века, встает совершенно нетипичная для традиционного общества ситуация неодолимой любви чернокожих Ромео и Джульетты. Они – родственники. Но нарушают запрет сексуальной любви, да еще вдобавок ко всему не дождавшись обязательно предшествующего соитию обряда инициации. Они подкупают ту, что должна лишить ее девственности, которой уже давно нет. В довершение всего они собираются сбежать, куда глаза глядят, чтобы вдоволь насладиться друг другом, не думая об остальных: соплеменниках, предках и потомках. Словом, по всем канонам традиционного общества они обречены на гибель. И более того, буквально спешат навстречу ей. В конце концов так и происходит. Она погибает от укуса ядовитой змеи. Он тут же вонзает себе в ногу отравленную стрелу. Как отступников, но все-таки «своих», пылких любовников, чтобы не разлучать напоследок их грешные души, предают пламени одного погребального костра. И тут случается чудо: из огня выпрыгивает пара молодых леопардов, которые начинают игриво ласкать друг друга. Вольным леопардам никто не страшен, тем бо-

¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 140–141; а также: Найдыш В.М. Тайна как феномен культуры // Человек. 1999. № 1. С. 85–100.

² См.: Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 176.

лее презратившиеся в предрассудки старые традиции, неодолимо вставшие на пути влюбленных сердец. Их души как бы обрели вторую телесную оболочку. В этом красивом мифе смерть стала прелюдией новой, желанной жизни. Но уже не в посюстороннем мире, а «там», среди мудрых предков, могущих понять и простить своих романтических потомков¹.

Однако аналогичная психологическая метаморфоза сопровождает подчас и самые жуткие каннибальские сюжеты. В 1946 году в разных районах Нигерии было найдено около 80 жертв со вскрытыми венами, вынутыми сердцами и легкими. И все это – в окружении леопардовых «следов». Оперативно были приняты жесткие экстраординарные меры. Введен комендантский час. За головы «леопардов», которых полиция поспешила объявить одетыми в камуфляж сепаратистами, назначили высокое вознаграждение. Объятым ужасом окрестным крестьянам настойчиво и убедительно разъясняли, что убийцами являются вовсе не взбодораженные нарушением священных обычаев духи предков или души кого-то из несправедливо обиженных соплеменников, а всего-навсего переодетые бандиты, изощренно использующие древний ритуал и его зловещие каннибальские атрибуты для запугивания населения и подрыва престижа колониальной администрации. В конце концов из нескольких сотен арестованных по подозрению в причастности к зверским акциям были осуждены и повешены 18 человек. Успокоившиеся было деревни вдруг вновь замерли в тревожном ожидании. Совсем недалеко от места казни, в глухих лесных зарослях вскоре обнаружили ровно 18 тел мертвых леопардов! Как после этого архаическому человеку не поверить в «единство и родство» душ виновных убийц и невиновных убиенных!?

Отзвук аналогичных мифов и мистерий в виде культа ягуара доносится и с Американского континента, где с ягуаром отождествлялся верховный бог ацтеков Тецкатлипок.

Крокодил-полицейский

Известный рекордсмен по погружению в морские глубины без специального снаряжения Жак Майоль рассказал в своей книге «Человек-дельфин» о случае, когда введенному в транс полинезийцу внушили, что он – калан. Так называется удивительная морская выдра, лапки которой очень напоминают намани-

¹ См.: Ганкин Л.С., Туева Е.Б. Черная Африка. История в художественной литературе. М.: Наука, 1992. С. 24–25.

кюренные дамские пальчики. Ими калан кладет, перевернувшись в воде на спину, себе на брюхо подходящий камень, на него раковину с моллюском, а другим камнем разбивает его панцирь. Но в основном он питается рыбой. Так вот человек, вошедший в «образ» калана, на четвереньках вбежал в воду на побережье Тихого океана, провел на глубине около четырех минут, а затем появился с громадной рыбиной в зубах. Подводная фотосъемка этого эпизода одной французской аквалангисткой-этнологом подтвердила, что под водой он вел себя «как калан».

Другой подобный эпизод был зафиксирован на одном из крупных островов в Карибском море. Во время очередного праздника поклонников вудуизма несколько островитян под воздействием местных снадобий и ритуального гипноза «почувствовали» свое превращение в обезьян. С поистине обезьяньей ловкостью они мгновенно вскарабкались на высоченную пальму, строили оттуда рожи, паясничали, передразнивали людей, находящихся внизу... до тех пор, пока (в результате прекращения действия снадобья и гипноза) не вернулись в обычное, людское состояние. После этого раздалось отчаянное вопли испуга и призывы о помощи. Однако спуститься с головокругоной высоты они не могли, и к ним на подмогу никто не мог подняться. Благо, вскоре прибыла пожарная машина, и brave брандмейстеры с помощью выдвижных лестниц быстро спустили на землю незадачливых «обезьян»¹.

Граница между людьми и животными в сознании представителей традиционного общества порою оказывается настолько обратимой, что, вкупе с психическим настроем на глубинное единство всей живой природы, создает возможность толкований в духе самых удивительных, с нашей точки зрения, взаимопревращений элементарных в принципе событий. Юнг привел классический пример такого рода инверсионной логики из личных полевых наблюдений. Каторжник из числа местных жителей ускользнул от стражи и, переправляясь через реку, наткнулся на крокодила. Когда он появился в родной деревне, будучи покалеченным громадной рептилией, никому из сородичей и соседей не пришлось в голову ничего иного, кроме как объявить, что в личине крокодила был на самом деле отправленный за ним в погоню полицейский. В конце концов с этим согласился и сам беглец, радовавшийся уже тому, что остался

¹ См.: Майоль Ж. Человек-дельфин / Предисловие И.Л. Андреева. М.: Мысль, 1987. С. 22, 182–183.

жив и оказался на свободе, хотя чувство освобождения и было омрачено серьезной травмой, физической и психической. Причем для этих людей вопрос о том, полицейский ли принял обличье рептилии, или крокодил добровольно взял на себя функции блюстителя закона, был, можно сказать, почти риторическим, второстепенным, не играющим в происшествии и его оценке сколь-нибудь существенной роли. Ведь границу между миром «своей» природы и самими собой они ощущают гораздо слабее, нежели отличие европейца в автомобиле от крокодила в родной реке.

В странах Африки, по территории которых протекает величественная водная артерия Конго, неотъемлемым персонажем местных тотемических и мифологических представлений выступают как раз крокодил и связанные с его культом тайные общества. Люди-крокодилы, ничем внешне не отличающиеся от окружающих, могут ловко подкрасться к намеченной жертве и утащить ее под воду на самое глубокое место. О них написал в своем романе «Нгандо» Ломани Чибамба: *«Когда наступила ночь, эти люди, днем – обыкновенные рыбаки, собрались на свое дьявольское празднество. Используя свои магические способности и какие-то колдовские снадобья, известные только людям из их общества «ликунду», – они превратились в полудухов и принялись исполнять посреди острова Мбаму чудовищный, жуткий танец, устрашающе кружа около своих жертв»*¹.

В народных трудовых песнях прибрежных племен типа нашей «Дубинушки» их героем нередко выступает именно крокодил. В частности, люди народности *фонг*, населяющей бывший Заир, Габон и Камерун, призывают его на помощь как могучего и мудрого старшего родственника в трудных ситуациях охоты и войны.

*Крокодил, придай нам сил!
Приналяжем, подтолкнем.
Покровитель наших предков,
Заклинаем мы тебя –
Защити своих детей.
Западня уже готова,
Западня добычу ждет.
Покровитель наших предков,
Будь для нас всегда отцом.
Будь для нас отцом всегда.*

¹ Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. М., 1983. С. 161.

*Вот тебе от нас еда.
Ох, тверда земля, тверда!
Приналяжем, подтолкнем.
О священный крокодил,
Для победы дай нам сил!
Не дозвошь упасть нам в воду,
Удержи на берегу.
Помогал ты нашим предкам –
Победить не дай врагу!*

Люди-буффало совершают набеги на провинившиеся селения в масках, украшенных рогами, покрытые бычьими шкурами с имитацией буйволиного рева под глухой барабанный бой и распеванием угрожающих куплетов.

*Буйвол – двурога смерть,
И ребенок в ужасе
На колющее лезет дерево.
Умирает буйвол в лесу –
И люди в деревне
Под крышами хижин прячутся.
Буйвол легко, как бабочка,
Летит по саванне, не касаясь травы.
Но когда ты слышишь гром без дождя,
Это – топот бегущего буйвола.*

Сегодняшние люди-буффало, например члены тайного ритуального союза *Ндано Гбоно* в Нигерии, видят одну из самых главных своих задач в выявлении ведьм. Женщин, заподозренных в колдовстве, заставляют рыть руками землю, как это делает копытами разъяренный буйвол. Если из-под ногтей появится кровь, перевоплощение считается доказанным, и «виновной» грозит жестокая расправа.

Там, где бессилен Интерпол...

Новые ветры истории не только загоняют традиционные ритуальные общества во все более глухие уголки континента, но и заставляют последние трансформироваться, приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и деятельности населения стран Тропической Африки. Еще в колониальный период лидеры некоторых тайных союзов пошли на контакт с марionеточными властями на местах, используя свой многовековой авторитет и невидимый репрессивный аппарат для принуждения соплеменников к выращиванию чуждых местному менталитету экспортных культур, а также насильно внедряя изготовление пользующихся особым спросом ремесленных

изделий на продажу. Колониальные власти таким путем добились уплаты установленных ими налогов, а лидеры секретных ассоциаций бессовестно и бесконтрольно присваивали себе значительную часть выручки, полученной от скупщиков.

Обретение африканскими странами политической независимости изменило ситуацию на континенте. Но и в ней традиционные тайные союзы нашли свое место порою в самых головоломных раскладах пришедших к власти политических и социальных сил. Наиболее причудливым оно оказалось, пожалуй, в Либерии – стране, основанной потомками африканских рабов, вернувшимися с американского континента. Достаточно одного примера. В середине 1960-х годов пост верховного руководителя тайного ритуального общества *Поро* занял... тогдашний президент страны У. Табмен, являвшийся одновременно гроссмейстером местного ордена масонов и протестантским священником!¹ Такое совмещение властных полномочий целого спектра весьма далеких друг от друга пластов истории позволило ему на первых порах удержать страну на грани гражданской войны, но ненадолго.

Кстати, именно здесь, казалось бы, многократно уничтоженный и многими уже забытый глубоко засекреченный культ леопарда вдруг дал о себе знать в 1994 году. В представительство международного Красного Креста одного из провинциальных либерийских городков неизвестные люди тайно доставили восемь зверски растерзанных тел женщин и детей, некоторые из которых были обезглавлены, но двое – женщина и ребенок – оставались еще живыми, хотя, объятые ужасом, ничего не рассказали. Весь местный персонал ближайшего госпиталя, узнав о появлении таким образом обезображенных трупов, немедленно разбежался. Хирург-мулат из Коста-Рики, осмотревший с помощью одного из местных медбратьев трупы, обратил внимание на явные следы человеческих зубов. Они свидетельствовали о том, что отдельные мышцы и органы были буквально выгрызены из тел отнюдь не леопардом. Да и как леопард мог напасть одновременно на восемь человек?

Пока Р. Буркатти, представитель Красного Креста, связывался с полицией, женщина, оставшаяся живой, из палаты исчезла, несмотря на многочисленную охрану. А оба медика, принимавших участие во вскрытии изуродованных «леопардом» трупов, были зверски убиты. На месте происшествия полиция,

¹ См.: Кобищанов Ю.М. Тайные религиозно-магические общества // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 151–152.

как и предполагал старший офицер, обнаружила следы... леопарда. Круг замкнулся!

Однако дело получило международную огласку. В страну прибыла специальная бригада сыщиков Интерпола, имевшая солидный опыт борьбы с террористами. Но тщетно она полгода искала «пятнистых братьев». Их след простыл. Вернее, они растворились среди обычных людей, какими оставались вне жутких людоедских церемоний и ритуалов.

Ликвидация неграмотности, просвещение, приток деревенских жителей в города неумолимо подтачивают демографический и социальный фундамент древних механизмов социального регулирования и общественного контроля. К тому же во многих странах деятельность тайных обществ официально запрещена новыми властями, нередко под давлением традиционных вождей, сотрудничающих с правительствами. Секретные ритуальные ассоциации медленно, неохотно, но неуклонно уходят в темную часть суток и теневую экономику, хотя их психологическое влияние на население все еще остается важным политическим фактором, не считаться с которым неразумно.

Вместе с тем им присущ не только сплошной негатив, как может представиться из описаний леденящих душу сцен расправы с нарушителями традиционной общественной дисциплины. Положительная роль таких ассоциаций может заключаться в сохранении и перенесении в современность эгалитарных норм общения и обычаев непосредственной демократии, сложившихся на заре человеческой истории, в подавлении неподвластной правоохранительным органам государства коррупции и пресечении злостного обогащения за счет соплеменников и родственников.

Владимир Арсеньев едва ли не единственным из европейцев удостоился чести участвовать в деятельности тайного ритуального союза «детей леса», носящего на языке бамбара название «донсо-тон». Его свидетельствам нет цены. Охотничий союз бамбара представляет собой добровольную ассоциацию с единой системой морально-этических представлений, ритуальных и обрядовых действий, а также эзотерической, недоступной для непосвященных информации. Он считает союз тайным объединением охотников – воинов, имеющих профессиональное право разумно и умело распоряжаться чужой жизнью. Наряду с охотничьими, в Мали существуют тайные ритуальные союзы кузнецов и земледельцев, однако сколь-нибудь значительного влияния в жизни страны они не имеют. Между тем, еще в начале 1980-х годов тогдашнее руководство Мали

достоверно осуществляло регулярные неофициальные контакты с лидерами союза «донсо-тон» в окрестностях столицы – Бамако. Особенно высока доля охотников – членов тайного союза – в армии, где армейская иерархия нередко не совпадает с «лесной» (охотничьей), что нередко приводит к деформациям в уставных отношениях военнослужащих¹.

Доктор исторических наук Наталья Кочакова, пользующаяся заслуженным авторитетом в кругах ученых-африканистов, отважно занималась изучением деятельности тайных ритуальных союзов непосредственно в Нигерии, в том числе в полумиллионном университетском городе Иле-Ифе. Именно там верхушка общества *Огбони* обладает реальной административной и экономической властью. Она дирижирует деятельностью мэрии и других городских институтов, поддерживая «свое» предпринимательство, регулируя мистическими средствами ценообразование, вводя запрет и разрешение на определенные виды хозяйственных работ, например ловлю речной рыбы и сбор орехов кола. Члены этого объединения имеют особые дома-явки, куда не могут проникнуть непосвященные. При встрече они обмениваются особым рукопожатием левой рукой со специфическим прищелкиванием пальцами, которое очень трудно воспроизвести, даже если ты его видел неоднократно. Временами барабаны общества ритуальным боем сигнализируют о запрете выхода на улицы города женщинам и непосвященным, объявляя своего рода комендантский час.

Поистине новым словом в многовековой истории ритуальных союзов стало появление во многих университетских городках Нигерии тайных студенческих обществ. Им инкриминируют сексуальные оргии, ночные шабаши на кладбищах, кровавые драки, нападения на неугодных профессоров, кражу детей с целью вымогательства выкупа. Особая опасность этих подпольных организаций заключается в том, что в них очень низкий возрастной ценз, и люди, молодые, энергичные, с фантазией, имеют доступ к современным источникам информации и новейшим техническим средствам. Как раз те, кто должен в ближайшие годы пополнить интеллектуальную элиту страны, но они-то и могут переродиться в высокотехнологичный преступный синдикат, стоящий на службе древних институтов мистифицированной геронтократии.

Стремясь избежать этого, правительство страны усиленно внедряет в тайные студенческие общества секретных агентов

¹ См.: Арсеньев В.Р. Звери – боги – люди. М., 1991. С. 76, 86.

и информаторов. Однако тысячелетиями отшлифованная система бдительности, включающая в себя сменные пароли на различных языках и местных наречиях, изоощренные коды, тайные жаргоны и символы, ставит стараниям властей серьезный барьер. Недаром нигерийская «образованная» мафия – одна из самых изоощренных в интеллектуальных и финансовых аферах. В этом уже смогли убедиться на своем печальном опыте не только американские, но также московские и екатеринбургские бизнесмены. Словом, сам по себе быстрый рост уровня образованности отнюдь не исключает специфического возрождения древних тайных союзов на качественно новой цивилизационной основе. Как гласит одна из любимых Карлом Марксом пословиц: «Мертвый хватает за ноги живого!»

Там же, в Нигерии, отважной Натальей Кочаковой зафиксировано использование двух альтернативных тайных союзов – уже упомянутого *Огбони* и обвиняемого в ритуальных убийствах *Овегбе* противоборствующими (в том числе на выборах) политическими партиями. Кроме того, удалось обнаружить некоторые весьма серьезные свидетельства относительно существования в штате Бендел «тесного альянса между разбойниками, местной полицией и тайным обществом». Причем именно последнее, выиграв нелегкую конкурентную борьбу, *«подчинило своему влиянию... другие традиционные институты, а также судебные, полицейские, гражданские службы штата. Правительство оказалось бессильным перед этим влиянием»*¹.

Криминальная ветвь тайных ритуальных обществ включает в себя, помимо разборок по поводу дележа сфер влияния и деятельности, рэкета, контрабанды, выбивания долгов, похищение детей и взрослых с целью получения выкупа, использование их в качестве «крыши» для расплодившихся в Африке мафсонских лож и иных тайных сообществ, импортированных из Европы и отчасти из Азии.

Тайные ритуальные общества в современной Тропической Африке – неотъемлемый компонент нелегкой исторической эволюции самобытной цивилизации континента. Их неправомерно относить к числу допотопных, маргинальных реликтов, место которым на свалке истории и которые в наш просвещенный век сами собой сойдут с дороги эволюционного развития. Пока что они остаются достаточно серьезным инструментом

¹ Кочакова Н.Б. Традиционные институты управления и власти (по материалам Нигерии и Западной Африки). М.: Наука, 1993.

традиционной власти, в лучшем случае автономной и терпимой по отношению к центральному правительству, в худшем – мифифицированной опорой оппозиции, сепаратизма, криминалитета.

Иначе говоря, в качестве внесударственной (параллельной или альтернативной) формы социального регулирования традиционных отношений тайные ритуальные ассоциации нередко продолжают функционировать наряду с официальными – представительными и исполнительными, правоохранными и судебными, воспитательными и карательными, таможенными и налоговыми – органами государственной власти, взаимодействуя (сотрудничая или конкурируя) с ними в плане психологического и поведенческого влияния на архаические слои населения.

Конечно, со временем жизнь все расставит на свои места. Но сейчас этот реликт отдаленного прошлого, сохранившийся в джунглях и саваннах Тропической Африки, заставляет считаться с самим фактом своего существования. Более того, он как бы нарочито демонстрирует, что многое из новейшей атрибутики современных мафиозных структур представляет собой не что иное, как давным-давно забытое старое, специфическую кальку тайных ритуальных обществ, существование которых уходит в глубь тысячелетий.

Есть ли гарантия того, что вместе с другими африканскими традициями в Европу и тем более в Россию не проникнут и не будут подхвачены местными криминальными структурами какие-то ростки или филиалы секретных ритуальных сообществ? Во всяком случае, отнюдь не все принципы внутренней консолидации и тем более междусобойные разборки в среде африканцев, живущих на других континентах, поддаются европейской логике местных правоохранительных органов. Это, естественно, затрудняет их пресечение, а тем более предотвращение.

«ЗАКАЗНОЕ» САМОУБИЙСТВО

Человек заброшен в этот мир независимо от его воли, он покидает его также не по своей воле. В противоположность животному, которое наделено инстинктами, «встроенными» механизмами адаптации к среде, человек не имеет никакого подобного инстинктивного механизма. Он должен прожить свою жизнь, а не она им проживается.

Эрих Фромм¹

Человеку важно умереть своей смертью – «своей» в том смысле, который придавал этому высказыванию Рильке.

Своей – значит осмысленной, хотя и по-разному: ведь смысл смерти, точно так же, как и смысл жизни, у каждого свой, глубоко личный.

Виктор Франкл²

Смерть предстоит каждому.
Но мы не знаем, когда именно.
Мы живем так, будто она не придет.

Карл Ясперс

Жизнь и смерть в архаической ментальности

Сейчас, на пороге информационной цивилизации, страны «золотого миллиарда» охвачены сумрачным беспокойством по поводу неуклонного роста числа суицидов и одновременно коли-

¹ Фромм Э., Судзуки Д., Martino P. де. Дзен-буддизм и психоанализ. М., 1997. С.110.

² Франкл В. Психолог в концентрационном лагере // Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 152.

чества безнадежно больных людей, жаждущих прервать ставшей невыносимой жизнь. В сложившейся ситуации обращение к исследованию этических и психологических аспектов традиционных африканских ритуалов как добровольного, так и вынужденного ухода в «мир теней» обретает общественно значимый смысл.

Согласно традиционным африканским представлениям, жизнь никогда не кончается, если она организована разумно, то есть выверенным поколением мудрых предков образом. Она только прерывается сменой поколений, уходом из жизни одних, рождением и пребыванием на земле других. Во всех этих переменах заключена некая неодолимая константность. Один из величайших интеллектуалов XX века Леопольд Сенгор образно назвал ее знаком реальности, еще более глубокой, нежели видимые процессы и ритуалы. Он имел при этом в виду объединяющую связь с общим Предком, в свою очередь обусловленную кровным родством и вытекающей из него «общностью жизненного пламени»¹. Ушедшие в тень возрождаются в потомках, которые не устают почитать и славить предков, постепенно одухотворяя последних, составляя вместе с ними и с теми, кто еще не появился на свет, в ком они когда-то возродятся вновь, единое духовно нераздельное сообщество.

В сознании всплывает некая аналогия из истории отечественной философско-религиозной мысли, в какой-то мере, возможно, созвучная традиционным африканским представлениям о вечном «кругообороте» предков – потомков. Я имею в виду идею русского космиста Н.Ф. Федорова о том, как может осуществляться «рождение детьми родителей». Казалось бы, полнейший абсурд, учитывая принятую в европейской традиции стреловидную направленность течения времени?! Здесь же, если позволительно так выразиться, речь идет об эволюционно-генетической «петле времени», напоминающей траекторию полета, но не стрелы, а бумеранга. *«Просвечивание в себе образов отцов, втесненных в каждого законом наследственности, при одновременном изучении всего генетического кода человечества – конкретно, лично – даст возможность восстановить генетическую структуру каждого через ее запись в потомках... Полное воссоздание – это вместе с тем не просто воскрешение прежде живших в их былой материальной природе, а претворение их природы, как собственно природы воскресителей (поколения, достигшего бессмертия, не переходя*

¹ Senghor L.S. Liberté I. Négritud et humanisme. P., 1964. P. 74.

через смерть буквальную, а только через смерть старой материальной организации) в принципиально другую, самосозидаемую, полноорганичную: «я» как самосознание личности сохраняется, ее тело, материальное вместилище, функционально (и органически) становится иным, подчиненным сознанию, регулируемым, одухотворенным»¹.

Разумеется, два этих подхода неправомерно отождествлять. Однако и гносеологические Гималаи между ними возводить не стоит. Не исключено, что каждый из них со временем будет способствовать более адекватному пониманию эзотерической логики другого.

Поскольку африканский менталитет также обращен прежде всего к прошлому, а традиционное время течет «вспять», к тому, что уже достаточно достоверно состоялось, неопровержимо было и является фундаментом настоящего, постольку предки – наиболее значительная часть традиционного анимистического коллектива. Зная все это, не стоит удивляться, когда из уст довольно крупного африканского ученого прозвучит что-то вроде: *«Те, что умерли, не исчезли бесследно. Они – повсюду. В трепещущей лиственной акации и в толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада, в подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в городской толпе, ибо умершие вовсе не умерли навсегда»*². Лишь встав на позиции первозданного анимистически-языческого пантеизма, согласно которому природа – вечно живой, вездесущий, непрерывно обновляющийся организм, поскольку она едина, совокупна, взаимосвязанна и нераздельна с людьми, ее «населяющими», рождающимися, живущими и умирающими в ее материнских объятьях, можно «выловить» реальный смысл в такого рода антропоморфно-пантеистических представлениях.

Кстати, сама идея контактности поколенческих «миров», составляющих традиционный африканский социум и психологический фундамент его специфической ментальности, весьма колоритно и своеобразно прослеживается в континентальной художественной литературе.

Пьеса Воле Шойинки «Смерть и Конюший короля» в художественной форме воспроизводит действительные события,

¹ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 256–257.

² Высказывание Бираго Диона см.: *Dogbe Y. Negritud, culture et civilisation*. P., 1980. P. 211.

происшедшие в нигерийском городе Ойо в 1946 году. По древней, жестокой и бессмысленной традиции через месяц после смерти местного «этнического» короля, когда он уже адаптируется в мире умерших и ему требуются услуги его ближайшего прижизненного окружения, люди, их оказывавшие при жизни сюзерена, должны по обычаю добровольно последовать за своим былым повелителем. В числе первых предстояло «присоединиться» к ушедшему в мир иной вождю его любимцу – королевскому конюшему. Однако сочувствовавшие последнему образованные люди намеренно отвлекли пожилого человека от ритуального самоубийства в точно предписанный традицией срок. И тогда случилось нечто более страшное: чтобы мир мертвых не стал думать плохо о самом конюшем, его предках и потомках, бремя печального долга, никому ни слова не говоря, взял на себя его сын – студент одного из самых престижных английских университетов. Несмотря на то, что отчаявшийся отец мигом последовал за ним, вернуть сына в прежнюю жизнь он уже не смог¹.

Совсем иначе сложилось в чем-то похожее на прогулку пребывание на «том» свете главного героя романа известного камерунского писателя Монго Бети «Исцеленный король» (Mongo Beti. *Le Roi miracle*). «Изюминкой» сюжета является в нашем контексте ситуация, когда вождь весьма многочисленного племени Эссомба Мендуга, истерзанный тяжелой болезнью, принял под нажимом настойчивого местного миссионера христианство, но сколь-нибудь заметного облегчения отнюдь не почувствовал, а потому вскоре, по сути дела, отказался от веры белых, поскольку чересчур реальная при его эпикурейском образе жизни перспектива попасть после ее завершения прямиком в ад и гореть там в вечном пламени вождя совсем не прельщала даже ценой выздоровления. Ей он предпочел традиционные представления об однозначно благополучном своем, родном, по-своему даже желанном «том свете», унаследованные от предков. Побывав некоторое время в инобытии, он, по истечении кризиса болезни, пришел наконец в сознание. И настолько фантазийно-образно с яркими житейскими деталями и характерными для традиционного менталитета красочно-динамичными диалогами объяснил соплеменникам свое, отнюдь не христианское, а вполне реальное воскреше-

¹ См.: Бейлис В. А. Нобелевский лауреат в Африке (критики о Воле Шойинке и Шойинка о культуре) // Культурное наследие: преемственность и перемены. Вып. 2. М., 1991. С. 160–161.

ние, что не могу удержаться от соблазна привести его полностью.

Эссомба Мендуга, цитирую Монго Бети, «предпочитал рассказывать своему другу, как обстоят дела на "том свете", где ему довелось погостить; он помнил до мельчайших подробностей свою встречу с предками и со всеми душами племени, собравшимися по этому случаю на большое совещание, на котором председательствовал сам Акомо. И вот что они сказали ему в завершение долгой беседы: "Зачем же ты явился сюда, если племя еще не может без тебя обойтись? Ты истинный сын Акомо, и мы с величайшей радостью приняли бы тебя навеки в наши ряды, но мы можем и подождать. А они? Что они там, на земле, будут без тебя делать? Нет, возвращайся к ним, живи среди них. Мы сами тебя позовем в урочный час..." Вот что они ему сказали – слово в слово. И Акомо отозвал его в сторонку, чтобы шепнуть еще несколько словечек в утешение, ибо, сказал он, они понимают, как тяжела жертва, которую они от него требуют, опять посылая его в мир живых, где полно случайностей и где происходят вещи странные, необъяснимые, если не сказать нелепые. "Да, я вернулся из дальних краев", – вздыхал вождь, заключая свой рассказ»¹.

И все дружно ему поверили. Потому что именно такой они представляли себе скрытую от посторонних глаз тайную обитель предков, куда предстоит рано или поздно войти каждому, достойному того, из числа ныне живущих. Но иногда какие-то особые обстоятельства подталкивали к ускорению этого, столь естественного, по сути своей, процесса.

Последняя воля патриарха

...Пожилой старейшина, уважаемый всеми человек, приглашает в свою хижину сыновей и просит их помочь ему достойно и своевременно уйти из этой жизни, переселиться в город мертвых, то есть косвенно стать соучастниками отцеубийства. Он многое сделал для своих сородичей и соплеменников. Родил детей, дождался внуков и даже правнуков по линии старшей дочери. Жил добропорядочно, в соответствии с традициями, помогал в меру сил людям, разбирал споры, мирил поссорившихся, учил молодежь обычаям предков. Теперь устал, утратил чувство новизны, зримой пользы принести уже не может, но и не хочет быть обузой

¹ Бети Монго. Исцеленный король. М., 1966. С. 104.

окружающим, отравлять жалким зрелищем одряхления восторженное восприятие жизни молодыми.

Он сам определил время своего «ухода» и место погребения. Хочет, чтобы смерть его была «доброй», а не в нестерпимых муках болезней или отчаянии полного бессилия. Конечно, хуже всего впасть в вязкий, видимый только со стороны омерзительный старческий маразм, превратиться в уродливое животное подобие прежде красивого и сильного, мужественного и умудренного опытом, сделавшего много полезного для соплеменников и родственников, а потому всеми уважаемого мужчины, каким он должен запомниться сородичам. И все увидят, как он с честью вступит в круг предков-покровителей общины. Тем самым станет еще одним ее надежным заступником и благодетелем больше.

Это принципиально важный момент. Уйти из жизни просто так, по капризу или иной какой-то причуде, – значит нарушить вековые традиции. У многих африканских племен самоубийство считается страшным преступлением, не подлежащим прощению ни в коем случае. Например, банту прямолинейно заявляют, что все они «живут ради смерти, а умирают ради жизни». Других людей (родственников и соплеменников) и своей собственной – в ином мире или при новом явлении в этот. Здесь есть своя логика. Если африканец умер по воле свыше, это нормально, хотя и верится, как правило, с большим трудом. Но если его лишил жизни другой человек, пусть он последует за ним за черту бытия без права на обратное ее «пересечение» в любом из допускаемых традицией вариантов. Видимо, данная формула содержит в скрытом виде обычай кровной мести даже в среде «своих».

Но как в свете сказанного выглядит задуманное старейшиной «казачье самоубийство»? Ведь он и к преступному нарушению святых обычаев явно не склонен. И тем более «тащить» за собой собственных сыновей вовсе не собирается. Как пройти, не сбивая флажков, этот замысловатый «слалом» табу? Что касается сыновей, то они, с позиций отца, всего лишь послушные дети, исполнители воли своего родителя, а потому, не имея злых умыслов, вовсе не должны следовать, пока не придет их естественный черед, за ним в город мертвых. Сам он отнюдь не склонен расценивать задуманную акцию как умышленное самоубийство. Совсем наоборот, он умирает ради жизни, более комфортной и «защищенной» с «той» стороны бытия жизни своих родных и близких. Это не бег от жизни как дара предков и судьбы, а разумное распоряжение ее остав-

шейся, уже небольшой частью. Ведь гибли легендарные предки, защищая остальных в случае смертельной для них опасности. Хвала им за это и слава! Он же не отдает всего, что ему было дано свыше. Лишь то, что у него осталось. Словом, многое в данном эпизоде объясняет феномен веры африканцев в жизнь после смерти, в то, что смерть – это не всегда и не обязательно насовсем. Поэтому обычай предписывает принимать «добрую» смерть по возможности спокойно и даже радостно.

«Кстати, с нынешним запасом сил и памяти, – продолжил свою речь старейшина, – я “оттуда” смогу всем вам быть более полезен сейчас, нежели позже, когда окончательно разболеюсь и одряхлею. Свое предназначение в этой жизни я достойно выполнил. А там, за горизонтом, меня заждались старшие родственники и друзья. К слову, могу взять на себя роль почтальона и передать им от вас пожелания и даже посылки от родных и близких, включая их любимые амулеты гри-гри и предпочитаемую ими одежду, которая у них наверняка поизносилась. Как я справлюсь с поклажей? Здесь вы положите все необходимое в могилу. Деньги лодочнику-невидимке за перевоз через невидимую подземную реку, отделяющую деревню живых от города мертвых, давно уже лежат в шкатулке из верблюжьей кожи, некогда купленной у вездесущих туарегов.»

Старик какое-то время задумчиво помолчал. Наверное, представил себе мысленно путь, грустный, печальный, но неизбежный путь, в который он собрался. Вздыхнув, продолжил: *«Конечно, еще достаточно сил и энергии, чтобы есть, пить, смотреть на мир и слушать его. Но... Зачем ждать угасания, когда Смерть придет за тобой сама? Лучше ее опередить, “обмануть”. Так больше гарантий, что она будет “хорошей”. Это поможет скорее стать духом, потусторонним советчиком и защитником своих живущих и еще не родившихся сородичей. Да, и мой “близнец” по имени и характеру – любимый внучонок растет, крепнет, похож на меня лицом и характером. Так что смена готова, “дублер” набирается сил и уже готовится к священной инициации. Хорошо бы в ней поучаствовать. Ну, да ничего. Оттуда увижу, будучи невидимым. Вы ведь пригласите меня? Не забудете?»*

Сыновья глубоко и тяжело задумались. И было над чем... Отец был для них символом жизни, силы, мудрости, предметом гордости, надежной опорой и ненавязчивым советчиком во всех делах, которые они вершили. В Африке обычно не произносят громких слов и ярких комплиментов по отношению к самым близким людям. Но за внешней суровостью, как прави-

ло, скрываются искренняя любовь и забота. Само их нынешнее благополучие служило высшей мерой оценки его реальных достоинств. А как они будут жить без него? Как и другие. Но все-таки грустно, очень не по себе.

Один из сыновей, живущий в городе, видел фильм, где старая, больная, страдающая от невыносимых болей мать умоляла дочь, а затем врача дать ей яд или иным способом прервать то, что уже трудно было назвать жизнью. И те не решались. Дочь из жалости к матери, больше к себе. Врач из-за боязни судебных разбирательств и нарушения клятвы Гиппократы, предписывающей бороться за жизнь больного до самого последнего шанса. Но отец не был тяжело болен, и жизнь не стала для него невыносимой!

Другой вспыхнувший в сознании фильм представлял собой экранизацию северных рассказов Джека Лондона. Он пользовался в Африке успехом, в частности, благодаря тому, что там показывали много-много снега. А это – зрелище достойное внимания, особенно если ты никогда его не видел (разве что в чужом холодильнике). Так вот индейцы-охотники остались без пищи. Для спасения от голода и холода нужно было быстро пройти очень большое расстояние по глубокому липкому свежевывавшему снегу. Всякая задержка могла привести их к гибели. И тогда старая, уже дряхлая, но очень мудрая бабушка (индейцы особенно чтит матерей своих матерей) потребовала, чтобы ее с вязанкой дров оставили поразмышлять на прощанье над смыслом жизни, а сами уходили побыстрее, чтобы сохранить жизнь себе, детям, внукам, всему роду. Она жертвовала собой, не желая рисковать жизнью остальных, ибо двигаться самостоятельно и тем более так быстро, как этого требовали экстремальные обстоятельства, она явно не могла. Но ведь здесь такой ситуации не было! Пищи вполне хватало. Тепла же было в явном избытке...

И тем не менее именно им теперь предстояло дать согласие на участие в замысле отца, сознательно санкционировать преждевременную искусственную смерть старшего родственника, уважаемого и любимого человека, которому каждый из них лично обязан своим появлением на свет, чувствовать его страдания, представить себе, как он задыхается под слоем земли, не смея ему помочь оттуда выбраться. Поднять руку на соплеменника, сородича, да еще пожилого, всеми уважаемого достойного человека – грубейшее нарушение старинных обычаев.

С другой стороны, они не могут ослушаться и проигнорировать ясно выраженную волю старшего родственника, которому они обязаны своим рождением, уважаемого и любимого, сочувствуя его, конечно, неизбежной, но вместе с тем так неожиданно подступившей старости и непреклонному желанию прервать ее по доброй воле в избранной им самой форме, в назначенный им самим день и час? Ведь это его неотъемлемое право распорядиться остатком своей жизни, тем более в интересах благополучия остающихся, его потомков, и всего рода, включая тех, кто еще не появился на свет, но несомненно появится. А он «оттуда» всем им поможет.

Такая «сшибка» противоположных, взаимоисключающих психологических мотивов, своего рода психодрама, вряд ли уступающая по силе экспрессии гамлетовскому «быть или не быть?», как бы раздвинула стены традиционной хижины до проблем всего человечества, смысла, цели и «цены» каждой отдельной жизни и ее месте в череде поколений, составляющих социум...

Все долго молчали. Наконец старший сын под пристальными взглядами остальных почтительно попросил отца не торопиться с таким ответственным решением, подождать хотя бы до следующего сезона дождей и инициации старшего внука. Однако отец был непреклонен. Он все уже много раз продумал и взвесил. Интуиция подсказывала ему, что дальше откладывать задуманное чревато опозданием. Ведь Та, которая с косой, уже начеку. Подкараулит – не заметишь.

«Итак, – закончил свою скорбную речь перед мужчинами-потомками старейшина, – все решено. На третий день новой луны мы расстанемся. Тело мое оставьте в хижине. Сразу же, как мое дыхание остановится, снесите с нее крышу, чтобы молодая луна могла осветить мою последнюю обитель. Вырубите кактусы и кусты лимонника у входа: теперь мне не нужна будет защита от змей. Наоборот, те из них, в ком поселились души моих родных и друзей, возможно, захотят навестить место моего погребения и по-своему проститься со мной, дать какие-то советы относительно нового грядущего бытия. Изображение фаллоса из хижины вынесите и уничтожьте: его бывшая сила ушла в вас, перешла к вам. А новая придет с новым рождением в новом месте, чтобы доставить новые радости и от новых женщин завести новых детей. Но это уже «там» либо при следующем «возвращении» сюда... Чтобы надежнее обезвредить злых духов, мои личные вещи – особенно копье, посох и такой мелодичный балафон – после похорон не забудьте обрызгать кро-

вью барана и петуха, а затем обклеить их шерстью и перьями жертвенных животных.

Заранее оповестите родственников и друзей из соседних селений и из города. Пусть придут вовремя проститься с моим телом и моей душой в ее видимом облачении. Я выпью прадедовский колдовской отвар из своих родных сахельских трав и глубоко, надолго, на несколько дней усну. Даже дыхания не будет слышно. Никому до срока не говорите об этом. Похороны должны состояться в строгом соответствии с традиционным ритуалом. Но и не тяните сверх меры. Не дай бог закончится действие напитка!»

Зомби возвращается в родную деревню

На самом краю селения, под раскидистыми кокосовыми пальмами среди белесых песчаных дюн расположилось старинное деревенское кладбище. Священная территория в священной роще предков, где круглосуточно стоит благоговейная тишина естественного храма Природы, лишь изредка нарушаемая редким, будто нарочито тактичным, щебетанием птиц и тонким зуммером жужжания залетающих в тень насекомых.

Сумерки. Быстро, будто занавес в театре, спускается тьма. Вдруг песок в одном месте, там, на бугре, словно ожил. Вначале почти неуловимо для уха и глаза, затем все явственнее зашуршал и как-то неестественно зашевелился. На поверхности показалось нечто, отдаленно напоминающее изуродованную кисть руки с неподвижными скрюченными пальцами, затем вся рука, плечо... Наконец, из земли медленно поднялось вначале на четвереньки, потом на ноги похожее на привидение существо. Замедленные, хаотичные угловато-неестественные движения. Походка нетвердая, корявая, как у человека, в одиночку выпившего большой калebas крепкого пальмового вина. Глаза пустые и какие-то бессмысленно-безумные. Это подобие человека явно не может понять, кто он, где находится и что с ним произошло и происходит.

Луну затащили невесть откуда взявшиеся в обычно чистом небе саванны облака. Ветер как-то внезапно стих. Природа вмиг будто замерла и оцепенела. Даже, казалось бы, привыкшие ко всему собаки с голыми от нестерпимой дневной жары шеями не рискнули подавать обычно такие залиvistые голоса. Все, кто оказался во дворе, бесшумно юркнули в двери своих конусообразных жилищ, стараясь ненароком не оказаться на пути непрошеного гостя. В полной тишине и темноте, споты-

каясь и падая, надрывно кашляя и тяжело дыша, он добрел наконец до хижины, которая всего несколько дней назад считалась его жилищем. Домочадцы, увидев столь неожиданное зрелище, буквально вжались в упругие стены традиционного строения. Они-то все поняли сразу, онемев и обезножив от панического ужаса, охватившего их при виде некогда дорогого, но сейчас совсем нежеланного и тем более незваного пришельца из-под земли.

Их дед, отец, дядя и брат должны покоиться в теплой песчаной яме, там, за колючей растительной изгородью, призванной защитить собранный на ночь вовнутрь крааля скот от внезапного нападения какого-либо ночного хищника. Они сами поместили туда тело умершего, выполнив все положенные при этом обряды и ритуалы, принеся необходимые жертвы и формулы благословения в дальний путь. Почему же он так неожиданно «ожил»? Или, что еще хуже, каким образом его облик принял «взбодренный» ведунами неупокоенный покойник?

Перед ними предстал самый настоящий зомби, что в переводе означает ожившего в силу каких-то явно особых причин мертвеца, с которым уже простились, согласно древним обычаям, отправив в «тот» мир. Почему же он вернулся оттуда, откуда никто не должен так скоро, не успев стать предком и духом, возвращаться? Что он здесь «забыл»? Не хочет ли позвать кого-то вместе с собой туда, откуда только что появился? Самое страшное для него и всех остальных, если предки не приняли его в свои ряды и «вытолкнули» обратно к живым. Или злые духи вытащили наружу в обмен на последующее тайное служение им и только им. В африканском фольклоре встречается некий первобытный вариант легенды о докторе Фаусте. Иначе как он перебрался через подземную реку, не имея ничего, чтобы оплатить перевозчику обратный путь к людям?

На деле все оказывается, как правило, гораздо прозаичнее. И страшнее. Рассказывают, например, что иногда покойники, пока их в течение нескольких дней носили по деревням и даже городам, где они бывали при жизни, чтобы оповестить всех родственников, друзей и знакомых, дать им возможность проститься с усопшим, внезапно оживали. Вероятно, это были «заказные» похороны с недостаточно точно рассчитанным сроком действия отвара или гораздо более редкие случаи самопроизвольного летаргического сна.

Тем более что иногда такие действия совершались в спешке, особенно если человеку, даже находящемуся в расцвете сил, вдруг требовалось срочно уйти, по сути дела, «сбежать»

из жизни, в связи с нависшей над ним угрозой неотвратимой и зверской, мучительной и позорной расправы со стороны тайного ритуального общества, своего рода этномафии. Скажем, подкинутая к дверям его хижины бронзовая фигурка скорпиона не могла означать ничего иного, как смертного приговора секретной коллегии старцев, которых он чем-то сумел до такой степени разгневать¹. Или кто-то из врагов ловко сводит с ним счеты. Впрочем, ни времени на размышления, ни выбора, как правило, в таких ситуациях уже нет. Остается достойно принять даже недостойный вызов судьбы, чтобы не было стыдно ни перед предками, ни перед потомками: уйти из жизни самому или, по крайней мере, не чувствовать ничего во время зверского ритуала, в целесообразности и гуманности которого он совсем недавно, на свою беду, посмел усомниться, да еще под влиянием молодого пальмового вина поделиться греховными мыслями на этот счет с некоторыми из соплеменников.

Может быть, бежать? Но куда и зачем? В городе он все равно не спрячется и не выживет, даже если его оставят в покое люди-муру (леопарды), люди-поро (пантеры) или люди-ликунде (аллигаторы), что, впрочем, весьма маловероятно. Скорее всего, они устроят за ним ритуальную охоту, как за недавно объявившимся в округе леопардом-людоедом.

Другого выхода практически не было. Зато теперь, когда, обеспокоившись его длительным отсутствием, колдуны заглянули в хижину (детей он предварительно отправил к родственникам), их потенциальная жертва лежала без дыхания и иных признаков жизни. Его решили похоронить как скоропостижно скончавшегося, срочно призванного к себе предками. А если спустя некоторое время он все-таки оклемается, будет повод привести в действие тайный приговор, который страшнее обычной смерти, в назидание другим, умникам, скептикам и послушникам. Действительно, вскоре лунной ночью вблизи деревни появился зомби, очень похожий на недавно так неожиданно умершего мужчину. Он никого не узнавал, ни с кем даже не пытался заговорить. Лишь молча и отрешенно бродил в оди-

¹ См.: Андреев И. Л. Тамтам сзывает посвященных (Тайные ритуальные общества Африки как продукт эволюции гендерных отношений) // Вопросы философии. 2000. № 6; Он же. Тайные общества как альтернативный государству механизм властного регулирования традиционных отношений в странах Тропической Африки // Африка: общества, культуры, языки. ПМЛ Института Африки РАН. М., 1998. С. 38–53; Он же. В дебрях прапамяти // Новый мир. 1999. № 3.

ночестве по окрестностям, будто ища что-то, очень для него важное. Впрочем, довольно скоро он вновь исчез, на этот раз навсегда. Говорят, стал жертвой «случайного» леопарда, наконец-то отправившего его, такого неприкаянного и всеми игнорируемого, в спокойный и уютный мир уважаемых, высокочтимых предков.

Еще раньше, по воспоминаниям самых древних стариков, в состоянии, подобное клинической смерти или какого-то иного вида анабиоза, из «гуманистических» соображений специально вводили человека, обреченного на заклятие в процедуре жертвоприношения духам предков, вероятно, еще помнивших времена каннибализма¹. Ведь, пребывая в подобном «небытии», обмякший и невразумительный, он, будто сомнамбула, выполнит любую команду колдуна, не испытывая при этом ни боли, ни страха, не понимая происходящего.

Много лет назад один из крупнейших отечественных востоковедов профессор Ростислав Александрович Ульяновский неоднократно взволнованно рассказывал мне, своему ученику, какое пережил потрясение, когда, попав с первой советской миссией в Афганистан, неожиданно столкнулся с продажей такого предварительно откормленного зомби «на мясо» для каких-то особых ритуальных целей. Российские представители предложили продавцу затребованную им сумму, чтобы великодушно выкупить несчастного. Каково же было удивление и недоумение наших земляков, когда он категорически отказался от их предложения и предпочел свободе уготованную ему колдунами племени участь! Возможно, он уже был настолько парализован психологически, что не понимал толком самой сути происходящего, а потому не хотел, чтобы его съели (об этом своим «предназначении» он знал, но относился к нему с полным равнодушием) чужие, незнакомые ему люди, отдавая в страшном трагическом выборе явное предпочтение «своим». Не исключено также, что предложение о личной свободе, которую ему пытались «навязать» россияне, не находило никакой «зацепки» ни в воспоминаниях, ни в рассказах современников,

¹ Психологический феномен трагической «зачарованности идущих на заклятие» обычно связан с растерянностью индивида, оказавшегося на рубеже культур, где проблема выбора оказывается для него «закрытой», поскольку его неодолимо «тянет» в глубины архаики. См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I (От прошлого к будущему). Новосибирск, 1997; Яковенко И. Г. Культурные аспекты механизмов и социально-психологические источники массового террора // Мир психологии. М.; Воронеж. 1998. № 3. С. 215–247.

ни в местном эпосе и фольклоре. Потому оно могло показаться несчастному чем-то несравненно более противоестественным, нежели его предстоящая участь, а потому пугающим и заведомо неприемлемым¹.

Такого рода зомби, предназначенного для гастрономии, предварительно поили природным транквилизатором типа того, что до сих пор готовится бушменами племени сан из тщательно протертых личинок крупных черных муравьев, достигающих целого сантиметра в длину, смешанных с вязущей смолой зонтичной акации, способствующей длительному пребыванию снадобья в желудке жертвы и оказывающей анестезирующее действие, блокирующее предстоящую боль и резко снижающее остроту зрения. Но при этом в остальные части тела он не проникал. И многие *тва*, по авторитетному мнению Ирины Синицыной, подозревали не без оснований, что их колдуны – *мцаваны*, – используя свое умение вводить людей в состояние анабиоза, сохранявшего обменные процессы в тканях при «выключении» высших функций сознания, под предлогом соблюдения обычаев и под покровом присущей многим из последних таинственности, время от времени позволяли себе полакомиться сладковатой личинкой².

На океанском побережье Западной Африки в качестве средства, вводящего человека в подобное состояние, характерного для феномена длительной клинической смерти, применялась ядовитая кора эритрохлой гвинейской, носящей название африканского дуба (*Erythrophloeum guineense*). Кроме того, в состав зелий и снадобий такого рода шли растертые в порошок листья вечнозеленого растения *китунбегила* (*Avjvuv fibroviolaceum*), напоминающего имбирь с плодами, имеющими форму миниатюрных фаллосов, семена *мбики маленда*, схожими с крохотными человеческими эмбрионами, что позволяло использовать их вместо человеческих жертвоприношений, а также *кинзензи* – пудру из тропических сверчков, обладающих слабительным действием, и подчас прах покойников. Потомками африканских рабов, некогда вывезенных на острова Карибского бассейна, называемых афрокарибами, нередко в качестве эффективно и безболезненно парализующего мышцы и дыхание яда употреблялись выделения рыбы

¹ В качестве предельной точки зрения см.: Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов.. Человечество как оно есть. М.: Поматур, 1999.

² См.: Силицына И.Е. Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М.: Наука, 1989. С. 300–301.

пузана, действие которого в 500 раз эффективнее цианистого калия¹.

Но, даже оставшись живым, человек, который не просто достоверно умер, но и был публично похоронен, никогда уже не становился и в принципе уже не мог стать тем, кем он был и вообще нормальным членом коллектива в глазах сородичей, родственников, соседей, знакомых. Его будут сторониться, избегать, расступаться перед ним, но не заводить разговоров, стараться не иметь с ним никаких общих дел.

Именно такого поворота событий совершенно справедливо опасался мудрый патриарх, собравший вокруг себя взрослых сыновей, чтобы продиктовать им свою последнюю волю.

Баобаб-гробница, или «Опрос» мертвых

Архаическому человеку, буквально «напичканному» верой в чудеса, весьма трудно смириться с тем, что кто-то, близкий и дорогой ему, уходит совсем и навсегда, а воспоминания о нем будут тускнеть и растворяться вместе со смертью его современников и потомков.

Смерть для него – дорога в невидимый и неслышимый, лишенный запахов, вкусовых и тактильных ощущений, призрачный и по-своему особенный мир, из которого, по сути дела, никто, по крайней мере при жизни современников, не возвращается. Совсем недавно твой друг и соплеменник жил, дышал, двигался, говорил, общался и... вдруг! обездвиженное, бездыханное, молчаливое тело, хотя волосы и ногти продолжают расти. А главное – невидимый, он порой явственно «всплывает» в памяти и подчас просто преследует в сновидениях. Неслышимый, он напоминает о себе знакомыми интонациями полугаллюцинаторной речи, как бы демонстрируя свое неуязвимое воздействие на реальные жизненные процессы.

Впрочем, это свойство человеческой психики вообще, а не только архаической. В потрясшей интеллектуальную Европу книге «Психолог в концентрационном лагере», вышедшей в Вене в 1946 году анонимно, классик современной психологии личности Виктор Франкл исследовал феномен фантомного «проживания» в мозгу человека людей, с которыми

¹ Приведенные сведения собраны недавно скончавшейся талантливой отечественной африканисткой, доктором юридических наук Ириной Синицыной и приведены в ее последней книге «В мире обычая» (М., 1997. С. 11–12, 69, 74, 117).

связаны реально или виртуально важные вехи его жизни. «В сознании каждого незримо присутствует кто-то, кого, может быть, уже давно нет в живых, но он все-таки каким-то образом присутствует здесь и сейчас как интимнейший собеседник... – писал Франкл об узниках концлагерей, через которые ему пришлось пройти, – ...каждый из них знал, что где-то есть кто-то, кого нельзя увидеть, но кто видит его, кто требует от него, чтобы он “был достоин своих мучений”, как сказал однажды Достоевский, и кто ожидает, что он “умрет своей смертью”»¹.

Человек – единственное животное, которое благодаря рефлексии левого, вербального, способного к абстрактным обобщениям полушария заранее достоверно знает о своей неизбежной смерти. И никак не хочет с этим смириться. Как ни трудна и порою трагична его судьба, психологический инстинкт жизни, вопреки представлениям Зигмунда Фрейда, намного превосходит биологическую «тягу» к смерти, хотя в некоторых, как правило, патологических случаях самое ее ожидание превращается в невыносимую психическую нагрузку. К слову, сам Фрейд ушел из жизни, прибегнув к эвтаназии, осуществленной по его просьбе лечащим врачом. Но это относится к разряду тех исключений, которые как раз призваны подтвердить общее правило борьбы Танатоса с Эросом. Недаром выдающийся отечественный психолингвист Вяч.Вс. Иванов тонко подметил, что суицид есть не что иное, как «убийство» левым полушарием правого, менее жизненного, но более жизнелюбивого².

Традиционный африканский менталитет, близкий по духу славянскому языческому мировосприятию, не может запросто смириться со спонтанным и внешне беспричинным (без злокозненного вмешательства извне, инициированного кем-то из рядом находившихся – плохим человеком, колдуном, ведуном, духом, амулетом, мертвецом, деревом, магическим предметом *джу-джу* и т. п.) уходом нормального человека из жизни³. Причина, следуя данной парадигме архаического сознания, есть всегда. Другое дело, что обычно она весьма искусно

¹ Франкл В. Психолог в концентрационном лагере // Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 152–153.

² См.: Иванов Вяч.Вс. Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий // О человеческом в человеке., М., 1991. С. 117.

³ См.: Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

«прячется», но ее желательно найти, чтобы «обезвредить» на будущее и по справедливости отомстить приведшему ее в действие.

Словом, африканцы, как правило, очень редко и весьма неохотно верят в естественность смерти родных и близких. Вернее, почти всегда сомневаются в том, что здесь не замешана чья-то колдовская сила и злая воля, либо иным образом (часто обусловленным некомпетентным пониманием «чужими» последствий своих действий в рамках локального антропобиоценоза)¹ вольно или невольно не нарушены издавна сложившиеся жизнеобеспечивающие связи конкретного индивида и/или его мини-социума с окружающей природной средой.

Схожие представления были зафиксированы учеными среди находившихся на аналогичной стадии племен на островах южных морей. *«Австралийцы, – писал исследовавший эту проблему Марсель Мосс, – считают естественной только ту смерть, которую мы называем насильственной. Рана, убийство, перелом являются естественными причинами. Кровная месть, направленная на убийцу, не столь яростна, как месть колдуну. Все остальные виды смерти рассматриваются как имеющие магическое или же религиозное происхождение»,* включая случаи, когда смерть была *«вызвана мыслью»* о ней².

¹ Термин «антропогеоценоз» по аналогии с биоценозом для обозначения элементарной ячейки первобытного хозяйства в его неизбежной тогда «слитости» с ближайшим природным окружением был предложен академиком Валерием Алексеевым в его капитальной монографии «Становление человечества» (М., 1984. С. 347–444). Позднее Игорь Следзевский использовал понятие «антропоценоз», выведя термин Валерия Алексеева за пределы географической среды в сферу социально-культурных отношений и придавая ему социумный смысл конкретно-специфического симбиоза «осколков» самых различных цивилизаций и институтов, им свойственных. Объединяющим их началом этих «специфических социетарных образований, природа которых в нашей науке не определена», выступает, по мнению Следзевского, общность социально-экономической и информационно-культурной среды и необходимостью приспособления к ней (см.: Следзевский И.В. Человек в африканском обществе: социальный атом, культурный гибрид или интерпретатор? // Человек в африканском обществе. М., 1994. С. 45–46). Автор понимает под словосочетанием «антропоценоз» своеобразный синтез антропологических и экологических, экономических и социальных предпосылок и условий, принципиально «неотделимых» от человека в смысле обеспечения его функционирования как представителя биологического вида и субъекта цивилизационного процесса одновременно.

² Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 229.

Русские космисты христианского толка, не расставшегося еще окончательно с древними традициями язычества, отмечали аналогичную реакцию на неизбежную в принципе смерть человека, частично сохранившуюся в славянском менталитете начала XX века, полагая, что русская душа особенным образом уязвлена фактом смертного конца человеческой жизни; ее наиглубиннейшая метафизика есть *метафизика смерти*, в которой очень важен подсознательный отказ признать *нормальность* этого факта»¹.

Но вернемся мысленно на Африканский континент. Однажды в желудке убитого на охоте в Восточной Африке крокодила были обнаружены браслеты, совсем недавно принадлежавшие двум женщинам, погибшим на глазах соплеменников в пасти аллигатора. Казалось бы, все ясно и логично, хотя и весьма грустно. Но это нам, зашоренным детерминистам и картезианцам. Африканцы же сделали из всего случившегося совершенно иной вывод. Согласно их аксиоматической версии, неведомый колдун известным только ему одному способом вызвал аллигатора на randevu и приказал доставить ему этих женщин, в чем-то перед ним провинившихся. Крокодил беспрекословно исполнил столь деликатное поручение и в награду получил от колдуна принадлежавшие беднякам браслеты, которыми из-за наличия иной, нежели у человека структуры тела, решил «украсить» свой всеядный желудок. Ведь, находясь в спокойном состоянии, не возбуждаемые и не провоцируемые колдуном, рассуждали собеседники ученого, эти вечно сонные, лениво-меланхоличные рептилии обычно не нападают на людей и тем более не проглатывают их по собственной воле.

Комментируя данный феномен как непосредственный его свидетель, основатель аналитического направления психоанализа и автор концепции архетипов Юнг пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу, что у первобытного человека есть психика, но нет психологии как сферы сугубо внутренней и в этом смысле интимной жизни, состоящей из субъективных образов и переживаний. То, что европейцем трактуется как психологическое, для представителя традиционного общества является объективным, реальным, происходящим как бы вне его, независимо от него самого².

¹ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 265.

² См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.; М.; Харьков; Минск, 1997. С. 199-213.

Вместе с тем «первобытный человек не более логичен или алогичен, чем мы. Просто он думает и живет, исходя из совсем других предпосылок по сравнению с нами. В этом и состоит различие. Все, что выходит за рамки правил, все, что поэтому его беспокоит, пугает или удивляет, основывается для него на том, что мы считаем сверхъестественным. Разумеется, он не считает это сверхъестественным, для него это является принадлежностью мира, который он познает, резюмировал Карл Юнг, отмечая далее, что «первобытный человек живет по сравнению с нами, так сказать, в другом мире», где вместо привычной для нас тотальной каузальности (внутренне и психологически обусловленной причинной взаимосвязи явлений и процессов) бал правит произвольно-чудодейственная магия¹. К слову, в этом отношении он был ближе к иницируемому информационно-компьютерной эпохой нелинейному мышлению и современной философии нестабильных ситуаций.

Например, в Конго до сих пор сохранился специальный обряд так называемого «опроса мертвых». Суть его заключается в целом ряде хитроумных ритуальных манипуляций с телом умершего, обычно подвешенного на время – наверное, самой архаической в мире процедуры «дознания» – на толстую ветвь баобаба, с целью выявить причастность к преждевременности происшедшего кого-то из колдунов, нанятых кем-то из завистливых или чрезмерно мстительных сородичей либо действовавших по собственной инициативе. Во всяком случае, виновного умерший должен был забрать с собой без «естественного» для остальных «права» воскрешения и благоденствия в «другой» жизни и тем более без последующего «возвращения» в новом облике к своим потомкам. Здесь заключен определенный здравый смысл: исключение криминала «под маской» неспровоцированного самоубийства и психологическая очная ставка с возможным преступником.

В романе Давида Анану «Сын фетиша» орудие посмертной мести выступает как одна из самых значительных деталей традиционного погребального обряда. Старому Соджи сбрили бороду, чтобы сделать его моложе, затем обрызгали холодной водой, вытерли, а затем разрисовали его тело изображениями молнии. Уши заткнули хлопком и завязали лентами глаза. Саван заменял кусок белой ткани, который плотно обернули вокруг тела. Труп положили в красивый гроб. Прощаясь с покой-

¹ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. С. 160, 163.

ником, люди клали рядом с телом деньги и традиционные амулеты *гри-гри*. В руки Соджи вложили острый сверкающий нож, которым он должен был убить колдуна или отравителя, принесшего ему смерть. Только после этого гроб закрыли¹.

Впрочем, иногда в традиционную процедуру прощания с уходящим в мир иной вторгаются специфические обычаи, связанные с профессиональной деятельностью. Скажем, когда в Сенегале неожиданно умер кузнец из племени *серер*, то совет старейшин принял решение похоронить его не в гробу, а в стволе большого старого баобаба. Почему такое странное погребение? С чем это связано? Оказывается, кузнец умер с неподходящее для «нормальных» похорон время, в сезон дождей. Поэтому его могилу в земле должно было залить дождем. Но кузнецы в традиционном сознании выступают воплощением огня, а вода – его антагонистом². Чтобы «сгладить» в духе традиционной «примирительной» этики неизбежное противоречие между этими уважаемыми, но вместе с тем взаимоисключающими стихиями, народная фантазия нашла вариант, не обидный ни для одной из них. В противном случае нечаянная «встреча» воды с огнем может вызвать длительное отсутствие дождей и непомерно жаркое солнце, что неизбежно приведет, по местным поверьям, к жестокой засухе, плохому урожаю и неизбежному голоду. Около таких деревьев не рекомендуется даже громко говорить, а тем более смеяться, ибо духу покойника «юму» это вряд ли понравится. А гнев предков не на пользу потомкам, не сумевшим его предотвратить.

Поэтому, предупреждают местные жители не в меру любопытных туристов, если вы видите в стволе баобаба (любимом месте позирования при фотографировании на память) большое отверстие, не спешите туда забраться и не ищите там меда диких пчел. Скорее всего, это гробница кузнеца-*серер*, скончавшегося до наступления сухого сезона.

Другому кузнецу, умершему в сухой сезон, но отличавшемуся тягой к мирским удовольствиям, перед погребением отрубили большой палец на правой руке. Зачем? Чтобы злые духи не вытащили, потянув за него, покойника из могилы, если им удастся соблазнить его радостями «второй» жизни на земле, не ожидая реинкарнации, в обличье оборотня. Отдать душу

¹ *Ananou D. Le fils du fetiche. P., 1955. P. 161.*

² См.: «8 Марта в Африке. Доклад профессора Андреева // Огонек. 2000. № 9. С. 26–30.

сородича злым духам хуже, чем самим умереть. Таков древний обычай.

Но духи не обязательно бывают злыми. Они могут быть добрыми, во всяком случае, с благими намерениями. Однако и в этом случае общение с ними требует знания многих правил, соблюдения определенной осторожности. Например, у народности аква в Республике Конго смерть, как и в других африканских поверьях, не означает полного исчезновения человека. Освобождаясь от телесной оболочки, он становится невидимым, но способным принимать квази-человеческий облик, а также превращаться в птиц и животных-тотемов. Часто такой бестелесный «двойник», называемый «окуе», стремится заботиться о любимых людях, даже поселяясь, чтобы находиться ближе, в них самих и причиняя тем им немало забот, хлопот, опасностей заболеваний.

В этой связи мне вспомнился один разговор с незабвенным Роланом Быковым, большим знатоком и любителем фольклора. *«Чем отличаются люди от животных?»* – задал он как-то вслух сам себе вопрос. И ответил: *«Прежде всего тем, что они закапывают в землю или сжигают покойников! Зачем? Чтобы их нельзя было произвольно оживить. Смерть – санитар. Она дает возможность селекции через чистилище тем и тому, кто достоин "возвращения" в земную жизнь в новом качестве».*

В принципе африканцы, как и все остальные народы мира, смерти боятся. Но относятся к ней с уважением и пониманием серьезности и необратимости этого естественного явления, оставляющего тем не менее некоторый «свет в конце туннеля», надежду на инобытие или будущую инкарнацию в земную жизнь. Однако иногда смерть ждут и даже «торопят», что не исключает возможности вовремя изменить свое первоначальное желание и даже успеть «отменить» его, как это сумел сделать упомянутый выше Эссомба Мендуга, герой романа Монго Бети «Исцеленный король».

Впрочем, это относится не только к африканцам. Знаменательно, что у русских космистов, последователей Н.Ф. Федорова, даже жажда подвига германцев или традиционное хакири истинных самураев рассматриваются как специфически национальные варианты «красивого», эффектного и неизменно почетного добровольного ухода из жизни, «обманув» естественно предначиненную судьбой смерть¹.

¹ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. С. 265.

Не пора ли вам «уснуть»?

Жажда жизни подчас весьма причудливо сталкивается с жадной эластичностью. Исходя из представления, отождествляющего смерть со всеобъемлющей властью над живущими и теми, кому еще предстоит жить, люди побаиваются стариков: ведь они так близки к иному миру сверхъестественного, их уже коснулось своим крылом его могущество. Вместе с тем стариков почитают за то, что они сумели так долго прожить и так много сделать и, помимо всего, произвести на свет детей и внуков. Общество нуждается в мудрости и неспешном спокойствии, накопленных стариками, в их способности заглядывать далеко в прошлое, взирать оттуда на жизненный путь предков, трактовать события сиюминутного, бытового времени *саса*, что в переводе означает охотничью сумку для добычи, в контексте великого и вечного времени всех поколений предков, называемого в этносе *кикуйя замани*¹. Многие пожилые люди отчетливо понимают двойственность своего положения, поощряя некоторую долю страха, но вместе с тем давая хотя бы изредка скупые советы, благодаря чему живут в старости спокойно и пользуются уважением всех поколений своей большой семьи².

Как-то я получил приглашение встретить Новый год в интеллигентной африканской семье. Во дворике, среди стволов пальм, были расставлены кресла, стулья, скамейки для гостей: все, кроме меня, были родственники или свойственники друг друга. Внимание привлекала величественная поза старейшины этой очень большой семьи, 75-летнего человека, которого я знал еще министром юстиции его страны около 30 лет назад. Он сидел в удобном кресле на почетном месте, задумчиво молчал, спокойно разглядывая возню пары десятков младших внуков и старших правнуков и оставаясь во власти своих, никому не ведомых дум. Пару-тройку раз патриарха о чем-то спросили и вспомнили о здоровье главы семьи, каких-то эпизодах из прошлого великовозрастные дети. Его единственным собеседником в этот вечер оказался, по сути дела, нечаянный гость из далекой России, в честь которого экс-министр, не раз бывавший в Москве, вспомнил несколько десятков русских слов и не совсем печатных выражений. А в общем, жизнь уже шла своим чередом, мимо, как бы обтекая его. Уважение к нему пи-

¹ См.: Mbiti L. S. *African Religion and Philosophy*. N.Y., 1970.

² См.: Тернбул Колин М. *Человек в Африке*. М., 1981. С. 60–61.

тали, сколь-нибудь реальной власти над событиями и домо-
чадцами он уже не имел.

Никаких привилегий и почестей, кроме искреннего уважения и почитания, людям, перешагнувшим рубеж «нормальной», по местным меркам, продолжительности жизни, здесь не полагается, вне пределов семьи и «круглых дат» во всяком случае. Чем это объяснить? Может быть, естественно-групповой отбор еще в глубокой древности «подсказал» африканцам такого рода противоядие, исключающее опасность передачи *потестарной (догосударственной) власти*¹ в руки геронтократии, где абсолютизация мудрости, отождествляемой с возрастом, часто перевешивалась физической дряхлостью и старческим маразмом?

Самым древним институтом народного права, превентивно блокирующим такие ситуации, видимо, была традиция, неуклонно требовавшая от ближайших советников верховного вождя тщательно следить за его здоровьем, физическим и умственным. Это было тем более важно, что многие правители, представляя бога и первопредка среди живущих, всячески избегали показываться на людях. Известен случай, когда неожиданно выявилась до той поры тщательно скрывавшаяся от подданных парализованность обеих ног у *обы* (царя) Бенина. Он немедленно был отстранен от власти вместе со своими ближайшими советниками, а затем забит камнями. Священный обычай предков требовал от придворных сделать правителю, оказавшемуся в такого рода ситуации, деликатное предложение «уснуть», то есть совершить с их помощью ритуальное самоубийство либо позорно покинуть пределы «царства». Такая же участь ждала вождя, воины которого из-за плохой подготовки или неудачного руководства понапрасну гибли в бою. «Главнoкомандующему», следуя древнейшей этике руководства, следовало разделить их участь путем соответствующего обряда, свидетельствующего о добровольном присоединении к ним в «той» жизни².

В странах Тропической Африки сложилась и другая, оригинальная и действенная, форма «внепарламентской» и внедворцовой обструкции неуголному этническому «королю», крупному вождю и даже просто очень богатому, но нечистому на руку человеку. Этот обычай носит название *кирикири* и заключается

¹ См.: Кубель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 140–141 и сл.

² См.: Синицына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 20, 57.

в длящейся до трех месяцев массовой кампании публичного возмущения, проводимой обычно по ночам у дворца или виллы виновного, нередко сопровождаемой не только обвинениями в нарушении обычаев и ведовстве, но и руганью, распеванием насмешливых куплетов, едкими советами поспешить «уснуть» либо удалиться в изгнание¹.

В Гане в рамках традиционного института эпохи военной демократии, носящего название *асафу*, собранные из разных деревьев солдаты подчас объединялись в требования смещения командиров и даже главнокомандующего, если на них падало подозрение в корысти и некомпетентности. На такой волне возмущения офицеров и солдат коррумпированностью прежнего руководства дважды приходил к власти нынешний президент страны Джерри Ролингс.

Иногда красноречивым намеком насчет необходимости самому, согласно закону и примеру великих предков, достойно оставить трон служило посланное царю советом знати либо верхушкой тайного ритуального общества яйцо попугая или пустой калебас². Нечего, мол, твердить много лет одно и то же, тем более что изменения даже в традиционном обществе все-таки время от времени происходят. Второй знак символизировал внутреннюю опустошенность правителя, исчерпавшего данный ему природой запас сил, энергии и мудрости. В обоих случаях не стоит гневить предков, ибо знамение только передано приближенными либо «невидимыми» стражами незыблемости векового традиционного порядка, а идет-то оно от мудрых предков, которым «оттуда» многое видней.

Кстати, тянущаяся из глубин первобытного строя традиция понимания власти как прежде всего надежного гаранта народного благосостояния жива до сих пор и касается, когда возникают критические ситуации, даже лидеров крупных государств, имеющих несомненный международный авторитет и заслуги перед своей страной. Например, несколько лет засухи и неурожая существенно облегчили в 1974 году группе амбициозных генералов и старших офицеров свержение древнейшей из доживших до наших дней монархий мира – власти негуса Эфиопии Хайле Селассие I. Нарушение привычных природных циклов темный народ легко связал со старческой немощью неког-

¹ Там же. С. 57.

² См.: Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 65.

да любимого императора, буквально на глазах терявшего способность «ладить» с природой и духами своих великих предков¹.

Характерно, что тонкий психолог, мудрый политик и умный человек Леопольд Сенгор, католик до мозга костей, успешно руководивший в течение двадцати лет мусульманской страной, досрочно и по собственной инициативе передал пост президента Сенегала своему ученику и последователю Абду Диуфу. Напротив, его ровесник, чересчур самолюбивый Феликс Уфуз-Буаьи, до самой смерти в возрасте 89 лет сохранял за собой пост президента Республики Кот-д'Ивуар, что, по достаточно аргументированному мнению местной интеллигенции, далеко не лучшим образом сказалось на экономике, финансах и социальной ситуации в стране, которая давно нуждалась в переменах и ждала нового лидера.

Симптоматично, что по случаю визита в страну Председателя Китайской Народной Республики официальной прессой усердно пропагандировалась конфуцианская модель государственного управления: «Мудрость и спокойствие превыше энергии и инициативы». В то же время всячески подчеркивалось, что гость на два года старше хозяина, но тем не менее руководит, причем весьма успешно, страной, население которой в двести раз больше, чем в Кот-д'Ивуаре. Раньше в таком же духе фигурировало высказывание, приписываемое Клемансо. Выйдя на балкон к студентам, требовавшим немедленных перемен и в этой связи вопрошавшим: «Почему Францией правят восьмидесятилетние?», он ответил им прямо, честно и убежденно: «Потому что девяностолетние уже умерли!» Услышав столь убедительный и по-французски остроумно-изысканный ответ на свой вопрос, студенты якобы успокоились и разошлись.

Что же касалось физического и магического потенциала престарелого лидера Кот-д'Ивуара, то поддержать его были призваны выстроенный в джунглях грандиозный католический храм, копия римского собора Святого Петра, освященный самим Папой, а также выдержанное в духе вудуизма хождение президента глубокой ночью при полной луне по воде пруда возле резиденции, аки по суху, на глазах поднятых из постелей по такому случаю членов кабинета министров. Правда, какой-

¹ См.: Бочаров В.В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме иррационального в политике) // Околдованная реальность (Мир африканской ментальности). М., 1994. С. 137.

то злобредный швейцарский журналист пытался навязать читающей европейской публике порочащую президента мысль о том, что вблизи поверхности воды совершенно «случайно» оказался настил из досок. Находясь в Ямосукро, на родине президента, я видел этот легендарный пруд «для скептиков и оппозиционеров», как шутили местные остролисты, буквально кишачий громадными крокодилами, которые всплывали, как могучие дредноуты, стоило бросить в воду жертвенного цыпленка, купленного тут же на берегу. Впрочем, не исключено, что аллигаторов напустили в пруд уже после знаменитого квази-библейского эксперимента.

Нетрудно увидеть во всей этой символике некий принцип «обратного», направленного к славному прошлому течения времени. Напротив, незримую границу идеологической акции, психологического изыска, политической интриги и вполне естественной старческой причуды уловить не удавалось¹.

«Новый» облик древней проблемы

Отношение к феномену смерти в традиционном африканском менталитете отнюдь не однозначно, а, скорее, диалектично. Особенно если учесть колоссальную детскую смертность² и практическое отсутствие современной медицины. Чтобы не быть многословным, приведу фольклорную песенку народа йоруба (соплеменников Воле Шойинки) «Шесть условий земного счастья»:

*Первое – это, конечно, не умереть молодым,
Второе – не впасть в нищету;
Третье – не знать огорчений и тягот,
Четвертое – чтобы жизнь была приятна для нас,
Пятое – быть счастливым в детях,
А в-шестых – не пропустить подходящего случая,
Чтобы здесь, в нашем мире земном,
без мучений заснуть последним сном.*

Что касается «критического» возраста, до которого доживают африканцы, и связанных с ним статусом и выполняемыми общественными функциями, то некоторое представление об этом дают материалы, собранные этнографами. В частнос-

¹ См.: Андреев И.Л. Является ли африканец «европейцем наоборот»? (Африка в цивилизационном процессе) // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 49–67.

² По данным ООН, детская смертность в Сомали в 550 раз выше, чем в Норвегии.

ти, в монографии Э.С. Львовой содержится зафиксированная ею среди этносов Эфиопского нагорья функционально-возрастная классификация возрастных когорт мужского рода, подобной которой мне встречать не приходилось: «*Маленькие мальчики пасли мелкий скот, мужчины от 15 до 40 лет становились воинами и пасли крупный рогатый скот или верблюдов (внутри этой группы могло быть деление на «старших» и «младших» воинов), в возрасте от 40 до 55 лет они получали право руководства политическими и военными делами, в их руках была исполнительная власть; мужчины от 55 до 70 лет могли выполнять жреческие функции; от 70 до 85 – имели право решающего голоса во всех делах своего народа, позднее считались недееспособными и исключались из общественной жизни*»¹.

Разумеется, сама информация такого рода, полученная непосредственно из рук известного африканиста-этнографа, безусловно, заслуживает внимания и тщательного размышления над ней. При этом, правда, вызывает определенные сомнения, пожалуй, чересчур арифметически четкое разграничение возрастных групп в среде горных скотоводов, обычно бесписьменных, и нередко считающих свой возраст не по годам, а по чередованию сухих и дождливых сезонов, которое происходит по два раза ежегодно².

Помимо прочих условий, именно с «критическим возрастом» связаны все ритуалы и вообще проблематика добровольного ухода из жизни с помощью ближайших родственников. Чтобы, как метко сказано в старинной народной песенке, «не пропустить подходящего случая, чтобы здесь, в нашем мире земном, без мучений заснуть последним сном». Аналогия желанной смерти со спокойным засыпанием отразилась не только во многих типовых эпитафиях, но и разделяется крупными физиологами. Например, Илья Мечников в своих широко известных «Этюдах оптимизма» приводит описание «идеальной», безболезненной кончины в кругу родных и близких. Старая, но отнюдь не безнадежно дряхлая или больная женщина обращается к своей младшей праправнучке: «Катенька, принеси, пожалуйста, кружечку воды. Это будет моя последняя просьба». Испив водицы, бабушка тихо, спокойно и удовлетворенно уснула. Навсегда.

¹ Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 102.

² См.: Мосейко А.Н. Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность. М., 1985. С. 63–64; а также: Бети Монго. Исцеленный король. М.: Художественная литература, 1966. С. 35–36.

Мечты о волшебном эликсире бессмертия как некоем «вечном двигателе» монотонного, бесконечного и неизменного биологического существования человека не свойственны африканскому обыденному сознанию. В этом отношении оно «опережает» новую забаву современных мультимиллионеров, замораживающих себя для последующего оживления. Я вижу здесь некую аналогию с утопической мечтой Владимира Ивановича Вернадского об автономном и автотрофном, полностью искусственном существовании человека вне прямого взаимодействия с природой. Ведь если даже ожидаемое оживление произойдет (что само по себе весьма проблематично), то в какой социальной среде окажется много времени спустя наш нынешний современник? С кем и как он будет общаться? Достигнет ли взаимопонимания, если уже в прошлом веке и не только в России встала проблема отцов и детей?

Вспоминается курьезный случай. Много лет назад ко мне как к философу обратились с предложением о сотрудничестве несколько человек среднего возраста, объединившихся в неформальную «Группу структурных форм». Среди них были физики, биологи, инженеры и просто любознательные люди, много читавшие и пытавшиеся найти средство при относительном физическом здоровье максимально продлить свою жизнь. Они много и путано говорили о сатори, отварах мухомора, невидимых связях с космосом и т. д. И как-то предложили мне комплекс упражнений, который мог бы, по их утверждению, продлить мою земную жизнь до 350 лет. У меня в то время были проблемы с сыном-подростком моложе меня всего на 25 лет. Я никак не мог тогда найти с ним взаимопонимания. «Что же ждет меня в смысле общения с окружающими через 315 лет?» – с грустью подумал я и твердо решил отказаться от столь лестного и почетного предложения. Больше с этими милыми добрыми людьми мне встречаться не довелось, но, работая над этой темой, прихожу к выводу, что поступил тогда правильно.

Мне довелось задуматься над этим в одном из роскошных пансионатов для людей старше 80 лет в одном из предместий Женевы. Там было многое, напоминающее настоящую жизнь: бар с безалкогольным пивом, официанты, которым можно было заказать порцию диетического творога, прекрасная мебель, живопись на стенах, удивительные рыбки в замысловато-красивых аквариумах. А у выхода скромный столик, на котором лежали один-два фамильных альбома, и настенная доска, перевитая траурной лентой, где были прорезы для ежедневной сме-

ны имен умерших и дат их жизни. Утро для многих начиналось с выяснения того, кто этой ночью уснул навсегда.

В их глазах нетрудно было прочесть не столько горе и страх, сколько нечто вроде сочувствия и даже зависти. Кончилось томительное ожидание неизбежного. Вместо ужаса смерти – желание сделать ее максимально безболезненной для себя и близких, а подчас возникает и высказывается вслух желание искусственно ускорить наступление последнего часа. Но никто из врачей, а тем более родных даже слушать об этом не хочет. Могут быть неприятности судебного плана либо сложности с вступлением в права наследования.

В докладе, сделанном на III Конгрессе Международного общества этнологии и фольклора по проблемам жизненного цикла, была затронута проблема новой модели смертности, сложившейся именно в странах «золотого миллиарда», в основе которой лежит вывод о том, что наиболее благополучные в современном мире старики боятся не самой смерти, а более нового явления – неспособности умереть, не проходя через беспомощность и мучения и не причиняя их своим близким. «Хронические и необратимые расстройства здоровья не только убивают нас в преклонном возрасте (старше 60–70 лет), – полагает германский специалист по исторической демографии А.М. Имхоф. – Они убивают нас не так, как чума, оспа или тиф, а медленно. Эта «новая форма умирания» часто представляет собой долгий и мучительный процесс, длящийся не сутками, а неделями, месяцами, годами. Это тяжелое испытание, поскольку оно носит как физический, так и психологический характер, а результат всегда один – смерть. Многие из нас боятся не столько смерти, сколько именно умирания: зависимости от других людей, одряхления, постепенного угасания, ожидания смерти как облегчения»¹.

Так неужели сегодня наиболее благополучный в мире человек Запада не может распорядиться самостоятельно самым ценным, что у него есть, собственной жизнью, когда она становится явно в тягость и ему самому, и его близким? Разве это не входит в пресловутый пакет неотъемлемых прав человека? Современная цивилизация медленно и неуклюже движется к решению все более актуального для очень пожилых людей вопроса сверхсложным путем, добросовестно путаясь в массе

¹ Имхоф А.Э. Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения продолжительности жизни и определенности жизненного пути за последние 300 лет // Советская этнография. 1990. № 5. С. 69.

неожиданных медицинских, юридических, экономических, этических и прочих проблем.

Между тем налицо как раз тот случай, когда «новое», вокруг чего развернулись горячие общественные дебаты, является не чем иным, как хорошо забытым старым, традиционные формы и реликты которых до сих пор благополучно существуют и функционируют, так сказать, «живьем» в архаических структурах целого ряда этносов Тропической Африки. Причем в африканском «варианте» эвтаназии, в отличие от самоубийств, названных Дюркгеймом «эгоистическими», а его племянником и последователем М. Моосом *тананоманией*, то есть осознанным и целеустремленным бегством от боли, позора, унижений, насилия, стресса и страха, речь сейчас идет о по-своему «гармоничном» и «логичном» уходе из жизни, носящем помимо этого (или наряду с этим компонентом) альтруистический, социально значимый характер, по крайней мере, с точки зрения субъекта и «жертвы» традиционного обычая¹.

Как тонко отметила в блестящем философском эссе о причудливых фигурах неповторимого в своих изысках времени Елена Петровская, африканский старейшина осознанно выбрал «ту единственную смерть, которая случается с нами в конце», которую «мы не можем присвоить, как не можем присвоить "свое же" начало (очевидно, противоречие в терминах). Однако такая смерть, делающая нас другими по отношению к самим себе, и становится условием подлинной совместности, находящейся по ту сторону любого утопизма»².

Почему же люди боятся смерти? Потому что она, невидимая, бродит где-то рядом, как неприятное, но неизбежное ожидание, тревогой вплетаясь в наше и оптимистически-жизнерадостное, и печально-грустное бытие. Мы никогда не знаем: где ее «место» и когда придет ее «время». «Мы привыкли, – хладнокровно констатирует Елена Петровская, – располагать его впереди... забывая о том, что такое будущее сопровождает всю нашу жизнь. Это будущее, которое в отдельные мгновения совпадает с прошлым, и тогда мы умираем – умираем буквально – от печали или от любви. Это то будущее, которое мы познаем в моменты сильнейших эмоций, затмевающих наш разум и наносящих урон нашей пресловутой субъективности (если последнюю рассматривать как оберегающий нас панцирь),

¹ См.: Моос М. Общества. Обмен. Личности. М., 1996. С. 237 и др.

² Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 66.

короче, это будущее, с которым пытается отождествить себя смерть, разбросанная по всему пространству жизни»¹.

Вот здесь-то и зарыта собака метафизических крайностей: от «рациональной» евгеники как политики искусственного поддержания демографического оптимума до безмятежно-наивного морализма и умирительно-сентиментальной доктрины удерживать биологическое существование человека до последнего мгновения, во что бы то ни стало и вопреки всему, включая его собственную волю. В России даже некоторые доктора философских наук одни только разговоры об эвтаназии воспринимают не иначе как злонамеренные происки тайных агентов коварного Пенсионного фонда. Доктор философских наук из Томска Эдуард Бурмакин гневно клеймит «Литературную газету» именно за то, что она «не раз публиковала статьи, посвященные эвтаназии. Поскольку многие из них недвусмысленно выражают поддержку этому акту убийства безнадежно больных с помощью врачей, невольно закрадывается мысль: не выполнение ли это некоего социального заказа, возможно, со стороны правительственных кругов (может быть, Пенсионного фонда)? В самом деле, наше общество, как и в целом человечество в развитых странах, быстро стареет, очень много средств тратится на содержание, лечение престарелых и уже не годных к производительному труду людей. Не лучше ли избавляться от них?»² За что же и ради чего надо заставлять мучиться людей, которым медицина пока что не в состоянии не только дать исцеление, но даже просто облегчить невыносимые страдания? Бурмакин называет два довода, один «гуманистичнее» другого: необходимость накопления медициной опыта и апробации новых методов, а также возможность увидеть в стариках «страстное желание лучших из нас (авторов упомянутых статей в «ЛГ» это, надо полагать, не касается по определению) научиться истинно человеческой жизни?!».

Раз уж ученый оппонент эвтаназии безнадежно запутался в собственных доводах и невольно связал генезис проблемы в нашем обществе не с его плачевным социально-экономическим состоянием, а с происками «ЛГ», самое время сделать некоторые пояснения, обратившись к истории вопроса и к трудам некоторых ведущих представителей отечественной биоэтики.

¹ Там же. С. 67.

² Бурмакин Э. Рационально?... Но противно! // Литературная газета. 2000. № 9. С. 7.

Проблема добровольного ухода из жизни за пределами обычно осуществляемого без помощи и участия других людей суицида, нередко связанного с психической ущербностью индивида, и активной либо пассивной эвтаназии, медицинскому прекращению мучений безнадежно больного человека по его собственному или близких ему людей желанию¹, стара так же, как и осознание нашими далекими пращурами отличия своего деятельного бытия в качестве полноправного и полноценного члена первичного мини-социума от чисто физиологического существования, социального *почти небытия* индивида, неизбежно теряющего со временем наиболее ценные эволюционные приобретения и становящегося все более ущербным представителем биологического рода *homo sapiens*.

Статус танатологии, естественной смерти и/или инициированного кем-либо или самим человеком ухода из жизни, стар, как мир. В античной Греции поощрялось самоубийство людей старше 60 лет (многие современники именно так расценили поступок Сократа, добровольно принявшего яд) и даже их умерщвление без личного согласия. Само слово *эвтаназия*, впервые введенное в оборот Фрэнсисом Бэконом, означало в переводе с греческого спокойную, мирную, «сладкую», безболезненную и безмятежную, «счастливую» смерть как естественно-неизбежное окончание жизненного пути. В современной литературе фигурируют три формы эвтаназии: убийство из сострадания, добровольный суицид, а также самоубийство с помощью врача².

Так что же делать? Вернуться в далекое прошлое, напрочь отбросив все достижения современной цивилизации? Ведь там царил установленный естественно-групповым отбором непререкаемый стиль жизни и вполне определенная номенклатура путей и способов некатастрофического и ненасильственного ухода из нее.

Ответ на этот вопрос предлагает специалист по «летальной» проблематике А.Э. Имхоф: «Хотя мы с большой теплотой говорили о наших предках (напомню, что речь шла о средневековой Европе. — И.А.) и о том, как разумно они решали стоявшие пе-

¹ См.: Юдин Б.Г. Право на добровольную смерть: против и за // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 247–261; а также: На грани жизни и смерти. М., 1989. С. 27–34, 148–157.

² См.: Юдин Б.Г. Смерть и умирание. Эвтаназия // Введение в биоэтику. М., 1998. С. 265–293; Он же. Возможно ли рациональное самоубийство? // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998. С. 284–296.

ред ними тяжелые проблемы, это не означает, что я испытываю ностальгическое тяготение к прошлому. «Боже, сохрани нас от чумы, голода и войны» – эти слова слишком громко звучат у меня в ушах, и я не хочу поменяться местами со своими предками, даже при том, что жизнь наших современников нередко заканчивается столь мучительно. Тем не менее я восхищаюсь тем упорством, с которым наши предки решали свои проблемы. Мы должны учиться у них умению смотреть жизни в лицо, наблюдать идущие процессы и делать из них выводы. Срок нашей жизни теперь увеличился. Задача состоит в том, чтобы жизнь каждого была не только долгой, но и полной. Иначе нам придется стыдиться этих своих прибавочных лет жизни, стыдиться того, что срок на сей жизни стал более долгим и определенным»¹.

Напомню, в исследовании А.Э. Имхоф речь идет о сопоставлении нынешней демографической ситуации в развитых странах мира со средневековой Европой. Следовательно, все, что касается архаических ритуалов и обычаев, сохранившихся в странах Тропической Африки, имеет в свете теории цивилизаций и философской антропологии еще большую эвристическую ценность.

Вступление человечества в эру информатизации вносит неизбежные коррективы в прежние представления о качестве жизни и ее самоценности. Перелом в сознании населения стран «золотого миллиарда» принял поначалу уродливо-карикатурные формы пародии на товарно-рыночные отношения. От всемерного предотвращения суицида как однозначно богопротивного дела маятник общественной морали качнулся в сторону его отождествления с заказной услугой. Новый вид бизнеса вырастает на коммерческой рекламе «добровольной достойной смерти» и обещания квалифицированной «помощи желающим уйти из жизни с максимальным комфортом». В США, помимо «доктора смерти» Геворкяна, оказавшего финальную услугу 131 пациенту, ныне функционирует общество сторонников суицида «*Hemlock Society*», недавно выпустившее в штате Орегон телевизионный ролик, а затем сайт в Интернете и видеокассету – самоучитель по самоубийству.

Наметились подвижки и в законодательстве постиндустриальных стран. В 1993 году в Голландии, а три года спустя в Австралии была полуофициально разрешена эвтаназия. В 1997 году закон «О добровольном уходе из жизни» был при-

¹ Имхоф А.Э. Цит. соч. С. 82. См. также: Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 126–149.

нут, но вскоре отменен в штате Орегон. «Заказ» на медицинское обеспечение добровольного ухода из жизни в случае безнадежной болезни и нестерпимых страданий должен был быть подан официальным властям не менее чем за полгода до осуществления данной акции. За это время большая часть больных умерла, меньшая подтвердила и реализовала свое намерение, а несколько человек, инфицированных СПИДом, отказались от прежних заявлений в надежде на открытие новых препаратов. В общей сложности к эвтаназии прибегли либо намеревались прибегнуть примерно 0,1 % из числа умерших за этот период в штате Орегон.

В 2000 году вопрос о праве на эвтаназию поднят на государственном уровне во Франции, где, согласно социологической статистике, каждый третий гражданин не исключает лично для себя финала по принципу старинного национального афоризма «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». И все это при том, что Франция всего лишь на десятом месте в мире в «черной» статистике суицидов, в то время как Россия на четвертом¹.

В конце 2000 года опять же в Голландии законодательно разрешена эвтаназия с помощью современных медицинских средств при наличии заранее составленного и надлежащим способом нотариально удостоверенного письменного заявления гражданина. Но только в том случае, если лечащий врач и врач-эксперт письменно и достаточно аргументированно подтвердят фактическое бессилие нынешней медицины в лечении и даже уменьшении страданий безнадежно больного человека. С целью надлежащего контроля со стороны общественных аспектов биоэтической стороны эвтаназии создана добровольная организация «Эвтаназия», которая уже насчитывает 100 000 членов, вносящих ежегодно в ее фонд по 25 евро.

Вместе с тем первые попытки правового регулирования эвтаназии обставлены таким количеством бюрократических «сдержек и противовесов», что врачу проще, собрав в кулак волю, отказать в просьбе пациенту, страдания которого современная медицина облегчить бессильна, нежели рисковать оказаться на скамье подсудимых. Хотя самоубийство по законодательству большинства стран преступлением не является, доведение до него и помощь в его осуществлении караются достаточно сурово.

¹ Кадик Л. Ажиотаж с петлей на шее // Коммерсантъ-Власть. М., 2000. № 6. С. 42–44.

На этом нервозно-коммерческом фоне контрастом выглядит спокойно-мудрое равновесие между дарованной предками жизнью со всеми ее перипетиями и неизбежным уходом в мир теней с верой в последующее «возвращение» к потомкам, без утраты виртуальной связи с ними в течение всего времени неизбежной разлуки. Такова ключевая психологическая парадигма традиционного африканского менталитета. В ее рамках знахарский аналог европейской экзтаназии выступает в качестве ритуальной реализации субъективной воли индивида, остающегося и после физической смерти в своей, уже виртуальной ипостаси, достойным членом бесконечного во времени родственного коллектива.

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ДЕНЬГИ

Сознание неправды денег
в русской душе неистребимо.

Марина Цветаева

Мир резко меняется на наших глазах. Глобализация в ее сегодняшнем рыночном варианте нивелирует человечество, порождает безоговорочную ориентацию деятельности и поведения людей на деньги. Растущая зависимость от них все более явно вытесняет из нашей жизни, общества и общения исходную человечность. Заходит ли речь о судьбах страны или об экологической ситуации в современном мире, об интересах конкретного человека или перспективах всего человечества, все непременно упирается в бездушные, вездесущие, все-мощные деньги. Контрапунктом любых рассуждений об инновациях, направленных на улучшение качества жизни и здоровья населения, оказываются финансы, кредиты, рынок, конкуренция, прибыль. Откуда взялась эта немереная власть денег и банков над человечеством, над бизнесом и государством, над наукой и искусством, над мыслями и чувствами людей? Всегда ли так было? И могут ли люди жить иначе, имея другие, нежели обогащение во что бы то ни стало, цели жизни, более возвышенные и гуманные ориентиры, стратегию и мотивы своего поведения? Философско-антропологические размышления на этот счет выглядят из далекой Африки совсем иначе, нежели в наших СМИ, упорно навязывающих нам ток-шоу «Как стать миллионером?», а не как *стать и оставаться человеком*.

В африканском фольклоре деньги персонифицированы, они выступают как некое довольно рискованное и малонадежное средство построения отношений обмена. Зато как орудие обмана доверчивых людей они просто незаменимы. Персонаж детской сказки, название которой вынесено в заглавие, взялся стеречь дочь и имущество своего друга, отправившегося по неотложным делам в дальнюю дорогу. Однако, не дождав-шись его, отдал девушку замуж за богача, получил большой де-

нежный выкуп, выгодно распродал вещи и хозяйство ее отца, а затем исчез, пообещав скоро вернуться. Огорченный друг искал его всю оставшуюся жизнь, завещав перед смертью детям и внукам продолжить поиски причитающихся ему денег. Но и им не повезло. С тех пор простые люди вечно ищут деньги, которые, как тот человек от своего доверчивого друга, ловко ускользают от них. Поэтому само слово «деньги» стало нарицательным прозвищем ловкачей и обманщиков. Но человек, носящий такое имя, как правило, неуловим.

Зеркало африканского рынка

Российские туристы – богатые «новые русские», приехавшие на престижное сафари, и те, кто скромнее в своих запросах и возможностях, – все они, совершая путешествия, отправляясь на отдых либо по делам в тропические страны и на острова южных морей, не могут избежать соблазна посетить столь яркий сгусток экваториальной экзотики, каким является неизменно колоритный местный рынок. Конечно, отождествлять с пестрым, фольклорным, бытовым базаром всю сферу товарно-денежных отношений как гигантский, расползающийся по континенту блок африканской экономики было бы наивно и неверно. Просто народ, как свой, так и приезжий, по идущей из глубин истории, как бы засевшей в генах привычке, неодолимо тянется к тому, что смутно напоминает не им прожитое прошлое, что по своему психологически комфортно, да и по деньгам более доступно. А заодно не прочь совершить путешествие по «ту» сторону современности. Ведь даже столь универсальный фактор нашей жизни, каким является время, протекает и воспринимается здесь иначе, чем в привычном индустриальном ритме «окультуренной» городской суетни.

Солнечный маятник торговли

Африканский рынок – это нечто! Полная противоположность западному супермаркету, холодно и бездушно блистающему стеклом, никелем, изыском ламинированных упаковок. К тому же он не только торжище, место получения прибыли в «живых» деньгах, но и «заключенная» в акте купли-продажи «жизнь» денег, в значительной мере еще дистанцированная от текущих своим путем человеческих взаимоотношений.

Традиционный африканский базар сохранил в себе немало элементов далекого для нас исторического прошлого, напоминаемая многими нюансами древнейший обмен дарами, психичес-

кой энергией, жизненным опытом различных племен и народов. Это заметно отличает его от «бездушной» информационной индустрии продаж и «деланья» прибыли, до блеска отшлифованной в странах «золотого миллиарда».

Вместо музейной почтительной тишины, в которой привыкли делать покупки на Западе, – невообразимый, словно идущий из недр Земли гул. В многоголосый шум возбужденной толпы будто влились и все природные звуки Африки: океанского прибоя и водопада на горной реке, зловещего шуршания песка в Сахаре и ласкового шелеста пальм в гостеприимном оазисе, мерный топот вытянувшихся в многокилометровую ленту табунов антилоп-гну и трубный диалог слоновьего стада, предзакатный рев голодного льва и встревоженные крики обезьян на опушке тропического леса.

Вместо привычной стерильной чистоты, вылизанности, лоска – невоспроизводимая искусственно смесь первозданных компонентов местного ландшафта: пыли, глины, гальки, листвы, птичьего помета, шерсти животных, щепы тропических деревьев и веток саванновых кустарников, кожуры съеденных и слизи растоптанных плодов, а также обрывков бумаги, рекламных листовок, пестрых целлофановых пакетов, цветных ленточек, картонных упаковок, занесенных сюда путанями ветрами международных контактов.

Вместо жестко упорядоченных и с помощью компьютеров строго выверенных модными дизайнерами горделивых витрин и прилавков – дерзко бьющая в глаза невообразимая палитра природных красок, пестрых и ярких одежд и тканей, обилие масок, головок, фигурок, целых композиций на темы местной жизни, а также фольклорно-племенных фетишей, амулетов гри-гри, замысловато орнаментированных сосудов-калебасов из высушенной тыквы, ножей, копий, щитов и порою весьма изысканных абстракций, умело изготовленных из эбенового, тонущего в воде, и легкого розового дерева, из латуни и бронзы самобытным методом «потерянной формы», из соломы и ракушек, кости и рога великанов джунглей – слонов, носорогов и грозных буффало. Бросается в глаза обилие разнообразных ювелирных изделий ремесленной выработки из золота, серебра, полудрагоценных камней: бус, колец, браслетов, ремней, кошелечков, шкатулок местной работы. Всего не перечесть!

Вместо величавой прохлады пантеона – жара и духота неимоверная. Причудливый коктейль самых разнообразных, с трудом различимых и вряд ли где-то еще встречающихся

в подобном сочетании запахов: зноя и пыли, овощей и фруктов, животных и птиц, массы разгоряченных, потных, подчас еще не знакомых с мылом человеческих тел, терпкости недавно спиленных тропических деревьев-великанов, свежeweыделанных кож: крокодилов, питонов, варанов, хамелеонов, – обработанных шкур верблюдов, быков, овец; солоноватых даров океана, раковин, костей, изготовленных на месте металлических изделий местных кузнецов. Все это смачно сдобрено испарениями быстро гниющих отходов, отбросов, испражнениями людей и животных, дымом мангалов и крохотных, будто игрушечных, кузниц, где желающему могут тут же изготовить золотые серьги и при необходимости... вырвать больной зуб.

В воздухе не просто витает, а буквально стоит сладковатый аромат ананасов и ванили, горьковатый всех видов перца и других пряностей, располагающей к прохладе и покою мяты, щедро добавляемой в полуденный чай. Здесь же – запах подгоревшего пальмового масла, в котором жарят кусочки рыбы и бананов-*планте*. От всего этого ломит виски. Наше заласканное косметикой и гурманством обоняние, древнейшее из органов чувств, с непривычки не выдерживает интенсивных запахов Африканского континента.

Время здесь течет цветисто, шумно, ароматно, размеренно и в хорошую погоду жизнерадостно. Ритм торговли согласуется с движением солнца. Отсюда – ненужность регламента, специальных указаний относительно дней и часов работы. *Африканцы*, по образному выражению бывшего посла Мали в Москве доктора Даниоко, *смотрят не на часы, а на солнце*. Светило взошло – рынок ожил. Закат означает переход к отдыху и другим видам жизнедеятельности. Прохладный, полный оптимизма начинающегося дня утренний рынок заметно отличается от обожженно-вялого в полдень и от вновь оживляющегося после часов сиесты. Присущая африканцам экспрессия взвинчивает атмосферу утреннего рынка до сутолоки вокзала перед отправлением поезда и возбуждения ипподрома, когда ставки уже сделаны. После полудня все это как бы остывает, сменяется фазой замедленного действия: наступает тягучее время дремоты и сладкого мечтания. Поближе к вечеру приходит пора трезвых размышлений и подведения итогов такого длинного и так незаметно пролетевшего торгового дня.

Эта ритмика, будучи во многом обусловленной климатом, в свою очередь, заметно влияет на механизм ценообразования. Утром это вихреобразный темп «танца с саблями» Арама Хачатуряна; днем – мелодично-плавное адажио из балетного

наследия Чайковского; ближе к вечеру – раздумчивые, но вместе с тем тугие от сосредоточенной в них энергии вальсы Иоганна Штрауса с возможной аранжировкой под местную специфику джунглей и саванн в виде «Сказок африканского леса» или мечтаний «На прекрасном желтом Нигере»...

После восхода солнца, когда природа и торговцы дышат надеждой и предчувствием успеха, цены, подстегиваемые оживленным по холодку спросом, состязаются в скорости с температурой воздуха, взлетая к почти белесым, выжженным солнцем небесам. Днем они застывают, словно делая скидку за мужество тем, кто отважно предпочел посещение рынка столь желанной в тропиках послеобеденной сиесте. На солнцепеке цена медленно, неохотно свертывается, как питон, в клубок, чтобы вмиг сделать стойку кобры в случае прибытия автобуса с иностранными туристами. Ближе к вечеру дыхание приближающейся ночи заметно охлаждает дневной пыл и уровень претензий рискованных рыцарей базара. Когда темно-фиолетовый занавес тропической ночи уже опускается почти с той же скоростью, что в старом МХАТе, те из них, кто не одержал в течение дня коммерческих побед, выкидывают белый флаг капитуляции. Реальная угроза голодных снов подчас роняет цену товара до стоимости скромного ужина.

В Западной Европе прологом капитализма и рыночной экономики стали первоначальное накопление капитала и протестантская этика добровольной аскезы ради материально обеспеченного будущего. Годится ли этот рецепт для других народов и стран в наши дни?

Арена общения

Африканский базар – своего рода зеркало традиционной жизни, арена повседневного общения и житейских контактов, место обмена новостями, мудрыми мыслями, опытом предков и современников, шутками и анекдотами, а не просто вульгарное торжище, площадка для «продай – купи». Представители различных стран, народов, племен, вероисповеданий, люди обоего пола и самых различных возрастных групп чувствуют себя здесь свободно и раскованно. Раньше в базарные дни прекращались распри и даже местные войны. Рынок – святое место. Здесь нельзя никого обижать.

Как-то раз группа молодых людей вблизи танзанийского города Аруша проходила мимо меня на узкой тропинке вблизи рынка. Я по неопытности положил в нагрудный карман рубаш-

ки паспорт и деньги. Один из прохожих сделал попытку завладеть столь вызывающе безалаберно торчащим бумажником. Мне не оставалось ничего другого, как броситься на землю, закрывая своим телом главное сокровище – паспорт, и ждать помощи от своего спутника Джима Паттерсона, да, того самого, который в известном фильме «Цирк» был «сыном» Любови Орловой. Но Джим увлекся фотографированием местных красавиц для обложек элитных московских журналов. И тогда мне на помощь неожиданно пришли торговцы соседнего рынка. Они взяли палки от своих навесов, отдубасили ими молодых хулиганов, помогли мне подняться, извинились за соотечественников. И объяснили, что рынок – место, где человек должен чувствовать себя в безопасности, здесь резко пресекаются ссоры, ругань, драки, мошенничество и воровство. Человек должен чувствовать себя здесь как на празднике жизни, полным оптимизма и радости, даже если у него сегодня нет денег для совершения покупки.

Женщины обычно торгуют фруктами, овощами, бахчевыми, орехами, словом, тем, что растет над головой или под ногами. Мужчины располагаются обычно в центре рыночной площади. У них товар серьезнее: ремесленные изделия, зачастую изготовляемые здесь же на глазах у покупателя или по его заказу. Обувь, одежда, украшения, ремни, сумки, домашняя утварь, пряности.

Естественно, никаких ценников, прайс-листов и другой подобной атрибутики здесь нет и в помине. Многие зависят от того, кто фигурирует в амплу потенциального покупателя. Ведь по большому счету акт купли-продажи выступает как искаженная временем тень древнейшего обычая обмена дарами, не обязательно равноценными, скорее, равно нужными, полезными, достойными меняющихся ролями дарителя и одариваемого. В Африке это не просто рядовая сделка периода товарно-денежных отношений в духе римского права или кодекса Наполеона, а целый ритуал, беседа, взаимная услуга, сопровождаемая неторопливым уважительным обменом мнениями, выходящими за пределы обсуждения достоинств покупки. Вспыхивающие на базаре горячие споры не всегда являются ссорами, как это подчас кажется заезжему европейцу. Их предметом может выступать не только дискуссия по поводу соотношения достоинств товара и запрошенной за него цены, но и прояснение родственных связей, уточнение приемов ремесла, времени и деталей проведения праздников и ритуалов.

Совершение удачной покупки неизменно предполагает неспешный уважительный диалог. Чтобы сбить цену, вовсе не обязательно искать недостатки у выбранной вещи. Гораздо надежнее искренне восхититься мастерством ее создателя и талантом народа, к которому принадлежит мастер. Доброе слово ценится не меньше денег. Как и небольшой сувенир со своей родины, рассказ о себе и семье, особенно о детях и внуках. Торг здесь не только уместен, но более того – желателен. Первоначально названная «от фонаря» цена может быть в несколько раз выше реальной. Никто не обидится, если покупатель назовет встречную цену, примерно на порядок ниже предложенной. Если вы «загнули», продавец улыбнется, и интерес к вам в его глазах погаснет. Если он вступил в диалог, значит, «тепло», он почувствовал, что перед ним достойный покупатель, принявший игру на понижение. Дальше все зависит от терпения и... обаяния обоих участников самостоятельной мимими-пьесы, где воистину каждый сам себе режиссер.

Впрочем, возможны и забавные проколы. Как-то мне довелось путешествовать вместе с прекрасным человеком и талантливим журналистом Александром Каверзневым-старшим. Сидели мы в одном уличном кафе на территории рынка присахарского города Марракеша, а назойливый торговец-бедуин упорно предлагал тонкое одеяло из верблюжьей шерсти, уверяя, что отдаст его себе в убыток всего за сто дирхамов. В надежде освободиться от опеки я показал ему три пальца. Тут же товар полетел к моим ногам, и мне ничего не оставалось, как расстаться с согласованной суммой. Жил я тогда в общешитии, покупка эта была совершенно ни к чему. Но закон рынка неколебим: если сошлись в цене, отказываться от покупки неприлично.

Словом, торговаться надо. Упорно, терпеливо, с фантазией и улыбкой, а если позволяют языковые средства, то и с юмором. Снижение цены будет своеобразным гонораром за проявленный артистизм. И воспоминания у обеих сторон для рассказов друзьям, и чувство гордости останутся надолго. Ведь если не торгуешься, значит, не уважаешь того, с кем вступил в диалог, спросив цену. Или не умеешь этого делать и поленился поучиться. Или не знаешь обычаев. Или – еще хуже – не желаешь с ними считаться. И тогда, делились со мной вполголоса в ответ на мои вопросы о механизме формирования цены асы крупных рынков Бамако, Аккры, Ниамея, Дакара, Луанды, Абиджана, Антананариву, Банжула, Аддис-Абебы, Порта-Луи, Мапуту, Лусаки, Дар-эс-Салама, Марракеша, Таркве, Аруши,

не считая мелких местных базаров, надуть тебя, напыщенного и самовлюбленного, торопливого и неулыбчивого (необщительного), а значит, богатого и глупого, – святое дело. И чем крепче, тем почетнее...

В рыночной сутолоке и суете не сразу сообразишь, что африканская культура времени до сих пор остается натуральной. Она отдает предпочтение естественным процессам, а также издавна сложившимся традициями дележа пищи, взаимного одаривания ею. Даже в отношении скоропортящихся продуктов природное время их пребывания в приемлемом для потребления виде, как правило, искусственно не продлевается. Бог дал – Бог взял! Здесь скрыта логика и этика присваивающего хозяйства и потребительской экономики доиндустриального общества. Их инерция особенно сильна в собирательстве и охоте, скотоводстве и подсечно-огневом земледелии. Устойчивость обычаев дележа и уравнительного распределения продуктов среди довольно широкого круга людей и дарообменные связи между общинами и племенами слабо инициировали создание емкостей и технологий длительного хранения пищи.

В Мали, например, 2/3 лучших в мире королевских манго (всего их 86 сортов) обычно медленно засыхают прямо на земле. Нет холодильников, транспорта для вывоза в порт, судов для экспорта, а главное – заказов. Когда я встретил в московских магазинах великолепный манговый сок, произведенный в Мурманске, то подумал не об удачливых заполярных селекционерах, а о том, что за лизинг рыбацких сейнеров в Гвинейском заливе или за пойманную там рыбу африканский партнер, не имея валюты, рассчитался по бартеру плодами родной земли. К обоюдному удовлетворению.

Кстати, веками складывавшаяся местная агрикультура рассчитана на равномерное получение базовых продуктов питания в течение всего года. В танзанийской глубинке я видел на сельскохозяйственной станции 120 сортов бананов с разными сроками плодоношения и функциональным предназначением: от банкетных крохотных ароматных с нежнейшей розовой мякотью до знакомых нам по многочисленным лоткам громадных желто-белых, предназначенных для жарки.

А как поступают африканские рыбаки? В предрассветной дымке их выдолбленные из ствола пироги, украшенные замысловатыми рисунками и афоризмами, уходят в океан. Еще в часы утренней прохлады лодки возвращаются на берег с уловом. Женщины шумно и шустро сортируют рыбу и попутные море-

продукты, которые тут же засыпают сверху битым льдом. К вечеру от него, естественно, ничего не остается, зато амбре от непроданной за день рыбы делает проблематичным для изысканного обоняния европейца выбор автомобильного маршрута вечерней поездки даже в относительной близости от рыбного порта. Ночью все это увозят мусороборочные машины.

От Дакара до Мапуту, от Луанды до Дар-эс-Салама – картина одна и та же. Суровый маятник рынка без жалости и эмоций сортирует то, что будет куплено и съедено, и то, что сразу пойдет в отбросы, самым обычным для местного рынка образом: наличием спроса, обеспеченного деньгами. Конечно, по отношению к таким скоропортящимся продуктам, как рыба, особенно в экваториальной зоне, роль машины времени мог бы сыграть элементарный холодильник. Однако денег на него обычно нет. Кроме того, а может быть, и поэтому традиционное сознание воспринимает его с большим трудом – как нечто не просто непривычное, а даже противоестественное.

«Говорящее» платье

Очень своеобразно смотрятся в зеркале времени и представлений о нем эстетические вкусы африканцев и особенно африканок. Здесь отличие от вестерн-стандартов красоты и моды еще более выразительное и принципиальное. Кажущиеся неискушенному взору европейца примитивно-бессмысленными, обильно расцвеченные весьма замысловатые узоры традиционного женского наряда могут нести сжатую информацию о взглядах на жизнь, мечтах, семейном положении, племенном статусе и даже о матримониальных планах и претензиях той, чье тело он покрывает и соответственно приоткрывает в заранее намеченных местах. И далеко не всякому дано умение «считывать» заложенный в структуру такого «говорящего» орнамента текст и тем более понять его сокровенный смысл. Я попросил «прочесть» одно из нарядных пышных платьев своего друга, профессора Джоя Нкруму, сына первого президента первой в Африке освободившейся от колониализма страны, Ганы. Получилось примерно следующее: *«Я девушка веселая, улыбчивая, но серьезная. Может быть, ты просто хочешь со мной поиграть в любовь и сбежать, если я тебя полюблю. Лучше этого не делай. Я хороший человек. Кроме того, мой отец, дядья и братья в обиду меня все равно не дадут. Зато тот, кто станет моим мужем, будет радоваться всю свою жизнь. Я нарожаю много здоровых ребятшек, а те подарят хороших*

внуков». И при этом ни одной буквы. Только символы, недоступные пониманию «чужого».

Африканская мода, господствующая на рынке, – не что иное, как остановленное, словно засушенное в гербарии растение, прошлое время. Прыжков и ужимок она не знает. Ценится лишь пунктуальное повторение многократно испытанного, за исключением дешевых поделок для невзыскательных иностранных туристов. Дизайн в европейском понимании, по мнению африканцев, сугубо конъюнктурен, вторичен, эклектичен, явно не заслуживает траты времени и усилий на его воспроизведение. Он не может быть источником вдохновения ни для ремесленника, ни для торговца, ни для серьезного покупателя. Ведь главное в изделии – выверенная временем функция, надежность и продолжительный срок служения человеку, чего заведомо нельзя сказать о причуде богатых – непредсказуемо скачущей, словно антилопа *импала*, преследуемая гепардом, капризной и обычно непомерно дорогой для обычного человека моде.

Уловить затаенный смысл причудливого сплетения функциональной значимости вещи, ее оформления и затраченного на ее изготовление времени мне помог случай. Среди несметного множества сувениров на «деревянном» рынке Маколо в столице Ганы Аккре взор привлекла живописная дамская сумочка из хорошо выделанной змеиной кожи. Уже приготовившись к неспешному диалогу о цене, ибо первоначально названная почти на порядок превышала реальную, замечаю на дне дырочку величиной в спичечную головку. Указываю продавцу на дефект, чтобы он подобрал мне другую такого же фасона.

Не тут-то было! Прежде всего выяснилось, что ни он сам, ни его многочисленные коллеги, сбежавшиеся в ожидании развлечения по такому случаю едва ли не со всего рынка, совершенно искренне не понимают, хотя стремятся это сделать, что же смутило белокожего. В доказательство ничтожности моих капризов, тщательно посоветовавшись, бросают в сумку несколько мелких предметов, старательно трясут ее, торжествующе показывая, что из нее ничего не выпадает! Наконец один из добровольных экспертов после моей демонстрации сумки на просвет таинственно исчезает, затем возвращается, сияя от гордости за собственную находчивость. На кончике его пальца – крохотный кусочек лейкопластыря, которым он публично заклеивает злополучное отверстие. Аргументация в таких случаях безупречно веская: здесь у змеи была рана, эта царапина оказалась на ее шкуре при жизни, а отверстие – след

от оружия во время охоты. Все это естественно, а потому прекрасно и отнюдь не требует траты сил и времени на недоступную традиционному менталитету корректировку данного самой природой, а потому как бы освященного ею.

Словом, прогуливаясь по африканскому рынку, помимо неизбежных экзотических покупок, попутно совершаешь небольшое путешествие в Историю. Причем ожившее прошлое не мифифицировано в пропыленных фолиантах и пронумерованных музейных экспонатах с неизменными табличками-разъяснениями. Оно протекает прямо перед глазами. И без слов «говорит» о том, что люди жили, живут и могут жить, строя свои отношения с природой и друг с другом иначе, чем в ставших для многих пределом мечтаний странах «золотого миллиарда». Это позволяет лучше понять африканцев и самих себя. И кстати, более удачно приобрести особенно понравившиеся сувениры.

Человек для денег или деньги для человека?

Эта антитеза выражает подспудную «дискуссию» западного и традиционного понимания смысла жизни и характера экономики. Мне довелось прочувствовать их «нестыковку» на собственном опыте общения во многих странах Африки южнее Сахары. Своими впечатлениями хочу поделиться с теми, кого интересует и волнует загадочный и малознакомый нам мир тропиков.

Капитал по-африкански

В Западной Европе прологом капитализма и рыночной экономики стали первоначальное накопление капитала и протестантская этика добровольной аскезы ради материально обеспеченного будущего. Годится ли этот рецепт для других народов и стран в наши дни?

На рынках Тропической Африки я столкнулся с отсутствием зримой связи между ценой и стоимостью ремесленного товара, между процессом торговли и прибылью как его целью и результатом. Решил выяснить ситуацию с местными ремесленниками и челноками, рыночными торговцами и кочующими корабейниками-диула. Естественно, оперировать я мог только простейшими арифметическими выкладками: собеседниками обычно оказывались люди неграмотные и к тому же не умеющие толком считать. При покупке нескольких разных изделий сразу продавец, держа фасон, нередко называл общую сумму «от фонаря»: на его взгляд, значительную, но подчас в несколь-

ко раз меньшую, чем запрашивал, и в то же время намного превосходящую обычную скидку оптовому покупателю.

Неоднократно в разных странах я собирал группу торговцев, завсегдатаев рынка, и заводил с ними беседу о том, что выгоднее несколько снизить цену на товар, ускорив его оборот, и тем самым увеличить прибыль. Меня уважительно выслушивали, вежливо просили повторить сказанное, благодарили за полезную информацию, но... продолжали действовать по-своему, вернее, по традиции.

«А ведь они, пожалуй, во многом правы, – подумал я. – Действительно, зачем и куда так безоглядно спешить? К чему ненужная суета, лишние хлопоты, расчеты и, не дай бог, просчеты? Все равно когда-нибудь кто-нибудь да купит... И вообще абстракции, связанные со временем, вырванным из привычного течения традиционной жизни, пока что с превеликим трудом воспринимаются обыденным сознанием африканцев».

Скажем, стоимость исходных материалов ремесленник либо торговец – обычно его родственник, – как правило, сообщить могут. Что же касается рабочего времени, затраченного на изготовление изделия, то выделить его из астрономического еще сложнее, а оценить в деньгах вложенный труд вообще не под силу. Стоимость последнего в большей степени определяют традиция и конъюнктура рынка, а также настроение и сиюминутные потребности индивида, нежели реально затраченное время и уровень мастерства.

«Да вообще, зачем обязательно прибыль? Разве в жизни нет иных целей и радостей? Ведь я при деле, среди людей. Я им нужен, как и они мне... Да и что с ней, с прибылью, делать, если ты не голоден и дети твои сыты, одеты и ходят в школу?» – сообщил мне «по секрету» один из торговцев по имени Мамаду из столицы Нигера города Ниамей, где проходил тогда экономический семинар ООН.

В Гане, например, уличные торговки зеленью, фамильярно-нежно называемые мамми, горластые, настырные, динамичные, скопили довольно значительные, по здешним меркам, капиталы. Но, не зная, в силу отсутствия элементарного образования, куда их вложить и как ими рационально распорядиться, держат накопления под циновкой. А правительство тем временем пускает в продажу гражданам своей страны перспективные акции золотодобывающей компании «Ашанти Голдфилдс» по цене всего два доллара за штуку. Об этом ежедневно писали газеты. Но мамми читать не умеют, а во всякого рода ценные бумаги и обещания властей не верят. Поэтому их деньги оста-

лись в чулке, а контрольный пакет акций национальной компании «уплыл» в Великобританию... Два года спустя эти акции стоили уже по двадцать долларов, в десять раз дороже.

Другой вариант накопления богатства, на сей раз живого, без его продуктивного использования – так называемая «быкомания» фульбе и других пастушеских народов, кочующих вдоль южной кромки Сахары. Их страсть к бесполезным в хозяйственном отношении быкам, ставившая в тупик еще древних историков не так давно нашла объяснение в том, что социальный статус мужчины определяется количеством принадлежащих ему быков, которые, в свою очередь, ценятся по расцветке, длине и форме рогов.

Метаморфозы экономики потребления

Стереотип присваивающего хозяйства, когда найденное, добытое или полученное иным путем следует поскорее употребить по прямому назначению, служит серьезной помехой развертыванию местного предпринимательства. Налицо специфическая «невпитываемость» капиталов и «проедаемость» безадресных инвестиций в африканскую экономику, если при этом не учитываются местные традиции, формы социальной консолидации и менталитет.

...Как-то вечером несколько россиян уютно устроились на отдых в небольшом кафе на вольном воздухе у кромки Гвинейского залива. Любовались игрой волн у своих ног и переменной небесных декораций, суливших скорое завершение знойного дня. Покой нарушил эксцентричный сын Кавказских гор с громадными золотыми часами на браслете толщиной с полицейский наручник, в перстне размером с грецкий орех, замашками Креза из районного аула и прочими знаковыми атрибутами крутого «нового русского». Вначале озадаченный стюард принес нам «Мартини», которого мы не заказывали, с трудом выговаривая за доллар вымученную фразу: «От нашего стола – вашему столу». Гость постепенно входил в раж. Официанты немели от восторга, тем более что он им оставил царские, по местным понятиям, чаевые. Под занавес, выстроившись в подобие шеренги, они залпом выпили за благодетеля по его команде даровую водку. На этом первое действие завершилось к взаимному удовольствию обеих сторон.

Второе началось несколько неожиданно на следующий день, когда, проезжая по той же дороге вдоль океанского берега, я решил утолить жажду в знакомом кафе. И был удивлен: оно – среди бела дня – оказалось закрытым! Расстроенный хо-

зяин, отсутствовавший вчера, доверительно рассказал, что молодые официанты – ребята, недавно пришедшие в город из окрестных деревень, – не смогли утром головы поднять и до сих пор спят в прибрежных кустах. Причина – не в неожиданно полученных деньгах. Щедрость издавна расценивается здесь как достаточно верный путь к престижу и успеху. Просто менталитет молодых людей, воспитанных в атмосфере присваивающего хозяйства, не был настроен на «волну» будущего времени, планирования, предвидения, активного воздействия на собственную судьбу. Ему оказалась чужда и неподъемна сама мысль о накоплении, вложении денег в какое-то дело, покупку акций того же кафе, например. Или о другом варианте отсроченного потребления, скажем, приобретении подарков для многочисленной сельской родни и сверстников на случай посещения родной деревни, откуда их сманили огни большого города. Гораздо ближе, душевнее, понятнее показался другой стереотип. Появились деньги, тем более нежданно-негаданно, не томи душу, не искушай – истрать! Как? Пример продемонстрировал щедрый даритель. Ну а то, что местные парни не учли многовековой тренировки и невиданной нигде в мире устойчивости нашего брата россиянина к крепким напиткам, так это им можно простить... Впрочем, я очень хотел бы выслушать их версию случившегося у затерянного в джунглях ночного костра в кругу удивленных родных и близких, никогда не бывавших дальше соседнего селения...

Магазин – «потомок» места обмена дарами

Выражая глубокую и искреннюю признательность африканским друзьям, знакомым и просто встреченным по жизни людям, позволю себе привести несколько жизненных ситуаций, наглядно показавших мне, сколь ничтожна подчас цена денег и прибыли для африканца в сравнении с эмоциональным порывом, душевным комфортом, чувством симпатии и морального удовлетворения. Как легко и непринужденно, тактично и грациозно они, люди далеко не богатые, буквально на глазах решительно отказывались от верного дохода, смело действуя себе в убыток в коммерческом смысле, как бы повинувшись древнейшему инстинкту отнюдь не слащавой благотворительности, а суровой, таинственной, скрытой в глубинах архаической психики сопричастности, язычески сакрального единения в чем-то невоспринимаемом все Высшем! Эпизоды, о которых пойдет речь, могут показаться мелкими, частными, нерепрезентативными. И тем не менее в них, как в капле воды, отражается об-

общенный «скелет поведения», по выражению нобелевского лауреата Конрада Лоренца, тысячелетиями складывавшийся в иной, чем европейская, самобытной цивилизации. И пронзает мысль: время радости и достоинства важнее денег, обычно связанных для африканца с грустью отторжения ради них чего-то близкого, важного, дорогого для души.

Бывая довольно часто в Гане, я регулярно делал нехитрые покупки в одной приглянувшейся мне лавчонке. Дородный немолодой хозяин обычно величественно дремал в предназначенном для веранды раскладном кресле. Дела вершила его бойкая, верткая, улыбчивая супруга. Однажды моя командировка неожиданно продлилась на неопределенное время. Надежной связи с Москвой в сезон дождей почти неделю не было. Я не знал, насколько растянется мое автономное – в финансовом смысле – пребывание здесь. Ситуация вынудила перейти на режим жесткой экономии, сменить гостиницу на более скромную и т. п. Ни с кем из местных жителей своими заботами я не делился. Тем большим было мое удивление, когда однажды хозяйка лавки с непроницаемым поначалу лицом вручила мне в качестве «сдачи» сумму, большую, нежели значилась на предъявленной мною к оплате купюре. Я указал ей на ошибку, пошутив насчет двойки по арифметике. Она, учтиво улыбнувшись, непривычно настаивала: *«сегодня так надо»*, сделав акцент на слове «сегодня» и тем самым разъясняя свой необычный жест. Несомненно, по каким-то только ей ведомым признакам она прочувствовала ситуацию. И деликатно пришла на помощь, делом продемонстрировав загадочно-непостижимый для западных экспертов феномен «торговли без прибыли».

Действительно, что бы сделал, к примеру, находясь на ее месте, добропорядочный и расположенный ко мне немец? Скорее всего, дал бы продукты в долг, помог бы устроить кредит, ускорить по его каналам получение денежного перевода с родины, рекомендовал бы лавку подешевле, пригласил бы поужинать или что-то в этом роде. А африканка поступила именно так, как она поступила бы сто, тысячу, десять тысяч лет назад. В ее глазах помощь мне – не кредит, а дар! Не коммерция, а живой реликт уравнительного распределения, дележа пищи с другим человеком, с гостем, своим далеким собратом.

Я не перестаю завидовать умению африканцев легко и изящно преодолевать психологические барьеры в отношениях с иноземцами, их удивительной толерантности, «чувствованию» другого человека, личной сопричастности к делам того, с кем их свела Судьба. Эта история вспомнилась мне много

позже, когда пропустившая посещение детского сада из-за простуды трехлетняя внучка Настя трогательно попросила по телефону: *«Игирь! Приезжай, я соскучилась. Мы будем играть в магазин. Я тебе все бесплатно продам!»*

Разговор дороже денег

Время полезного общения и приятного внимания, оказанного лично ему достойным, по его мнению, человеком, для африканца священно. И его жаль осквернять замусоленными бумажками, принесенными европейцами вместо полезных для стрел и украшений крученых железных «денег» *киси* в Лесной Гвинее или раковин *каури*, «курс» которых колеблется от 60 центов на океанском берегу до 3 долларов в глубине континента.

Как-то в полдень еду в такси через центр города. Вдруг небо потемнело. Раздался странный, ни на что не похожий шум и гам. Словно в фильмах Хичкока, столицу буквально «накрыла» несметная стая какой-то разновидности летучих мышей, называемых здесь летающими собаками. Почти все мужское население от мала до велика высыпало из домов и машин. В руках появились невесть откуда взявшиеся обычные мальчишеские рогатки. Началась тотальная охота. Землю быстро усеяли тела ее незащитных жертв. Тут же зажглись мангалы. Судя по всему, готовилось отнюдь не вегетарианское пиршество. Движение на дорогах, естественно, замерло, тем более что пробка здесь дело вполне обыденное.

Водитель, с которым мы переживали и переживали столь пикантное зрелище, оказался почти единственным, кто не покинул машину, не выскочил на дорогу и не включился в развернувшуюся там вакханалию. Может быть, постеснялся оставить меня в одиночестве? Чтобы не выглядеть чопорным иностранцем и избавиться от собственной растерянности, я вступил с ним в бесхитростный житейский разговор. Слово за слово, нашли общий язык и взаимные познавательные интересы, незаметно забыв о безвозвратно утекающем времени и на глазах разрушающихся сегодняшних планах.

Неожиданным оказался финал завершившейся в конце концов поездки: *«Ваше общество и беседа с вами доставили мне большое удовольствие. Поэтому я возьму с вас плату только за бензин. Остальное вам наверняка пригодится. У такого человека должно быть много друзей. Пусть их порадуют хорошие африканские сувениры. Кстати, здесь рядом наш знаменитый на всю Африку «деревянный рынок». И не отказывайтесь,*

не обижайте меня. Я вовсе не потратил понапрасну время, проведенное с вами. Напротив, я **приобрел** его, к тому же вместе с новыми, важными для меня впечатлениями и пищей для размышлений».

Другой характерный эпизод также был связан с поездкой по горсду. Стою как-то на оживленном перекрестке в самом центре. Жду такси на автобусной остановке. Неожиданно рядом со мной тормозит местная маршрутка, называемая в народе «*тру-тру*», во всей своей обычной экзотической красе: с неизменно выбитыми стеклами (зачем они в такую жару, если нет кондиционера?), висящей на одиноком проводе фарой и вырванной с корнем другой, оторванной дверью, какими-то мешками и козой на крыше, зато с бойкими афоризмами, начертанными на размазанных бортах.

Все разом – улыбающийся водитель, любопытствующие пассажиры и я – поняли, что это лихая шоферская шутка. Ведь европейцы, будто соблюдая какое-то непроизносимое вслух табу, никогда не пользуются этим сугубо местным видом транспорта. «А почему нет?» – спросил я сам себя и под растерянными взглядами прохожих решительно забрался в чрево необычного микроавтобуса. Немного смущенные люди потеснились, уступили мне одно из сидячих мест, некогда бывшее креслом, и мы двинулись в путь. Я попросил высадить меня на площади капитана Санкары, откуда было рукой подать до моей гостиницы, расположенной на параллельной улице.

Каково же было удивление охраны и обитателей отеля, когда сквозь строй растерявшихся служителей в униформе к парадному подъезду приблизилось столь живописное сооружение на колесах. Если бы здесь появился живой динозавр, изумление вряд ли могло быть большим. Впрочем, пика оно достигло, когда на пороге появился постоялец из далекой и, по их мнению, вечно заснеженной Москвы, на окраинах которой по ночам бродят белые, как снег, медведи.

По негласно принятым расценкам, путь на такси от посольства до гостиницы с интригующим названием «*Джи Ньяме*» (в переводе с языка *акан*: «Да поможет мне Бог!») обычно обходился в тысячу седи. Соответствующего достоинства купюру я и протянул водителю, приветливо прощаясь с ним и со своими неожиданными попутчиками.

И тут я услышал нечто, меня поразившее не меньше самой поездки: «*Это – моя страна, а не ваша.* (Боже упаси, у меня и в мыслях не было каких-либо гегемонистских устремлений!)»

Не спорьте со мной! (Было бы о чем!) Вы такой же, как все мы, здесь сидящие. (Естественно, как и шесть миллиардов обитателей планеты, включая пассажиров автобуса.) Вы ведете себя как африканец, как свой, как родственник или друг. (Это, конечно, гипербола, но в данном случае приятная.) Поэтому я просто обязан взять с вас за проезд ровно столько, сколько предусмотрено государственным тарифом для граждан нашей страны – 125 седи, и ни одним больше. А эту тысячу оставьте, когда поедете на легковом такси. Или вы теперь будете всегда ездить с нами?» (Общее веселье.) – «Но ведь вы отвезли меня на другую улицу, отклонились от маршрута, сделали ради меня крюк...» – «Это не более чем дружеский жест уважения; ответ на ваше уважение к нам. К тому же маршрут был изменен с согласия и более того – по предложению самих пассажиров, желание которых для меня – закон. Не переживайте! Нам некуда спешить. Мы живем размеренно и спокойно, не то что вы, европейцы. А потому времени у нас много. На все хватает. Даже остается. Так что всего хорошего, друг!»

Таксист предлагал клиентам не плоды своего труда или щедрой африканской природы, как торговцы на рынке, а транспортную услугу. Однако нетрудно заметить в его отношении к пассажирам и деньгам изначально благородные черты первозданного традиционного гуманизма, наивного и чистого в своей незатейливой простоте. Те самые черты, которые в индустриальной цивилизации Запада напрочь исковеркал и изувечил «дикий» капитализм, заставляя теперь мучительно искать новые замысловатые пути к давно утраченному «старому» отношению людей друг к другу и к природе не обязательно через деньги, как бы «рядом» с ними и по возможности миную их.

Будь моя воля, я бы специально для европейских посетителей вывесил над африканскими рынками фольклорный сюжет самого крупного в Нигерии народа, йоруба, который можно перевести как «Прорицание». Привожу смысл этого текста:

*Мудрость – вот красота человека.
Деньги не помешают ослепнуть,
Деньги не помешают оглохнуть,
Деньги с ума сойти не помешают.
В любой части тела гнездятся болезни.
Так что ты лучше пойди и подумай,
Пойди и подумай и выбери мудрость.
И жертву принеси, чтоб во всем твоём теле
Мир воцарился внутри и снаружи.*

Человек для денег или деньги для человека?

Эти переозданные и кажущиеся наивными представления о роли денег в обыденной жизни людей обретают удивительно актуальное звучание в эпоху, когда вещный и тем более золотой эквивалент универсального средства сравнения и обмена продуктов, товаров и услуг на глазах «испаряется» из виртуальных финансовых и банковских операций. Романтические и религиозные покровы с многих возникших в эпоху индустриализма экономических процессов спали, обнажился их антигуманный смысл. В странах «золотого миллиарда» и особенно в их отношениях с остальным миром отчетливо выявилась денежная доминанта межличностных и международных отношений. Человек существует как бы в роли марионетки всемогущих, вездесущих, становящихся невидимыми и незримо все контролирующих денег. «Цивилизованные» отношения между людьми явно либо подспудно опосредуются деньгами, обретающими огромную власть над людьми. «Невидимая рука» пронизанного электронной глобальной рынка жестоким скальпелем давно уже несправедливой конкуренции, безостановочной гонки за прибылью во что бы то ни стало, неутолимой жадности наживы ампутирует целые пласты человечности даже у граждан экономически развитых государств, цинично превращает в дешевый источник природного сырья и интеллектуального грабежа страны с переходной экономикой, ставит на грань вымирания народы стремительно нищающего «четвертого мира», грозящего стать очагом планетарного отчаяния, экстремизма и терроризма.

Да и сами деньги в эпоху информационной экономики меняют не только свой внешний купюрно-монетарный облик, но и глубинный социальный смысл. Лучшие умы человечества давно и упорно размышляют над тем, как вернуть деньгам хотя бы относительно справедливую «цену». А также присущую им на заре возникновения роль связанного с реальным производством гибкого и психологически адекватного социального регулятора хозяйственных отношений и связей, исключающих тотальную дискриминацию миллиардов людей кучкой из нескольких сотен сверхбогатых финансовых кланов, до блеска отточивших ремесло «производства» денег из денег, вне зависимости от реальных проблем и нужд человечества. Из ежедневно «прокручиваемого» в банках мира триллиона долларов только десятая часть непосредственно связана с обслуживанием производства и потребления. Остальные воспроизводят сами себя. А поскольку закон сохранения является универсальным источником немалой прибыли для банковской системы,

фактически оплачивает эти финансовые сальто-мортале все остальное человечество. Недаром банки и корпорации даже визуально отгородились от обычного люда не только до зубов вооруженной охраной, но и бронированными затемненными стеклами, как бы отсекая виртуальное Зазеркалье своих финансовых придумок и замысловатых причуд от реальной жизни простых людей.

Кстати, наличные деньги в их оторванном от реальной стоимости виде являются непосредственной питательной средой большинства видов преступности и терроризма. Известно выражение: терроризм – это не война, а бизнес. В этом ключе показательна связь соотношения оборота наличных и безналичных денег с уровнем уголовных правонарушений. Если индекс России принять за 100, то в США он равен 10, в Австралии – 1,5. А в Сингапуре – 1! Совпадение в уровне криминализации отчетливо прослеживается по обеим номинациям!

По мнению известного писателя-футуролога Артура Кларка, единицей и эталоном денежного «измерения» и сопоставления основных факторов социальной жизни должен стать универсальный и легко измеряемый продукт и предмет современного производства и потребления – *киловатт-час электроэнергии*. Кстати, эта идея привязки денежного содержания к основным компонентам хозяйства вкупе с осуждением «бесхозяйственного» паразитического ростовщичества прозорливо прописана А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин». Я имею в виду его размышления о том, «как государство богатеет и чем живет и почему, не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Свое отношение к ссудному проценту, ставшему два века спустя глобальным средством надгосударственного управления, мудрый поэт выразил метафорами, не оставляющими на этот счет никаких сомнений.

*Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.
Горячий капал жир в копченое корыто
И лопал на огне печеный ростовщик.
...Сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников сосал сей злой старик
И их крутил безжалостно на нашем свете.*

Каждый из нас, задумавшись, легко найдет тьму примеров того, как деньги, особенно взятые или отданные в долг, становились помехой и искривляли или, как минимум, напрягали отношения с другими людьми, в том числе и с самыми близкими.

Вот почему я испытывал непонятный, мне самому поначалу подспудный духовный комфорт, когда волею случая оказывался среди простых африканцев. Для многих жителей Африканского континента до сих пор отношения людей друг к другу – это одно, а товарно-денежные отношения – нечто *иное*, рядом лежащее, будто отдельный, хотя и не отделенный китайской стеной от остальной жизнедеятельности фрагмент их нынешней жизни. Или, как мудро резюмировал содержание одной из взрослых телепередач мой трехлетний внук Саша: *«Деньги – не главное в жизни. Главное – соблюдать закон»*. А немного подумав над сказанным, разъяснил: *«Здоровье, например, важнее денег»*.

Словом, не **человек** для денег, а деньги **для человека!**

ОБЩЕНИЕ ДУШ ИЛИ АГРЕГАТ ИНДИВИДОВ?

«Ядро» любого архаического общества – община. Изворотливо трансформируясь в русле тенденций неолитической эпохи, забившись в наименее затронутые прогрессом экологические ниши периода машинного производства, древние институты общины сегодня соседствуют с новейшими поколениями компьютеров, как бы бросая из глубины веков вызов величественного покоя сверхскоростным суете и гонке нашего времени. Перефразируя гениальный парадокс Гераклита, об общине можно сказать: попадая в различные природные и исторические условия, она, конечно, «течет» и изменяется сообразно им, но, *изменяясь в деталях, в главном остается прежней*. То есть сохраняет свои основные свойства как трансквилизационного феномена вплоть до разрушения и/или интеграции в некую иную социальную систему: восточные деспотии, античные полисы, феодальные сословия, цехи и торговые гильдии, сельскохозяйственные и промысловые кооперативы в рамках индустриальной цивилизации и т. п.

Корни традиций взаимопомощи

В недрах классического первобытного строя распад родовой общины вел к гибели «освободившихся» индивидов либо к их ассимиляции в других однородных коллективах.

На Древнем Востоке конгломерат общин, надобщинных и квазиобщинных (ремесленные корпорации и касты) объединений, а также «выпавших» из общинных структур индивидов функционировал в рамках гигантской сверхобщины – централизованной **системы восточного деспотизма**, унаследовавшей и гипертрофировавшей многие черты классической общины. В конфедерациях индейских, зулусских и ашантийских пле-

мен, в кочевых «империях» Центральной Азии объективный процесс централизации «вырывал» из противоречивого дуализма общины иные грани. Здесь были выработаны (на базе опять же общинных традиций) **принципы военной демократии** как специфической переходной формы социального общения и консолидации. В Африке ярчайшим примером этого является «полковая» организация зулусов эпохи их военного столкновения с англичанами¹.

На периферии рабовладельческого Средиземноморья освобождение индивидов от общинных уз обычно было связано с перспективой их превращения в рабов. Это относится и к раннему Средневековью в том плане, что продукты распада общины пополняли число крепостных и иным образом лично зависимых людей. В то же время рабовладельческий полис и феодальная вотчина в превращенной (скорее, даже в «перевернутой») форме несли в себе черты и символы социальной консолидации, созвучные классическим общинным. Это относится и к корпоративности господствующего класса, и к некоторым квазидемократическим формам его связи с «низами». Что касается самобытных цивилизаций Африки южнее Сахары, где взаимосвязанные тенденции развития неолитической цивилизации «на рабовладение» и «на феодализм» так и не кристаллизовались в более или менее «чистом» виде, то молодая африканская наука акцентирует самобытность цивилизационного развития своих этносов, в пику их «вписыванию» в созданные европейской наукой классификационные схемы. Часто крен делается в сторону утопической идеализации «своего» далекого и в то же время такого «близкого» прошлого, находящегося подчас в нескольких милях от столицы или даже на ее окраинах.

Председатель Международного научного комитета по подготовке «Всеобщей истории Африки» профессор университета в г. Найроби Б.А. Огот написал, например, в преамбуле к ее первому тому, что «Всеобщая история Африки» есть «...прежде всего история идей и цивилизаций, обществ и учреждений» и что она, «показывая настоящее лицо Африки, может в эпоху, когда господствует экономическое и техническое соперничество, предложить особую концепцию человеческих ценностей»².

¹ См.: Брайдант Л.Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, гл. XII. С. 307 и др.

² Histoire generale de l'Afrique // Metodologie et préhistoire africaine. P.: UNESCO, 1980. P. 16.

Боязнь оставить впечатление об африканских народах как о лишенных будто бы оригинальности «попугаях Истории» способствует в научном творчестве известного историка из Буркина-Фасо профессора Жозефа Ки-Зербо с признанием того, что общая основа развития всех отрядов человечества принципиально одна и та же, что ею является прогресс производительных сил и орудий производства прежде всего. Однако сходство исторической эволюции Европы, Азии и Африки заканчивается, следуя его точке зрения, на стадии первобытной цивилизации. При общей однотипности законов последней на всех континентах, в Африке, в отличие от Европы, результаты дальнейшего развития оказались существенно иными. Здесь так и не появилась частная собственность на землю, государство не стало чисто управленческим аппаратом. Основой жизни было взаимодействие людей с природой, а не борьба друг с другом, как в Европе. А потому главной формой социальной консолидации осталась община – средоточие исконных навыков коллективизма, обычаев взаимопомощи и гуманистических настроений¹.

Видный сенегальский историк Шейх-Анта Диоп в течение многих лет отстаивал идею о том, что мирное сотрудничество и взаимовыгодный обмен своей продукцией профессионально-ремесленных каст являлся специфически африканской антитезой, «заменой» ожесточенной борьбы классов, характерной для Европы². Аналогичный оттенок приобретает оценка каст древнего Мали под пером Бокара Н'Дизе, посвятившего этому институту специальную книгу³. В африканских обществах, утверждает Ш.-А. Диоп, стремление к накоплению было притуплено, если не отсутствовало вовсе (что вполне естественно, учитывая качественно иной, чем в Европе, уровень развития производства и натуральности хозяйства). Поэтому, по его мнению, исконно африканский коллективизм естественно противостоит «индоарийскому индивидуализму», насильственно имплантируемому в структуру массового сознания населения континента.

Б.А. Огот дал компактное изложение социальных факторов, которые лежат в основе традиционных непреходящих ценнос-

¹ Ibid. P. 776.

² *Diop Ch. -A. L'Afrique Noir précolonial.* P., 1960. P.119. Тезис о предшествовании в Африке семье роду этот автор развивает в другой работе: *Diop Ch.A. Civilisation au barbarie.* P., 1981. P. 142.

³ См.: *N'Diaye B. Les castes au Mali.* Bamako, 1970.

тей негро-африканского духа и составляют принципиально непостижимую для европейского ума (по его мнению) специфику самобытных цивилизаций континента. Это зависимость индивида от общины (в противоположность западному индивидуализму), коллективная собственность на землю, общественная организация труда, участие различных социальных групп – родовых, возрастных, гильдий, тайных обществ и т. д. в процессе подготовки решений¹. Нетрудно увидеть в приведенном фрагменте стадийно-историческое, а вовсе не одно только локально-территориальное содержание.

«Африканский способ производства»

Предприняты попытки отразить специфику исторической эволюции народов доколониальной Тропической Африки в русле разработки гипотезы особого, неведомого ни Европе, ни Азии, ни Америке, так называемого «африканского способа производства». Бросается в глаза однопорядковость этого термина гегелевскому «восточному обществу», а также генетически связанному с ним понятию «азиатский способ производства». Общий у них – континентальный признак в дефиниции. Содержательный анализ выявляет наличие в обоих случаях в качестве основной социально-экономической ячейки замкнутых автаркических деревенских (крестьянско-ремесленных) общин и переходный от первобытных отношений к классовым антагонизмам характер общественного строя.

Впервые в научный оборот «африканский способ производства» ввела Катрин Кокри-Видрович, полемизируя с попыткой Ж. Сюре-Канале использовать для реконструкции самобытной африканской государственности Марксову гипотезу «азиатского способа производства»². В ответ К. Кокри-Видрович сочла целесообразным назвать специфическое сочетание патриархально-общинной экономики натурального типа с монополией этноплеменной верхушки на распоряжение внешнеторговыми контактами всего общества «африканским способом производства». Она увидела отличие его от «азиатского способа производства» в преобладании косвенной эксплуатации общин

¹ См.: *Ogot B.A. Reintraducing the African Man into the World Traditional Communalist and European Socialism in African Polities // East Africa Journal. 1968. № 8.*

² *Suret-Canale J. L'Afrique Noire occidentale et centrale: geographie, civilisation, histoire. P., 1958. P. 94.*

в виде присвоения части их избыточного труда и избыточного продукта путем централизованной организации внешней торговли на большие расстояния, а не прямого изъятия их со стороны деспотического «верховного единства». Того, которое выполняло в древних цивилизациях Азии функции организации общественных работ в громадных масштабах. В Тропической Африке, согласно концепции «производства через торговлю», не было деспотизма и широких общественных работ по ирригации или строительству престижных сооружений. Каналом зарождения эксплуатации (при наименьшей в мире способности сельского хозяйства создавать избыток годной для хранения и транспортировки продукции) стало, в отличие от «поголовно-го рабства» населения восточных деспотий, не прямое господство этноплеменной верхушки над общинами в сочетании с вовне ориентированным обменом, по значению «сравнимым с формой производства и противоположным циркуляции товаров внутри данных обществ»¹.

Обобщая результаты двадцатилетней дискуссии, доктор исторических наук Владимир Александрович Попов систематизировал в модели «африканского способа производства» такие признаки, как: полная монополия государства на экстравертный обмен; отсутствие частной собственности на землю; общинная собственность на средства производства; косвенная эксплуатация общин (данничество); перераспределение в потлачевидных формах; домашнее рабство; социальная стратификация на управителей и управляемых; раннее государство².

Особенно резко принципы цивилизационного устройства народов Африки и Европы противопоставлены Л.С. Сенгором. В качестве фундаментальной основы исторической специфики африканских народов он выдвинул своеобразный критерий симбиоза различных социальных групп: европейское общество является расколотым, дихотомическим, в то время как африканские социумы – общества взаимного участия (поддержки), коммуникативности. Их сущность – не конгломерат «договаривающихся» индивидов, а общение душ³. Другая линия разграниче-

¹ Coquery-Vidrovitch K. Recherches sur mode de production africaine // La Pensée (Paris). 1969. № 144; African social studies. A radical Reader. N.Y.; L. 1977. P. 77–90.

² Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М.: Наука, 1990. С. 46, 196.

³ Senghor L.S. La poesie de l'action: conversation avec Mohamed Aziza. P., 1980. P. 24, 143.

ния проходит в сфере образа жизни, его привычно-ценностных ориентаций. Так, *«для европейцев, – по Сенгору, – характерна забота об эффективности»*, в отличие от африканцев, традиционно настроенных на гуманизм, заключенный в гармоничном следовании социально-природным ритмам жизнедеятельности в русле мудрых «заветов предков». Ведь для них видимые процессы всегда были важнее скрытых временем результатов нетрадиционного поведения, а эффект пунктуального повторения прошлого опыта и до сих пор считается надежнее новаций.

Отсюда – шаг до провозглашения концепции негритюда и неукротимой веры в существование особой внеисторической негро-африканской души – средоточия коллективизма, гуманизма, добродетелей, антитезой которой выступает в качестве источника эксплуатации, угнетения, агрессивности, антагонизма и индивидуализма европейский характер и порожденная им западная цивилизация. По этой причине, в отличие от Европы, где путь к социальной справедливости лежит через баррикады и революции, в Африке наиболее приемлема в свете ее психологических традиций именно эволюция как форма коренных преобразований. Если светлое будущее Европы может лежать за кровавой полосой ожесточенной классовой борьбы и гражданских войн где-то впереди, то, напротив, истинный, естественный, представляемый в виде руссоистского «золотого века» африканский социализм в принципе находится «позади» нынешнего этапа истории. К нему не надо идти. К нему достаточно вернуться. Он – там, в общине, где все трудились и делились плодами трудов своих, чтит мудрые заветы предков, где никто не мог разбогатеть, но никто и не умирал с голоду в одиночку.

Родство и богатство

Иной аспект проблемы анализа самобытных цивилизаций Африки затронул видный кенийский политолог, работающий в США, Али А. Мазруи. Он сформулировал кажущееся парадоксальным объяснение сути психологического механизма общественных антагонизмов в Африке. Так, по его мнению, недовольство и возмущение масс возникают вследствие постоянно сохраняющейся близости «новых» богачей к их близким родственникам, а не вследствие определенной социальной дистанции между ними¹. Методологический ключ к пониманию данно-

¹ См.: *Mazrui Ali A. Cultural Engineering and Nation Building in East Africa*. Evanston, 1967; *Id. The Africans & Triple Heritage*. L., 1986. P. 21, 201 etc.

го явления Али А. Мазруи видит в специфическом для Африки феномене «трансклассового человека». Эта фигура, незаметная в тени традиций и в лучах модернизации, резко выступает на сумеречном небосклоне переходного общества.

Колоссальная стагнация социально-экономической жизни большинства африканских стран обусловлена преобладанием наиболее примитивных традиций, характерных для ранних ступеней неолитической цивилизации, сводящихся к удовлетворению самых элементарных жизненных потребностей и адекватным им формам деятельности. Наличие значительного пласта общинных структур, деформированных колониализмом, объективно порождает своего рода «тягу назад», к утопически идеализированному первобытному строю, отчасти к иллюзорным канонам мединской общины.

В целом традиционный тип социальной ориентации, наиболее рельефно проявляющийся в статичности отсталых аграрных стран Экваториальной Африки, в социально-психологическом и политико-идеологическом плане опирается на идею «возврата» к прежним формам жизнедеятельности, в рамках которых индивид не мог разбогатеть, но и не умирал с голоду. С позиций такого мировоззрения беды сегодняшнего дня нетрудно представить как результат отступления от испытанных веками «обычаев предков». Направленность на аграрно-ремесленный уравнительно-аскетический «общинный социализм», который находится не впереди, а «сзади» по отношению к нынешнему положению вещей, персонифицирует и стремится воплотить в жизнь трибалистская аристократия и общинная верхушка. Эту идею активно эксплуатируют политические авантюристы, демагогически использующие невежество и стихийное стремление к эгалитаризму (в том числе аскетическому) деклассированного люмпенства, как это было, например, в Уганде периода кровавой диктатуры Иди Амина. Родо-племенную верхушку и ее камарилью до поры до времени устраивают примитивные формы социального паразитизма и эксплуатации масс под покровом традиций, сохранившихся от первобытной общины. Почвой данной тенденции выступает ранненеолитический уровень хозяйства и обусловленная им социальная индифферентность, заскорузлость сознания общинников, у которых перспектива перемен вызывает мистический страх. *«Крестьянину, – тонко заметил Ж. Сюре-Каналь, – очень трудно представить себе общество, отличное от того, которое он знает, а тем более предположить, что оно будет лучшим»¹.*

¹ Sure-Canale J. La Republique de Cuinee. P., 1971. P. 241.

Боязнь будущего, точнее, изменений которые оно может принести, психологически подпитывается подспудным ощущением тупиковости нынешнего развития континента. В такой ситуации для африканца воистину лучшей новостью выступает отсутствие новостей¹.

Только с позиций тянущегося из глубин истории африканского менталитета понятен специфический, так называемый «танзанийский прецедент»: на всенародных выборах в местные органы власти кандидаты, обещавшие своим избирателям изменения, направленные на улучшение их жизни, неизменно проваливались, а выборы выигрывали те, кто предлагал свято соблюдать и защищать от нововведений традиции предков.

Традиционные семейно-клановые структуры находятся в состоянии глубокой стагнации. Попытки абсолютизировать их «внутреннее совершенство» и отгородиться от хода истории, замкнувшись в мире реликтов первобытной цивилизации, объективно наивны. Это иллюзорный в своих целях и идеалистически-просветительский в предлагаемых средствах тип социальной ориентации. Степень «проникновения» мировых тенденций в судьбы отдельных народов неуклонно нарастает, а потому он зачастую служит лишь удобной ширмой обуржуазивания общинно-племенной верхушки.

Более взвешенную позицию занимает профессор Али Мазруи. Отказываясь от *«проклятия предков, нависшего над континентом»* и призывая *«признать, что король модернизации гол»*, он видит иной судьбу общинных традиций: *«Африка никогда не сможет вернуться к своему доколониальному отправному пункту, но возможен, по крайней мере, частичный возврат для восстановления контактов со знакомыми ориентирами прошлого и начала движения в направлении модернизации под действием местных импульсов»*².

Колониализм и община

Хотя эпоха колониализма в принципе обрекла общину на гибель, она и сегодня еще остается формой локальной консолидации сотен миллионов людей. Конкуренция, предпринимательство, частная собственность, индивидуализм, прибыль, кредиты, инвестиции, «далекая» и в основном виртуально ося-

¹ См.: *Andriamanjato R. Le Taïny et le Tudy dans le pensée malgache. Antananarivo, 1982. P. 83 etc.*

² См.: Африка: многовариантность развития. М., 1997. С. 23.

заемая государственная власть трудно поддаются ассимиляции в общинных структурах, а капитал не «впитывается», а лишь проедается ими. Все новации такого рода либо «отталкиваются» общиной, либо разрушают ее. Фетишистское сознание допускает замену фетишей (старейшина – вождь племени – фараон – Бог и т. п.), но не самих принципов традиционного фетишизма, основанных на жестко-однозначном примате личностных отношений над вещными. Однако, отрицая общину как принцип социально-экономической консолидации, рыцари рыночной экономики и бюрократическая буржуазия охотно «терпят» ее на периферии ранее колониальных стран и даже пытаются приспособить для решения экономических (резерв дешевой рабочей силы, традиционная форма содержания нетрудоспособной части населения и т. п.) и политических проблем (поддержка племенного сепаратизма, создание этнических партий, клановость в руководящих структурах и т. д.).

Разумеется, община в Тропической Африке подверглась социальной и психологической трансформации: системы деревенских и туземных вождей, прямого и косвенного управления, глумление над местными традициями, а затем лицемерное признание их и интерпретация в духе сближения с классическими нормами буржуазной политической жизни и т. п. Недаром простонародный сленг отразил этот феномен в терминах «тракторная буржуазия» (Гвинея), «телефонные фермеры» (Кения), «фермеры-джентльмены» в ряде других африканских стран. Стандарт колониального сознания подгонялся под мерку традиционного «послушания» старейшинам, которых либо превращали в служащих колониальной администрации (во французских колониях), либо заменяли ими (в английских колониях). В первом случае «авторитет» и власть традиционных вождей поддерживалась искусственно, во втором – происходила подмена фетиша. Словом, африканская община является скорее квазиобщиной, ибо значительная часть составляющих ее индивидов (отходники, государственные служащие, торговцы, городские жители и т. п.) лишь формально абонируют «свои» места (ячейки) традиционной структуры, фактически находясь большую часть жизни вне ее.

Сохранению африканской общины способствовала ее изолированность от других, ей подобных. Это специфическое сочетание экономической автаркии и социально-психологической обособленности дает основание и сегодня квалифицировать африканскую общину как своего рода микрокосм.

Не претендуя на аналогии с русской историей, правомерно отметить типичность данного феномена в определенных социальных условиях. В частности, Г.В. Плеханов высказал тезис о том, что усиление централизации, начиная с Ивана Грозного, постепенно привело к тому, что к петровскому времени «подневольный быт русского крестьянина стал как две капли воды похож на быт земледельца великих восточных деспотий». *«Надо думать, – развивал он эту мысль по отношению к началу XV века, – что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» и дьяка... одного из египетских фараонов, скажем, XIII династии, и совершила бы путешествие в Москву, то, в противоположность западному барону Гербертштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти, весьма близкие к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране»*¹.

В новом ракурсе эту аналогию реанимирует В.В. Бочаров. *«Египтолог, например, без труда, – по его мнению, – усмотрит немало тождественного в организации властных отношений в Древнем Египте за несколько тысяч лет до нашей эры и в стране “победившего социализма” конца XX века»*². Как отметил В.Г. Хорос, российскому исследователю, пожелавшему сличить прошлое своей отчизны с идеологическими клише и социально-психологическими реалиями современной Африки, *«может показаться, что происходит какой-то непрерывный перевод с русского»*³.

Что же выступает основой такой мощной адаптации явно реликтового социального института? Взаимодействие полярно противоположных и столь же нерасторжимо связанных друг с другом патриархально-общинных и парцелльно-общинных структур. Генетически оно обусловлено кровнородственными и функционально-корпоративными связями, закономерно зародившимися в недрах исходной ячейки истории – родовой общины.

Словом, движущей силой эволюции общины выступали вызревающие в ее недрах частная собственность и генезис по-

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XX. М.; Л., 1925. С. 72, 79.

² Бочаров В.В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме иррационального в политике) // Околдованная реальность (Мир африканской ментальности). М.: Наука, 1994. С. 125.

³ Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.

тестарно-государственной власти. Втягивание общин в обмен, затем в рыночную и, наконец, в качестве поставщиков сырья на периферию индустриальной экономики, охватывает все более широкий круг объективных, а затем и субъективных предпосылок традиционного общественного производства. Усиливающаяся власть, опираясь на культ предков и распоряжение старейшинами от «их имени» свободным от задач непосредственного жизнеобеспечения временем общинников, в свою очередь, маркируют их социальный статус, сдерживая столкновение конкурентных хозяйственных и экономических интересов.

Реликты общественной собственности на землю опираются на традиции исконно уравнительного регулирования совместного труда и хозяйственной взаимопомощи, подкрепляемые архаической ментальностью. В ней же коренятся традиционные «образцы» поведения общинников. Их коллективизм в обоих своих ипостасях имеет специфический квазигенеалогический и связанный с ним социально-этологический контекст. В обыденной жизни африканец скрупулезно оказывает многочисленные почести умершим, способствуя их благополучию в «том» мире. В свою очередь, прозорливые и благодарные предки приходят (обычно по зову колдуна) с советами и помощью не только к «смертным», но и к тем, кто еще не родился, включая заботу о сохранении традиционных флоры и фауны, миропредставлений и ритуалов.

Только все поколения, вместе взятые, солидарно решают проблемы использования «родной» земли. Сама мысль о возможности ее предоставления чужим, раздела, а тем более приватизации представляется африканцу кощунственной, ибо она является совместной собственностью множества людей, включая тех, кого уже или еще нет среди живущих. Поэтому африканское крестьянство столь болезненно воспринимает переход в индивидуальную собственность земельных участков, водных источников, лесов и рощ, а бушмены, например, противятся проведению на их землях коммерческих туристических сафари. Отсюда – тщательно регламентируемая обычаям коллективная забота о гармонии с животным и растительным миром, который передан предками и завещан потомкам. Но и здесь нашлась лазейка для неотвратимых социальных перемен. Вполне возможно стать собственником кустов и деревьев, растущих на общей земле: ведь в их выращивание и уход за ними вложен труд конкретных индивидов и даже целых семей. К тому же кусты и деревья, как и домашние животные,

не вечны. Ими не пользовались духи предков, и не будут пользоваться далекие потомки. Со временем они «уходят», как и люди, в отличие от «вечной» земли.

Солидарная ответственность перед теми, кого уже или еще нет среди живущих, выражается и в том, что решение ключевых вопросов общинного бытия, включая межличностные отношения и общественные дела, обычно осуществляется смертными перед «лицом» значительно более многочисленных умерших и неродившихся. Харизму культа предков, которую персонифицирует совет старейшин, уравнивает институт «первобытного парламентаризма», называемый *палабром*. Обычно он отождествляется с деревом согласия, как правило, с символом вечности – баобабом, под которым (или при его отсутствии в хижине с двумя входами-выходами) совещаются вплоть до достижения завещанного предками единогласия все прошедшие инициацию мужчины, а иногда все взрослое население деревни либо представители различных селений.

Дуализм общины (земля – флора и фауна, харизма – палабр и т. п.) в различные эпохи, в конкретных условиях и ситуациях «обнажает» те или иные свои грани, реализуется в специфических формах и становится почвой разнородных социальных процессов. По мере изменения исторической среды меняется не только удельный вес, характер взаимодействия, но и специфика личностных и вещных отношений в общине. Не только эффективность, но и принципы действия механизмов общинного регулирования (девальвация традиций, насыщение прежних ритуалов новым содержанием, использование символов этноплеменной солидарности в процессах политической или национальной консолидации и т. п.). Вместе с тем их устойчивость, помимо хозяйственной автаркии и ритуально-психотропного характера властного регулирования, обеспечивается высокой адаптивностью к изменяющимся условиям. Эта универсальность примитивных неспециализированных механизмов общения и консолидации объясняет их колоссальную способность к самовосстановлению, к заполнению «ячеек» традиционных производственных, социальных и идеологических структур новыми элементами.

Дуализм общины – социальный феномен, своеобразно преломляющий сквозь традиционные институты и кристаллизованные в них тенденции прошлого противоречивые внешние воздействия современности. Влияния исторической среды как бы «давят» на те или иные «клавиши» и обычно стимулируют тот или иной из полюсов внутреннего дуализма общины, соответ-

ственно подавляя другой. В обоих случаях община трансформируется в качественно новое состояние.

Патриарх или парцелла?

Для более четкого различения родственных и «деловых» отношений автором предложено структурно-функциональное выражение дуализма общины в виде антиномии **патриархально-общинных** (несущих в себе значительные пласты родовых, кровнородственных отношений) и **парцелльно-общинных** (соседских, сотруднических на взаимно-компенсационной, договорной основе).

«Патриархальность» в данном контексте употребляется как символ и наиболее устойчивый реликт кровнородственных, семейных, а также квазиродственных связей, искусственно-родственных отношений, основанных на власти традиционного харизматического лидера – воплощения и хранителя культа предков.

«Парцелла» тоже не сводится в примененном словосочетании к участку земли, принадлежащему малой семье, ее главе или любому из ее членов. Парцелльность как социальное качество означает тенденцию более или менее явного крена от властных отношений к собственническим – к более динамичному полюсу общинных связей. Ведь именно он открывает индивиду (малой семье) перспективу ослабления власти традиционной геронтократии и приобретения определенной свободы действий, в частности, путем интеграции в товарно-рыночные структуры. В экономическом смысле аналогом парцеллы может быть отара овец, рыночный ларек, лоток коробейника, дом и усадьба, колодец и арык. Генетическим прологом парцеллы вполне допустимо считать зарождение автономной от общины собственности на жилище и домашнюю утварь, деревья и кустарники, поле, скот и воду, появившиеся и кристаллизовавшиеся как сгустки социальных отношений в недрах изначально общественной собственности на землю.

В рамках африканской общины одни и те же люди обычно участвуют в двух различных системах социальных связей, которые изначально взаимодействуют как формальная (кровнородственная) и неформальная (функционально-корпоративная) организации. Первая имеет своим основанием канонизированные отношения родства, в том числе искусственного, социального в большей степени, нежели биологического. Вторая охватывает принципиально внеродственные локальные (обыч-

но называемые соседскими) формы кооперации труда и средств производства.

Община как первичная ячейка социальной организации не-сет в себе ростки и деспотической, и демократической тенден-ций общественного регулирования и контроля. Эволюция общи-ны как хозяйственной ячейки объективно связана с двумя взаимно дополняющими друг друга тенденциями генезиса эксплуатации – отчуждением прибавочного труда и отчуждени-ем прибавочного продукта¹.

В недрах родственно-патриархальной системы преимущес-венно личных связей эксплуатация и угнетение складывались в форме отчуждения верхушкой прибавочного продукта основ-ной массы общинников. В сфере соседско-деревенских инсти-тутов, ядром которых долго остаются традиции коллективных работ, эти же крестьяне нередко эксплуатировались кулацко-ростовщическими элементами путем отчуждения их прибавоч-ного труда.

В рамках патриархально-общинных отношений власть на-следственных традиций старейшин («командование» людьми через регулирование их «свободного» времени) обычно служи-ла основанием для распоряжения главными средствами про-изводства: свободным земельным фондом, водой, пастбища-ми. Напротив, в парцелльно-общинных структурах формирую-щаяся частная собственность на основные средства производ-ства (скот, землю, воду) зачастую становилась предпосылкой власти над людьми, генетически вырастающей из потребности регулирования общественного бытия. В первом случае почвой эксплуатации выступают архаические родоплеменные тенден-ции общины и связанные с ними традиции «родства» бедняка и богача, на страже которых стояли суровые, казавшиеся веч-ными и незыблемыми обычаи предков. Во втором случае ку-лацко-ростовщическая верхушка, используя экономические рычаги (индивидуальное богатство) постепенно, но неуклонно захватывала в свои руки назначение старейшин и других долж-ностных лиц общины.

Деревенские жители многих стран Тропической Африки по сей день одновременно втянуты в две противоположные сис-темы социальных отношений и связей. Одна из них пирами-дальна и этим напоминает миниатюрный слепок сакрально-

¹ Andreev I.L. The Genesis of Exploitation: Trends and Stages. (XIII th International Congress of Antropological and Ethnological Sciences. Chica-го, 1973.. P. 39 etc.)

деспотической структуры власти древневосточного типа: вождь – старейшины – главы семей – взрослые мужчины – подростки – выходцы из других местностей, племен, этнических групп. Другая система – эволюционно более молодая, а потому существенно динамичнее первой. Ее ядро – коммерсант-кулак, узурпировавший связи с рынком и административными органами, а также распоряжение поступающими от последних кредитами, техникой, семенами, удобрениями и т. д. Вокруг него располагаются соответственно степени зависимости: подкулачники – батраки – кабальные должники – держатели временных ссуд – потенциальные должники и работники. В Танзании по признаку преобладания в деревне той или иной из названных систем отношений различаются родственно-патриархальные общины (*коммьюнити*) и соседско-деревенские (*виллидж*).

Не улавливая генетической связи (и бесчисленных форм перехода друг в друга) традиционных структур, средоточием которой является феномен дуализма общины, трудно не только объяснить различную эффективность проводившейся танзанийским правительством кампании по созданию «социалистических деревень» (*уджамаа*) в районах товарного и самообеспечивающего сельского хозяйства, но и дать адекватную оценку самому многообразию «ликов» крестьянской общины. И если сенегальский исследователь Тьерно Амаат сокрушается, что *«разнообразие социальной структуры даже в какой-то небольшой отдельно взятой области не дает возможности сделать вывод, исходя из одной модели»*, то бывший президент Танзании Джулиус Ньерере, напротив, высказывался в том смысле, что само это разнообразие чаще всего представляет собой не что иное, как местные вариации однотипных традиционных структур. Каждый из них прав по-своему. Единая модель должна быть диалектической. Только тогда она может охватывать внешне противоположные структуры как однотипные, но полярно ориентированные в зависимости от характера социальной среды.

Подавляющая часть деревенских жителей в странах Африки до сих пор связана общинными узами. В этих условиях совершенно закономерным представляется то обстоятельство, что африканская община продолжает оставаться одной из главных форм общественной организации. 60–80 % населения Тропической Африки в целом и 80–90 % населения Нигерии, Эфиопии, Сомали, Нигера, Буркина-Фасо, ЦАР, Мали, Чада, Заира, Ботсваны и целого ряда других стран по-прежнему являются членами общин. Некое социальное целое, единство, «класс в себе», распыленное по общинам, изолированным одна от дру-

гой, крестьянство образует лишь в силу объективной одинаковости общественных и природных условий существования многих однотипных социальных ячеек. Простым сложением одноименных величин, вроде того, как мешок картофелин, согласно метафоре Карла Маркса, образует мешок с картофелем.

Различные виды общин охватывают (исторически и теоретически) довольно широкий спектр типов общественного труда – от в основе своей натурального, обусловленного прежде всего природой производства до хозяйства, ориентированного на рынск, товарного. На одном полюсе – мелкий производитель, общинник, труд которого почти не ориентирован на обмен и местный рынок, на другом – готовый порвать с общиной, сдерживающей его предприимчивость, мелкий товаропроизводитель экспортных культур. Талантливый отечественный африканист и методолог Владимир Александрович Крылов уже в 1977 году предложил считать его работающим на заказ рабочим гигантской «рассеянной» мануфактуры¹.

Вопрос об отношении к традиционным общинно-коллективистским институтам нередко обсуждается зарубежными исследователями (особенно в связи с проблемой кооперирования) под углом зрения альтернативы «Танзания или Кения?». И если одни ставят вопрос: может ли стать не очень удачный опыт развития деревень уджамаа в Танзании примером для всей Африки, то другие склонны видеть в нем путь, в принципе приемлемый для своих стран, в частности для еще более «общинной» Папуа – Новой Гвинеи². В то же время часть африканских исследователей, разочарованных трудностями, встретившимися на пути независимого развития, склонна «винить» во всем общину, рассматривая последнюю как форму социальной коммуникации и хозяйственную ячейку, фатально препятствующую интенсификации сельского хозяйства и его кооперированию, благодаря своей «врожденной иррациональности». Так, справедливо говоря о задачах африканской деревни в области механизации и отмечая несовместимость прогресса сельского хозяйства с консервацией традиционных семейных структур,

¹ Крылов В.В. Традиционализм и модернизация деревни развивающихся стран в условиях НТР // Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977. С. 277.

² См.: Schutte H. Tanzania. A Model for Papua-New Guinea / New Guinea. 1972. Vol. 7. № 1, а также: Andreev I.L., Tumarkin D.D. The traditional communal structures and some problems of the socio-economic development of the Pacific Islands peoples // 13th Pacific Science Congress. Vancouver, 1975.

известный экономист Самир Амин вместе с тем абсолютизирует «целебную» роль частнособственнической инициативы в перспективах преобразования африканской деревни. Взамен создания кооперативов на базе общинных структур он рекомендует *«развивать индивидуализм, освобождать индивида из клетки традиций»*, ибо прогресс в сельском хозяйстве может, по его мнению, идти только через усиление мелкого производства.

Архаическая община «соткана» из противоречий: с одной стороны, она несет, как улитка раковину, древние традиции коллективизма и взаимопомощи, стихийного непосредственного демократизма в решении общественных дел. С другой стороны, принадлежность к стратифицированному обществу видна в «разъедающем» общину имущественном и рангово-статусном расслоении. В постепенной трансформации институтов непосредственной демократии в средство ее эксплуатации извне (как связанной круговой порукой фискальной ячейки) и изнутри (со стороны возвышающихся над общиной геронтократии, вождей и глав семейств). Община уже вырвалась за рамки первобытного социума, но еще не разорвала всех прежних связей с ним, а потому «противится» тенденциям как товарно-рыночной экономики, так и внедрению демократических институтов парламентского типа.

Важной предпосылкой утверждения такого подхода в отечественной науке стало, во-первых, осознание роли общины как основной «клеточки» традиционного общества, а не как досадного пережитка первобытного строя, однозначно мешающего любому прогрессу. И во-вторых, отказ от неправомерной экстраполяции закономерностей и основных этапов классического процесса становления индустриальной цивилизации в Западной Европе на тенденции эволюции освободившихся стран.

В Африке преобладают общинные отношения на большесемейной и родоплеменной основе. Внутри традиционных коллективов сильна власть сакрально-харизматических вождей и геронтократии, имеют место довольно резкое статусное неравенство, жесткая иерархия полов, возрастов, социальных рангов и профессиональных каст; крепки различного рода магические предрассудки, анимистические предписания и запреты¹.

¹ Из работ по данной проблематике особый интерес представляют: Арсеньев В.Р. Звери – боги – люди. М., 1991; Он же. Мали: традиции культуры и проблемы социально-политического развития // Ранние формы социальной стратификации. М, 1993; Он же. Бамбара: люди в переходной экономике. Очерк традиционной организации хозяйственной деятельности. СПб., 1997.

В блестящем этно-правовом очерке Ирины Евгеньевны Силициной «Африканец при жизни и после смерти. Дело С.К. Отиино. Кенийский прецедент» весьма детально и компетентно описано конкретное «сражение» малой и большой семей, гражданского права и дремучих ритуально-обычных процедур, европейской культуры общения и африканских норм «устного права». Кроме того, генезис товарного производства и рыночных отношений в условиях, когда им приходится пробиваться в глубь общества «сквозь» общину, может и должен существенно отличаться от характерного для истории Западной Европы его шествия по расчищенной прежним развитием социальной почве¹.

Пристальное внимание к общине, долгое время бывшей предметом исследования главным образом этнографов, со стороны историков, археологов, философов, психологов, юристов и формирование на этой почве цивилизационной методологии ее анализа способствовали тому, что и в африканистике община стала рассматриваться не как допотопный цивилизационный прецедент, не как «ошибка» истории или иным образом объясняемый атавистический реликт, а как глубинная, корневая, естественная часть многоукладного общества, выполняющая целый спектр общественно значимых, интегрирующих функций в общей системе социальных отношений современных африканских государств. А ведь всего несколько лет назад объективному исследованию аграрных проблем стран Африки очень мешала субъективистская точка зрения. Согласно ей, разложение общины под влиянием капитализма должно было пойти в Африке так же, как это было в свое время в Западной Европе, а сами социальные преобразования африканской деревни рассматривались в контексте данной «директивной» методологии как тривиальные буржуазно-демократические реформы.

Чиновник-бизнесмен

Можно выделить два основных типа социального расслоения населения африканских стран: квазитрадиционного и пробуржуазного. Первый преобладает в районах производства экспортных и технических культур, а также господства парцельно-общинных отношений, опирается прежде всего на использование верхушкой в своих корыстных целях привычных форм коллективно-

¹ См.: Силицина И.Е. В мире обычая. М., 1997.

го труда и взаимопомощи. Второй более характерен для районов производства продовольственных культур и распространения патриархально-общинных структур и, как правило, не может быть адекватно понят без учета влияния на него (прямого и косвенного) товарно-денежных отношений. Первый вариант преобладает в Кении и Камеруне, второй стал почвой развития, по сути, тех же товарно-денежных отношений в Сенегале и Кот-д'Ивуаре, правда, с известным «привкусом» галльской демократичности и скандинавского гуманистического социализма.

Процесс дифференциации сельского населения и генезиса местной буржуазии происходит как вне, так и внутри общины. В первом случае речь можно вести о складывании «на плечах» крестьянства национальной бюрократической «буржуазии», во втором – о генезисе черного фермерства, кулаков, а также ростовщиков, перекупщиков.

Бюрократическая буржуазия, даже не проникая непосредственно в сельское хозяйство, эксплуатирует крестьянство, используя «ножницы» между произвольно устанавливаемыми ею закупочными и мировыми ценами на экспортное сырье. По данным западных ученых, таким путем ей удается присваивать примерно половину стоимости произведенной крестьянами продукции (например, арахиса в Сенегале). Подсчеты автора во время пребывания в нескольких хлопкосеющих странах Западной Африки дали цифру, втрое большую¹. Для сравнения сообщу, что, по моим сведениям, «новые русские» покупают в Африке бананы на месте сбора, но упакованными в картонные коробки по оптовой цене от 0,5 (крупные «планте», предназначенные для варки-жарки в масле) до 3,0 центов США за 1 килограмм тех сортов, что едят сырыми. Насколько этот бизнес может быть прибыльным, каждый может убедиться, сравнив названные мною местные цены с теми, что выставлены в киоске у ближайшей станции метро или автобусной остановки.

Впрочем, иногда бюрократическая буржуазия не без выгоды для себя передает эти «ножницы» транснациональным корпорациям, выполняя при этом (скажем, в Камеруне) главным образом посреднические функции. То же происходит при продаже общинным ассоциациям производителей и фермерам

¹ Из сопоставления суммы, выплачиваемой фермерам за сданную продукцию, с мировой ценой, устанавливаемой Ливерпульской биржей, за вычетом расходов на упаковку, доставку в порт, погрузку-выгрузку и фрахт.

по ценам, значительно превышающим мировые, удобрений, сельскохозяйственной техники и средств защиты растений, ветеринарных препаратов, кормовых добавок и т. п. Кроме того, чиновничество присваивает значительную часть налогов и международной финансовой помощи.

В отличие от бюрократической, складывающаяся в том числе из ушедших в отставку чиновников, сельская буржуазия гораздо более активно паразитирует именно на традициях общинного коллективизма и взаимопомощи. Традиционный вождь и кулаки-нувориши, имея в своем распоряжении больше земли, получают явное преимущество при использовании привычных форм коллективного труда (даровых и весьма дешевых рабочих рук) всей деревни. Кроме того, они в состоянии предоставить работникам-добровольцам обильное угощение, а бедняк стесняется пригласить соседей на помощь, не имея возможности хорошо накормить их после работы. Этим объясняется кажущаяся поначалу парадоксальной закономерность, выявленная В.Г. Растяльниковым на индийских и позже подтвержденная Н.П. Космарской на африканских материалах. Суть в том, что чем беднее мелкое или мельчайшее хозяйство, тем относительно больше чужого труда оно привлекает¹. Короче говоря, беднейшие семьи «выталкивают» лишние «рты» в город, а в период наиболее напряженных сельскохозяйственных работ нанимают батраков, оплачивая их труд за счет переводов, получаемых от своих родственников-отходников, более или менее удачно устроившихся в городе либо иных очагах индустрии. Так своеобразный обмен труда через рынок вытесняет непосредственный обмен живым трудом в рамках общины.

Кстати, обе названные выше группы африканской буржуазии не следует слишком противопоставлять друг другу. Более того, известная конкуренция между ними нередко перекрывается тенденцией их взаимопроникновения. Подавляющее большинство сенегальских чиновников, пробив с помощью закона о национальном благосостоянии брешь в запрете приобретения общинной земли без разрешения традиционного вождя, стали собственниками многих лучших земель, не выезжая из города. Напротив, в Кот-д'Ивуаре сыновья многих сельских буржуа устремились (часто после учебы в СССР) в сферу государственного и административного аппарата.

¹ См.: Космарская Н.П. Деревня Тропической Африки. Особенности эволюции традиционных форм хозяйства. М., 1983. С. 52–59.

Коррупцированная бюрократическая буржуазия, естественно, предоставляет льготные кредиты, дефицитные удобрения, новую эффективную технику в первую очередь выделившимся из общины «крепким хозяевам», становящимся сельскими буржуа. Кроме того, в Сенегале бюрократическая буржуазия ввела так называемый «налог солидарности», связавший общину круговой порукой. Причем примерно 80 % недоимок, покрываемых дополнительными сборами под угрозой отказа правительства выделить общине удобрения и технику, приходится на долю самой общинной верхушки. Кстати, местом сбора основной части урожая главной экспортной культуры Сенегала – арахиса – до сих пор остается *поле среды* (где послушники-мюриды не только по средам, но и в другие дни недели обрабатывают земли мусульманских авторитетов-марабутов), *«поле вождя»* (где работают каждое утро, кроме пятницы), *«коллективное поле»*, а потом уже индивидуально-семейные поля. Что касается Кот-д'Ивуара, то ивуарийская плантационная буржуазия выросла за счет эксплуатации соплеменников на традиционных «полях вождей», позже отведенных под экспортные культуры.

Оборотной стороной выделения из общины разбогатевшей верхушки является процесс вытеснения из нее обезземеленных и лишившихся прочих средств производства, то есть «раскрестьяненных», крестьян. В Западной Европе крестьянин, прежде чем стать рабочим, искусственно разорился, превращался в паупера, с которого жестоко «сдиралась» крестьянская социальная «кожа». И лишь когда у «раскрестьяненного» бедняка оставалась только способность к труду, на него опять-таки насильственно (под угрозой казни на виселице за бродяжничество) натягивалась промасленная блуза рабочего. В Африке еще 40–50 лет назад колонизаторам стоило больших усилий вырвать крестьянина хотя бы на время из деревни, заставить его несколько месяцев или даже недель «побыть» рабочим. Для этой цели были введены денежные налоги и трудовая повинность. Затем по мере разрушения традиционного сельского хозяйства в города хлынул поток временных мигрантов-отходников, так называемых «целевых рабочих».

Пагубным для традиционных общинно-родовых форм консолидации населения оказались не только и не столько акции колониальной администрации. Сама девальвация традиционных стереотипов производства вызывает (в наши дни это видно особенно отчетливо) болезненный для большинства населе-

ния процесс крушения традиционных общинно-племенных структур, резкие сдвиги в территориальном размещении, формах дислокации, профессиональной принадлежности значительных масс людей.

Роль социального механизма, призванного способствовать перемещению их в новые условия производства, быта, общения, играет чаще всего отходничество. С одной стороны, оно показатель прорвавшегося наружу аграрного перенаселения, усугубляемого постепенным повышением технической оснащенности сельскохозяйственного труда (например, замена мотыги упряжкой и сохой освобождает 5–8 пар рабочих рук, а трактор и плуг делают «лишним» труд примерно 30–50 человек) и недовольством молодежи архаическим «идиотизмом деревенской жизни» (оборот К. Маркса и Ф. Энгельса). С другой – отражает объективную потребность растущих городов и промышленных предприятий в рабочей силе, лишенной собственных средств производства.

Отходники, подобно туманности, окутывающие фабрично-заводское ядро формирующегося рабочего класса, как бы мечутся между общинной деревней и гипертрофированно разбухающими за счет люмпенского гетто городами. Усиление эксплуатации со стороны деревенской верхушки – трибалистской бюрократии и кулацко-фермерских элементов, обострение земельной тесноты или проблемы лишних рабочих рук из-за смены монокультуры, лежащей в основе национальной экономики (скажем, хлопка на гораздо менее трудоемкий кофе), – все это выталкивает аморфную массу отходников в города. Этот гигантский социально-демографический маятник расшатывает традиционную общину, но не создает ей замены. Его роль в данном случае деструктивна.

В условиях генезиса товарного производства, рыночной экономики и конкуренции отходники «путаются в ногах» и рабочего класса, и крестьянства. Выступая помехой в отношении первого как нетребовательный резерв дешевой рабочей силы, отходники в тягость и крестьянству. «Выжатые» на частном предприятии, в случае болезни и при наступлении старости они возвращаются на иждивение общины, которой ничего не дали в трудоспособном возрасте. Оставаясь в городе, отходники зачастую окончательно «выбиваются из жизненной колеи» и превращаются в склонный к любым политическим авантюрам *люмпен-пролетариат*, ядро которого составляет преступный мир, образно названный Али Мазруи *люмпен-милиариатом*.

Такая драматическая раздвоенность социального «статуса» отходника, не сумевшего успешно интегрироваться в городскую жизнь, обусловлена его промежуточным положением в системе многоукладного «городского» хозяйства. У крестьянина основными являются естественные средства труда, в первую очередь земля и скот, у рабочего – искусственные орудия, техника. Первый закован в духовный панцирь дедовских традиций, мешающих ему разбогатеть и оторваться от общины, но в то же время обеспечивающих его минимумом пищи и элементарным кровом. Второй вырван из тисков общины и в фабрично-заводских условиях дисциплинируется самим производственным процессом, правилами обращения с техникой, складывающейся профессиональной солидарностью. Отходник уже «выпал» из первой системы, но никак не может «включиться» во вторую. В бывших африканских колониях особенно велика масса таких «раскрестьяненных» крестьян, быстро происходит рост люмпен-пролетариата. Как еще можно назвать людей, душевой годовой доход которых колеблется в пределах 50–75 долларов?¹

Окрепнув за счет общины, бюрократическая и сельская буржуазия нередко совместно – извне и изнутри – приступает к ликвидации общины, ставшей помехой ее дальнейшему, ныне уже буржуазному развитию. В Кении еще в 1965 году был принят партийно-государственный документ «Африканский социализм и его применение в планировании в Кении», где провозглашалась политика целенаправленного разрушения крестьянской общины. Одним из средств решения данной задачи была так называемая консолидация (объединение в одном месте) земель, обрабатываемых индивидом с правом его последующего выхода из общины (так поступали главным образом зажиточные крестьяне и кулаки), другим – выкуп земель европейских колонистов на плодородном Белом Нагорье (путь, удобный для чиновников из города). Законодательные акты о поддержке частных собственников в деревне приняты в Камеруне, Того, ряде других стран. Несколько иным путем этот процесс пошел в Сенегале. Помимо городских чиновников, скупивших часть земель, общину разрушали, разоряя общинников, ростовщики. Не встречая запретов и ограничений со стороны государства и местных чиновников, ростовщики субсидировали крестьян на чудовищных условиях (подчас из расчета 50–70 процентов суммы долга каждый месяц).

¹ См.: Report on the World Social Situation. 1989. N.Y., UN, 1989. P. 119 etc.

«Новые африканцы»: кто они?

Размышляя относительно будущего африканской общины, некоторые исследователи фиксируют внимание на складывающемся в результате законодательных актов противоречии между декларативным и во многом декоративным сохранением общины, с одной стороны, и ослаблением власти вождей и старейшин, с другой. В одном из вариантов социальной дифференциации община регенерируется за счет государственных чиновников и административных служащих частных компаний. Второе направление эволюции состоит в распадении ее на все более мелкие, а в итоге – отдельные индивидуальные семьи, первое время ведущие хозяйство на формально общинной земле, которая постепенно переходит в длительное пользование, наследственное владение и, наконец, полное распоряжение ею вплоть до свободного отчуждения. Это ведет к утверждению частной собственности на землю и подрыву общинных структур, чья власть и функции перемещаются в сферу магически-ритуального регулирования родственно-межличностных отношений.

Словом, несмотря на инертность «пронизанной» реликтами общины, тенденции глобализации ускоряют глубокие изменения и в аграрных структурах Африки. В деревне распространяется товарное потребление, а затем и производство. Проникновение иностранного капитала и индустриальных форм хозяйства усугубляет процесс разрушения простейших форм производительных сил и эрозии традиционных структур.

Отношение «верхов» к общине отличается неизменной двойственностью: с одной стороны, она разрушается и на ее месте создается класс крепких сельских хозяев и наемных работников-батраков, способных обеспечить рост сырья и экспортной продукции; с другой – на традиционные институты взаимопомощи власть имущие охотно перекладывают функции социального обеспечения, призрения больных и стариков, строительство методом коллективных народных строек местных дорог, мостов, школ и т. п.

В свою очередь, мелкие производители, вышедшие из общины и связанные с рынком, зачастую сами разоряются, становясь легкой добычей бизнесменов, коммерсантов, ростовщиков, перекупщиков, словом, деревенских и городских мироедов. Им бюрократическая буржуазия предоставляет не только кредиты, льготы, помощь в сбыте продукции, но и защиту их собственности и привилегий от протеста обездоленных и экс-

плуатируемых. Все чаще роль «заботливого» эксплуататора берут на себя транснациональные корпорации, действующие через разветвленную сеть посредников и скупщиков продукции, а то и непосредственно занимаясь контрактацией будущего урожая. Короче говоря, мелкий производитель, зависящий от рынка, и безземельный паупер, как и кулак, постепенно становятся основными социальными фигурами в африканской деревне, где ростки плюралистической демократии слишком слабы, чтобы эффективно корректировать вызываемую либерализацией экономики дестабилизацию внутренней жизни этих стран.

Итак, в древней Африке появились «новые африканцы»: кто же они?

Один из вариантов складывания сельской экономической элиты как результат внутриобщинной дифференциации по вертикали власти – интеграция в коммерческие структуры и внесение в их уставной фонд общинных земель либо результатов труда своих подопечных – осуществляется главным образом в рамках патриархально-общинных структур преимущественно в районах пищевого земледелия и скотоводства. Так, в Ботсване традиционная знать *тсвана*, используя старинный институт «опекунов» и распорядителей общинных земель, а также поощряемый колониальными властями контроль над природными ресурсами и трудом соплеменников, к моменту получения страной национальной независимости превратилась (незаметно для соплеменников) в зажиточных землевладельцев, склонных к частному предпринимательству¹. Материалы петербургской полевой экспедиции 1996–1997 годов в Мали, как и личные наблюдения автора, неоднократно работавшего в этой стране, отчетливо показывают, что на путь узурпации общинных земель и превращения в частных предпринимателей (главным образом в сфере посреднической торговли) становятся не только представители традиционной знати и общинной «аристократии». Наиболее ловкие и предприимчивые, но отнюдь не чистоплотные люди из числа «новых малийцев» ловко манипулируют общинными обычаями и заветами предков для того, чтобы подобраться к традицион-

¹ См.: Мир африканской деревни. Динамика развития социальных структур и духовная культура. М., 1997. С. 45 и сл.

² Арсеньев В.Р., Маслов А.А. Опыт полевой работы в Мали в 1996–1997 годах / Бюллетень Центра африканских исследований СПбГУ, СПб., 1997. С. 11–13.

ной собственности и институтам власти в целях корыстного личного обогащения.

Другой распространенный случай – разложение самой общины на большие, а затем на малые (индивидуальные) семьи, непосредственно связанные с торговлей, рынком и/или работой «на заказ». Экономические связи в данном случае заменяют, а затем во все большей степени вытесняют родственные. Эта тенденция характерна прежде всего для районов товарно-экспортного сельского хозяйства и интенсивного ремесленного производства и реализуется главным образом в рамках парцелльно-общинных структур. Последние в гораздо большей мере, нежели патриархально-общинные, «открыты» рынку, коммерции, кредитам, но вместе с тем также характеризуются специфической невпитываемостью финансовых инъекций извне, которые либо дружно проедаются, либо накапливаются, тесаврируются, либо тратятся на цели поддержания социального престижа. В любом случае они проходят мимо сферы производства, поскольку психологические стереотипы общины в течение длительного времени превалируют над экономическими стимулами. Таковы достаточно хорошо исследованные наукой, можно сказать, классические сюжеты расслоения традиционных общин, объективно обусловленные их внутренним дуализмом. Л.К. Туманова, лично обследовавшая 12 семейных лавок на территории центрального рынка провинциального эфиопского города Джимма, пришла к выводу, что энергичные люди уходят из общины на приработки. Последние в случае удачи превращаются в постоянное занятие, опираясь при формировании стартового капитала, как правило, не на банковские кредиты, а на средства, заимствованные из традиционной кассы взаимопомощи – *икуб*¹.

Третий вариант формирования «новых африканцев»-бизнесменов также тесно связан с общинной проблематикой, хотя формально выглядит «внешним» по отношению к внутренним механизмам жизнедеятельности различных типов общин. Источником генезиса сельской собственнической (а подчас и властной) элиты нередко становятся энергичные предприимчивые чиновники (так называемая бюрократическая буржуазия), ростовщики, представители банковских кругов, вклинивающиеся в общину, либо надобщинные структуры типа этно-

¹ См.: Туманова Л.К. Эфиопия. Социальный облик предпринимателя // Азия и Африка сегодня. 1997. № 6. С. 51–54. Сходные тенденции отмечают и другие: отечественные африканисты – Лопатов В.В., Крылова Н.Л.

са, используя генеалогические связи или вульгарный подкуп ее верхушки. Один из моих знакомых-африканцев, бывший министр финансов своей страны, с гордостью баллотировался на место этнорегионального вождя. Думаю, помимо честолюбия, этого европейски образованного человека влекло к заветной цели то обстоятельство, что приобретение традиционного титула делало его фактическим распорядителем земельных угодий, водных ресурсов и рабочей силы всей этноплеменной группы, насчитывающей до двух миллионов человек. Отныне он мог закладывать под кредиты на нужды своего бизнеса традиционно неотчуждаемые объекты недвижимости в принципе без ведома или с чисто формального согласия своей необразованной «паствы».

Также внеобщинным выступает процесс формирования среднего фермерского «класса» на осваиваемых землях либо при выращивании имеющими средства волонтерами новых для данного региона культур. Государство, транснациональные корпорации и/или международные организации обеспечивают кредитами, семенами, техникой, удобрениями местные общины или переселенцев из других районов для выращивания экспортного сырья. В Мали под эгидой французских текстильных компаний так организовано хлопководство. В Малави реализован проект по созданию трех тысяч индивидуальных фермерских хозяйств по выращиванию чая в долине реки Лилонгве, однако через несколько лет этот эксперимент зашел в тупик, ибо у новоявленной «чайной буржуазии» возникли серьезные трудности с погашением кредитов¹. Тем не менее данный путь фермеризации поощряется, например, инвестиционным кодексом Ганы (выращивание какао-бобов вообще освобождается от налогов), созданием целой сети региональных банков сельского развития².

Наконец, специфической формой вовлечения в бизнес интеллектуальной части населения является кредитование проектов и освобождение от налогов на первые два года предпринимательской деятельности выпускников высших учебных заведений, в том числе советских. В этой связи важным резервом экономических подвижек в хозяйстве африканских стран становится разработка и реализация комплексных проектов, опирающихся на использование российских технологий ноу-

¹ См.: Туманова Л.К. Предприниматель в африканском изменяющемся мире // Околдованная реальность. М., 1994. С. 171.

² См.: Act 478 of the Parliament of the Republic of Ghana «The Ghana Investment Promotion Centre Act, 1994». Accra, 1994.

хау, российской техники и интеллектуального потенциала отечественной науки, носителями которого нередко выступают также выпускники наших вузов, знающие русский язык, наш образ жизни и менталитет.

Вместе с тем появление в общине и рядом с ней неведомых прежде социальных субъектов с их специфическими притязаниями в экономической сфере, объективно предполагает зарождение в традиционном обществе новых противоречий, влияние которых еще не стало предметом пристального исследования. Приятное исключение – публикации Л.К. Тумановой, впервые в отечественной африканистике отметившей на базе обобщения полевых материалов, собранных ею в Нигерии, Эфиопии и других странах, все чаще прорывающееся вовне (например, в Уганде) противоречие между предпринимательской прослойкой и коррумпированным чиновничеством¹.

Вместе с тем общинные структуры постепенно насыщаются вещественными, энергетическими, информационными, поведенческими, культурными, а подчас инорасовыми людскими (смешанные браки и дети от них) элементами. Кроме того, общинники подвергаются психологическому напору демонстрационного эффекта стандартов потребления бывших метрополий и национального рынка, вестернизации, рекламе чужеродных для традиционного образа жизни товаров, массовой деградации, трактуемой в духе этнического разнообразия многопартийностью и основанной на опосредованном представительстве квазизападном парламентаризме. При этом коррупция местных чиновников далеко превосходит по масштабам традиционные «должностные» подношения вождям и функционерам общины².

Под влиянием таких факторов община не может не трансформироваться. Она разлагается по мере того, как нарушается ее автаркия и изменяется окружающая экологическая, демографическая, этническая, социальная среда. Родственные связи зачастую коммерциализируются в духе классического частного права, а социальные отношения маскируются под

¹ См.: Туманова Л.К. Предпринимательство и демократизация африканского общества // Процессы демократизации в африканских странах: тенденции 90-х годов. Ч. 1. М., 1992. С. 68–69.

² Впрочем, одно не исключает другого. Общинные структуры продолжают оставаться для индивида в значительной мере самоценной, автономной и альтернативной по отношению к государству средой. См.: Влахова А.С., Денисова Т.С. Форма организации политической власти и механизм политического управления в Западной Африке // Процессы демократизации в африканских странах: тенденции 90-х годов. Ч. 1. М., 1995. С. 51–52.

родственно-общинные, вернее, отождествляются с ними. Во многих африканских странах автору приходилось сталкиваться с известным затруднением собеседников при определении характера личных отношений. Наряду с привычными оппозициями типа «брат – брат», «дядя – племянник» и т. п. нередко встречалось многозначное: он мне «как брат», «в качестве брата», «не меньше, чем брат».

Что впереди?

В какую же сторону повернет в конце концов насквозь маргинальная африканская община? Как это скажется на судьбах континента и, может быть, всего человечества? Прежняя «развилка» выбора социалистической либо капиталистической ориентации развития канула в Лету, хотя в целом ряде стран (Зимбабве, Мали, Сенегал) слово «социализм» все еще фигурирует в официальных документах. Остается и «отец» колониализма – капитализм.

В целом негативно характеризуя стандарты вестернизации и отрицая рекомендованную западными экспертами роль «попугаев Истории» (Ж. Ки-Зербо из Буркина-Фасо), поборники африканских народных традиций обычно отождествляют Запад с индустриальной цивилизацией, которая объективно атомизировала, разделила, антагонизировала общество не только на своей исторической родине, но и в прежних «своих» колониях. Именно индустриальная цивилизация зашла в тупик, масштабы которого, несмотря на апокалипсическое пророчество О. Шпенглера в его книге «Закат Европы», и теперь, спустя многие десятилетия, не осознаны человечеством в полной мере. Особенно остро, как ни парадоксально, эта проблема стоит в третьем мире. Захлестнувшая африканские страны «забегающая» и к тому же «дикая» модернизация имитаторского типа подспудно готовит свой неизбежный «откат», связанный с «реваншем» предшествующих форм жизнедеятельности. Отсюда – вполне «естественная» для реликтовых и «боковых» по отношению к западноевропейской модели развития этносов, социумов и конфессий тяга к традиционно-общинному либо мединско-мусульманскому фундаментализму, усилившаяся сейчас, когда заря постиндустриальной эры несет в себе реальную надежду на новый исторический виток гуманизма и человечности.

Возможно, именно созвучные им социально-психологические элементы общины станут, наряду с другими ценностями мировой цивилизации, ростками новых этических норм, адекват-

ных эпохе информационно-компьютерной революции и в то же время близких, «родных» для населения третьего мира? *«Представление о постсовременном обществе, – пишет В.Г. Федотова, – сближает черты традиционного и современного обществ. Оно включает в себя: ориентацию на новое с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, не исключающую значимости религии и мифологии в духовной сфере; значение выделенной персональности и вместе с тем использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, признающей авторитеты в политике; эффективную производительность с ограничением пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного обществ; эффективное использование науки при осуществлении традиционных ценностных легитимаций социального выбора»*¹.

Различение противоположных тенденций общины как трансквиализационного феномена позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, принятая в этнографии и социальной антропологии регионально-отраслевая (по видам и орудиям деятельности) классификация общин уступает место более масштабной и динамичной шкале общинных структур на фоне всемирного квиализационного процесса;

во-вторых, это позволяет хотя бы приблизительно соотнести в процессе социологических, а тем более полевых исследований значение и удельный вес реликтов прошлого и ростков будущего в, казалось бы, уныло-однообразной жизнедеятельности общинных коллективов;

в-третьих, «присутствие» и взаимодействие обоих типов общинных структур в одном социальном субстрате дает эвристический эффект, сравнимый с подходом, присущим голографии. «Двуликость» общины получает объяснение со стороны своего внутреннего механизма, а не только направлений и видов функционирования в определенных экологических и исторических средах;

в-четвертых, учитывая взаимосвязь закономерных тенденций эволюции общинных структур, можно в известных пределах предвидеть диапазон поведения каждой из них и их взаи-

¹ Федотова В.Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 68.

модействия в ситуациях как стимулирующих поддержкой извне адаптацию общин к новым, благоприятным для них условиям, так и блокирующих их эволюцию, загоняющих их в прошлое, толкающих к деградации вплоть до вымирания;

в-пятых, на этом строится стратегия деликатного отношения к духовным принципам коллективизма и взаимопомощи, к своим эволюционным предкам и соплеменникам, к своей истории и окружающей природе, сохранившаяся в общинном менталитете, что может представлять собой психологический каркас бурного экономического «прорыва», ибо именно коллективизм, включающий в себя артельность, общинность, даже настроения эгалитаризма, но отнюдь не игнорирующий при этом возможности развития различных форм соперничества, состязательности, разумных форм эгоизма, из «социалистического пугала» стал фундаментом экономического чуда Японии, а затем молодых драконов Юго-Восточной Азии. Не исключено, что этот опыт сумеют использовать лидеры стран, претендующих на роль первых экономических «львов» Тропической Африки, например Ганы.

Может быть, именно в этом заключен глубинный эволюционный смысл, казалось бы, сугубо иррационального сохранения «островков» и целых субрегиональных «материков» общинных структур как своего рода генетического, первичного, «чистого» материала для цивилизационной селекции будущих социальных форм? Подспудная вера в то, что это сохранит нить времен и поколений в Африке живет и в проектах наиболее прозорливых государственных деятелей, и в душах поэтов. Мой давний друг, малийский поэт и экс-министр Альбакай Усман Кунта, более тридцати лет назад опубликовал в Москве поэму «Источник предков». В июне 1996 года мы встретились очередной раз в Бамако, и он опять заговорил о том, что плоды будущего могут оказаться ядовитыми без корней прошлого и кроны настоящего. Африка, по его мнению, должна и готова внести освежающую струю первозданного гуманизма и социальной сплоченности в мир, где в роли героев нередко выступает сообщество кинематографических терминаторов, гангстеров и современных ниндзя. Это будет достойный континентальный фольклорный вклад в становление подлинной, достойной Человека цивилизации, о которой мечтали и которую провозглашали пророки всех религий, ученые всех эпох и стран, люди всех рас и поколений!

ПОЭТИЧЕСКИЕ БЛИКИ АФРИКИ

В Тропической Африке, как некогда в России, социальную роль философов взяли на себя выдающиеся поэты. Именно им удалось глубоко и образно выразить специфику самосознания народов, развивающихся на иных, нежели западный мир, исторических и психологических орбитах бытия. Видимо, не случайно африканцам так трогательно близок наш Пушкин, а славянской душе волнующе понятны пока мало кому знакомые образы Лепольда Сенгора и Воле Шойинки.

А если Пушкин?

В непостижимой для здравого смысла ситуации, когда бывший министр культуры РФ Михаил Ефимович Швыдкой, видимо, считая сограждан поголовными тупицами, провозгласил в сомнительном телевизионном шоу Пушкина устаревшим поэтом, я счел своим долгом опубликовать написанную в Африке новеллу о том, как его (Пушкина, а не Швыдкого!) почитают на далекой родине предков и каким мостиком между нашими культурами выступает сегодня его великое наследие. Поскольку прямую полемику с чиновным «культурным революционером» считаю бесперспективной, решил просто рассказать историю, случившуюся в далекой Эфиопии. Ведь нередко, когда речь заходит о необычной внешности, взрывном темпераменте и африканской ветви предков Александра Сергеевича Пушкина, в памяти всплывает родословная его прадеда Абрама Ганнибала (кстати, он и его великий правнук писали это слово с одним «н») и слово «эфиоп».

Текла ли в его жилах кровь масаев?

Мне довелось побывать в Эфиопии. Время было очень тревожным. Непредсказуемо затянулась странная война с соседней

Республикой Сомали, придерживавшейся, как и ее «враг», социалистической ориентации и бывшей другом СССР. «Стенка на стенку» шли две армии, созданные и обученные советскими инструкторами и экипированные нашим оружием. Их офицеры и генералы недавно сидели бок о бок в наших военных училищах и академиях, изучая одни и те же стратегические доктрины и тактические приемы.

По стечению обстоятельств мне пришлось отправиться в отдаленную провинцию, вблизи линии эфиопско-сомалийского фронта. После завершения официальной программы наступил прощальный вечер. Для ужина было выбрано единственное целое здание в три кирпича, напоминающее провинциальный вокзал. Товарищ Али, губернатор провинции, вооруженный до зубов даже за дружеским столом, был охвачен романтической эйфорией классовой борьбы в бесклассовом еще эфиопском обществе. Он провозгласил длинный тост за схожесть судеб наших стран. В Эфиопии, как некогда в России, взявшие власть революционеры тайно убили отрেকেгося от престола императора, а место его захоронения держали в строгом секрете. Вскоре начался «белый» и в ответ на него «красный» террор. Под прикрытием их лозунгов должник нередко убивал кредитора, избавляясь от обременительной обязанности возвращать ссуду. Кладбища жертв «белого» и «красного» террора обычно были разделены дорогой. Соплеменники и соседи, поднявшие друг на друга оружие, покоились, хотя и поблизости, но не рядом. Революция противопоставила друг другу даже прах своих героев и мучеников.

По завершении ужина губернатор стал заметно нервничать. Близился комендантский час. Настало время расходиться, но публика только вошла во вкус интересного общения. Я устал и мысленно уже переместился в предоставленный мне гостевой домик. Возле него в лунном свете молчаливой тенью дежурил закутанный в оранжевую домотканую тогу и кого-то удивительно напоминавший мне фигурой и профилем живописный масай. Он бережно, почти нежно обнимал неизменное, будто ставшее частью его тела копье-ассегай. Масай чутко вслушивался в полную неведомых уху европейца звуков ночную жизнь саванны. Из низины, с места водопоя, доносилось глухое урчание львов. Уверен, втайне мой часовой мечтал о нападении хотя бы одного из них. Согласно древним традициям, убийство льва в рукопашной схватке открывает любвеобильному масаю, помимо почета в глазах сотоварищей, триумфальный путь к сердцу любой, самой желанной и изысканной из соплеменниц.

Остается лишь отрезать, высушить на солнце и поместить на коханий шнурок то небольшое устройство, которое отличает льва от львицы, а затем торжественно и прилюдно водрузить его на изящную шею вождьеленной избранницы. Разве хоть одна из них сможет устоять перед таким героем? О таких отказниках народная молва памяти не сохранила. Скорее всего, их вообще не было... Злые языки из среды танзанийской интеллигенции рассказывали забавную байку. Уголовно-административные меры борьбы с браконьерами эффекта не давали. Они убивали слонов, поднимали бивни на склоны Килиманджаро и с помощью дельтапланов переправляли в Кению. Тогда президент Джулиус Ньерере издал необычный указ. Согласно ему, на роль представителей поредевшего поголовья львов отныне годились застигнутые на месте преступления браконьеры. Говорят, в течение суток после его публикации охота на слонов сошла на нет. Наверное, шутка? Но в каждой шутке есть, как известно, доля шутки!

Вне хижины и краала гордый воин никогда не расстается с *ассегаем*, наводя ужас на соседние племена и будучи всегда готовым к встрече со львом один на один. Но роль льва в мировоззрении масаев не исчерпывается приведенным примером. *Симба* занимает в их этических представлениях центральное место как символ силы, мужества и благородства.

Я видел краали из поставленных кругом овальных хижин, соединенных сплошной изгородью из колючих кустарников, чтобы надежно защитить отдыхающий ночью скот от внезапного нападения голодных львов. Иногда у двери хижины стояло копье. Оно означало, что там находится мужчина, охотник, воин и пастух и входить туда без крайней нужды не следует. Не исключено, что происходит любовное свидание, которому не рискуют мешать даже львы. Своих женщин масаи берегут, как умеют. Любимым бреют голову, чтобы *симба* не вцепился невзначай в курчавые от природы волосы или случайным взмахом могучей лапы не снял с головы скальп. Видимо, по той же причине женщин обвешивают, будто средневекового рыцаря, латами, тяжелыми медными и бронзовыми браслетами и кольцами, закрывая наиболее уязвимые в случае нападения самого могучего из живущих на земле хищников части тела: шею, грудь, руки, ноги. Общий вес такого защитно-эстетического бронзожилета может достигать 15–16 килограммов. И уж, конечно, ни один уважающий себя и заветы почтенных предков масай не посмеет предложить женщине первой покинуть хижину, лицемерно вежливо распахнув перед ней дверь! На это спо-

собны, по его твердому убеждению, только прожженные в своем вероломстве и сплошь подверженные трусости европейцы. А вдруг у самых дверей притаился коварный симба? Тогда белолицый успеет захлопнуть дверь или сбегать за ружьем, без которого он в саванне беспомощнее малого дитяти. Тем временем лев расправится с любезной его сердцу дамой. Что ни говори, не умеет белый дорожить женщиной настолько, чтобы сразиться ради нее без ружья один на один с самим царем саванны!

Быть может, не свойственная славянам импульсивность, доходившая до абсурдных вызовов на дуэль, адресованных в процессе яркой, как молния тропической грозы, вспышки гнева его самым лучшим и верным друзьям, «пришла» к Пушкину от курчавых, худощавых, преисполненных честолюбия масаев, воинственных любвеобильных рыцарей и отважных ковбоев Восточной Африки? Во всяком случае, и в Эфиопии, и в Танзании, и в Кении такая постановка вопроса расценивается как сама собой разумеющаяся. Не здесь ли коренится и удивительная раскованность, отчаянная смелость и неслыханная дерзость, которая ярко проявилась в его разговорах с самодержцем России? Они очень напоминали рискованный поединок отважного масая, вооруженного всего лишь копьем, со всемогущим симбой. На вопрос, что бы он делал, будучи 14 декабря 1825 года в Петербурге, поэт, не моргнув глазом, ответил: пришел бы на Сенатскую площадь! В другой раз император пригласил Пушкина чаще бывать при дворе, чтобы оградить Наталью Николаевну от назойливых кавалеров, на что поэт, не задумываясь, заявил, что первым среди таковых он лично считает самого царя.

Афро-славянский статус великого поэта

...Ночная экваториальная вечеринка шла своим ходом, подчиняясь незримой и неумолимой логике всех мероприятий такого рода, в какой бы части света они ни происходили. Вскоре общение обрело второе, неофициальное, дыхание. Все раскрепостились. Запели, зашумели. Между тем, преисполненный ответственности за гостей, губернатор вновь сообщил о приближении комендантского часа. Но дамы были оживлены и не собирались расходиться, тем более что среди них оказалась высокопоставленная гостья из столицы. Должен сказать, эфиопские женщины горды и самолюбивы. Некоторые считают своей прямой прародительницей легендарную царицу Савскую. Красочные плакаты, зазывающие интуристов в страну,

изображают местных красавиц с открытой грудью, лучше которой, как поясняют на все лады подписи к ним, не сыскать во всей Африке, не говоря о других континентах. Мужчины, если и не побаиваются своих любезных дам, то, по крайней мере, к их мнению чутко прислушиваются.

Чтобы снять психологическое напряжение, я предложил не комкать прекрасный вечер в ожидании неотвратимого комендантского часа, а, наоборот, вместе дожидаться его окончания. Мол, в пять утра мы по холодку двинемся в 700-километровый путь до Аддис-Абебы. Предложение понравилось. Раздались возгласы одобрения, и даже что-то похожее на аплодисменты. Выход, казалось, был найден. Но так казалось только до тех пор, пока слово вновь не взял неугомонный товарищ Али. *«В пять утра ехать опасно. Ведь у солдат, – раздумчиво пояснил он, – есть автоматы Калашникова и устные инструкции, а часов нет. Мы будем знать, что комендантский час закончился, а они могут об этом и не догадаться, а действовать, исходя из высших соображений революционной бдительности».*

Тогда свой вариант предложила столичная гостья: кто устал, пусть отдыхает, а мы с профессором продолжим заинтересовавший нас обоих разговор в гостевом бунгало. Утром он присоединится к делегации и отправится в Аддису. (Так эфиопы называют свою столицу; когда самолет из-за непогоды в Москве посадили в Одессе, африканцы решили, что вернулись на родину.)

Все замерли в растерянности. И было от чего. Несказанно прекрасной при свечах и замысловатых росчерках ночных молний выглядела эта смуглая женщина с утонченными чертами лица чудесной феи из далекой детской сказки. Ее распевный голос гипнотически завораживал загадочной амхарской мелодикой, казалось льющейся с небес под аккомпанемент бесконечного, щедростью своей напоминавшего библейский потоп тропического ливня.

Но не все, как бывает в разношерстных компаниях, приняли реплику дамы, поддержавшую предложение гостя. Первым откликнулся на нее самый трезвый, самый бдительный и напичканный инструкциями новоиспеченный борец за идеологическую чистоту рядов и помыслов. Не поднимая глаз, секретарь утром созданного обкома правящей партии буркнул, что столь романтическим образом проведенная ночь добром для гостя не кончится. Женщину покорило. «Так что же будет?» – настаивала она. «Наверное, выговор!» – пробормотал секретарь. – «А если – Пушкин?» – парировала дама...

Когда-то Африка в известном смысле «подарила» России Пушкина, и ее интеллигенция видит в этом знак и символ психологической близости нашей ментальности. Приведу фрагмент из монолога моей собеседницы, незадолго до этого побывавшей в Москве: *«Вглядитесь в черты лица и фигуру бронзового Пушкина на площади, носящей его имя, внимательно и не-предубежденно. Истинный африканец, настоящий эфиоп в европейской одежде. Впрочем, ему пошла бы оранжевая накидка масая. И ассегай в тонкой руке. Разве не так? Великая русская литература имеет глубинные амхарские корни, включая свойственную африканским диалектам емкую простоту строя исторически чрезвычайно богатой славянской лексики. В самой ритмике стихов Пушкина – вслушайтесь! – и жгучий тропический темперамент, и бурление крови темнокожих предков, и нервная дробь разноголосых тамтамов. Поэзия Пушкина как бы озарена ярким африканским солнцем. Поэтому мы столь близки с воспитанными на сказках и стихах Пушкина, говорящими его языком русскими людьми по духу, нас подчас неудержимо тянет друг к другу. В глобальном смысле Пушкин – наш общий поэт, и уж во всяком случае, хоть и дальний, но родственник... Он – сын двух великих народов и культур, рас и континентов».*

Представьте себя на минуту ее соплеменником, и сразу ощутите безупречную логику естественного чувства собственного достоинства, попранного незванным и подчас беззастенчивым вторжением западной масс-культуры. И во многом, несомненно, случайное сцепление исторических событий и сугубо личных обстоятельств предстанет в сознании как посланный три века назад импульс неотвратимого и благотворного сближения народов и культур Африки и России.

Думаю, это относится и к присущему африканским диалектам синтезу образности и лаконичности, яркости и простоты выражений, отчасти компенсирующему относительную бедность их лексических средств, а главное – к характеризующим менталитет уроженцев континента вере в чудеса, их ожиданию и объяснению ими либо с их помощью почти всего происходящего. Не отсюда ли – чисто «африканская» тяга Пушкина к сказкам, поэмам, удивительным совпадениям и необычайным событиям? Эмоциональная «логика» чудесных приключений и превращений, присущая африканцам, плохо стыкуется с бесстрастными силлогизмами причинно-следственных конструкций, лежащих в фундаменте западноевропейского рационализма. Одна из сокровенных тайн гениальности Пушкина за-

ключена в его умении гармонично соединить то, что до него казалось принципиально несоединимым!

Африканская родня Пушкина

Исследования последних лет, похоже, не подтверждают эфиопскую ветвь генеалогического древа А.С. Пушкина. Его африканские истоки обнаружены среди потомственных рыбаков народности *котоко*, населяющей южный берег озера Чад, где в него впадает река Шари. Видимо, привычная версия происхождения Ганнибала была обусловлена давней лингвистической традицией, берущей начало от античных авторов. С их легкой руки вся Африка южнее Сахары в течение двух тысячелетий называлась Эфиопией.

Согласно результатам научных изысканий уроженца Республики Бенин Гнамманку Дьедонна, увенчанных докторской степенью Сорбонны, семилетний сын правителя города Логон, что находится на границе Камеруна с Республикой Чад, будущий российский генерал Абрам Ганнибал, был захвачен в полон или отдан в залог во время джихада отрядов турецкого султана против небольшого африканского княжества, сопротивлявшегося насаждению ислама и отказывавшегося отречься от собственных святынь. Летом 1703 года юного принца судном через озеро Чад, а затем верблюдом караваном через Сахару и вновь морем вывезли в Константинополь для продажи на невольничьем рынке. Там его вместе с двумя африканскими мальчиками приобрел по поручению царя российский посланник, избавив их от фабрикации в евнухи для гаремов правителя и его вельмож. Со слов любимой бабушки поэта Марии Алексеевны Ганнибал явствует, что в старости генерал часто вспоминал африканское детство, охотно рассказывал о далекой родине, ее природе, людях. И всякий раз плакал, когда речь заходила о любимой старшей сестре, предлагавшей туркам все свои украшения принцессы в качестве выкупа за плененного мальчика, а потом в отчаянии бросившейся вплавь за увозившим брата судном, да так и погребенной волнами моря пустыни – озера Чад, от которого до ближайшего океанского берега или Красного моря примерно две тысячи километров.

Абрам Петрович нередко заговаривал о желании вернуться на землю предков, в Африку, чтобы занять принадлежащий ему по праву родства трон правителя племени *котоко*. Что ему помешало сделать это, нам, наверное, не узнать никогда. Известно только, что вскоре после появления при дворе Петра I ма-

ленького «арапчонка» в Петербург приехал его старший брат, с целью выкупить младшего и вернуться с ним в родные края. Эта миссия успеха не имела. Царь не захотел расстаться со своим любимцем ни за какие сокровища. Целью его было доказать ленивым и избалованным дворянским недорослям, что даже «дикие» африканцы при тех условиях, которые создавал им за границей государь, могли получить прекрасное образование и стать гордостью пробудившейся к прогрессу российской империи.

Кстати, Ганнибал и его знаменитый правнук отвергали свое эфиопское, а тем более «арапское» происхождение, публично заявляя, что считают прародителями темнокожих африканцев – негроидов, живущих южнее Сахары. Это было актом гражданского мужества. Не только в Западной Европе, сумевшей превратить в колонии две трети мира, но и в среде российской интеллигенции бытовали расовые предрассудки. Их разделял даже такой известный антрополог, как академик Д.Н. Анучин, считавший негров низшей расой. Впрочем, ему резко возразила Марина Цветаева, заявившая, что «ее» Пушкин одной своей родословной разом разрушил все расистские теории.

Итак, где же все-таки берет свое начало прадедовская ветвь родословной А.С.Пушкина: в восточноафриканской саванне, на берегах расположенного почти в самом центре Африканского континента озера Чад или еще ближе к Атлантическому побережью, в западноафриканском Сахеле? Кем был Ганнибал: *масам*, *котоко* или, может быть, *фульбе*? (Последние потом откочевали на запад, сохранив необычный для окружающих племен физический облик и поведенческий архетип.) Скорее всего, и тем, и другим, и третьим. Возможно, они – потомки одного древнего народа, сохранившие за различием обусловленных природной средой занятий, одежды и обычаев генетическое родство друг с другом, а значит, и с Пушкиным. В Дакаре я был гостем в семье удивительно обаятельной женщины фульбе, считающей своей прапрабабушкой царицу Савскую. Не исключено, что в ее жилах течет кровь не только мудрой правительницы загадочного Офира, но и прямых предков А.С. Пушкина!

Последние годы в мировой науке все большее внимание уделяется социобиологии и биосоциологии, в частности взаимосвязи эволюции наследственного генофонда и культурных обретений, передаваемых языковыми средствами. Особенно интенсивно исследуется феномен «памяти генов». Хромосомы по-своему «помнят» физиологические предпосылки сложив-

шихся в определенных условиях форм поведения и общения. Выяснилось совпадение зон распространения на Земле повторяющихся участков молекул ДНК и сходных элементов культуры, прежде всего мифологических сюжетов и образов.

Конечно, «память» африканских генов А.С. Пушкина была связана с пересказами воспоминаний прадедушки бабушкой Ганнибал и матерью поэта, которую часто называли красавицей-креолкой. В частности, сюжет сказки о золотой рыбке встроен в «рамку» скорее африканских, нежели российских психологических реалий патриархального свойства. Разве типично для русского мужика, чтобы им повелевала выжившая из ума старуха?

Другое дело – Африка. Отец Ганнибала в самом начале того века, в конце которого родился поэт, с оружием в руках противостоял вторжению ислама, защищая традиции, близкие сложившемуся именно в Африке матриархату. Поэтому сказочная властная старуха так напоминает африканцам образ царицы-матери, не упускающей случая поруководить сидящим на троне супругом. Разумеется, это не отрицает социальной почвы похожести черт характера. Российская артельность, близкая по духу африканской общинности, объясняет созвучие русского фольклора с африканским эпосом. Например, мандингское сказание о богатыре Сундьяте и превратившемся в кукушку колдуне Сумаоро напоминает противостояние Ильи Муромца и Соловья-разбойника. Оба сюжета появились на свет в XIII веке, когда в этих регионах местные племена создавали и на ощупь осваивали самобытную государственность: одни – на границе саванны с пустыней Сахарой, вторые – там, где сошлись муромские леса и степная мещерская изменчивость. Обоим сказаниям созвучна пушкинская поэма «Руслан и Людмила».

И все-таки не зря в разных уголках Африканского континента африканцы считают А.С. Пушкина земляком и почетным родственником. Рассказанный мною случай, происшедший в эфиопской глубинке, – лишь одно из непротокольных, идущих из глубины души свидетельств искренней любви африканцев к нашему Пушкину и его Родине – России!

Вестерн-цивилизация: взгляд из Африки

Карикатурный скандал, разделивший почти весь мир на два лагеря. Погромы в пригородах Парижа и других городах Франции, Бельгии, Германии, напугавшие европейца своим афро-

арабским лицом. Эти события вновь оживили на страницах печати выдвинутую почти два десятка лет назад теорию «столкновения цивилизаций». Ее автор, американец Сэмюэл Хантингтон, предсказал, что грядут конфликты, порождаемые не экономическими и идеологическими факторами, а культурными различиями. Но гораздо раньше на проблему несхожести культур обратил внимание проницательный африканский интеллектуал Леопольд Сенгор. Будь он жив, то назвал бы «европейцами наоборот» тех, кто крушил машины парижан и предавал огню датские флаги. Теоретическое и поэтическое наследие талантливого поэта и успешного политика, мудрого философа и признанного филолога – члена Французской академии наук, лауреата Гонкуровской премии, почетного доктора наук Сорбонны и Страсбургского университетов Леопольда Сенгора (1906–1992) позволяет увидеть Африку как бы из глубин ее истории. Уже одно это делает его интеллектуальной фигурой мирового масштаба.

Чем же, кроме цвета кожи, курчавости волос, специфической вывернутости и припухлости губ, а также других чисто внешних признаков, отличаются африканцы от европейцев? Каковы их внутренний мир, система ценностей? Мировосприятие, мотивы и стимулы деятельности, формы самовыражения и консолидации? Ведь по характеру, менталитету, темпераменту, экспрессии, приоритету жизненных ориентаций, отношению к сложившимся обстоятельствам и к людям поведенческий стереотип, или, выражаясь словами нобелевского лауреата Конрада Лоренца, «этологический скелет» африканца столь удивительно своеобразен, что не заметить этого просто нельзя. А объяснить природной примитивностью совершенно невозможно. Тем более что во многих ситуациях африканцы дают фору самым цивилизованным народам мира.

Сенегальский стрелок

Однажды при обсуждении с послом Республики Мали в Москве, бывшим министром образования и науки своей страны, доктором Абдуллаем Шарлем Даниоко одного кинематографического проекта неугомонный в творческих исканиях Ролан Быков упомянул об уникальном ролике. Он случайно попал ему в руки во время работы в Западной Европе над так и не завершенным в связи с его безвременной кончиной грандиозным фильмом о Второй мировой войне, «снимавшимся» с обеих сторон ее фронтов.

На экране – Франция. 1940 год. Немецкий лагерь военнопленных в Амьене. Крупным планом сняты африканцы в обшар-

панной форме французских солдат, героически сражавшиеся с фашизмом на стороне «родной» метрополии, интенсивно пополнявшей национальную армию уроженцами Французской Западной и Французской Экваториальной Африки. За ними со времен Первой мировой войны закрепилось название сенегальских стрелков. Трогательный бронзовый памятник им стоит в центре города Бамако— столицы Республики Мали, ранее носившей название Французского Судана. Недавно новый памятник шестистам тысячам африканцам, павшим на полях сражений воспетого Ремарком Западного фронта Первой мировой войны, открыл президент Французской Республики Жак Ширак.

Вернемся к кинокадрам, обнаруженным в каком-то Богом забытом архиве Роланом Быковым. Вначале неизвестный оператор показал узников-французов, деморализованных, поникших, опустошенных, явно выбитых из жизненной колеи на родной для них земле. Затем камера скользит по лицам и фигурам африканцев. И не верится собственным глазам! На фоне своих «цивилизованных» товарищей по оружию они выглядят неприлично оптимистичными. Кто-то выбивает мелодию родного тамтама на кастрюле, несколько минут назад опустевшей от лагерной бурды. Другие присвистывают, пританцовывают под нее. Третьи подпевают. Остальные просто улыбаются, прикрыв глаза, своим воспоминаниям...

Стоп! Похоже, среди плененных фашистами африканских защитников французской культуры камера коснулась и лейтенанта Сенгора, выпускника Сорбонны, с 1935 года доктора наук по специальности «французская филология и литература». Он добровольно вышел на бой с фашизмом, вместе с земляками отчаянно сражался с моторизованной армией Гитлера. Был тяжело ранен во время танковой атаки на плохо вооруженных африканских солдат. Два года провел в немецком плену. Затем— побег, борьба в отряде маки.

*Мы— птенцы, выпавшие из гнезда,
лишенные надежды, ослабевшие телом,
звери с выдранными когтями, обезоруженные солдаты, голые люди.
Вот мы, одеревенелые, неуклюжие, как слепые без поводья.
Самые честные умерли:
они не сумели протолкнуть себе в горло корку позора.
А мы в тенетах, и мы беззащитны перед варварством цивилизованных.*

Нас истребляют, как редкую дичь. Слава танкам и самолетам!

Такой выглядит в устах поэта трагический сюжет уничтожения и пленения остатков корпуса сенегальских стрелков в самом начале Второй мировой войны. Далее следует живописное описание фронтового концлагеря 230. Напоминаю: Амьен, 1940-й год.

*Вот огромный поселок из глины и веток, поселок,
распятый чумными канавами.*

*Это – огромный поселок, намертво схваченный колючим ошейником,
огромный поселок под прицелами четырех настороженных пулеметов.*

*Благородные воины кланчат окурки,
ссорятся из-за обедков и ссорятся во сне из-за собак и кошек.
Но все же только они сохранили простодушие смеха и свободу
пламенных душ.*

...Кто же будет плясать в воскресенье под тамтамы солдатских котлов?

Разве они не свободны свободой судьбы?

Стихи, рожденные поэтическим гением африканца в окопах в огненном грохоте танковой атаки противника, потрясают са-мобытностью и экспрессией. Бронированные чудовища, перед которыми маленький чернокожий солдат с непривычной для него винтовкой не может не испытывать естественного ужаса, ассоциируются в сознании поэта со стадом взбесившихся слонов-мутантов: грязных, извергающих зловоние, с неестественно вытянутыми, уродливыми хоботами, изрыгающими огонь, и со зловеющими черными пауками на болотно-зеленых боках: «Европа меня распластала – пушечным мясом под слоновыми ножищами танков...»

Совсем другое дело – свой, сильный и великодушный слон из священной родовой рощи Мбиссель вблизи провинциального городка Жоаль – малой родины поэта. К нему он взывает в трагическую минуту, как бы подчеркивая, что слоны, как и люди, бывают разными: естественными, добрыми, преисполненными гордого благородства и злобными, искусственными, огнедышащими их бронированными подобиями на полях бесмысленно-жесточких сражений в чужой Европе.

*Слон Мбисселя, пусть твоими ушами, невидимыми для глаз, слушают
предки меня, мою почтительную молитву.*

Благословенны будьте, мои отцы, будьте благословенны!

Купцы и банкиры, властители золота и предместий,

где лесом вздымаются трубы,

они благородство свое купили за деньги, и черной была

белая кость их матерей,

купцы и банкиры вычеркнули меня из Нации.

На гордом моем гербе написали: «Наемник». Хотя они

*знали: я не требую платы,
разве только десять грошей, чтоб укачать свои грезы
в табачном дыму и смыть глотком молока синюю горечь.
Я снова посеял зерно своей верности на полях поражения – в час,
когда Бог обрушил на Францию свинцовый кулак.
...Знайте, вы: я мечтал о солнечном мире, где мы побратаемся
с синеглазыми нашими братьями.*

Является ли африканец «европейцем наоборот»?

Как поэт Сенгор прославился поэмой «Черная женщина», возвышенно провозгласив коренную африканку идеалом красоты и эталоном эстетичности, превосходящим благородством, непосредственностью движений и естественностью женских форм всех Афродит и Венер, вместе взятых?

Прислонившаяся к стволу баобаба чернокожая мадонна под росчерками молний и в грохоте тропической грозы. По ее прекрасному точенному телу сбегает дождевые потоки, омывая голову, шею, грудь. На миг озорная капелька задерживается на кончике соска. Шедевр эстетики и эротики, недоступный разодетым и напомаженным европейкам! И это пишет хорошо знавший Европу человек, женой которого была сестра тогдашнего премьер-министра Франции Жоржа Помпиду!

*...Обнаженная женщина, непостижимая женщина!
Спелый туго налившийся плод, темный хмель черных вин, губы,
одухотворяющие мои губы.
Саванна в прозрачной дали, саванна, трепещущая
от горячих ласк восточного ветра;
тамтам изваянный, тамтам напряженный, рокошующий
под пальцами Победителя-воина;
твой голос, глубокий и низкий, – это пенье возвышенной Страсти.
...И в тени твоих волос светлеет моя тоска
в трепетном ожидании восходящего солнца твоих глаз.
Обнаженная Женщина, Черная Женщина!
Я пою преходящую красоту твою,
чтоб запечатлеть ее в вечности,
Пока воля ревливой судьбы не превратит тебя
в пепел и прах, чтоб удобрить ростки бытия.*

Человек, написавший эти строки, – личность поистине легендарная. Великий поэт и философ Африки. Член избалованной вниманием публики и весьма придиричливой, капризной, мало предсказуемой Французской академии. После войны Сенгор 15 лет работал в парламентских и правительственных структурах Французской Республики. Он – руководитель депутатской группы «заморских территорий» и колоний, вице-спикер Национального собрания Франции. Убежденный католик

с прекрасным теологическим образованием, Леопольд Сенгор в процессе начавшейся деколонизации Африканского континента в 1958 году был избран Генеральным секретарем Социалистической партии Сенегала, а в следующем году стал Председателем Федеральной ассамблеи Мали. С 1960 года он первый и до сих пор почитаемый народом президент Республики Сенегал, страны с подавляющим преобладанием мусульманского населения. Лишь в канун 1981 года 75-летний Сенгор обратился к парламенту с просьбой сменить его на посту главы государства, чтобы, как он изящно выразился, надоевший «дипломатический паркет» не мешал ему посвятить остаток насыщенной событиями жизни занятиям философией, поэзией, теоретической и политической деятельностью в рамках Африканского социалистического Интернационала, созданного им для осмысления и усвоения мирового опыта общественных преобразований.

Подобно российским западникам, Сенгор поначалу педантично вводил в своей стране заимствованную в метрополии многопартийность, затем примерял для Африки теоретические одежды рожденной в Западной Европе социал-демократии. Не подошли... Когда он почувствовал эту нестыковку, что не все подходит в отличной от Франции социальной среде и ином психологическом климате, то стал объяснять: *«Африканская демократия в основном базируется на разговорах. Разговоры – это диалог, или, еще лучше сказать, коллоквиум, в ходе которого каждый имеет право высказаться, у каждого есть площадка для выражения мнения. Но раз мнение высказано, меньшинство подчиняется большинству для выражения единодушия. Затем единое мнение претворяется в жизнь без всяких отклонений. Как видите, "разговорная демократия" далека от диктатуры, равно как от анархии и вседозволенности».* А по поводу «особого» отношения к своим президентам граждан Мали, Гвинеи, Кот-д'Ивуара (да и других африканских стран) Сенгор пытался разъяснить европейским социал-демократам даже лексические особенности традиционного мышления: *«Президент олицетворяет нацию, как некогда монарх свой народ. Массы не обманываются, когда говорят о царствовании Модибо Кейта, Секу Туре или Уфуэ-Буаьи, в которых они видят прежде всего избранников Бога через посредничество народа».* Словом, «за кадром» всех его размышлений о будущем стран континента вставал один и тот же «двуликий» вопрос: является ли африканец «европейцем наоборот»?

Негритюд как попытка выражения африканской идентичности

Имя Сенгора мир услышал вместе с резким, как хлопок выстрела, словом «негритюд» и воспринял его как наиболее последовательного, темпераментного и концептуального глашатая специфической доктрины негро-африканской самобытности. Негритюд на полвека стал стержнем и смыслом жизни, поэтической, теоретической и политической деятельности Сенгора. При всех неизбежных издержках этой дерзко-полемической концепции особого «африканского мира» и язвительных ремарках в ее адрес со стороны ряда представителей африканской интеллигенции, негритюд и подвижническая деятельность Сенгора останутся вехой интеллектуальной эволюции мировой культуры XX века. Особенно в контексте его размышлений о возможности бесценно-оригинального вклада Африки в сокровищницу общечеловеческого будущего.

Идея осознания представителями негроидной расы самоценности своей культурной оригинальности созвучна традиционному российскому славянофильству и более поздней концепции евразийства. Под пером Сенгора («африканского» европейца и «европейского» африканца) она кристаллизовалась как специфический синтез глубокой концептуальности (черта западного мышления) и яркой образности (свойственной африканскому мировосприятию) в фокусе его мечты о грядущей Евроафрике – предтече всемирной гуманистической цивилизации на фундаменте единой человеческой культуры. От тезиса, что негро-африканская цивилизация оригинальна, самобытна и самоценна, Сенгор пришел к концепции вырождения и неизбежного краха машиноподобного образа жизни Запада без его органичного синтеза с трепетной и «дышащей природой» африканской душой. Отсюда – размышления о Евроафрике, братском союзе с «белолицыми, голубоглазыми, розовоухими братьями» во имя грядущего блага всего Человечества. Здесь – явное созвучие идеям Александра Блока, Николая и Льва Гумилевых о судьбах Евразии, а также замечаниям Арнольда Тойнби о важности для мировой истории древних контактов народов Афразийских и Евразийских степей и пустынь как планетарного фактора сближения цивилизаций, культур и менталитетов Запада и Востока.

В Африке – резонирующая с биением сердца, будоражающая и сплывающая людей нервная дробь тамтама, импульсивные ритмы танца в освещенной костром саванне или специально

расчищенной поляне в джунглях. В Европе – монотонно-размеренное тиканье «бездушных» часов. Порождающий жестокие кровавые конфликты зловеший шелест коварных хрустящих купюр, машиноподобный темп исступленно-маниакального, затягивающего человека в коварную воронку «делания денег», бизнеса, риска. В Африке – гуманизм обычая предков, идиллия гармонии с природой, коллективизм, взаимопомощь и сочувствие людей друг другу. В Европе – социальные антагонизмы, агрессия, беспардонное расхищение природы, угнетение и дискриминация человека человеком.

Африканец – поэт, лирик. Европейец – инженер, прагматик. Первый отражает окружающий мир и выражает свое отношение к нему танцем, искусством, душой, сердцем. Второй – формулой, наукой, умом, мозгом. В Африке человек искренне наслаждается восприятием природы и людей. В Европе он безжалостно эксплуатирует и природу, и себя, и себе подобных. Лихорадочно считает деньги, беспрерывно смотрит на часы, спешит, мчится. Почти все собственно человеческое в нем выжжено «крысиными гонками» за успехом, прибылью и славой, подчинено функции наживы, расчеловечивающей его самого.

Африканцев, как и россиян, на Западе поражает атомизированность общества, безразличие людей друг к другу за пределами очень узкого круга родных и друзей, тотальный эгоцентризм, всесокрушающее одиночество.

Эмоционально-растерянную позицию Сенгора как бы подтверждают белые стихи африканца, оказавшегося во Франции на заработках:

«Я песчинка в огромном своем одиночестве. Но все равно я смеюсь. Ох, да я не побрился сегодня. Впрочем, неважно. На меня все равно никто не глядит. Все в вагоне читают. В переходах бегут. В вагонах читают. Не теряют времени даром. А я в переходе люблю постоять. Послушать, как песни поет молодежь. Мне так хочется с кем-то перемолвиться словом. С кем – все равно. С кем угодно. Но нет. Они думают, что я нищий. Разве могут быть нищие в этой стране? Я не встретил ни одного. Люди выходят, толкаются. Те, что вышли, похожи на тех, что вошли».

После неудачных попыток обратить на себя внимание и найти собеседников, марокканец делает горестный вывод о своей фатальной несовместимости с бездушным окружением. С богатым, но психологически далеким и чуждым ему, дискомфортным, свернувшим контакты до уровня сугубо деловых, «выгод-

ных», ставшим, по сути дела, практически необщающимся обществом Запада.

«Разве ты сумасшедший? Или просто чужак? Ты опасен? Да нет. Одинокий ты, вот кто. Ты прозрачный. Невидимый. Вот почему проходят все мимо... Вот и не о чем больше мечтать. Завод никогда не остановится. Над городом всегда будут висеть тучи. В метро – всегда равнодушие металла. Это грустно. Мечта должна подождать. В конце месяца я пойду на почту и отправлю деньги жене. В конце месяца на почту я не пойду. Я уеду домой».

Вероятно, по сходному психологическому алгоритму принимают решение о возвращении на Родину многие из россиян, эмигрировавших на благословенный Запад.

***Чтоб не распалась цепь времен,
как в датском королевстве у Шекспира***

Вместе с тем именно в рамках поверхностной абсолютизации глубинной сущности негритюда идея фатально-неустранимого различия негро-африканской души и европейского характера была доведена Сенгором и особенно его подражателями до наивно-абсурдной антитезы «чистых» эмоций и «грязного» разума, трепетного эмоционально-возвышенного «духа» и низменно-расчетливой, вульгарно-приземленной «материи». Другая, откровенно экстремистская ветвь негритюдного «дерева» в процессе борьбы с куклуксклановцами в южных штатах Америки вплотную подошла к идее «черного расизма», призыву создать «партию миллиарда чернокожих всего мира» с тем, чтобы «научить» белых и желтых тому, что идеалом человека будущего является африканец и только он один. Движение «черных пантер» и группировка «Малькольм X» в США – плоды этого уродливого побега-мутанта.

Тенденция идеализации милого, привычного прошлого лежит и в подтексте африканской этнофилософии. В «моральной философии» волоф, основной народности Сенегала, эта первичная социальная мораль выражена в ярких образах, взятых из сказок, легенд, преданий и из традиционных норм поведения, обычаев, ритуалов, мистифицируемых в духе «вечной мысли». Юна призвана помочь индивиду раскрыться Другому в такой системе отношений, где каждый стремится к тому, чтобы Человек ежедневно морально обогащался и становился все более уважаемым, приближаясь в своей духовности к Богу.

Бельгийский пастор П.Темпельс, много лет проработавший в Камеруне, назвал провозглашенную им этнофилософию ма-

гической, созвучной мифам. Однако миф и магия есть формы мировосприятия и жизнедеятельности людей на определенной ступени социально-культурного развития и лишь вторично – способ объяснения действительности (в большей степени художественно-метафорический, нежели концептуальный). Философия же есть познание, оперирующее словесно оформленными абстракциями, а не антропоморфными образами, характерными для мифологического и магического мышления.

Негритюд и этнофилософия во многом совпадают, дополняя друг друга. Но есть между ними и различия. Если негритюд делает акцент на африканский «антимир» культуры, резко контрастный по отношению к Западной Европе, то этнофилософия как бы выпячивает идею о том, что антимир – это тоже мир, включающий в себя в принципе те же компоненты. Если в Европе у истоков науки и психологии была философия, то она древле есть и в Африке. В Греции ее воплощали имена Гераклита и Зенона, Платона и Сократа, Демокрита и Аристотеля – фигуры во многом уникальные, ставшие символами определенного этапа европейской культуры. В Африке безымянные мыслители такого рода есть в каждом селении, а их идеи – в душе каждого африканца. Только выражены они не в философских трактатах и силлогизмах, а в эпосе и фольклоре, пословицах и поговорках, в песнях и танцах, в преданиях и заветах мудрых и добрых предков.

Африка всегда имела своих мудрецов, известных либо неизвестных. Их «окрестили» самобытными философами. Кстати, африканские авторы отмечают нарочитую обращенность в прошлое, отрешенность устной народной «философии» от современных проблем. Философ, выступающий в роли хранителя музея, бесполезен для общества. Но философия, игнорирующая историю, будет напоминать растение без корней или спиленный ствол дерева традиционной жизни. Другое дело – оглядываться в прошлое с целью лучше понять и оценить настоящее, тем самым подготовиться к встрече с будущим.

Известный африканский ученый и поэт Окат П'Битек как бы сформулировал социальный заказ своим коллегам-философам.

*Ученый, ищущий истину,
я вижу, как
среди завалов книг
блестит от пота
твоя лишенная волос голова.
Можешь ли ты объяснить*

*африканскую философию,
которая лежит в основе
наших новых обществ?*

Эту философию еще предстоит создать. Как усвоить новейшие достижения мировой культуры, науки и технологии, не принося в жертву комфортные для населения психологические алгоритмы жизнедеятельности и обычаи предков? *Идти вперед, оглядываясь назад!* Иногда в таком контексте используется образ двухголового африканца, видящего и могущего сопоставлять прошлое и будущее. Чтоб не «распалась цепь времен», как в датском королевстве у Шекспира! *«Чтобы понять сегодняшнюю Африку, нужно понять Африку традиционную, причем это поможет нам понять самих себя».* К такому выводу пришел американский африканист Колин М. Тернбул, сохранивший веру в то, что *«Африка сможет создать новую форму общества, которое избежит многих опасностей и дефектов, присущих нашему обществу, но которое не будет находиться в изоляции от современного технически развитого мира... Сила традиции означает силу, которая поможет Африке сохранить жизнеспособность и, возможно, будет способствовать благосостоянию всего остального мира».* Но так же, как западный мир многое сделал для удобства и комфорта граждан «золотого миллиарда», так традиционная среда «позаботилась» о минимизации различий в пользу максимальной сплоченности родов и общин, семей и этносов.

Этот психологический резерв умело использовали Япония, «молодые драконы» Юго-Восточной Азии. В России тоже зреют идеи прихода в складывающуюся глобальную цивилизацию со своим культурным и ментальным багажом в сочетании с отвечающим технологическим возможностям эпохи уровнем благосостояния граждан.

Негро-африканская философия, согласно Сенгору, гуманна, как «жизнь в природе». Она открыта восприятию достижений любых других цивилизаций. Африканское общество в истоках своих – коллективистское. Его суть – *общение душ, а не агрегат индивидов.* Сознание африканца пронизано священным трепетом чувства, искренней верой, утонченной интуицией. Оно подобно объятию, соприкосновению с объектом, реализуется через сопричастность к нему. Разум европейца, напротив, резко дистанцируется от познаваемого мира, рассекая его бесстрастным скальпелем науки и жесткой картезианской логики.

Кстати, акцент на различии психологии цивилизатора и туземца уходит корнями в глубь веков, к концепциям первых ко-

лониальных идеологов, людей, несомненно, талантливых и находчивых. Почти тысячу лет назад они создали миф о фатальной антитезе гордого, сдержанного, рационального, благовоспитанного, почитающего христианство джентльмена и необузданно-дикого в своих эмоциях, неспособного к сколь-нибудь адекватному восприятию культуры и религии, а потому заведомо «второсортного» туземца. Впервые после крушения греко-римской Античности отношения метрополии и колонии установились между Англией и Ирландией. Поэтому древнейшим джентльменом, не считая общительного грека и воинственного римлянина, оказался хладнокровно-невозмутимый британец, а первым бестолковым, бурно-эмоциональным туземцем коренной европеец ирландец с присущим ему богатством фантазии и пренебрежением к логике (колонизатора!). Спустя столетия его потеснили в этом качестве аборигены других материков и рас: индеец, африканец, индиец, малаец, маори, папуас.

Впрочем, тема континентальной специфики мышления не осталась монополией Сенгора. Кеннет Каунда, экс-президент Замбии, основатель концепции «замбийского гуманизма», считает, что африканский менталитет «переживает ситуацию» в отличие от европейского подхода к реальности с позиции прагматического «решения проблемы». Африканец мыслит не по привычной европейцу модели «перебора» вариантов и исключения противоположности в духе «или-или», а по традиционно-ритуальному принципу оценки прежнего опыта: «как... так и...» Это позволяет воспринимать действительность в нерасчлененном, целостном виде, как бы очищенной от присущих ей, но «мешающих» человеку противоречий. Последние рассматриваются как результат субъективных ошибок и издержки нарушения традиционных стереотипов поведения и восприятия. Характерно, что в мандингском (малийском) эпосе о Сундиате и Сумаоро, победитель не уничтожает побежденного злодея, а просто вытесняет его из спорного пространства. Он дает возможность врагу, покрытому позором поражения, лишенному источника сверхъестественной силы и чудесных превращений, спокойно укрыться в отдаленной горе. Подобная житейская философия живуча в джунглях и саваннах Африки. На фронтах сплошь и рядом возникали ситуации взаимного недоумения местных командиров и наших советников. Доктрина отечественных военных академий – окружить врага, чтобы уничтожить его. Эталон – Сталинградская битва. Примерно так все произошло и в пустынной эфиопской провинции Огаден, где был наголову разбит сомалийский экспедиционный корпус.

Напротив, традиционная логика предполагает окружение противника с целью победы над ним, а вовсе не тотального его уничтожения. Она близка стратегии легендарного зулусского полководца Чаки: взяв в кольцо врага, надо оставить ему тропу для отступления. При случае прошу четырехзвездного генерала, командовавшего сенегальским контингентом во время войны в Заливе, разъяснить мне суть столь необычного гуманизма. В ответ слышу: отчаявшись безвыходностью положения и перспективой неизбежной смерти, окруженные слишком дорого продадут свою жизнь. Пусть лучше противник уйдет сам, освобождая спорную территорию, оставляя военное имущество, добычу, землю, скот и признавая фактом отступления неоспоримое превосходство победителя.

Сенгоровский образ африканца заставляет вспомнить Гегеля. Классик философии Нового времени акцентировал внимание на жесткой интегрированности африканца в племя и в окружающую природу. Этим он объяснял трудности применения европейского эталона к оценке своеобразия африканского характера. Называя его диким и необузданным, Гегель здесь же отмечал кротость и добродушие по отношению к европейцам в мирное время.

Психологический этюд Гегеля созвучен рассуждениям Сенгора, только с обратным знаком безусловного превосходства европейца над представителем «первобытной ступени развития духа». Гегель связывал характер африканца с образом жизни в особых климатических условиях. Сенгор обращается к «чистой» психологии, обычаям и представлениям, уходящим корнями в глубь местных цивилизаций.

У Гегеля Абсолютная Идея гордо витает над человечеством, реализуясь в конкретных событиях и структурах общественных отношений. Сенгор «поселяет» дух в племени и приземляет его, ибо он живет в душе африканца от рождения до смерти и даже после нее. Выпячивая духовность африканца, Сенгор балансирует на грани магии и постулатов католицизма. Африканцу присущи уникальная «способность воспринимать сверхъестественное в естественном, активная самоотдача, самоотдача любви». Стержнем «общности жизни» выступает объединяющая связь с общим Предком. Она зависит от кровного родства, являющегося знаком более глубокой реальности – общности жизненного пламени. Вот ритуально-стихотворное обращение Сенгора «К Маскам»:

Маски, о Маски.

Черные, красные, бело-черные Маски –

*четыре точки лица, откуда доносится мне дуновение Духа,
Маски, в молчанье приветствую вас,
и не последним тебя, мой предок с обликом Льва.
Вы охраняете это священное место от бренного женского
смеха, от гаснувших быстро улыбок.
В этом чистом воздухе вечности я вдыхаю дыханье Отцов.
Маски с лицом обнаженным, с которого спали морщины,
это Вами, в подобие Ваше, создан мой облик,
склонившийся пред алтарем чистой бумаги.
К Вам я взываю.*

Сенгор «своего» африканца и приписываемого Гегелю и Марксу в качестве зеркально-альтернативной модели европейца, по существу, заставляет смотреть на мир с разной «высоты» Истории, игнорируя масштабы и характер общения на тех или иных ее этапах. Под этим углом зрения гносеологическая антитеза негритюда создает ситуацию, аналогичную тому, как если бы человека, разглядывающего прохожих через дверь хижины, считали заведомо большим гуманистом в сравнении с тем, кто смотрит на них же с крыши небоскреба. Ведь первый видит их крупным планом, отчетливее воспринимая детали, нюансы, частности, а спектр помех, отвлекающих его внимание, существенно уже! Если же перенестись из «высей» политического сознания на почву обыденных представлений, то речь пойдет о нарочито заостренном противопоставлении идеализированного первобытнообщинного строя и жестоко-агрессивного капитализма, то есть эпох и цивилизаций, а не континентов и этносов. Ни на что не похожая, не имеющая исторических аналогов сугубо африканская самобытность является, по тонкому замечанию Сенгора, «продуктом особого пространства и времени, то есть специфической географии и истории, этноса и культуры». Идеализация милого привычного прошлого и страх перед неведомым будущим лежат в эмоционально-смысловом подтексте и негритюда, и африканской этнофилософии.

Иными словами, как континентально-расовая доктрина негритюд еще при жизни Сенгора отжил свое, израсходовав былой антиколониалистский и антирасистский потенциал, эволюционируя в очень специфическую социал-демократию нарождающегося африканского среднего класса. Более того, как реликт недавней концепции черного национализма и даже черного расизма он отстал от быстротекущей жизни, а заикленность на нем стала выступать в качестве предмета юмора. Например, один из героев романа известного нигерийского писателя, лауреата Нобелевской премии Воле Шойинки «Интерпре-

таторь», возвращаясь в машине после затянувшейся на всю ночь вечеринки, жалуется другу: «*Это проклятое виски. Жжет, как негритюд*». И еще один афоризм на эту тему того же автора: «*Тигр не нуждается в декларировании своего тигритюда – тигр просто прыгает!*»

«Людоеды живут на Западе»

Мировые войны в Европе с участием нескольких миллионов сепаратистских и прочих «стрелков» из африканских колоний и протекторатов естественно разрушили в их глазах представление о всемогуществе и непобедимости белого человека, подверженного тем же страданиям, пулям и смерти, что и сражавшиеся плечом к плечу с ним африканцы. Рухнули иллюзии тотального гуманизма западной культуры и цивилизации, терпеливо насаждавшиеся дотошными европейскими миссионерами. Когда официальная Франция отвернулась от ввергнутых по ее инициативе в жестокую битву сенегальских стрелков, мировоззрение поэта сдвинулось в сторону неприязни к вестерн-цивилизации. Пребывание в Нью-Йорке он описал в духе симптомов глубинного кризиса человечности:

*Нью-Йорк! Сначала меня смутила твоя красота, твои
золотистые длинноногие девушки.*

*Сначала я так оробел при виде твоей ледяной улыбки и
металлически-синих значков,*

*я так оробел. А на дне твоих улиц-ущелий, у подножья небоскребов,
подслеповато, словно сова в час затмения солнца, моргала глухая*

тревога,

*и был, точно сера, удушлив твой свет, и мертвенно-бледные
длинные пальцы лучей смыкались на горле у неба,
и небоскребы зловеще грозили циклонам, самодовольно играя
своими бетонными мышцами и каменной кожей.*

Две недели на голых асфальтах Манхэттена,

а к началу третьей недели на вас прыжком ягуара налетает тоска.

*Две недели ни колодцев, ни свежей травы, и птицы откуда-то сверху
падают за смертью под серый пепел террас.*

*Ни детского смеха, ни детской ручонки в моей прохладной ладони,
ни материнской груди, только царство нейлоновых ног,
только стерильные ноги и груди.*

*Ни единого нежного слова, только стук механизмов в груди --
стук фальшивых сердец, оплаченных звонкой монетой.*

*Ни книги, где бы слышалась мудрость. Палитра художника
расцветает кристаллом холодных кораллов.*

*И бессонные ночи... О ночи Манхэттена, заселенные бредом
болотных огней, воем клаксонов в пустоте неподвижных часов.*

*А мутные воды панелей несут привычную тяжесть гигиеничной любви --
так река в половодье уносит детские трупы.*

Парадоксально, но тема цивилизационного «людоедства» звучит по адресу просвещенного Запада из глубин сознания самого каннибальского и дикого, по его мнению, континента. Сенгор приводит сомнения по поводу гуманности западного мира, одолевающие неграмотного, но мудрого односельчанина. Как ни странно, их взгляды совпадают по смыслу. *«Все белые – людоеды, – сказал он президенту, – у них нет никакого уважения к людям... убив»* другого, они используют его смерть как средство достижения своих еще более «людоедских» целей. Они гордятся «приручением» природы, но жизнь не приручишь. Боюсь, все это плохо обернется. Белые, одержимые страстью к разрушению, в конце концов, навлекут на нас беду», – заключил с тревогой старик. Такова обыденная оценка неизбежного краха вестернизированного образа жизни, основанного на потребительстве, накопительстве, стяжательстве, эгоцентризме, гонке наперегонки с самим собой, альтернативу ему многие африканцы видят в стратегии выживания, становящейся все более очевидным императивом человечества. В этом смысле бытовая мудрость неграмотного крестьянина в принципе совпадает с выводом, который с большой натугой сделали самые продвинутые интеллектуалы Западной Европы, объединившиеся в рамках элитного Римского клуба. Слышится в размышлениях доморощенного сенегальского старика-философа и нечто созвучное призыву антиглобалистов «Единство не монополий и банков, а Человечества и Природы».

Сенгор, колеблясь и мучаясь, горячо стремясь к лучшему будущему, явно страдал ностальгией по «славному прошлому» и его атрибутам. В поэме «Возвращение блудного сына» чаша весов сомнений поэта склоняется к озаренному романтикой благородству предков:

*Я припадаю к вашим стопам, в пыли моего уваженья,
к вашим стопам, мои бессмертные предки; ваши маски здесь,
в этом зале, смеются с презреньем в лицо бездушному Времени.
Верная служанка моего детства, омой мои ноги,
покрытые грязью Цивилизации...*

Но в глубине сознания он понимает, что это горячий порыв ночной мечты наедине с любимой женщиной, мечты, которая длится до той поры,

*пока ангел Зари не вернет меня в руки твои,
к твоему слепящему и такому жестокому свету,
Цивилизация!*

Сенгор открыл остальному миру другое, внеевропейское, самобытно-африканское измерение духовности. Он сердцем поэта и мудростью политика прочувствовал тупиковость западной цивилизации, которая тянет за собой на край экологической пропасти и антропологического вырождения остальное человечество. Между тем присущая африканцам естественная «стратегия выживания» все более явно становится реальной альтернативой техногенному Апокалипсису как императив дальнейшего существования людей. В этом смысле бедная Африка «нужна» богатой Европе не меньше, а, скорее, больше, чем Европа ей.

*Ныне, когда уходит навек Африка древних империй,
царица в агонии жалкой,
когда погибает Европа, – а мы связаны с ней пуповиной,
опустите взгляд неподвижный на ваших детей,
подвластных жестоким приказам,
на ваших детей, отдающих жизни свои, как нищий – последнее рубище.
Пусть мы ответим: «Здесь!» – когда нас позовет Возрождение мира.
Пусть мы станем дрожжами – без них не взойти белому тесту,
ибо кто внесет оживляющий ритм в этот мертвенный мир
машин и орудий?..*

Российские ассоциации

Я нахожу в творческом наследии этого великого философа, поэта и идеолога геопсихологический формат планетарной антитезы «Север – Юг». В его трактовке она включает в себя рефлексии образа иной, чужой, непривычной, а потому «ненастоящей», ущербной цивилизации, а также культуры, представлений о смысле жизни, институтах власти и отношениях собственности. Ему невдомек, почему напрочь запутавшаяся в заманчивых сетях технологизма вестерн-цивилизация под флагом благотворительности предлагает странам Африки занять места в поезде, в ускоренном темпе катящемся в пропасть бесчеловечности и неизбежных катаклизмов в отношениях с природой и остальным миром.

Обострившееся противостояние Запада и Востока в лице мусульманского протеста, экстремизма и терроризма имеет под собой мощный пласт не только геополитики и геоэкономики, но главное – геопсихологии. Африканское видение симптомов увядания и трагического эгоцентризма вестерн-цивилизации помогает нам лучше понять не только свое подспудно-глубинное отношение к Западу как социальному феномену, энергично предлагаемому нам в качестве безупречного образца

желанного будущего, но и прочувствовать молчаливо-протестную житейскую логику населения третьего мира, поэтически ярко и психологически точно выраженную Сенгором. Без учета этого, безусловно, планетарного фактора человечество рискует встать на путь сепаратистки локального одичания или безумную тропу глобального самоуничтожения. Опасность обеих этих тенденций очевидна, но пути их блокирования подлежат тщательному исследованию, в том числе в контексте российских проблем и державных интересов.

В российские реалии, будто две нити хромосом, вплетены их европейские и азиатские корни. Дискуссии о выстраивании отношений России с Западом и с Востоком могут быть обогащены опытом общения Сенегала с бывшей метрополией Францией, в котором Сенгор настойчиво искал модель будущей общечеловеческой цивилизации. В чем же заключается главный вывод его полувековых теоретических размышлений и политической деятельности, включая 20-летнее пребывание в должности президента страны, не знавшей в этот период и последующее время сколь-нибудь острых политических катаклизмов? В том, что Юг и Север могут осуществить плодотворное взаимовлияние, обогащая культуру и менталитет друг друга, в условиях экономической и психологической толерантности как предпосылках устойчивого по отношению к внешним помехам социально-экономического развития. Кстати, сейчас Сенегал вошел в валютно-финансовую зону евро, тем самым делая ее де-факто фактором трансконтинентальным.

Сенгоровские идеи гуманистической стыковки присущих разным цивилизациям структур сознания и жизнедеятельности при сохранении многих глубинных ментальных традиций и привычных форм поведения отнюдь не ушли из жизни вместе с ним. По сути, они только теперь начинают свою «жизнь после жизни», ибо представляют интерес и нетривиальную информацию для размышления политикам и политологам, социологам и психологам, упорно примеряющим к российской реальности одежды западного покроя, исключая африканские и афро-европейские как заведомо непригодные для нас. А зря! Ведь именно Россия сумела соединить в себе, синтезировать, сплавить в нечто единое Восток и Запад, два континента – Европу и Азию, две расы, несколько религиозных конфессий. И не только географически, политически, экономически, но и психологически, культурологически, интеллектуально и эмоционально. Если печальная участь колониальной и нынешней «умирающей» Африки для России – угроза, то пример России для Афри-

ки во многом поучителен в своих как величественных, так и трагических ипостасях. Об этом невольно думаешь, читая и перечитывая Сенгора.

Четвертая сценическая площадка

В Европе и Америке только и говорят, что о продлении жизни людей и дискутируют об отмене смертной казни. А на Востоке смерть часто не просто обычное, но и желанное либо неоспоримо ниспосланное Свыше явление. Вспышка неожиданно разросшегося международного терроризма и феномен массовой готовности правоверных мусульман к выполнению роли камикадзе в политических авантюрах и террористических акциях против незащитного мирного населения по-новому высветили тему жизни и смерти, взаимосвязи поколений и реинкарнации в классическом восточном менталитете.

Впрочем, и европейцы любят к месту и не к месту вспомнить предков, в качестве заклинания нередко заботиться о потомках, в том числе еще не родившихся. Транспоколенческий коллективизм в принципе присущ человеческой природе. Но слишком уж он порою замусолен пустопорожней болтовней и замусорен бытовыми психологическими отходами трудного смутного времени. Для прояснения ситуации можно обратиться к творческим поискам нобелевского лауреата, нигерийского поэта и писателя Воле Шойинки.

Я – не йоруба и даже не нигериец, но чувствую в себе способность понять и донести до российского читателя первозданную логику связи поколений и смерти как естественного перехода человека в другое «помещение» вездесущей Природы. Напротив, евроамериканцы, как правило, ждут ее с паническим страхом как трагического обрыва жизни и краха личности, пытаюсь избежать или, по крайней мере, отсрочить ее путем глубокой заморозки или клонирования. Вспоминается притча о беседе двух эмбрионов-близнецов в чрезвычайной ситуации начала предродовых схваток матери. Один из них предлагает другому проститься навсегда, покидая теплое, комфортное, уютное материнское чрево. «А вдруг!» – с надеждой восклицает второй брат. «Но ведь оттуда никто еще не возвращался!» – парировал пессимист. «Может быть, там тоже неплохо?» – настаивал оптимист. Примерно так или почти так думают о смерти на Востоке, перенося «по ту сторону» жизни привычные стереотипы традиционных отношений.

Час уснувших семян, хранящих застывшее время

Воле Шойинка, полемизируя с Леопольдом Сенгором в большей степени акцентирован на будущее, нежели на славное прошлое, воочью лично столкнувшись в мятежной Биафре с кровавыми «прелестями» племенного сепаратизма. Историческое прошлое для Шойинки – не столько идеал, сколько кошмар полуживотного образа жизни с его неотвратимыми табу и жестокими, часто бессмысленными ритуалами. Что ушло, того не вернуть! Мысль о болезненности перемен, даже неотвратимых, пронизывает его стихотворение «Семя»:

*Когда наступает
час уснувших семян,
час распавшихся снов,
обнаженных древесных колец,
хранящих застывшее время...
Озари первозданную тьму, разожги
древний огонь в очаге, воскури
ароматом масла, соли, сурьмы
и слушай, что скажут о мире
эти мрачные предки судьбы.*

Будущее заключено в прошлом виртуально. Чтобы оно родилось здоровым и желанным, требуется длительное, подчас психологически мучительное, стрессовое, чем-то напоминающее обряд инициации расставание со старым, прежним, привычным состоянием. Шойинка знает по собственному опыту пребывания в мятежной Биафре и лагосской тюрьме, что и без того мучительный процесс кардинальной ломки такого привычного и удобного традиционного бытия проходит ныне в накаленной атмосфере шквалистых ветров перемен, зародившихся вне Африки, но готовых обрушиться на племенной мир своего рода психологическим цунами.

Можно и важно сохранить при этом дух и принципы коллективизма, спайки возрастных братств и поколений, бескорыстие и взаимопомощь, разрушаемые воздействием незваных цивилизаций, будь то европейская, восточно-азиатская или мусульманская. Как эмоциональная упаковка таких качеств, миф и эпос вполне «вписываются» в историю и реальную жизнь. Но без абсолютизации того или другого, напротив, с учетом их взаимопроникновения.

*А я ... пришелец, прошедший сквозь
вечное чрево веков,
смотрю, как опавшие листья лет
под пенным покровом дней*

*питают живительный перегной
и прорастают снова – в иной
ипостаси, и я ощущаю в ней
себя и серебряный след
бывших и вновь заходящих дождей, –
они пронизывают до костей
немых первородных пришельцев-гостей,
одинокое бродящих во тьме.*

Автор этих строк изобретательно использовал для характеристики внутреннего мира коренного африканца принцип дополнительности Нильса Бора, концепцию архетипов Карла Юнга и собственный виртуальный образ четвертой сценической площадки.

Принцип дополнительности рожден квантовой физикой и связан с давней дискуссией относительно противоречивой природы света, который в различных ситуациях и экспериментах ведет себя по-разному: то как частица (вещество, корпускула), то как волна (поле, энергия), то – добавлю от себя – как знак, носитель информации. Примерно так же многогранно и многокачественно традиционное африканское бытие.

Опираясь на теорию коллективного бессознательного, Шойинка сумел более глубоко, чем другие мыслители (а в Тропической Африке, как некогда в России, социальную роль философии, о чем уже говорилось, взяла на себя художественная литература), выразить утонченную специфику африканского менталитета. И вместе с тем не свести ее к тем чисто внешним атрибутам туристической экзотики, которые Шойинка язвительно назвал неотарзанизмом, или романтикой в набедренной повязке. Напротив, он подспудно прочувствовал перспективы, которые открывает перед сохранившим черты девственной социальности африканским обществом гуманистические достижения мировой науки и техники.

Четвертая сценическая площадка – плод драматургического таланта и художественного воображения Шойинки. Так и хочется назвать ее «четвертым измерением» традиционного бытия и каналом контакта с другими цивилизациями нашего времени. Почему? Потому что это одновременно и забронированное место во времени круговой трансформации замкнутого в своей самодостаточности племени, и разверзнутая, зияющая бездна перехода его к новым реалиям мира, и информационный геном, заключающий в себе предпосылки, препятствия и возможности встречного приобщения к ним. В духе вечного соотношения Вещества, Энергии, Информации в природе и Истины, Добра, Красоты в социальных идеалах! Режиссерский

термин символизирует неизбежно-извечный драматизм жизненного процесса, означая у Шойинки и место встречи, и связующее звено классической языческой троицы африканского анимизма – вневременного тождества живущих, умерших и тех, кому только предстоит родиться. С точки зрения восприятия течения времени как своего рода эскалатора поколений, смены возрастных когорт этнопопуляции, все они находятся в невидимом снаружи едином круге взаимопревращений. Именно четвертая сценическая площадка придает интегральную четырехмерность монотонному, кажущемуся со стороны однообразным и скучным традиционному бытию, открывая виртуальную возможность общения между тремя основными группами всех поколений.

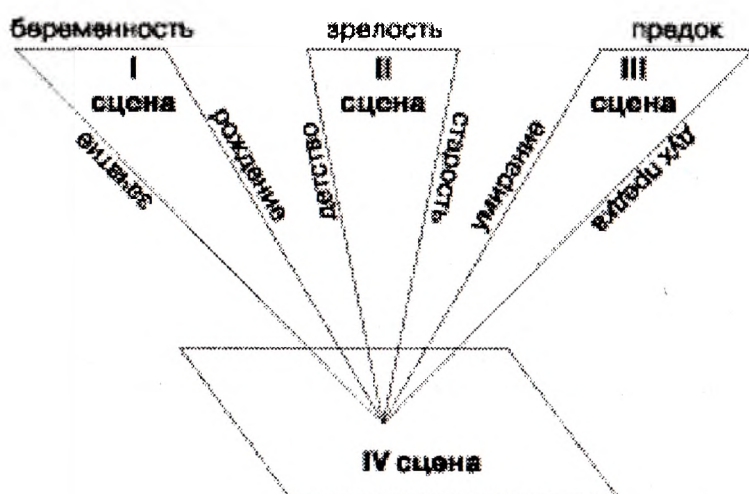
Здесь кроется ответ на вопрос: чем отличается остерегающийся будущего и потому цепко держащийся за знакомое прошлое африканец от евроамериканца, оторванного, по сути дела, от корней своей истории, вспоминаемой, как правило, лишь в связи с юбилейными датами и культурно-мемориальными мероприятиями? Последний как бы забрасывает в будущее якорь своих надежд и планов (разбогатеть, прославиться, осясатливить себя, близких, страну или даже все человечество). Африканец, скорее, напоминает легендарного критянина, который разматывал носимую с собой нить Ариадны, материально и психологически связывавшую его с родным домом и стоящим за ним прошлым. Другой популярный на Африканском континенте образ – двуглавый либо двуликий чернокожий Янус, заглядывающий в будущее с оглядкой на прошлое.

Вести с «того Света»

В одном из своих наиболее ярких и противоречивых произведений, пьесе «Пляска леса», Шойинка как бы выворачивает наизнанку вопиющую двойственность жизненного устройства своих соплеменников-йоруба. Он мистифицирует воображение зрителей, выпячивая смелыми сценическими средствами эмоциональную подоплеку традиционного ритуала Празднества Поколений. Совет Смертных через Владыку Леса призывает на него «нижних соседей» во времени – Мертвых. Лесные Существа, недовольные поведением Живых, пользуясь подходящим случаем, готовят им подлую каверзу.

...На глухой лесной поляне неожиданно вспучивается и быстро растрескивается почва. Но вместо Прославленных Предков после долгих усилий на ее поверхности появляется Неупокоенный Покойник, помогающий выбраться из-под

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ «ЧЕТВЕРТОЙ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПЛОЩАДКИ» ВОЛЕ ШОЙИНКИ

- I сцена – неродившиеся (потомки)
- II сцена – живущие (смертные)
- III сцена – умершие (предки и души)
- IV сцена – их взаимодействие

земли своей подруге – Покойнице, которая к тому же беременна, что символизирует участие в Собрании также неродившихся – потенциальных членов племени. Ее неожиданная физическая смерть лишь приостановила, но не отменила роды, не состоявшиеся сто поколений назад. Владыка Священного Леса и прислуживающие ему духи по просьбе живущих пригласили на Большое Собрание Племени и умерших, и неродившихся, потенциальных Потомков.

За что же так испорчен тщательно готовившийся Праздник? Вероятно, имеется в виду принцип вечной (в недифференцированном времени срок давности отсутствует по определению) коллективной ответственности племени за действия каждого индивида. А также более суровая кара в тех случаях, когда предмет посягательства или причинения ущерба стали общественные, а не индивидуальные интересы, включая тех, кого уже или еще нет на этом свете.

Такова мрачная прелюдия рокового Танца Леса. При этом Шойинка мыслит драматургически и концептуально. В его режиссерском сознании смертные (живущие), умершие и еще не родившиеся (будущие члены племени) выступают как бы на трех разных сценах, где разыгрывается в принципе единая Драма Жизни. Местом «пересечения» ее отдельных актов выступает та самая виртуальная четвертая сценическая площадка, на которой представители разновременных “миров” встречаются, общаются, дают друг другу советы, высказывают претензии, спорят и ссорятся, выясняют отношения, словом, могут искать консенсус и находить примирение во имя всепоглощающего принципа единства и родства.

Границы между сливающимися в рамках вечной общины мирами живущих, умерших и еще не родившихся в африканском сознании сильно размыты, но вместе с тем достаточно прозрачны, в чем-то даже призрачны и, во всяком случае, вполне проницаемы. Причем под древними примитивными виртуальными представлениями лежит мощный пласт неведомых архаическому менталитету реальных жизненных закономерностей и тенденций. То эволюционное прошлое, что живет в нашей генетике, морфологии, психологии. Именно современный подход к раскодированию мифологических представлений помог талантливому африканскому интеллектуалу Шойинке столь просто и изящно вскрыть неуловимые при иных мировоззренческих подходах фантастически противоречивые грани традиционного вечного племенного социума.

В свою очередь, единство трех его разновременных частей имеет своей психологической скрепой достижение согласия и гармонии, искусное сглаживание неизбежно возникающих противоречий, словом, стремление понять другого и принцип терпимости. *«Будучи главным элементом, регулирующим отношения между людьми и между общинами, терпимость, – по словам сенегальского историка, бывшего министра образования своей страны Ибо Дер Тьяма, – является императивом, управляющим всей африканской общественной жизнью. Это означает отказ от недоверия к другим людям, а также от страха и предрассудков по отношению к новому, неизвестному, необычному или выходящему за рамки нормального».*

Головоломно закрученная, фантастическая, однако отнюдь не похожая на ужасы Кафки и Хичкока или фильмы о зомби, необычная и малопонятная для европейского ума фабула пьесы «Танец Леса» демонстрирует, помимо всего прочего, своего рода прозрачность и проницаемость границ между поколениями, отсутствие непреодолимой стены времени, разделяющей их.

Участие в подготовке Собрания Владыки Леса и Лесных Существ (как добродушных, так и зловредных, порочных, подлых) свидетельствует о глубоком понимании многими поколениями йоруба жизненной важности сохранения баланса с силами внешней природы в лице мифологически-сказочных человекоподобных духов, сохранивших немало черт прежде безраздельного анимизма, зооморфизма и тотемизма. Словом, рубежи не только между эпохами и поколениями, но и перед окружающей природной средой буквально тонут во всепоглощающем единстве взаимосвязанной целостности окружающего людей мира.

Виртуальная бездна перехода

Психологический мост в будущее строится африканскими интеллектуалами с разных краев созданной завихрениями Истории неравномерности развития народов, стран, континентов. Ученые предпочитают называть межцивилизационными разломами то, что на языке поэзии Шойинки звучит как бездна перехода. Именно над ней нередко буквально висит сознание типичного африканца, черпающего необходимую для жизни информацию, эмоции, стимулы и модели поведения то на одном, то на другом ее неровных краях, а зачастую – в самом процессе ее преодоления.

Здесь напрашивается аналогия с появлением виртуальных частиц в процессе квантовых взаимодействий. Именно в таких нестандартных, пиковых ситуациях вместе с принципиально новыми феноменами возникает генетическая вилка их эволюционных орбит. Она реализуется либо как беспомощно-пассивное исчезновение со сцены, либо как мощный дебют, связанный с успешным освоением в острой конкурентной борьбе с носителями нестандартных условий и процессов, породивших из предшествующего небытия, или в лучшем случае инобытия, такого рода виртолюцию. Этот удачный термин предложен профессором Николаем Носовым и, вероятно, применим не только к психологии, но также к реалиям других сфер окружающей человека действительности.

Чтобы не уходить слишком далеко от этнических проблем менталитета, хочу напомнить гениальный этюд Карла Юнга о превращении европейских поселенцев, попавших в созданную взаимодействием индейцев и негров психологическую среду, в «стопроцентных» американцев с манерами негра и душой индейца.

«Прежде всего, – писал он, – мне бросилось в глаза огромное влияние негра, я имею в виду, разумеется, психологическое влияние, без смешения крови. Эмоциональную открытость американца, особенно его смех... в первоначальной форме можно встретить у негра. Своеобразная походка со слегка расслабленными конечностями или раскачивание бедрами, которое так часто можно наблюдать у американок, тоже происходят от негра. Источником вдохновения американской музыки, равно как и танцев, является негр... Необычайно живой темперамент большинства американцев, проявляющийся не только в игре в бейсбол, но и в своеобразном языковом выражении радости, о чем красноречиво свидетельствует непрестанный и безбрежный поток болтовни в американских газетах, вряд ли можно объяснить германскими предками. Он скорее похож на «chattering» (болтовню) негритянской деревни. Чуть ли не полное отсутствие интимности и связывающая всех между собой массовая общественность напоминают первобытную жизнь в открытых хижинах с абсолютной тождественностью всех членов рода». Даже если этой «хижиной» является Белый дом. Заинтересованное обсуждение всей страной перипетий семейной жизни четы Клинтонов – достаточно яркий тому пример!

Такое же «заражение первобытностью» (термин Юнга) европейские переселенцы получили от коренных обитателей

континента, но в форме, гораздо менее заметной внешне. Борьба с индейцами вылилась в конце концов в их героизацию и незаметное за стеной высокомерного презрения, но неотвратимое, невольное, старательное подражание им. «В американской фантазии о герое, – констатирует Юнг, – главную роль играет индейский характер. Отношение американцев к спорту совершенно несопоставимо с европейским уютом. Только индейские инициации могут посостязаться с беспощадностью и жестокостью сурового американского тренинга. Во всем, к чему стремится по-настоящему, проявляется индеец: в чрезвычайной концентрации на определенной цели, в упорном ее преследовании, в стойком перенесении огромных трудностей целиком проявляются все легендарные добродетели индейца». Не только вестерны и детективы, но также триллеры и страшилки Альфреда Хичкока демонстрируют, что в теле благородного и героического гражданина США живет душа американского аборигена – индейца.

Франклин оставил нам интересные подробности о том, как этот психологический синтез с индейцем зарождался. Два с половиной столетия назад между правительством штата Виргиния и Шестью племенами, представлявшими конфедерацию локальных индейских социумов, состоялись переговоры. Европейские поселенцы, движимые лучшими побуждениями и желанием продемонстрировать свою щедрость, предложили вождям Шести племен прислать для обучения на полном пансионе всем наукам белых людей полдюжины своих сыновей. На следующий день, как того требовал этикет краснокожих американцев, их оратор выразил благодарность правительству Виргинии за это предложение.

Дальнейший текст его выступления стоит того, чтобы привести его полностью. «Потому что мы знаем, – сказал он, – что вы высоко цените науки, которым обучают в колледже, и что содержание наших молодых людей будет очень дорого для вас. Поэтому мы убеждены, что этим предложением вы хотели сделать нам доброе дело; и мы сердечно вас благодарим. Но вы мудры и должны знать, что разные нации по-разному мыслят, и поэтому вы не должны обижаться, если наши представления о такого рода обучении не совпадут с вашими. У нас есть в этом некоторый опыт: несколько наших юношей недавно получили образование в колледжах северных провинций, они были обучены всем вашим наукам; но когда они возвратились к нам, то оказалось, что они плохие бегуны, не знают, как жить в лесах, неспособны переносить холод и голод, не умеют

строить хижины, охотиться на оленей, убивать врагов, хорошо говорить на нашем языке, и поэтому они неспособны быть ни охотниками, ни воинами, ни членами совета; они вообще ни на что не годны. Однако это не уменьшает нашей благодарности за ваше доброе предложение, хотя мы не склонны принять его; и чтобы показать вам это, мы, если жители Виргинии направят нам дюжину своих сыновей, позаботимся как можно лучше об их воспитании, обучим их всему, что мы знаем, и сделаем из них настоящих мужчин».

Словом, на примере наиболее развитой страны XX века Юнг в миниатюре талантливо набросал возможную схему генезиса толерантности как ментального механизма складывающейся в информационную эпоху глобальной полиэтнической психологии, неизменно включающей в себя генетические и поведенческие, виртуальные и константные компоненты.

«Жизнь и сказка из одной груди сосут»

Эта незатейливая и вместе с тем мудрая африканская пословица дает ключ к пониманию того, что бытие архаического общества протекает и осознается как бы в двух (витально-константной и виртуально-образной) плоскостях, которые в традиционном менталитете в значительной степени сращены друг с другом. В ткань повседневности, будто две нити хромосомы, вплетены и статичные мифологические мотивы, и динамичные вехи исторических событий. В сознании африканца миф явно еще доминирует над Историей, диктуя людям непререкаемые стандарты поведения, сформулированные далеким прошлым. Проблемы и поступки живых, умерших и еще не родившихся универсальны, зависимы друг от друга. Они не имеют срока давности. Ответственность за отступление от традиций неотвратима и настигает провинившихся даже спустя сто поколений.

Из этой мифологической схемы мироздания и временной структуры бытия следуют вполне конкретные житейские представления и взгляды, мотивы и стимулы поведения, выступающие регулятором архаического образа жизни. Скажем, природные ресурсы племенной территории представляют собой совместную собственность множества поколений. Поэтому традиционное африканское крестьянство столь болезненно воспринимает переход в индивидуальную, а тем более частную собственность невозделываемых земельных участков, естественных водных источников, лесов и рощ, а бушмены противятся проведению на их территориях коммерческих туристиче-

ских сафари. Отсюда – тщательная регламентируемая обычаем коллективная забота о гармонии с животным и растительным миром, который передан предками и завещан потомкам.

Ответственность перед теми, кого уже или еще нет, выражается в том, что решение ключевых вопросов природопользования и личных (в том числе интимных) отношений осуществляются смертными перед «лицом» значительно более многочисленных умерших и неродившихся. Имеется в виду институт «первобытного парламентаризма» – знаменитый палабр, а также довольно жесткий и подчас откровенно бесцеремонный общественный патронаж личной жизни отдельных индивидов. Словом, проблемы взаимодействия людей с природой и друг другом по инерции отражаются в мифах и эпосе, а уже через них традиционным психологическим маршрутом как бы возвращаются в сознание новых поколений.

Африканцу чужда и по-своему затруднительна привычная нам причинно-следственная расшифровка событий и процессов, вторгающихся в жизнь. Все, что приходит извне, непонятно, неожиданно, незвано, ассоциируется с чудом, плохим или хорошим – без разницы. Имеется в виду тянущийся из недр дремучей первобытности эмоционально-чувственный аналог рациональной категории случая в каузальной картине мира. Здесь лучи двух или нескольких автономно-закономерных процессов, пересекаясь друг с другом порою самым причудливым образом, причиняют изменения прежнему состоянию людей, вещей, отношений, ситуаций.

Чудо в таком контексте – нечто из ряда вон выходящее, антитеза и альтернатива парадигме застоя и монотонного повтора, того, что Маргарет Мид назвала постфигуративной культурой. В ее рамках дед, взяв на руки новорожденного внука, может с большой долей вероятности предсказать его жизненный путь по аналогии со своим собственным. Вместе с тем, будучи в проявлении своем непредсказуемым, чудо как неотъемлемый компонент архаического мышления – есть ожидание. Оно принимается на веру и ничем не подтверждается, кроме самого факта своего свершения. Более того, чудо вовсе не нуждается в каких-либо объяснениях, доказательствах, аргументах, свидетельствах, соотнесениях с позицией житейского здравого смысла, который выступает как бы другим пластом той же реальности.

Африканские чудеса, как, впрочем, и все иные, переплетаются самым непостижимым образом с реальными, в том числе исторически зафиксированными событиями, процессами, тенденциями, персоналиями. Первичным источником чуда высту-

пает, таким образом, сам человек и мир человека, преломленный фантазией в тотемические и космогонические мифы, на которые опираются фатальные запреты-табу и магические ритуалы. Прозаическое, обыденное течение традиционного бытия воспринимается коренными жителями континента примерно так, как стоячая вода в пруду. Его подвижность осознается лишь посредством фиксации видимых и ощутимых результатов включенных в него неординарных процессов и событий. Иными словами, в недрах внешней статичности, где изменения таким психологическим хамелеоном незаметно подкрадываются к спокойной поверхности неторопливой размеренной жизни, заставляя хоть как-то обратить на себя внимание и вообще с собой считаться.

Миф – не просто выдумка, не голый плод фантазии излишне эмоциональных предков. В его фундаменте лежит до неузнаваемости трансформированное устными пересказами многих поколений нечто вполне реальное – события или действия, некогда поразившие воображение зрителей и участников своей неожиданностью, необычностью, важностью для потомков. Поэтому в мифе замысловато наивно закодированы и кодекс поведения, завещанный давно ушедшими в мир иной, и сложившаяся в их эпоху структура отношений к природе, соседям, друг к другу и самим себе. Миф всегда был застывшим эмоционально-художественным образом окружающего мира, и не более того. Но жизнь брала свое, а история вершилась как бы рядом с ней. Легенда и эпос рождаются на пересечении действительного жизненного процесса с мифом, романтизируя обыденность стереотипного бытия ожиданием чудесных превращений (событий) и оживляя древнейшие народные сказания путем насыщения их реальными проблемами, конфликтами, именами. Оба они – родные дети мифа. Вкрапленная в них действительность плотно окутана кучевыми облаками символов, иносказаний, пословиц, поговорок, загадок. Легенда и эпос представляют собой своего рода мост между первичным мифом – продуктом зари человечества и историей как его основной летописью, пусть даже устной либо знаковой. Легендарность и связанная с нею сказочность медленно, как бы неохотно выплывают из обыденной жизни племени как ее украшение, расцвечивание, источник оптимизма и веры будущее, аналогичное прошлому, как устный ненормативный кодекс достойного и заведомо одобряемого предками поведения.

Чудеса африканского фольклора и эпоса – оживающая в процессе их исполнения фантазия народа, идущая из далекого

прошлого. Сливаясь с современностью, она как бы озаряет, расцветивает, одухотворяет монотонность традиционного бытия и вместе с тем смягчает оптимизмом прошлого то, что незванно-негаданно врывается в него извне, пугая и обнадеживая одновременно. Такого рода эмоциональная готовность африканца к восприятию чудесности как неотъемлемого компонента окружающего его мира может служить важной психологической предпосылкой успешного усвоения технологических и гуманистических новаций, накопленных в других цивилизациях и регионах планеты.

Скромное обаяние африканской мифологии

В доме, где живет любознательный мальчуган – подросток, – неожиданно появляется бродячий гриот, певец-сказитель со своими балладами о героических предках. Мальчишки, словно молодые обезьянки, облепили после захода солнца раскидистый баобаб, под которым расположился пришелец со своим неизменным балафоном. И слушали певца, затаив дыхание. Еще бы! Все так ново, романтично, увлекательно и привлекательно, будто ты сам жил в то славное время и все это происходило на твоих глазах, при твоём участии. Вместе со щемящим чувством личной сопричастности всплывают образы и фрагменты сказок, слышанных в детстве, и племенных преданий, передаваемых из уст в уста от деда к внуку, от бабушки к внучке. Не то что школьный учитель – эволюз, буквально помешанный на подобострастном и нелепом копировании всего французского. Его послушать, так сердцевиной истории человечества были сплошные Карлы и Людовики. От такой тягомотины скулы сводит, как от кислой сливы.

...Гриот со своим балафоном пошел дальше вдоль берега Нигера, сказав ребятам на прощанье: «Теперь вы знаете, что вашим прадедом был великий Сундията. Гордитесь этим и старайтесь быть такими же благородными, великодушными, любящими свою родину и свой народ людьми, каким был ваш великий предок».

Это краткий пересказ сценария фильма «Сундията», снятого кинематографистами Буркина-Фасо. Лента убедительно показывает, что и сегодня сознание молодого поколения африканцев формируется, опираясь непринужденно и естественно прежде всего на эпос с его чудесами и мифами, вкрапленными в контекст реальных исторических событий и поступков отважных и мудрых предков, нежели на сухие и одиозные учебные пособия, отпечатанные в бывшей метрополии.

Дитя Льва и Буйволицы

Классический мандингский эпос XIII века «Сундията» может быть признан шедевром вольности обращения тянущейся из глубин древности народной фантазии со временем, а заодно и с законами биологии, физиологии, медицины.

Сказание красочно повествует о борьбе главного героя, богатыря и волшебника, со злостным язычником и ярым противником ислама. С царем-кузнецом, тоже богатырем, но вместе с тем вероломным и коварным захватчиком Сумаоро, носившим одежды из кожи людской, снятой с побежденных им царей. Эту балладу странствующие гриоты обычно под аккомпанемент трехструнного балафона, чем-то напоминающего нашу балалайку, распевают по всему Сахелю (западноафриканской саванне) – от разбросанных темными кучками, изодранных в процессе бесконечных перекочевок шатров фульбе и туарегов среди песков южной кромки Сахары до фешенебельного ресторана на крыше пятизвездного отеля в центре Дакара.

Будто вырывающиеся из глубины веков, в чем-то сюрреалистичные, эти импровизированные представления, нередко с активным подключением самих слушателей, начинаются строго после заката, когда чернильная тропическая тьма поглощает детали, отвлекающие от сосредоточенного, самозабвенного погружения в действо. А неподвижно-серебристый свет луны и пляшущие языки пламени костра или их электрической имитации в арт-шоу для иностранных туристов придают мистически-магнетический шарм и голосу гриота, и глуховатым струнам его инструмента, и приобретшим незнакомые, будто колеблющиеся в отраженной воде очертания величественных пальм, хижин, фигур и лиц присутствующих. Такое исторически сложившееся дихотомическое деление суток на обыденные, привычные, стереотипные действия, обеспечивающие физиологическое выживание людей, и мифологическую рефлексию, связанную с фантастическими, романтическими, таинственными сторонами той же самой жизни, но уже другой – ночной, лунной, сказочной, – дает мощный психотерапевтический эффект. Происходит отключение, отвлечение, забвение однообразных и монотонных дневных проблем путем видения и чувственно-эмоционального осмысления их под углом зрения традиционных представлений о мироустройстве, чудесных превращениях, деяниях предков и их духов, тотемов, космогонических сил и принявших эпический облик реальных исторических персонажей.

С Сундиятой, его матерью Соголон и другими действующими лицами эпоса (по подсчетам одного из гриотов, озвученных

на научной конференции, посвященной этой легенде, они жили 777 лет назад) потомки могут в течение нескольких часов, пока их не сморит сон, общаться тет-а-тет. Это и релаксация после тяжелого жаркого дня, и дань уважения предкам. И сплочение коллектива. И психологическое отделение суетного от вечного, обыденного от святого, второстепенного от фундаментального.

Именно в эту эпоху в присахарской степи Сахеля (в переводе с арабского «Берег») изначально плавное течение жизни языческого социума (с неизбежным акцентом на регулирование баланса отношений с природной средой) приходит в столкновение с ежедневной пятеричной молитвой и пятничными ритуалами – с принципиально новой, рожденной в иных краях и условиях разбивкой времени и в его рамках, – специфической структурой организации деятельности людей. Такой перелом не мог пройти гладко, тем не менее он в тот период, видимо, был неизбежным. В экономическом смысле приход ислама имел своей подспудной основой вступление народов Сахеля на путь неолитической цивилизации, открывающей возможности развития и взаимодействия скотоводства, земледелия, ремесла и торговли¹.

Психологическим одеянием экспансии неолитической революции было в Западной Африке зеленое знамя аравийского пророка, как на Руси хоругви пришедшего из Византии христианства, до сих пор уживающиеся и тут и там с неистребимыми до основания языческими корнями свободолюбия и непокорности.

Чудеса начались еще до рождения Сундияты. По версии финского этнолога Юха Ваккури, записанной им со слов гриота Бамбы Сусана в Гамбии, беременность матери главного героя длилась семь лет¹. Объясняют это гриоты тем, что представителю сил зла Сумаоро (в другой транскрипции – Сумангуру) придворные предсказатели-астрологи сообщили о зачатии

¹ Прежняя система присваивающего хозяйства – охоты, рыболовства, собирательства, подсечно-огневого мотыжного земледелия и примитивного отгонного скотоводства – издревле опиралась на мастерство местных кузнецов, с незапамятных времен научившихся «варить» болотную руду, содержащую окись железа, и изготавливать из нее орудия и оружие. Впрочем, считать данную технологию уникально африканской – обидеть наших родных пращуров. Как это ни удивительно, от Ладоги до Ньясы, от березовых лесов России до тропических джунглей Африки методы перехода от каменных орудий непосредственно к железным, минуя классические медный и бронзовый века, были не одинаковыми, но в принципе однотипными. См.: Андреев И.Л. Черная металлургия – древнейшая в мире? // Африка еще не открыта. М.: Мысль, 1967. С. 91–147 (имеется перевод на немецкий язык).

в стране ребенка, который лишит его царского трона. Тогда жестокий и властолюбивый Сумаоро повелел семь лет держать в заточении всех женщин страны Мандинга, а рождавшихся в этот период мальчиков уничтожать.

Но от судьбы, как от смерти, никуда не уйдешь. Узнав об изуверском решении правителя, Соголон обратилась за помощью к тотемам и духам предков. И с их помощью «отложила» роды именно на этот срок. Так ей удалось спасти сына.

Однако препятствия на пути едва появившегося на свет Сундияты к начертанному ему Свыше жизненному предназначению отнюдь не закончились, скорее, только начались. Они инициировались конкурентами мусульманских марабутов – местными колдунами. Раб, посланный его матерью ко двору отца с сообщением о рождении первенца, который должен был быть провозглашен наследником престола первой руки, прибыл во дворец во время трапезы правителя. И по излишней деликатности не решился ее прервать. Чуть позже к царю в качестве гонца от другой его жены явился Гриот с вестью о рождении ею мальчика. Обрадованный правитель мгновенно объявил о появлении на свет наследника. Когда же спохватившийся раб стал горячо объяснять, что Сундията родился раньше и именно он должен стать законным наследником, его уже никто не слушал. Царское слово у мандингов было равнозначно закону, не имеющему обратной силы.

В ответ на столь явную несправедливость разгневанный новорожденный отказался, когда пришло время, ходить и первые семь лет жизни ползал в знак своего протеста, а не в силу врожденного уродства, как это следует из других вариантов этой былины².

Тотемно-анимистические социальные силы, инициируемые Сумаоро и поддерживающими его колдунами типа волхвов на Руси, всячески противились экспансии ислама, но все-таки вынуждены были отступать. Вряд ли случайным представляется то обстоятельство, что впервые Сундията дошел лишь в силу необходимости, когда настал срок традиционного объедине-

¹ Возможно, гносеологическим ключом к расшифровке данного, несомненно, анимистического «аргумента» является отмеченный в ряде регионов мира феномен включения периода беременности в официальный возраст человека, который в таком случае исчисляется со времени зачатия. См.: Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. М.: Наука, 1992. С. 5.

² Ваккури. Цивилизации долины Нигера: легенды и золото. М.: Прогресс, 1988. С. 41–45.

ния его сверстников в младший возрастной класс, дабы не остаться на всю оставшуюся жизнь в гордом одиночестве, без поддержки «братьев по классу».

Само это событие напрямую не противоречило исламу, но на стыке с язычеством создавало особо плотную атмосферу чудес и подвигов, которые как бы нанизаны на невидимый стержень незримо текущего времени. Необычно растягивается продолжительность эмбрионального бытия обоих героев, разрывы во времени событий и сообщений о них «путают» реальную ситуацию первородства со сложившимися в результате информационных шумов представлениями о ней.

Баобаб – дерево согласия

Сундията поздно встал на ноги. Хотя он пролежал на циновке семь лет, но сразу, как поднялся, обнаружил силушку мышц и духа недюжинную, которую накопил, аккумулировал в течение почти десятикратного по сравнению с обычным периодом эмбрионального развития и раннего детства. Воткнул в землю и согнул дугой, будто лук, железный столб, который мальчику с превеликим трудом принесли шестеро полных сил молодых кузнецов-подмастерьев. Опираясь на него, поднялся, вышел, вырвал с корнем громадный молодой баобаб и принес его к хижине любимой матери – уродливой и горбатой, но волевой и сильной женщины-буйволицы.

Психологическая значимость этого былинного эпизода вполне подтверждается тем, что Леопольд Сенгор в блистательной балладе «Нью-Йорк» для джаз-трубы и оркестра как антитезу «стуку механизмов... в пустоте неподвижных часов», символизирующих замаскированные архитектурой и неоновой величественность супергорода еле уловимые, но неоспоримые признаки социального смрада и тлена человечности вспоминает именно этот фрагмент из «Сундияты»:

*Я вижу: возвращаются незапамятные времена,
обретенное братство,
примирение Дерева, Льва и Буйвола.*

Буйвол в зооморфной мифологии – символ силы, тотем матери героя. Лев – обладатель имиджа могущества и власти – считался мифологическим предком клана его отца. Оба они представляли собой несокрушимый союз сильнейшего после слона вегетарианца саванны и самого могучего из ее хищников.

Дерево в этой триаде не просто безмолвный представитель флоры, растительного мира. Баобаб – Царь-Дерево, весьма

почитаемое. Ему поклоняются, его одухотворяют, он заслуженно пользуется славой одного из героев африканского эпоса. В его образе народной традицией заложен социальный внутренний смысл Дерева – Палабра, в тени которого издревле и до сих пор собирается традиционный совет старейшин («баобабов» – условного «дерева» племени), глав семей, мужчин-воинов. Собрания продолжаются вплоть до принятия единогласного общего решения. Поэтому баобаб нередко называют деревом примирения.

Отныне, сконцентрировав в себе силу и упорство Буйвола, мощь, величие и властность Льва, тысячелетнюю мудрость и выносливость Баобаба, Сундията показал соплеменникам и соседям, что палабр как традиционное и формулирование и выражение воли народа отныне будет осуществляться под его личным покровительством. Тем самым необыкновенный мальчик ясно предъявил не только претензии на будущее верховенство в регионе, но и готовность возложить на себя ответственность за судьбу своего народа.

...Но вот диспозиция определилась. Ключевые фигуры на поле предстоящего поединка расставлены. Засады и ловушки приготовлены. Музыкальное сопровождение акцентирует тона надежды и ритмы тревоги.

Начинается смутное время противоборства тех, кто олицетворял справедливость, означающую стимул к единению родственных племен в новых условиях, с силами, мешающими ее торжеству, тянущими назад, стремящимися подменить интеграцию безоговорочно-слепым подчинением эгоистически-грубому диктату. Эта борьба опять-таки связана с многоступенчатыми волшебными превращениями, исходящими прежде всего от застывшего во времени, замшелого, как бы законсервированного анимистически-колдовского прошлого. Вначале оно выступает в виде семиглавого духа отца Сумаоро, замаскировавшегося под гору, сердце которой оставалось уязвимым лишь для стрелы с наконечником из шпоры белого петуха. Преодолев с помощью смекалки и хитрости это препятствие, Сундията последовательно справился и с последующими вражескими метаморфозами, встававшими из прошлого на пути былинного героя: вихрем, пальмой, муравейником и, наконец, с лесной птицей – Кукушкой-разбойницей, которой он великодушно позволил навсегда покинуть страну Мандинг.

И даже в финале Сундията не просто утонул в реке Санкарани, а перешел в иное бытие, превратившись чудесным образом в бегемота, ставшего с той поры священным животным клана

Кейта. С тех пор носящие это имя и те, кто считает своим предком и покровителем бегемота, относятся друг к другу как родственники, ибо в самой их фамилии запрограммирован единый для всех тотем.

Двумя матерями рожденный

Гораздо более интригующей, по версии гриотов Мали, Гвинеи и Сенегала, выглядит тайна происхождения сахельского Соловья-разбойника Сумаоро. Он родился от двух матерей, которые по очереди вынашивали его каждая в своем чреве в общей сложности несколько лет. Дотошные вопросы слушателей (особенно европейских туристов) о том, как это понимать, поскольку других таких прецедентов история не только Мали, но и всего человечества не знает, ничуть не смущают гриотов, напротив, наполняют их чувством законной гордости за своих великих и мудрых предков и учителей. Ответ их очень прост: большое дерево дольше растет, глубже конями в землю уходит. Слониха вынашивает детеныша почти два года. Потому он так силен, могуч и живет до ста лет. И вообще: не пытайся проникнуть в тайну, которую великий Мандинг (собирательное название всех поколений народа, создавшего этот героический эпос) скрывает от тебя. Не старайся узнать то, чего тебе не следует знать. Для гриота священен данный своим учителям обет передать слушателям то, что положено передать, и умолчать о том, что подлежит умолчанию. И записывать ничего не стоит. Ведь буквы (особенно чужие) не чувствуют прошедшего. Они немые и безразличны к воспроизводимому с их помощью тексту. У них нет того тепла, благодаря которому речитатив и музыка гриота проникают в души слушателей, наполняют их сердца гордостью и мудростью.

Что же может быть скрыто за столь противоестественной ситуацией? Пересадка оплодотворенной яйцеклетки, затем эмбриона от одной женщины к другой, а потом снова первой и т. д.? Умение древних мандингов с помощью каких-то трав, снадобий, колдовства «растянуть» процесс беременности на несколько лет?

Но, во-первых, их представления о времени и сейчас весьма расплывчаты, вторичны и второстепенны, а мировая астрономическая часовая сетка воспринимается как явное психологическое неудобство. Будто тесная обувь с чужой ноги, которую хочется поскорее сбросить и вволю походить босиком либо в привычных мусульманских туфлях-шлепанцах без задников с задранными носами.

Вместе с тем уже традиционный социум в своих взаимоотношениях со временем явно отличен от зоологического мира. В жизнедеятельности людей, в противоположность исключительно стереотипному поведению животных, подспудно прослеживаются контуры специфической «стрелы времени», как бы нанизывающей на себя и скрепляющей воедино определенную последовательность и реальных событий, и чудесных превращений, выпадающих из природных закономерностей. Например, беременность ситуационно растягивается на необходимый для избежания неблагоприятных последствий срок. Процесс возмужания мальчика, напротив, сжимается до зримых мгновенных превращений, больше связанных с магической в ранней арабской культуре цифрой 7, нежели с реалиями биологического рода *homo sapiens*.

Во-вторых, под словом «год» может подразумеваться сезон: сухой или дождливый, а еще раньше – в седых глубинах древности – то, что позже трансформировалось в понятие года, могло быть лунным месяцем. Это еще один слой гипотез на тему варьирования временных параметров состояния беременности.

Другая ипостась упорно повторяемой в африканском фольклоре версии акушерского чуда заключается в том, как расшифровывается эта физиологическая абракадабра с позициями языческих пластов мандингского менталитета. Что за этим стоит? Стремление подчеркнуть (под углом зрения отвергаемых исламом древнейших традиций материнского счета родства) генетическую близость двух неназванных родов, племен, формировавшихся этнических групп? Или усиленный источник сверхъестественной жизненной энергии, колдовской и физической мощи? Ведь поют же о Сундияте как человеке о двух именах, Льве и Буйволе одновременно. А может быть, речь метафорически идет о двух матерях обоих родителей Сумаоро, его бабках? Во всяком случае, культ бабушек встречается в традиционных архаических обществах, например у индейцев шауни. Нет ли здесь специфически африканского аналога такого «прочтения» забытой или замусоленной многими поколениями гриотов исходной первоосновы древнейшего мифа?

Впрочем, не играет ли роль своего рода подсказки к неподъемной для европейского причинно-следственного мышления загадке происхождения Сумаоро сюжет о рождении самого Сундияты? Напомню, его мать была попеременно то мягкой покладистой женщиной, то неистово жестокой буйволицей, убившей 107 и ранившей 77 незадачливых охотников в отместку брату, лишившему ее справедливой доли в наследстве.

О том, что охотники саванн боялись разъяренных буйволов больше чем львов, которые обычно людей как объект охоты великодушно игнорируют, свидетельствует окрашенный зооморфизмом местный фольклор.

Кентаврическая двойственность матери Сундияты Соголон довольно достоверно свидетельствует об остром противоборстве имеющего еще мощные колдовские корни матриархата с упорно накатывающимся на Сахель исламом, утверждавшим приниженное положение женщины. А также о незавершившемся к тому времени отрыве мировосприятия творцов мандингского эпоса и его первых слушателей от тотемизма, от представлений о глубинном, скрытом от посторонних глаз единстве и взаимодействии людей и животных, в первую очередь «родственных».

Буйволистость проявилось в уродливости Соголон по сравнению с принятыми эталонами женской красоты: в ее горбато-сти, физической мощи, необходимой для рождения богатыря, в недоступности для недостойных претендентов. При приближении мужчины тело Соголон покрывалось буйволиной шерстью и наливалось нечеловеческой силой, так что «взять» ее и окончательно превратить в женщину-мать отец Сундияты смог только хитростью и смекалкой. Беседуя с ней, царь отвлек ее внимание черчением таинственных знаков на песке, который, согласно древнейшим поверьям кочевников Аравии и Сахары, может в исключительных случаях как бы оживать, слушать, говорить и, выступая советчиком, помогать людям. В тот момент, когда Соголон от страха перед волшебной-чарующей, а потому казавшейся всемогущей магией пустыни потеряла сознание, буйволица как ее вторая (дублирующая) натура, нечто вроде тотема-хранителя, не успела войти в женское тело, и муж овладел ею, лишил ее девственности, и она зачала.

Возможно, подобное, причем многократное превращение матери Сумаоро в самку животного-тотема и обратно в женщину лежит в психологическом фундаменте физиологического нонсенса рождения от двух матерей, на полном серьезе излагаемого гриотами и без малейшей тени сомнения воспринимаемого их слушателями. Именно здесь, скорее всего, проходит незримая граница времени зоологического, обусловленного биологическими ритмами размножения и жизнеобеспечения (о чем писал Дарвин), и времени социального, исторического, цивилизационного, постепенно наполняемого конструктивной деятельностью и собственно социальными взаимоотношениями, речью и взаимопониманием, трудом и культурой, фантази-

ей и творчеством. Причем граница эта в архаическом сознании обозначена еще достаточно смутно. Она не только прозрачна, но и призрачна, психологически легко проницаема. Через нее слабо адаптированный к современному миру традиционный африканский менталитет уходит в глубинные дебри коллективного бессознательного, подобно страусу, зарывающему голову в песок, прячась от трудностей, всего непонятного, пугающего.

Вместе с тем, казалось бы, прочно закованный в непробиваемый извне панцирь инстинктов и традиций местный менталитет временами буквально поражает тем, что, в зависимости от ситуации и предмета оценки, называют социальной смелостью, прыжком через тысячелетия или наивно-простодушной верой в «обыкновенное чудо».

Сундията и сегодня для подавляющего большинства малийцев – герой, создатель некогда обширной империи Мали, великий предок, которым гордятся потомки. Его канонизированный образ выступает важным стержнем формирующегося национального сознания близких по языку и ментальности народов региона, ставя их единство выше специфичности, изолированности и сепаратизма. И хотя чудесные подвиги Сундияты в наши дни неповторимы и не нужны, сама идея благополучия и процветания объединивших свои усилия этносов Сахеля остается неизменно привлекательной, вселяет в сердца надежду и оптимизм.

Иными словами, мифологическая струна сказочно-героического эпоса средневековых мандингов и поныне остается неотъемлемым компонентом обыденной жизни и традиционного мироощущения многих африканцев. От нее бесполезно отмахиваться, объявляя безнадежным атавизмом, дефектным рудиментом или тривиальным признаком невежества. Скорее, наоборот, коль скоро девственно-наивная вера в чудо сумела дожить до наступления эпохи, когда благодаря бурному, лавинообразному развитию интеллекта и науки, креативных технологий и искусства человечество впервые входит в полосу перманентных чудес. А потому традиция терпеливо ждать их и искренне удивляться им вновь становится сердцевиной духовного богатства Личности. Африканцам же такого умения не занимать.

Изоощренность виртуальной ментальности

Словом, имеющий силу предрассудка миф об особой духовности африканца в противовес материальности европейца вышел далеко за пределы круга сторонников негритюда, став

источником многих иллюзий в африканской общественной мысли. Между тем доминирование правополушарной ориентации мозга характерно для всех природных цивилизаций. Оно связано с архаическим образом жизни подавляющей части населения и обусловленной им системой обучения и воспитания, что делает неприемлемой для коренных африканцев западную систему тестов на интеллект IQ.

«Сегодняшнее образование в Африке, – по словам угандийского ученого Дента Окайя-Лакиди, – должно обратить взор к завтрашнему миру, который ждет от нее экономического развития. При этом важнейшее значение будут иметь передовые техника и технология. Но, пользуясь ими, Африка должна учитывать как их положительные, так и отрицательные аспекты. Прежде всего, экономическое развитие не должно обойтись Африке такой дорогой ценой, как разрушение ее культуры. Ведь в конечном счете эта культура – достояние народа, большинство которого составляют крестьяне. Как экономическое развитие, так и переосмысление и обогащение этой культуры должны ориентироваться на народ, а не на элиту. Соответствующим образом должны сместиться и акценты в образовании. Но это вряд ли произойдет, пока некоторые влиятельные страны не изменят своего отношения к основным социальным ценностям, не будут способствовать возникновению таких условий в мире, в которых Африка может внести свой уникальный вклад в человеческую цивилизацию».

Авторитетный кенийский профессор Али Мазруи, работающий в США и Швейцарии, считает, что в Африке в области гуманитарных наук образование должно как можно больше углубляться в прошлое в поиске самобытных местных истоков культуры и цивилизации. И, максимально абстрагируясь от вестернизированных исторических схем, быстрее продвигаться в будущее при помощи все более избирательного (в смысле ориентации на проблемы континента) освоения естественных (и технических) наук. Причина столь явного отрыва друг от друга преподавания и изучения гуманитарных и естественных наук в Африке лежит в опасении «инфицировать» африканское развитие вирусом тлетворной и пагубной для вековых традиций предков западной культуры. В то же время нереально и буквальное возвращение в иллюзорный «золотой век» первобытного прошлого, хотя тяга к нему весьма живуча не только в менталитете, но и в политической жизни целого ряда африканских стран.

Получившему хорошее европейское образование африканцу с развитой от природы интуицией и рефлексией практически

равнодоступны оба духовных мира: свой и западный. Он как бы билингвист и бипсихолог. Классическое европейское образования не мешает, а, напротив, помогает гармоничнее совместить одно с другим, увидеть смысл обеих полярных в сегодняшнем мире цивилизаций одновременно изнутри и снаружи. Может быть, поэтому африканской интеллектуальной элите дано так гениально просто и бесхитростно, минуя пухлые тома научных трактатов и вокзальные сутолоки заумных симпозиумов, оценить не только присущие западной цивилизации великие достижения в области транспорта и связи, жизненного комфорта и коммунальных удобств, заботы о здоровье и экологии, вообще об имеющем деньги человеке, но интуитивно почувствовать за блестящей рекламной мишурой фатальную пагубность избранного ею тупиково-призрачного пути к социальной гармонии, искренне осудить губительный отрыв от Матери-Природы, тотальную замену Естественного Искусственным.

Будучи африканцами до мозга костей, Леопольд Сенгор и Воле Шойинка трепетно-интуитивно воспринимают тонкую, как паутина тропического леса, ткань и непередаваемую словами глубинную, внутреннюю, придонную, граничащую с чутьем животных эмоциональность, исподволь опирающуюся на извечный инстинкт стадности, спланивающую соплеменников, невидимую, но подчас неодолимую жизненную силу «родного» ритуала, обычая, мифа.

Вместе с тем, обладая интеллектуальной и художественной культурой современного мира, талантом и поэтической фантазией, они видят тот же самый «свой» миф, ритуал, обычай одновременно извне, из другого космоса, рефлексивно, в контексте всемирных тенденций эволюции человечества. Это не маргинальность, как может показаться неискушенному в лабиринтах африканского менталитета критику, а всеохватность, тотальность, универсальность восприятия мифа и его атрибутики как элемента мира, а мира как «своего» отражения в зеркале мифа. Такого рода философская всеохватность дает образ, не постижимый только интеллектом, не выразимый до конца самыми изощренными вербальными средствами, требующий для полного раскрытия своей адекватности определенного эмоционально-чувственного настроения, удивительно синхронного резонанса души, особого психологического склада и настроения.

Некогда Александр Пушкин и Николай Гоголь, Лев Толстой и Федор Тютчев, Александр Блок, Сергей Есенин и совсем недавно Владимир Высоцкий выразили, каждый по-своему,

непостижимую для западного обывателя и непознаваемую до конца извне извечную загадочность России. Так в наши дни великие африканские мастера слова – франкоязычный серер Леопольд Сенгор и англоязычный йоруба Воле Шойинка приоткрыли многовековую завесу таинственности над неведомой многим и пренебрежительно отвергаемой некоторыми снобами самобытной цивилизацией Африки южнее Сахары. И над ее живой сердцевиной – трепетной африканской душой, которая своим неистребимым оптимизмом, нечеловеческим стоицизмом и неутолимой жадой чуда до боли напоминает наш, родной, славянский менталитет.

Кстати, навевая ветрами, дующими с Запада, представление об африканцах как дикарях, чуть ли не вчера слезших с деревьев, не только пагубно влияет на практическую психологию общества, но и наносит России серьезный политический и экономический вред. Как, по словам Марины Цветаевой, Пушкин самым фактом появления в мировой культуре опроверг расистские домыслы, так жизнь и творчество крупнейших мыслителей Африки XX века Леопольда Сенгора и Воле Шойинка убедительно демонстрируют оригинальное и глобальное видение мира, отнюдь не чуждое грядущему глобальному толерантному информационному обществу. Путь к нему предполагает творческий синтез гуманистических черт и тенденций, свойственных всем цивилизациям и народам Земли. Он включает в себя и самооценку каждой человеческой жизни, и право сознательно жертвовать ею во имя иных великих целей.

Размышления африканских интеллектуалов позволяют нам, россиянам, сквозь призму Африки увидеть Запад и Россию рефлексивно, как бы со стороны, в новом ракурсе. Такая экспозиция помогает сделать ощутимым многое из того, что теряется или становится неуловимым в сутолоке захлестнувшей нас смеси амбиционного самолюбования своей непохожестью на других с мазохистско-критическим самоедством. В частности, своеобразную перекличку с антитезой «Запад — Африка» можно было встретить в былых призывах Егора Гайдара и иже с ним к превращению России во «вторую Европу», удобно «пристроенную» к Западу в качестве богатого источника углеводородного сырья и дешевой интеллектуальной продукции. Между тем влиятельная парижская газета «Монд дипломатик» именно тогда, в смутное время безалаберного ельцинского президентства, указывала на реальную опасность эволюции России в сторону «второй Африки».

ОСТОРОЖНО С ЧАСАМИ ИСТОРИИ!

Проблема смысла, внутренних противоречий и исторических судеб цивилизации стала фокальной точкой дискуссий о прошлом, настоящем и будущем человечества, исходя из реальных процессов взаимодействия и столкновений стран, этносов, конфессий, исторически порожденных разными стадияльными и вариативными типами цивилизаций. Только так можно выявить логику цивилизационного процесса во взаимодействии его противоречивых компонентов и тенденций их развертывания, а также массы ситуативных, сменяющихся и дополняющих друг друга факторов, сталкивающихся действий, замыслов и эмоций, дремлющих в «подвалах» генофонда либо бурлящих на поверхности моря социальности.

«Английская тайна»

В недрах мозга, в структурах сознания и подсознания каждого человека дремлет генетическая история его предков, включая самых отдаленных, о которых биологи и антропологи подчас ничего не знают. Они могут пробуждаться в экстремальных ситуациях. Скажем, под влиянием хронической эмоциональной усталости от растущей многовариантности, непредсказуемости и стрессовости современной жизни. Это порождает зависть к прошлому, желание побыть в нем (отсюда неослабевающий интерес к сказаниям, историческим романам, мемуарной литературе и т. д.) либо неудержимо-фанатичное стремление к обязательно прекрасному и неизменно светлому будущему.

«Прогулки» к предкам у народов, чей образ жизни тесно связан с природой, лежат в основе традиционных систем воспитания и обучения. Их будущее – это «правильное» повторение прошлого. Иного, всякого рода новаций, они опасаются. Лучше

постоянно синица в руках, чем эпизодически журавль в небе! Будущее одних притягивает, как магнитом (в основном тех, кому плохо при существующем порядке вещей); других отпугивает тем, что может ухудшить их социальный статус, имидж, лишить привилегий. Отсюда – полярная неоднозначность поведенческих ориентаций. Отсюда – феномен хиппи и «новых левых» 1960-х годов. Отсюда – стремление к напоминающему истязательность племенных инициаций, суперменскому спортивному тренингу или наслаждению комфортом, условия для которого на всей планете еще не созрели. Отсюда – поиск «истины» в гипнотической отключенности от реального мира: в вине, сексе, наркотиках – либо в острых ощущениях нетерпеливого призывания и «вызывания» (будто на спиритическом сеансе) и бунтарского подстегивания наступления желанного будущего.

...Операция под кодовым названием «Английская тайна» не имела ничего общего с секретными проектами стратегического значения или разработками в области новейших технологий, призванными потрясти конъюнктуру мирового рынка. Просто 15 англичан, отобранных среди тысячи добровольцев, с тремя малолетними детьми таинственно исчезли из поля зрения родных и близких. В соответствии с тщательно разработанным археологами и психологами планом необычного эксперимента, они на целый год поселились в отдаленном и труднодоступном горном районе Центральной Англии. Там им предстояло имитировать образ жизни своих далеких предков-кельтов: самим изготавливать примитивные орудия из подручных материалов, заниматься собирательством и охотой, осваивать первобытное земледелие и скотоводство. Продукты питания, сырье для изготовления одежды и ремесленных изделий, а также помощь при некоторых видах работ они получали от трех коров, четырех свиней, десяти коз, двадцати пяти овец, сорока кур, гончей и овчарки. Связующим звеном с внешним миром были телеоператоры, прибывавшие туда на вертолете в качестве доисторических «торговцев», обменивавших яйца, горох и мед на изготовленные «кельтами» керамические, железные и плетеные изделия, а заодно снимавшие фрагменты будущего телесериала «Жизнь кельтов в железном веке». Подобного рода туристские поселения созданы теперь в Голландии и Дании, в США и ФРГ, в целом ряде других цивилизованных стран. Эти эксперименты были задуманы как сугубо технологические, но в качестве побочного (и весьма значительного!) результата они имели неожиданно-удивительный психологический эффект. Вполне благополучные граждане со-

временного индустриального общества, искусственно вырванные из него и помещенные в условия первобытности, возвратившись оттуда, дали очень ценные и потрясающе интересные интервью.

В целом их впечатления сводились к тому, что, несмотря на колоссальное физическое и психическое напряжение, они испытали большое моральное удовлетворение от сложившихся под влиянием «первобытного образа жизни» форм общения. Взаимопомощь, доверие, сотрудничество, коллективизм как предпосылки выживания при имеющихся средствах труда и быта той эпохи заставили иначе взглянуть на такие привычные формы социальных отношений, как индивидуализм и эгоизм, конкуренция и соперничество, корысть и погоня за прибылью. *«Прежде всего, – отмечали добровольные участники эксперимента, – мы научились ответственности по отношению к другим, научились самостоятельности, научились оказывать и принимать добрую дружескую помощь, потому что в те дни каждый полностью зависел от того, как все сообща могут постоять за себя. Мы действовали всегда дружно, с утраченной в нашем двадцатом веке поразительной братской и сестринской приветливостью. Мы стряхнули с себя коросту нашего безгранично эгоистического общества, уничтожили в себе обезумевших в гонке за личным успехом индивидуалистов... И мы вспоминаем об этих днях как о дивном сне, прожитом в атмосфере ласковой и доверчивой идиллии, в дружбе и сердечной взаимности, истинную цену которой мы сознаем в полной мере только сейчас, в суете больших городов. Нам было жаль, что призрак доисторической деревни безвозвратно исчез. Мы словно что-то утратили, какой-то рай тишины, покоя, взаимного доверия человека к человеку».*

«Маленькая» трагедия на опушке Большого Леса

Именно в архаических обществах наших дней можно разглядеть некоторые черты далекого прошлого, в отношении которых саморазвивающиеся тенденции и принципиально неустраняемые противоречия цивилизационного процесса выступают в относительно чистом, не замутненном многими привходящими затем обстоятельствами виде, выявляя тот пласт проблем, без ясного понимания которых человечество может прийти к самоуничтожению даже без ядерного Апокалипсиса. Разве ма-

ло и сегодня охотников, опираясь на силу, порулить человечеством и подвигать Стрелки Часов Истории, рискуя сломать их?! И не обязательно ждать, что из этого может получиться, или копаться в поисках аналогий в пыльных архивах далекого прошлого. Достаточно заглянуть в совсем близкое африканское настоящее...

Из гевей в саванну: зачем?

Не так давно настойчивым бельгийским миссионерам удалось уговорить небольшую группу пигмеев-мбути, что населяют бассейн реки Итури, впадающей в Конго – Амазонку Тропической Африки, – покинуть родину далеких предков. Взамен традиционного образа жизни мужественных охотников, неутомимых следопытов и собирателей, детей и друзей тропического леса – гевей – им был предложен некий упрощенный евростандарт нового, освященного католической верой бытия. Прямо на опушке великой лесной пустыни ревностные ловцы африканских душ установили небольшие типовые домики с основными обычными для Европы городскими удобствами. И стали наивно ожидать пришествия заморского бога и счастья в души и судьбы благодетельствованных аборигенов, до того живших вовсе не по-христиански, а по-дикарски, по-звериному в Зеленом Сердце Африканского континента, в непроходимых джунглях.

Чем же завершился этот богоугодный благотворительный эксперимент на людях? Забегая вперед, скажу: жестоким крахом и непоправимой бедой для самых миниатюрных людей планеты. Вместо ожидаемого счастья одних и благородного удовлетворения других он поставил тех, кому досталась участь «подопытных кроликов», в условия заведомой дезадаптации, деградации, на грань экоцида и полного вымирания. Непревзойденные охотники на слонов и обезьян, с ловкостью цирковых акробатов взбирающиеся на высоченные вековые деревья, неутомимые труженики леса, умеющие самозабвенно отдыхать мудрецы и оптимисты джунглей, где другим просто выжить – проблема не из простых, эти самые люди быстро превратились в полностью деморализованную кучку оборванцев-алкоголиков, безнадежных наркоманов и мелких попрошаек-воришек на уровне клептомании.

Кстати, описанная выше ситуация, в которой оказались бедные доверчивые мбути, – далеко не первая, и нет оснований думать, что последняя, попытка «цивилизовать дикарей» декретом сверху. В начале шестидесятых годов, едва угасли сепаратистские страсти по поводу попытки отделения от быв-

шего Бельгийского Конго алмазоносной провинции Катанга и ушли в партизаны сподвижники вероломно убитого первого премьер-министра страны Патриса Лумумбы, которых вскоре навел на рыцарь всемирной революции отважный Че Гевара, как новое правительство страны, переименованной тогда в Заир (с 1997 года – Демократическая Республика Конго), пришлось крепить ее единство. Причем потенциальным стержнем последнего почему-то оказались самые маленькие и самые малочисленные (их всего 35 тысяч в 35-миллионной стране) племена пигмеев. Вопрос был поставлен, что называется, ребром: какой вклад в национальное строительство могут и должны внести эгоистически шатающиеся по лесу, индифферентные к политическим амбициям тогдашних заирских лидеров те же мбути? На всякий случай из леса их постарались выманить, а вместо привычной охоты попытались заставить мотыжить землю. Неясно, правда, чем и для чего? Миниатюрных сельскохозяйственных орудий, соответствующих росту и комплекции пигмеев, никто и не думал создавать. Опыт земледелия – вещь тоже наживная, с маху не освоишь.

Таким образом, дело застопорилось в самом начале, несмотря на выделенные в бюджете средства: пигмеи никак не могли понять своей великой исторической роли строителей заирской нации, зато очень скоро смекнули, что навязываемый им образ жизни не только дискомфортен, но и опасен. Даже гигиена в лесу – существенно иная, нежели в саванне, где перед ними все более отчетливо маячила перспектива скорой бесславной гибели. То, что не приходило в голову самодовольным политикам-цивилизаторам, дикари уловили весьма отчетливо. Решение было однозначным и единогласным. Усыпив бдительность своих опекунов, пигмеи ночью тайком сбежали обратно в спасительный лес, да подальше, чтобы их не смогли найти.

Правительство, поняв полную бесполезность преследования и тем более отлова своих строптивых сограждан в безбрежном и практически необитаемом лесу, обратилось за советом и содействием к мировому сообществу. Собрали международную конференцию, участники которой довольно дружно пришли к совершенно очевидному выводу, что пигмеи нужны и полезны человечеству именно в том качестве, в котором они пребывают, будучи тысячелетиями адаптированными к их нынешнему образу жизни. По сути дела, они единственный одушевленный и достоверный источник непосредственной словесной (вербальной) информации о такой мощной и важной экологической системе, какой является африканский тропи-

ческий лэс – зеленое легкое нашей планеты. Ведь ни для кого, кроме них, он не доступен по-настоящему, один на один. Одиночки-энтузиасты и крохотные экспедиции ученых и спортсменов проникают в лучшем случае на его окраины, да и то с помощью прозодников и помощников – все тех же пигмеев.

Если пигмеи уйдут из леса, они не только погибнут сами, но и сделают его еще надолго непроницаемым, недоступным, неведомым остальным землянам. Поисковое исследование гевеи, сбор редкостных гербариев эндемических растений и лекарственных средств, включенное наблюдение за животными, птицами, рептилиями, насекомыми в обстановке тропического леса вкупе с постепенным усвоением практических и технических достижений современной эпохи станет со временем важной разновидностью интеллектуально-информационной деятельности, которая составит основу гуманистической цивилизации будущего как альтернативы экологического Апокалипсиса.

Надо отдать должное правительству. Оно согласилось с рекомендациями ученых и решило оставить несговорчивых гномов в покое. Кстати, здесь же выяснилось, что местные чиновники неплохо погрели руки на деньгах, выделенных в бюджете для обучения пигмеев грамоте, основам земледелия и цивилизованным манерам. Аресты и скандал в данной связи отвлекли внимание от дикарей, временно предоставив их самим себе. Национальное строительство рискнули осуществлять без них, по крайней мере на первых порах. Государство от пигмеев отцепилось. Однако у неутомимых миссионеров были, видимо, свои резоны и стимулы. Это привело группу мбути, не сумевших на сей раз вовремя сбежать в свою стихию, к подлинной трагедии.

Некомпетентно задуманная и неумело запущенная «машина времени» выбила предполагаемых счастливчиков-пассажиров из комфортной и привычной жизненной колеи. Она и не могла сработать в наивно ожидавшемся режиме благостного рождественского сюрприза или торжественного (пасхального) песнопения под узорчато-стрельчатыми сводами готического собора. Прогнозируемый подарок обернулся безвозвратной утратой, предвкушаемая праздничная месса – печально-траурным реквиемом джунглей в раскалывающих небо раскатах грома, ослепительных росчерках молний и бурных слезах тропических ливней.

Никого нельзя осчастливить насильно

«Маленькая» трагедия на опушке Большого Леса, по сути дела, заострила принципиально-концептуальный вопрос вопросов

современного мира: кому, как и почему дозволено безответственно, безрассудно и безнаказанно «двигать» социальное время других людей, этносов, социумов? Допустимо ли вообще произвольно переводить Стрелки Часов всемирной Истории даже с благой целью осчастливить кого-то по собственному разумению?

И если в дискуссиях о генной инженерии научное сообщество пришло к фундаментальному выводу о принципиальном запрещении экспериментов с плохо просчитанными и тем более принципиально пока что непредсказуемыми последствиями, то все это вдесятеро важнее, коли речь заходит о генетике социальной, о вторжении в до сих пор непознанный «цивилизационный геном».

Печальный и во многом трагический опыт упорно навязываемого тупого культуртрегерства, начиная с крестовых походов и мусульманских джихадов, похоже, ничему не научил его нынешних адептов. Иллюзии такого рода живучи, как вирусы. Само многозначное слово «культура», независимо от его конкретного наполнения, звучит для многих как заведомо победный, или, по крайней мере, безупречно-благородный клич! Что в принципе не совсем так, а во многих ситуациях совсем не так.

И дело отнюдь не в частных ошибках энтузиастов-экспериментаторов и даже не в их чистосердечном невежестве, а гораздо глубже: в восприятии и понимании самой парадигмы «природа – культура» как диалектической антитезы, но отнюдь не улицы с преимущественно односторонним движением, где в роли регулировщика выступает Культура, диктующая Природе свою неизменно правильную волю, хотя европейская цивилизация шла к такого рода представлению тысячелетиями, начиная с мифов о Прометее.

Добросовестные бельгийские пасторы хотели использовать привычную и милую их сердцу, искренне почитаемую за естественную и универсальную, католическую культуру в качестве средства преобразования живой природы, в данном случае людей, принадлежащих к принципиально другой, не понятой и не признанной ими первичной в человеческой истории природной цивилизации. Однако средство оказалось слишком сильным, способным уничтожить не только цель, к достижению которой стремились святые отцы, но и тех, кого они таким образом собирались осчастливить.

В условиях антагонистического противопоставления вечная, первичная Природа преодолевает рожденную в ее недрах «временную» Культуру, дабы самой не стать жертвой неспрово-

цированной агрессии со стороны госледней, возомнившей себя всесильной.

Каким же образом все это происходит? Каков естественно-природный механизм такой местности?

Первым признаком физиологического неблагополучия невольных переселенцев (на фоне неизбежного психологического стресса, вызванного резкой сменой природной среды и связанного с нею образа жизни) стала почти непрерывная резь в глазах и мучительные головные боли, прежде вообще им неведомые. Дело в том, что пребывание в течение 15–20 тысяч лет (так считают специалисты) в сумраке тропического леса, на его земном «дне», куда лучи солнца попадают, будучи уже многократно преломленными и отраженными, адаптировало зрение пигмеев к приглушенным, стушированным, матовым цветам и тонам, тени, полумраку и бликам костра. Прямой удар экваториального солнца не только вывел из строя сложившийся тысячелетиями режим зрения, но и оказал резко неблагоприятное воздействие непосредственно на кору головного мозга. Причем для этого не понадобилась трепанация черепа. Ведь наш орган зрения, как метко сказано в одном из старых медицинских пособий, представляет собой единственный участок головного мозга, выдвинутый на периферию и встречающий окружающий мир в полном смысле слова глаза в глаза. Мне вспоминается давний номер журнала «Советская этнография» со статьей о складывании защитного механизма глаз монгольского расового типа, приспособленного к условиям яркого солнца, пыльных бурь и снежной пурги. Автор привел материалы, характеризующие тенденцию неуклонной, но постепенной адаптации к новым природным условиям прямых потомков ссыльных декабристов, которая отчетливо проявилась 100–120 лет спустя. В принципе глубокая антропологическая экспертиза, наверное, могла бы существенно облегчить страдания несчастных жертв жестокого африканского эксперимента. Вероятно, следовало предусмотреть хотя бы свето-защитные очки, какие-то сенсibiliзаторы, витамины. Живут же люди в условиях, резко отличных от тех, где родились и выросли, но никогда и никому это не давалось слишком легко и просто.

Но дело не только в зрении. Привычная для любого из нас помощь фармакопии – прием самых тривиальных, «безвредных» лекарств от столь навязчивой головной боли – лишь усугубила ситуацию, переводя ее в новое русло. Организм, в принципе не знакомый с химией, воспринял ее как новый стресс

и, более того, как шок аллергического типа. Ведь чем реже какое-либо воздействие на биологический объект, тем сильнее его эффект, который в данном случае был не только непредвидим, но и непредсказуем. Любая самая безобидная, на наш взгляд, таблетка может в подобной ситуации оказать влияние, сопоставимое с наркотиком, и очень быстро поставить организм в состоянии зависимости. Особенно если побочным средством адаптации и «расслабления» выступает столь привычное для европейцев, живущих в тропиках, спиртное.

Именно поэтому пигмеи, вырванные из привычных условий и лишенные регулярного общения с другими группами, продолжавшими жить в лесу, вскоре обрели унизительно-обидный имидж алкоголиков и наркоманов. По сути дела, без вины виноватые! К тому же солнечная радиация и вообще инсоляция сама по себе, от которой не спасают близ экватора ни навесы, ни головные уборы, ни легкая одежда, неблагоприятно воздействовала на привыкшую к влажной прохладе и гораздо более светлую, нежели у коренного населения саванны, кожу, вызывая мучительный зуд, усугубляющий резь в глазах и головную боль.

Словом, дело отнюдь не в неистребимом дикарстве, патологической антицивилизованности, принципиальном отказе от культуры, а в факторах антропологических, биологических, природных. Ну а как же с репутацией воришек и попрошаек? Здесь тоже культура ни при чем? Дело опять в глубоком затяжном стрессе, вызванном резкой сменой привычного образа жизни?

Да, конечно. Будучи полновластными хозяевами в обожаемом, любимом ими тропическом лесу, пигмеи изначально вели (и до сих пор ведут) так называемое «присваивающее хозяйство», то есть берут от леса все, что находят в нем необходимого для себя, в тех количествах, которые нужны им и не наносят ущерба их «родителю» и «другу» – Великому Лесу. Брать то, что нужно, и тогда, когда в этом возникает потребность, – великий принцип выживания наших далеких предков. Сегодня он сохранился лишь в самых экстремальных природных ареалах – непроходимом тропическом лесу да в раскаленных песках пустынь Калахари и Намиб, где, кроме самых причудливых mirage'й, возносящих куда-то в иную реальность, не видно ни людей, ни животных, ни растений. Только как в песне «Кругом – вода»! Я сам видел ее, часами гонялся за нею в автомобиле. Иногда она разливалась прямо на дороге, где-то впереди виднелся влажный асфальт, совсем близко, но... за сотнями кило-

метров бесконечных барханов глинистых кадыров, скальных выступов.

Между прочим, мелкое воровство и побирушничество в данном случае не преступление, а этнографический артефакт. Ведь пигмеям еще долго даже в голову не придет, что пища или какая-то забавная вещица, лежащая без дела, кому-то принадлежит. И что этот кто-то, даже не нуждаясь в ней сейчас либо вообще, имеет монопольное, непререкаемое, защищенное законом, судом и полицией право другого к ней не допускать. Ни себе, ни людям, зато – мое, только мое, исключительно мое! Зачем человеку больше, чем ему нужно? И стоит ли из-за излишков так остро противопоставлять себя другим? Пигмеям это понятно в принципе. Обычаи собирательства и охоты, дележа пищи, тепла, одежды с ближним и даже дальним, с едва знакомым либо вообще незнакомым человеком, особенно если это гость, естественны, привычны, понятны. Или обмен с племенами высокорослых банту недоступных им даров леса на соль, сахар, ножи, спички, полюбившееся сгущенное молоко и еще кое-какие продукты и предметы, в лесу отсутствующие.

Штаны как знаковый символ цивилизации

Когда-то, триста-четырееста лет назад, подобного рода «воровством» прославились в глазах европейских поселенцев с Иберийского полуострова арауканы Чили, а также некоторые другие племена, населявшие пустыню Атакаму и Патагонию. Промышлявшие всю жизнь охотой и собирательством, аборигены отстреливали из луков овец, завезенных колонистами из Европы. Кроме того, они, не таясь, выкапывали клубни картофеля, только что посаженного европейцами. Последние, не сумев толковать безнадежно «тупым» и вороватым индейцам «цивилизованные» представления о священной и неприкосновенной частной собственности (кстати, на чужой, индейской земле), стали их уничтожать физически, отстреливая и даже разбрасывая зараженные оспой одеяла вблизи индейских вигвамов. Так «высокая» культура вполне «цивилизованно» утверждала себя на континенте некогда безнадежных дикарей, кстати его первопоселенцев, а значит, согласно римскому праву и кодексу Наполеона, его хозяев.

В лесах Амазонии тем временем миссионеры, неусыпно и, естественно, бескорыстно пекущиеся о чистоте нравов тысячелетиями живших (подобно пигмеям) «во грехе» и даже не ведавших об этом индейцев, упорно боролись с таким редкостным бесстыдством, как ношение пончо, куска домотканой «ма-

терии» с прорезью для головы. Если дули пронизывающие ветры, пончо, подобно парусу, разворачивалось навстречу ему, нередко оголяя при этом детородные органы, не прикрытые ничем другим. Монахи-францисканцы, пугая гневом и карами непонятого заморского бога, все-таки заставили несколько групп амазонцев надеть европейские брюки как некий символ будто бы подлинной цивилизованности.

Цена этого эксперимента была жестокой. Те из индейских племен, что последовали насаждаемой «моды», стали на путь вымирания. В климате, влажность которого временами приближалась к абсолютной, а перепады температур и направления ветров явления довольно частые, ношение непродуваемых и аккумулирующих влажность брюк приводило к грибковым заболеваниям и туберкулезу, а прежде всего – к заболеваниям половых органов, что резко снижало репродуктивную способность обращаемых в христианство краснокожих. И никакие будильники, ввезенные святыми отцами с тем, чтобы среди ночи напомнить ленивым, по их мнению, индейцам о необходимости выполнения супружеского долга, не могли спасти самую послушную местную паству от неизбежного вымирания. Напротив, беглецы и ослушники, как правило, продолжали довольно успешно вести прежний, хотя и явно богопротивный, образ жизни.

Штаны как символ цивилизации и критерий цивилизованности! Звучит парадоксально, но факт! Уже в наши дни даже столь умудренный жизненным и политическим опытом ценитель и хранитель самобытных африканских традиций, как Джулиус Ньерере, будучи президентом Танзании, пытался уговорами и даже специальным декретом заставить пастухов-масаев надеть брюки. Причем, по иронии судьбы, взялся за борьбу против наготы как раз в то время, когда западный мир вдруг обнаружил, что данное человеку Природой тело – вовсе не предмет стыда. Но гибкая народная мудрость оказалась сильнее и жизнеспособнее самых прямолинейно-жестких указаний начальства. Я в этой полемике – однозначно на стороне масаев. И уверен, что любой самый строгий приверженец нравственности, побыв хотя бы день-другой в 50-градусной по Цельсию безводной сауне саванны, станет по соображениям чисто физиологическим решительным противником самой мысли о превосходстве брюк перед традиционной домотканой накидкой, дающей закрытой ею коже тень и продуваемой даже слабым ветерком. Снова антитеза: антропология или культура? В другом ракурсе, но она же!

Природа и Культура: кто кого?

И опять с неизбежностью закона всемирного тяготения мысль спотыкается о зловещую альтернативу неправомерного противопоставления двух великих сил нашей планеты, конфликт которых все более явственно омрачает лик, жизнь и судьбу обитателей Земли, – Природы и Культуры. Их хаотическое, спонтанное, нерегулируемое взаимодействие заведомо пагубно для человечества. Оно не только ставит ему пределы роста, но и требует перейти от окультуривания природы к оприродованию культуры.

Так стоит ли, будучи на краю экологической пропасти и на грани антропологической катастрофы, с тупым упорством цепляться за иллюзии безусловного превосходства и безоговорочно креативной (естественно, в позитивном смысле) роли культуры по отношению к природе и ее созданию – Человеку? Вместе с тем не менее нелепой выглядит примитивно-убогая альтернатива: бросить тысячелетние достижения социальности в «топку» животных инстинктов, дремлющих под слоем культуры и в древнейших структурах головного мозга каждого из нас!

Абсолютный примат в принципе всеильной и всепроникающей культуры как парадигмы западного общества исторически объясним тем, что человечество выросло из недр природы на плечах культуры. Именно она выступала в качестве явного, зримого, убедительного его отличия от зоологического мира. Впрочем, представители последнего в виде тотемов успешно преодолели *вместе с человеком* первый рубеж социальности, как бы эскортируя подкорковые (нижние) пласты сознания, до сих пор сохраняющие незримую и едва уловимую связь со своим животно-природным прошлым.

Позже выявилась глубинная генетическая оригинальность биологического вида *homo sapiens*, которую даже проницательный Платон простодушно сводил лишь к бросающимся в глаза прямохождению и речи, добавляя к этому, вероятно шутки ради, отсутствие оперения. Понятие природы во времена Античности как бы в пику Востоку, оккультному и эзотерическому, сливавшемуся с природой и выступавшему ее земным слугой, сформировалось как нечто внешнее по отношению к культуре и человеку, как фон и материал первой и окружающей среда второго.

И если раньше европейские ученые обращали внимание главным образом на то, как и почему человек испортил природу, теперь все чаще обсуждается сюжет неотвратимой мести

попранной природы зарвавшемуся человечеству. Вроде финала мудрой пушкинской сказки о рыбаке и рыбке.

Одним из первых западных историков, осознавших надвигающуюся на человечество катастрофу, стал создатель бихевиористской по своей сути концепции взаимоотношения с окружающей средой Арнольд Тойнби. Сравнивая воздействие культуры на природу с отношением классического американского бизнесмена ко всему, что лежит вне его, прежде всего как к потенциальному источнику прибыли, он приводит из прошлого очень показательные, даже в чем-то зловещие примеры мощного сопротивления естества навязанной ему силой неадекватной форме бытия. *«В разных местах в разное время непокорная Природа, которую некогда потеснил человеческий героизм, вновь набирая силы, освобождалась, чему способствовало то, что пришедшие на смену первопроходцам поколения не смогли удержать в своих руках наследие отцов. Примеров тому история дает множество. И примеры эти зачастую весьма поразительны. Там, где природа вновь утвердила свою некогда попранную Человеком власть, можно найти неоспоримые свидетельства, что усилия Человека, воздвигнувшего в борьбе с Природой Цивилизацию, были поистине феноменальны»*¹. Одной из самых важных заслуг Тойнби явилось внедрение им в сознание ученых понятия цивилизации. Тем не менее трудно согласиться с конкретным контекстом его употребления в предшествующей цитате. В роли щита и меча общества в периоды его экспансии в сферу девственной природы выступала Культура как совокупность парадигм и синтагм, символов и алгоритмов деятельности человеческой популяции, пассионарного этноса, искателей приключений и новых поселенцев. Цивилизацией является более или менее гармоничный механизм синтеза естественных условий окружающей природной среды и искусственных, созданных человеком средств регуляции отношений с нею, с себе подобными и с самим собой.

Вызвав к жизни и заставив себе служить определенные силы природы, люди сами становятся их заложниками, обслуживая определенный паритет взаимных отношений и поддерживая заданный природно-социальный баланс. Склонный к метафорам А. Тойнби говорил: если социальная составляющая цивилизации ослабевала и адекватного Ответа на «обратный» Вызов Природы не следовало, последняя переходила в жестокое контрнаступление. Столь печальная судьба постигла,

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 121.

в частности, самобытные цивилизации полуострова Юкатан. Лучше А. Тойнби об этом не скажешь: «Лес поглотил их в буквальном смысле слова, словно удав. Контраст между нынешним состоянием страны и древним уровнем цивилизации майя столь велик, что не поддается человеческому воображению. Шедевры архитектуры майя – эти свидетельства человеческих возможностей, перед которыми когда-то расступился лес, – были и свидетельством победы Человека над Природой. Триумф Человека казался вечным и неколебимым. И даже с вершин высочайших своих храмов, дворцов и пирамид Человек был не в состоянии разглядеть подкрадывающегося врага. Горизонт казался ему чистым. Тем горше было чувство бессилия и незащищенности перед лицом наступающей Природы. Человек не смог предотвратить возвращение леса, который хладнокровно поглотил возделанные поля, площади и дома, а потом добрался до храмов и дворцов»¹.

Словом, рассмотрение цивилизации как исторически конкретной формы синтеза Природы и Культуры наталкивается на инерцию отождествления последней с характером взаимосвязи природы и общества, что правомерно лишь в аспекте исследования диалектики производства и потребления в определенных экологических условиях и демографических ситуациях. Кроме того, устойчивость, живучесть и динамизм цивилизации зависят от того, насколько биосфера ладит с ноосферой как регулятором равновесности (балансировки) процессов производства и потребления, демографических и экологических, а значит, антропологических и культурологических проблем.

Экология – скорлупа ореха, питательным ядром которого является антропология. Природа живет и в самом человеке как биологическом виде и индивиде, в генофонде и мозге, органах тела и чувств. Мутации, сальтации генов, перекомбинация хромосом – невидимая извне естественно-биологическая сторона человеческой жизни. Экологическая проблематика нужна и важна. Однако не следует недооценивать ее вторичность по отношению к сердцевине проблемы – самому биологическому виду *homo sapiens* и перспективам его выживания. Ведь Природа в не меньшей степени заключена внутри самого человека и воздействует на него через физиологические и психологические механизмы. Именно эта сторона дела, оставленная

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. С. 121. См. также: Андреев И.Л. Влияние географической среды на складывание хозяйственных систем доколумбовых цивилизаций Америки // Проблемы социального развития. Ч. II. Философия. Тюмень, 1969. С. 88–94.

в тени предшествующим развитием гуманитарной науки, может стать предметом философской антропологии и этнопсихологии как диалектической антитезы тотального теоретического подавления биологического начала в человеке, его принудительной социализации. Первыми забили тревогу по поводу пагубности сугубо культурологического подхода к человеку и человечеству психиатры. И если тезис Зигмунда Фрейда о человеке как животном, скованном культурой, был воспринят скорее как экзотический афоризм, эпатирующий обывателя, нежели реальный, профессиональный сигнал тревоги, то сегодня в рамках психиатрии этот вопрос решается практически однозначно, особенно в связи с широким распространением бездушно-анонимных конформистских стандартов электронных средств масс-культуры.

«Культура могущественна и безлична и, следовательно, опасна. Процесс присвоения культурного опыта, ведущий к деиндивидуализации, приводит к противоречию между личностью и индивидуальностью», – с грустью констатировал профессор Ю.М. Орлов, ибо *«полное слияние человека с культурой смертельно для процесса индивидуализации. Это хорошо понял выдающийся психиатр XX века Рональд Ланг, который был убежден, что шизофрения является не результатом дезадаптации человека к современной культуре, а, скорее, следствием его чрезмерной адаптации к шизоидной культуре, в которой человек категоризирован и расчленен на роли и функции в рамках большого целого. Человек, не способный выдержать это раздвоение, создает собственный иллюзорный мир, свою культуру смыслов, в которой ему легче; но этот мир его значений не выдерживают его близкие и изолируют с помощью специальной психиатрической службы»*¹.

В широком смысле современная культура как своего рода ассортимент стандартов должного поведения концентрируется в электромагнитных кодах структуры мозговых тканей прежде всего левого полушария, где биологически зашифрован созданный воспитанием и прежним опытом образ *«человека этикета»*. Но в случае прямой опасности биологического существования может рефлекторно запускаться неосознанная мотивация аварийного поведения, корни которого скрыты в глубинах эволюции. В такой ситуации действует, используя метафору Ю.М. Орлова, сидящий в вас *«человек привычки»*, который легко и непринужденно включает тысячами поколе-

¹ Орлов Ю.М. Личность и индивидуальность. М., 1994. С. 15–16.

ний отработанную программу поведения, соответствующую подобным обстоятельствам, которых в прошлом было очень много. Кстати, эта заложенная в древнейших структурах мозга программа отнюдь не всегда конструктивна. Зачем, почему и как появилась на свет культура, коли она биологически столь опасна и чревата угрозой природе? Прежде всего для того, чтобы мощным напором целенаправленных воздействий эффективно парализовать сидящие внутри «древнего человека» привычки, животные инстинкты, угрожающие скатыванию человечества в лоно исходного зоологического мира.

Культура – дерево, появившееся и выращенное на почве природы. Оно может беречь, охранять от палящего солнца и холодных ветров, а может иссушать эту почву, отравлять, губить ее плодородие. Но только ценой собственной гибели.

Словом, Природа и Культура пронизывают друг друга. Их противоречиво-гармоничный синтез – цивилизация. В ее лоне Культура пробуждает в Природе не востребованные прежде возможности, тенденции, потенциал саморазвития (селекция, ирригация, источники энергии, повышение плодородия почвы и т. д.). В свою очередь, «благодарная» Природа бескорыстно предоставляет Культуре свой предшествующий опыт и накопленные в процессе длительной эволюции естественные материалы, энергию, информацию, необходимые для выживания и развития социума. Но только до определенного предела! Дальше срабатывает механизм самосохранения. При нарушении естественной гармонии наружу вырывается их жесткий антагонизм поначалу как подспудная и локальная (с тенденцией перехода в глобальную) война на уничтожение «противника» как безальтернативный вариант обеспечения выживания или его иллюзии в идеалистических парадигмах малокультурной Культуры.

Волны Истории и цивилизационный сёрфинг

Термин «Волны Истории» ввел в научный оборот Тоффлер² книгой «Третья волна» об эпохе, открываемой тотальной информатизацией человеческой жизни. Удачная метафора была тут же подхвачена, и вот уже речь заходит о феномене цивилизационного сёрфинга, творчески-конструктивном использовании благоприятных тенденций исторического процесса для прорыва к высочайшим достижениям человеческого разума и моде-

¹ Орлов Ю.М. Структура и закономерности поведения. М., 1996. С. 23.

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 539.

лям консенсуса с Природой. Опытный сёрфингист, используя инерцию водной стихии, способен резко взлететь и быстро преодолеть разрыв с теми, кто раньше стартовал и ушел далеко вперед по пути цивилизации, спрямляя их маршрут и стараясь избежать допущенных ошибок. Но та же волна может накрыть и закрутить незадачливого энтузиаста, а то и поглотить как свою жертву. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на извечную проблему неравномерности исторического процесса во всех его ипостасях, открывая перспективу выработки концепции планетарной гуманистической цивилизации.

На семи ветрах Истории

Заря человечества занималась в Африке. Там же зародилась одна из первых цивилизаций как совместный плод Природы и Культуры. Египет фараонов, профессиональных ученых из числа жрецов и простых феллахов, передав эстафету своих бесспорных достижений Античности, в конце концов стал римской колониальной провинцией. И хотя Карфаген все-таки был разрушен, африканский вклад веками оставался заметным компонентом греко-римского сознания. «Из Африки всегда приходит что-то новое», – уверял Плиний Старший, очевидно намекая на истоки античной культуры и науки.

В эпоху греко-персидских войн и походов Александра Македонского Африка, лежащая южнее Сахары, замкнулась в своей самодостаточности, надолго отгородившись труднопроходимыми раскаленными песками величайшей пустыни планеты от бурлящего страстями и амбициями западного мира и его бесконечных войн с классическим, а затем мусульманским Востоком. Там складывались свои торговые пути, основанный на них «африканский способ производства» с присущими ему формами социального устройства, власти и собственности. Кстати, многие из современных африканских государств возродили в своих названиях имена наиболее пассионарных этносов и великих империй того далекого уже прошлого: Гана, Мали, Зимбабве, Бенин – либо названия рек, в бассейнах которых они располагались: Конго, Заир, Замбия, Сенегал, Нигер, Нигерия, Гамбия...

В середине второго тысячелетия Тропическая Африка, как ближайшая атлантическая соседка недавно открытой Америки, стала главным поставщиком физически крепких рабов, создававших на рудниках и плантациях Нового света первоначальный капитал нового способа производства, предпосылки которого вызревали в недрах купеческих гильдий, ремеслен-

ных цехов, меняльных контор и пизатских «республик» Западной Европы. Старые кастлы – крепости работорговцев при гаванях, разбросанные по всему африканскому побережью Атлантического океана. Вскоре их дополнили торговые фактории и компании, связанные не только с военными гарнизонами, но и с католическими миссиями. Монах шел рядом с солдатом и торговцем.

Со стороны Индийского океана в глубь субсахарской Африки вместе с торговыми караванами и азиатскими товарами пришел ислам, во многом созвучный анимистическим верованиям местного населения и потому вскоре ставший основной из привнесенных извне религий.

Завершение эпохи работорговли, стоившей континенту порядка 15 миллионов человеческих жизней, и бурное развитие товарно-денежных отношений в Европе приковало интерес новоявленной индустриальной цивилизации к природным богатствам Африки. Начался ее кровавый захват, раздел и передел между европейскими метрополиями: Португалией, Великобританией, Францией, Германией, Италией, Бельгией, Испанией и Голландией. Некоторые африканские колонии в силу изменчивости геополитической обстановки в Западной Европе меняли своих хозяев: Намибия, Камерун, Маврикий, Руанда, Бурунди, – но суть дела оставалась прежней.

После Второй мировой войны в США забрезжили сумерки машинно-конвейерного производства, достигшего в милитаристском стрессе своих естественных пределов. Они совпали по времени с процессом поспешной и массовой деколонизации Африканского континента. Его карта запестрела, как мозаичное панно. Но независимость свелась на первых порах к смене гимнов, флагов, вступлению в ООН и к созданию вместо марionеточных местных ассамблей внешне вполне респектабельных парламентов и провозглашению «равноправных» торгово-экономических отношений со всем миром, начиная, естественно, с бывших метрополий.

Геополитическая структура биполярного мира разделила значительную часть Африки на государства капиталистической и социалистической ориентации, которые соответственно опирались в своей исторической эволюции (зачастую весьма поверхностной) на Запад либо на СССР и его союзников. Каждая из мировых систем создавала свои «витрины» на Африканском континенте, но это влияние, за исключением подготовки национальных кадров и очагово-точечной индустриализации, оставалось в основном поверхностным, а потому провозгла-

шенная ориентация в ходе неудавшегося путча могла меняться буквально дважды на дню.

Крушение СССР явилось тяжелым ударом не только по «нашим», но и по «их» частям континента. Отпала необходимость блокового соперничества и противостояния, иссякли источники внешнего финансирования местных режимов. Поток инвестиций и донорской помощи либо совсем прекратился (со стороны распавшейся социалистической системы), либо круто изменил свое направление в сторону постсоветского и постсоциалистического пространства, обходя на первых порах Африку, такую нестабильную и малопредсказуемую, казавшуюся черной дырой, способной безвозвратно поглотить любые финансовые потоки.

Рыночная экономика, коммерциализация социальных отношений, стандарты западной парламентской демократии и связанные с ней политические «игры» свалились на африканскую общину, как снег на голову в раскаленной полуденной Сахаре, идя вразрез с местными традициями, психологическими алгоритмами общения, издавна сложившимся образом жизни подавляющей массы населения. В него удачно вписались лишь «новые африканцы», местные нувориши, потомки тех вскормленных Западом и ориентированных на него «эволюэ», которых Франц Фанон язвительно заклеил в книге-памфлете «Черная кожа, белые маски».

Это касается и попыток прямой имплантации институтов парламентской демократии, взращенных в течение восьми веков в Западной Европе и двух с четвертью веков за океаном, в среду непосредственно родственного общения традиционного африканского социума. Многопартийность здесь зачастую выливается, несмотря на суровые официальные запреты, в создание этноплеменных и местных «партий», а гарантированная «свобода волеизъявления» довольно часто порождала откровенный сепаратизм, нередко ведущий к кровавым этническим и конфессиональным конфликтам. Выборы, организованные на западный манер, сплошь и рядом приобретали карикатурный характер псевдополитического фарса. Как-то в период президентской кампании я оказался в крохотном островном государстве Маврикий, когда там в упорной и красочностью своей порой напоминающей тропический карнавал предвыборной борьбе за пост главы государства соперничали 32 партии и движения с трудноразличимыми программами.

В итоге громадная часть населения африканских стран, расположенных к югу от Сахары, до сих пор занята производством

и деятельностью, свойственными заре неолитической революции. Ее характеризуют почти исключительно ручной труд, примитивно-первобытные технологии, ритуально-клановые стандарты поведения и мышления. В то же время в Африку привнесены целые пласты машинного производства и западной массовой культуры, характерные для индустриальной цивилизации (транспорт, перерабатывающая промышленность, добыча полезных ископаемых, лесоразработки, сборочное производство), а также отдельные элементы компьютерно-информационных технологий (прежде всего в средствах связи и управления).

Столь причудлива пирамида из всех исторически известных типов развития производительных сил, исторически сложившаяся в Тропической Африке. Ее основание погружено в седую древность каменного века, и лишь самая верхушка технологического конуса устремлена в направлении мировых тенденций производства. Однако она резко теряет былую устойчивость в силу коррозии своего основания под напором конкуренции и стихии мировых цен на сырье и товары, а также под влиянием демонстрационного эффекта западных стандартов потребления и «красивого» образа жизни.

«Возвращение» к каменному веку?

В нашу переломную эпоху человечество, начавшее свой путь в цивилизацию с преимущественного преобразования природного *вещества*, а затем сделавшее фундаментом своей деятельности получение и использование различных видов *энергии*, переходит на орбиту приоритетных операций с неведомой по своему содержанию и неэнергетической *информацией*. Некогда вынужденный монотонный и изнуряющий *труд* в пору расцвета индустриальной эры сменился оставляющей некоторый досуг и выбор специализированной *работой*. Ныне их все более явно теснит *творчество* как деятельность, опирающаяся на использование накопленной человечеством информации, ее специфическую переработку, а также на фантазию и интуицию индивидуального сознания. Естественно, все это вовсе не означает существования информации в «голом» виде, вне вещественного оформления и энергетического обеспечения. Принципиально меняется лишь удельный вес данных видов «природного сырья» и социальных форм его «переработки» в структуре человеческой деятельности.

Крохотный кремниевый чип произвел в жизни людей не меньший взрыв активности во всех сферах человеческой деятельности, как некогда кремневый топор. Он озаменовал сво-

его рода диалектический «возврат» на принципиально новой технологической основе к, казалось бы, давно погребенному под пластами Истории каменному веку и общинно-племенным формам социального общения и взаимодействия. Появившаяся на свет сфера информационно-компьютерного «производства» обусловила рождение «революции комфорта», резко изменившей быт тех, кого она непосредственно коснулась.

Это позволяет не столько исследовать естественно-биологические предпосылки генезиса, развития, взаимодействия и диалога цивилизаций в традиционно-формализованном контексте определения места, роли и деятельности человека в реальном мире (принцип Дарвина – Тойнби), сколько, наоборот, рассмотреть, если это возможно, вторую, внутреннюю, «отраженную» жизнь Природы и Культуры в самом человеке как продукте и клеточке обеих этих субстанций (в первом приближении данный гносеологический феномен можно назвать принципом Геккеля–Менделя–Юнга). Природа в процессе развития человечества не только дистанцируется как противоположность естества Culture, как почва и среда цивилизаций, но и впитывается, уходит вовнутрь и совокупного, и каждого индивидуального субъекта исторического действия, становясь неотъемлемым компонентом его исходно-биологического бытия, его антропологии, генетики, мозга и психики. В частности, глобальные стадии всемирного цивилизационного процесса, связанные с последовательным переносом акцента человеческой жизнедеятельности на преобразование *вещества*, затем *энергии* и, наконец, *информации*, коррелируют с активностью различных структур головного мозга, способных дать адекватные ответы на вызовы природной и социальной среды конкретной эпохи.

Так, на стадии присваивающего хозяйства эпохи мезолита и перехода человечества к неолитической революции, ознаменовавшейся становлением земледелия, скотоводства, ремесла и торговли, основным средством труда был *инструмент*, управление которым предполагало ориентацию деятельности подавляющего большинства населения преимущественно «на процесс» и концентрацию внимания на узком сенсорном поле непосредственного природного окружения. Соответственно, основная психозмоциональная нагрузка ложилась на правое полушарие головного мозга и эволюционно сопряженную с ним лимбическую систему, сформировавшуюся на уровне млекопитающих.

Промышленное производство опиралось, помимо всего прочего, на использование *машины*, представляющей собой модифицированный инструмент с двигателем, требующим ис-

кусственного источника энергии (сначала силы пара, затем электричества). Ориентация работы по обслуживанию машины в значительной мере смещалась «на результат», а ее психофизиологическим фундаментом становились левое вербальное полушарие и биологический автоматизм, связанный с ретикулярной формацией головного мозга, эволюционно принадлежащей хладнокровным рептилиям. Эмоции были потеснены сухим интеллектом и волевой концентрацией внимания, в том числе на сферу отношений с окружающими людьми.

Постиндустриальная эпоха *компьютера* разворачивается на почве инерции лидерства левого полушария. Выдвигающаяся в центр креативной деятельности *информация* становится все более виртуальной, а потому на помощь абстрактным рассуждениям приходит эмоционально окрашенное творчество, опирающееся на фантазию, и образы, рождаемые правым мозгом и лимбической системой. «Левополушарная» наука все более нуждается в поддержке со стороны «правополушарного» искусства. Центр тяжести психологических процессов переносится на выстраивание гармонических отношений индивида с самим собой.

Иными словами, становление цивилизации будущего имеет своей опорой внутри человека *гармоничное взаимодействие обоих полушарий*. Константность и динамизм внешнего мира оказываются созвучными, резонансными, как бы симметричными тенденциям эволюции универсального и уникального биологического органа, каким является человеческий мозг.

Учет данного обстоятельства позволяет противопоставить в качестве оптимистической альтернативы предсказаниям цивилизационных разломов и катастроф перспективу диалога и в будущем – синтеза цивилизаций, генетически принадлежащих различным эпохам социальной эволюции. В частности, в современной политической риторике нередко обращение к аналогиям с Римской империей в зените ее мощи и славы. Императоры Нерон, Тиберий и римский наместник в Иудее Понтий Пилат героизируются в устах теоретиков внешней политики США. Место враждебной варварской периферии в рамках неоримско-имперской версии руководства миром в стиле *Rex Americana* занимает пресловутая «ось зла» (куда может угодить любая ставшая неугодной страна), арабский терроризм и на будущее единая исламо-китайская опасность.

Их антитезой выступают порой экзотические сценарии будущего в виде мусульманских всадников на верблюдах, гарцующих на фоне рейхстага или собора Святого Петра с намеком

на аналогию с древними германцами, покорившими Вечный город Рим и разрушившими созданную им империю. Такие пассажи хороши как метафорическое предупреждение чрезмерным амбициям зарвавшейся верхушки «золотого миллиарда» и монстрам валютно – финансовой «парацивилизации» (выражение А.И. Неклессы) с их претензиями на экологический и демографический паразитизм в планетарном масштабе, но в плане методологическом они метафизичны, склонны выдавать желаемое за действительное.

Иными словами, мир сегодня оказался на рубеже кардинально различных цивилизаций. Одна обречена, хотя сильна и опасна в своей агрессивной агонии. Другая только рождается в муках, усугубляемых отказом первой уступить ей место под солнцем. Между ними – разлом, бездна, пропасть, которую нельзя преодолеть в два прыжка. Прошлое обрушивает на наши головы нарастающий ком проблем. Справиться с ними известными методами у нас не хватает ни времени, ни сил, ни средств. Ситуация требует мировоззренческого осмысления.

Упорно навязываемая Африке стратегия догоняющего развития в условиях острой экономической и политической конкуренции мирового масштаба заведомо обречена на неуспех и добровольную консервацию отставания. Взятые сегодня за основу вчерашние ориентиры могут завтра привести... только в позавчера. Зачем же, рискуя сорваться под колеса, пытаться вскочить на подножку последнего вагона, коли разогнавшийся поезд индустриальной цивилизации мчится в исторический тупик?

Новая геополитическая ситуация диктует выбор приоритетов в стратегии развития, которая теряет эффективность в изолированной от остального мира «пустоте». Но если внутри самой хозяйственной системы ключевые проблемы и противоречия не могут быть разрешены, значит, надо выйти за ее пределы. В математике есть великая теорема Геделя о принципиальной неполноте замкнутых систем. В какую сторону разомкнуть тупиковую систему, зашедшую в исторический тупик? Куда идти Африке? На кого ориентироваться? Кто и где ждет ее как достойного геоэкономического партнера и желанного геополитического союзника? И как избавиться от буквально вросших (или: вбитых!) в сознание предрассудков, что все лучшее, что есть в этой жизни, появляется на благословенном Западе, а его цивилизационное приданое – рынок и парламент – единственно возможные формы и гаранты благополучного социального устройства?

Касательно индустрии подобные иллюзии уже изживают себя. Информатизация стала ее реальной альтернативой. В экономической, экологической, социальной сферах. К тому же строить (даже на развалинах) легче, чем модернизировать пока еще успешно функционирующее и приносящее прибыль производство, в которое сделаны немалые вложения. Но сейчас вовсе не обязательно предварительно все крушить и рушить «до основания, а затем». Достаточно создать **не вместо, а рядом** (благо, места для этого надо совсем немного) с прежними формами индустриального способа производства (не на их «костях») новый компактный и природосберегающий *информационный уклад хозяйствования и управленческой деятельности*, где функцию механической «руки рынка» заменит творческая «виртуальная голова», генерирующая и материализующая знания. На ум приходит аналогия с появлением миниатюрных млекопитающих среди гигантских динозавров. Первые плавно вытеснили из эволюционного процесса тех, чей ресурс адаптации к переменам оказался в критической ситуации истощенным. Как у индустрии и порожденных ею социальных институтов!

Африка, как ни парадоксально это звучит, имеет потенциальные преимущества перед индустриально развитыми странами. Ведь когда речь заходит о конкурентоспособности, это касается не только факторов экономических, политических, силовых, но также интеллектуальных, эмоциональных, психологических компонентов общественного сознания и созидания, ресурсов этнопсихологии.

Рассматриваемый в книге подход опирается на принцип целостности всемирной истории и содержит в себе возможность творческого соединения разорванных историческим временем и географическим пространством естественно-биологических и интеллектуально-информационных предпосылок прорыва человечества к планетарному гуманистическому обществу будущего.

Драматичный и наполненный острыми противоречиями процесс его становления включает три основных компонента. Во-первых, перенесение фундаментальных достижений науки, технологий ноу-хау и технических устройств новейших поколений к источникам безграничных и возобновляемых природных ресурсов. Во-вторых, выявление универсальных и гармонично стыкующихся компонентов ментальности, традиций восприятия и поведения, могущих стать психологической и мировоззренческой основой диалога. В-третьих, в фундамент общечеловеческого будущего могут быть включены некоторые из ис-

ходных принципов отношений людей друг к другу и к природе, сохранившихся в традиционных обществах.

Э. Тоффлер, представляя будущее человечества как напминающий гегелевский закон отрицания отрицания возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе, приходит к выводу, что по многим признакам информационная цивилизация Третьей волны несет в себе черты сходства с Первой волной (аграрно-общинные социумы): «Самое удивительное, что цивилизации Первой и Третьей волн более сходны между собой, чем с цивилизацией Второй волны. Иными словами, они кажутся родственными». Выходит, что Швейцария за счет общинного устройства своей государственности и менталитета обгоняет остальную Европу на пути в будущее¹.

Грядущая планетарная цивилизация сможет немало позаимствовать в запасниках социальной эволюции, сохранившихся, в частности, в Африке. Во всяком случае, африканские интеллектуалы уверены в том, что сегодняшняя научно-техническая отсталость континента солидно компенсируется тесными родственными узами и общинно-племенной солидарностью, особой душевной теплотой и сердечностью, свойственным африканцам. Высказываний подобного рода не счесть. Я предпочел самому свежему самое, на мой взгляд, характерное. Оно принадлежит перу Бубу Хамы, автора философского эссе «Отсталость Африки». *«Огромно, – констатирует ученый, – ее техническое отставание, но зато очевиден громадный и весомый гуманизм, от которого промышленный Запад отходит все дальше». А потому «Тропическая Африка, если ее помочь в свободном развитии, сможет возродить гуманное начало, которого не хватает промышленной цивилизации нашей эпохи». Ибо «раз уж промышленный Запад погружается в пустоту материи, если его опережение превращается в остановку..., единственно возможным резервом человеческого прогресса выступает отставание нашего континента, содержащее в себе зародыш (матрицу) целостного человека»².*

¹ Материал для такого вывода см.: Петров И. Очерки истории Швейцарии. Берн, 2006.

² Hama B. Le retard de l'Afrique. Essai philosophique. Paris, 1972. P. 91, 92, 94. В данной связи вновь вспоминается подвижническая деятельность Н.И. Вавилова, который отыскивал в Андах Боливии невзрачный, малоурожайный, мелкий, невкусный дикий картофель с целью использования его не только для лучшего понимания законов генетики, но и для облагораживания узкоспециализированных, веками улучшаемых, а потому нередко вырождавшихся «цивилизованных» сортов.

НУЖНА ЛИ НАМ АФРИКА, НУЖНЫ ЛИ МЫ ЕЙ? (Вместо Заключения)

После Великой Отечественной войны была модной песенка «Летят перелетные птицы», рефреном которой звучала фраза: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна». Сейчас ситуация круто изменилась. Некогда «ненужный» турецкий берег только что принял проложенный по дну Черного моря российский газопровод «Голубой поток», а его пляжи усеяны туристами из числа из числа наших сограждан среднего достатка. Да и «забытая» нами в сутолоке смутного времени Африка, как выясняется, имеет с Россией немало общих взаимно дополняемых интересов в современном многополярном и остро конкурентном мире.

Согласно статистике ООН, инвестиции в Африку – сегодня самые выгодные, прибыльные, доходные. Их эффективность в 3,5 раза выше, нежели в Западной Европе и Северной Америке. Между тем, ряд немаловажных промышленных и инфраструктурных предпосылок экономической привлекательности африканских стран заложен российскими специалистами. Однако, нынешняя картина этого наследия до обидного печальна. Многие предприятия, построенные нами или с нашей помощью в прошлые годы, заброшены и захирели. Реализация ряда промышленных и исследовательских проектов была приостановлена буквально накануне пуска. Центр ядерных исследований с реактором в Гане был готов, примерно, на 98 процентов и оставлен. Китайские специалисты запустили его, используя наши технологические схемы. Построенная нами в Мали шахта для добычи золота, нуждавшаяся в реконструкции, недавно перешла в собственность компании «Ашанти Голдфилдс». Аффинажное предприятие в Гане, где добыча золота стремительно растет, также брошено недостроенным.

Ситуацию усугубило обвальное закрытие российских посольств, торговых представительств и культурных центров в африканских странах с распродажей их имущества по символическим ценам. Между тем, ряд наших выпускников занимают в своих странах ответственные посты в государственном аппарате, банках, крупных предприятиях. Десятки тысяч дипломированных специалистов, получивших образование у нас, сотни тысяч африканцев, обучавшихся у наших преподавателей на родине, – благоприятный человеческий фактор взаимовыгодного российско-африканского сотрудничества на фундаменте рыночной экономики.

Словом, что касается африканского направления инвестиционно – экономической активности России, многое упущено (главным образом время и целый ряд ниш в структуре хозяйственной жизни этих стран, которые были «сданы», причем, не только Западу, но и Востоку – Японии, Китаю, Индии), однако еще не все потеряно. Конечно, за 15 лет, прошедших после развала СССР, многое изменилось не только в мировой экономике и политике, но и на Африканском континенте. После гибели лидера сепаратистов Жонаса Савимби завершилась 27-летняя гражданская война в Анголе, ветераны которой с обеих сторон теперь вместе проходят курсы социальной и психологической реабилитации. Активная деятельность африканских миротворцев с помощью «голубых касок» из других государств, включая россиян, нормализовала обстановку в Либерии и ряде других стран континента. Коснулась Африки и информационно-компьютерная революция, а также внедрение высоких технологий в сферах связи, энергетики, образования, производства, медицины и быта. Так что предпосылки для нового сближения подспудно зрели в этот период и в Африке, и в России.

Во время визита в Москву первого вице-премьера Сомалийской Республики г-на Исмаила Мохамуда Хурре им был поставлен вопрос о восстановлении на межгосударственном уровне оставленного в 1977 году нашего космического порта вблизи Могадишо и о создании на его основе полноценного российского космодрома. Поскольку он расположен почти на самом экваторе, грузоподъемность легких спутников связи весом 0,5–0,8 тонны, выводимых на геостационарную орбиту, без дополнительных затрат увеличится в четыре раза. Но проблема отнюдь не сводится к аренде территории, на которой расположен космопорт, и созданию новых рабочих мест для местных жителей. В свою очередь, для африканских стран это

– возможность ускоренного прорыва в современную информационную культуру и экономику. Станет гораздо более дешевым и массовым использование компьютерных технологий. Жизнь опровергла былой пессимизм Билла Гейтса насчет равнодушия африканцев к Интернету. Он существует уже во всех 54 африканских странах, и имеет там местных провайдеров. По инициативе Президента Сенегала создан Международный Фонд для реализации Panaфриканской программы «Новые технологии информации и связи», а ежегодно 12 декабря в странах Африки отмечается День Всемирной цифровой солидарности, называемый в народе Праздником Интернета. В ноябре 2005 года премьер-министр Эфиопии Мелес Зенави объявил о трехлетнем плане развертывания во всей территории страны, население которой уже превысило 71 млн. человек, линий электронной связи, увеличив число каналов с 30.000 до 500.000. Правительство рассчитывает, что можно будет создать «электронные школы», проводить удаленные медицинские консультации, в том числе из Русского госпиталя, созданного в Аддис-Абебе чуть ли не сто лет назад, а также обеспечить более эффективное руководство регионами. Энтузиасты из среды эфиопских интеллектуалов разработали несколько вариантов приспособления обычной 24-клавишной компьютерной клавиатуры к 276-буквенному алфавиту амхарского языка. Впервые в истории ликвидация азбучной неграмотности сочетается не столько с правописанием, сколько с освоением азов компьютерного пользования. В ЮАР создана специальная программа «Охотник» для приобщения к Интернету неграмотных людей.

Пока наши государственные чиновники только собираются восстанавливать полномасштабные отношения со странами Тропической Африки, туда уже двинулись крупнейшие российские компании. «Русский алюминий» приобретает плавильный завод в Нигерии, построенный советскими специалистами глиноземный комбинат в Гвинее, где берется также за разработку крупнейшего в мире месторождения бокситов Дян-Дян. «Норильский никель» стремится инвестировать добычу золота в Гане и Мали. «Ренова» собирается разрабатывать месторождения марганца в намибийской пустыне Калахари и месторождения тантала в Мозамбике. «Алроса» успешно внедрилась в добычу ангольских алмазов. Эти компании готовы уже сегодня инвестировать в африканские проекты не менее 5 млрд. долларов. «Лукойл» примеривается к освоению перспективного нефтеносного района в бассейне озера Чад, на стыке гра-

ниц Нигера, Нигерии, Чада и Камеруна. Ведь в Африке не только самая дешевая в мире рабочая сила, но полезные ископаемые залегают близко к поверхности, что делает их добычу рентабельной и конкурентно способной. Тем более что теперь сотрудничество строится на экономической, а не политической основе.

Но и политическую составляющую не стоит недооценивать. Ведь авторитет России в Африке строится на вкладе в ее независимость и развитие со стороны СССР и на том, что она никогда не была колониальной державой. Поэтому африканские правительства и солидные бизнесмены предпочитают иметь дело с нашим государством или с частными фирмами под эгидой российского государства. К слову, африканские страны составляют существенный блок в ООН, а, кроме того, африканцы традиционно считают, что Россия как постоянный член Совета Безопасности – верный защитник их интересов. В свою очередь, они сами все активнее включаются в решение мировых проблем. В 2002 году в Дакаре прошла Панафриканская антитеррористическая конференция, обсуждавшая, в числе прочего, проблему пресечения импорта в Африку легкого стрелкового оружия и, прежде всего, контрафактных автоматов Калашникова из некоторых стран Восточной Европы и СНГ.

Рассматривая Африку как потенциального партнера по широкому кругу проблем, надо иметь в виду политические тенденции, набирающие силу на континенте. В частности, Президент Сенегала г-н Абдулай Вад по завершении предыдущего Саммита G-8, в работе которого он принимал участие, подчеркнул особую актуальность африканского единства. Он заявил, что Сенегал, в соответствии со своей Конституцией, готов частично или полностью отказаться от национального суверенитета в пользу решения вопросов всего континента. Порог африканским странам из кризисной ситуации не выйти и не избежать балканизации, особенно в условиях насаждения однополярного мира. Речь идет о концепции «Новое партнерство для развития Африки», которую нередко сравнивают с идеей Кваме Нкрумы относительно создания Соединенных Штатов Африки, второе превосходящих по населению США и вдвое ЕС. Сотрудничество с Россией может способствовать этому процессу.

Последнее время активность российско-африканских контактов заметно нарастает. Делегация Государственной Думы Федерального Собрания РФ посетила в этом году Анголу и Мозамбик. В апреле 2005 года после десятилетнего переры-

ва возобновило свою деятельность в Москве Посольство Сенегала. «Мы ждем, что Россия вернется в Африку, – заявил Посол генерал Мунтага Диалло при встрече с российскими журналистами, – ждем новых интересных проектов. Мы надеемся, что российский частный капитал примет активное участие в развитии делового и торгового сотрудничества при поддержке и содействии государства». Уже состоялся его визит в Татарстан, начались переговоры о сборке «КАМАЗов» на африканском континенте, где они прекрасно зарекомендовали себя в ралли Париж-Дакар. Укрепляются межпарламентские связи. С визитом в РФ побывал Председатель Сената Мадагаскара Ракутумахару Радземисона. Вскоре состоялся российско-малагасийский бизнес-форум в Дипломатической академии МИД РФ «Витрина Мадагаскара». В Фестивале Африканской культуры в Москве «Африканские ветры» участвовали этническое шоу тамтамов из Сенегала, национальный балет Гвинеи-Бисау и конголезский ансамбль «Музыка Солнца» с заглавной песней «Россия» из сборника «Дороги в Россию (Roots in Russia)».

Сейчас, когда лидеры «Большой восьмерки» спохватились, что Африке грозит вымирание, если ей не оказать экстренную и всестороннюю помощь, интерес к специфике исторического развития, социального устройства и традиционного мировоззрения населения этой части света особенно велик. Его подогрели агрессивные выступления афро-мусульманской молодежи осенью 2005 года в пригородах Парижа и в других городах Франции, Бельгии, Германии. Предсказанное почти четверть века назад «столкновение цивилизаций» развернулось на европейской почве. Между тем, опасность этого расово-религиозного конфликта была обозначена в середине XX века, и коренится она в трудно постижимой европейским сознанием специфике африканского менталитета.

Мир, хотим мы этого или не очень, на наших глазах становится глобальным. Параллели и меридианы, страны света и континенты, благодаря новым средствам связи и общения, бурно поглощает тенденция его тотального информационно-технологического нивелирования. Вместе с тем этот неодолимый процесс выявляет новые трещины и разрывы, драматически, а то трагически разделяющие единое человечество. Их называют «цифровым расколом» и «конфликтом цивилизаций» вместо привычных и зримых расовых, культурных, политических и конфессиональных границ. Почему же «люди Юга» не понимают и не любят «людей Севера», и как им ужиться

друг с другом на общей планете? Антитеза «Север – Юг» сегодня потеснила романтическую парадигму Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда», хотя в принципе речь идет обычно почти об одном и том же. Тем более что на современном Востоке появились вполне «западные» и «северные» в смысле постиндустриального развития Япония, Гонконг, Тайвань, Южная Корея. А на западах Запада застряли, все более тяготеющие к восточному и южному вариантам «третьего мира» Албания, Румыния, Болгария, а также стремительно беднеющие некоторые страны СНГ.

Россия как самый Запад Востока и самый Восток Запада оказалась между ними и среди них, впитав в себя «цифровые» и конфессиональные проблемы, западные и восточные земли и традиции, «северные» (информационные) и «южные» (индустриально-аграрные) технологии, культурные алгоритмы, черты образа жизни и мышледеятельности. Эпохи и регионы мировой Истории смешались и срослись на ее пространствах и в ее культуре, создав уникальный музей и синтез цивилизаций. Лично для меня самой впечатляющей геополитической антитезой рубежа тысячелетий выступает суровое и подчас трагически жесткое психологическое противостояние двух «миллиардов» – афро-мусульманского и евро-американского, именующего себя «золотым».

Трагический день 11 сентября 2001 года и последующие террористические атаки в Мадриде и Лондоне застали врасплох самодовольный западный мир. Они заставили его вздрогнуть и взглянуть другими глазами на себя и на нас, россиян, чьи многоэтажки уже не раз взлетали на воздух, до того мало волнуя заокеанских обывателей и романтических правозащитников – любителей двойных стандартов типа досточтимого лорда Джадда. Виртуальные сценарии Апокалипсиса со страниц религиозных текстов и фантастических триллеров переселились в обыденное сознание человечества. Редкие голоса пророков и продвинутых интеллектуалов сменил панический гул миллиардов людей, вынужденных лихорадочно переосмысливать привычные ориентиры и приоритеты своей жизни. Впрочем, эти проблемы не так новы, как может показаться на первый взгляд. Задолго до Хантингтона и Фукуямы их поднял проницательный африканский интеллектуал Леопольд Сенгор.

Путь к толерантности, независимо от ее масштабов – индивидуальной или глобальной, – начинается с напряженной дея-

тельности познания и эмоционального признания друг друга. Углубление в африканскую этнопсихологию, терпеливое соотношение «своих» и «чужих» виртуальных взглядов на жизнь и алгоритмов реального бытия, кропотливый анализ народных традиций и размышлений африканских интеллектуалов позволяют лучше понять, что толерантность – сегодня не модный тезис психоаналитиков, а главнейшее условие выживания человечества и грядущей информационной цивилизации.

Содержание

Африка еще не открыта	1
ЦИФЕРБЛАТ БЕЗ СТРЕЛОК	15
<i>Танец с Солнцем</i>	
<i>Лунная сюита</i>	
<i>«Ганское» время</i>	
<i>Лучшая новость – отсутствие новостей</i>	
<i>Африканское «прочтение» Декарта</i>	
ГЕНЕЗИС ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ: АФРИКАНСКИЙ СЦЕНАРИЙ	47
<i>Ящик без стенок (Эволюция восприятия и демаркации пространства)</i>	
<i>С чего начинается собственность?</i>	
<i>Как формируется «чувство» времени?</i>	
<i>Мозг, время, власть: естественно-биологические истоки властвования</i>	
ШАГАЯ ПО СТУПЕНЯМ ЛЕТ	71
<i>«Счастлива та, у которой малыш за спиной»</i>	
<i>Из-за маминой спины</i>	
<i>Истоки многодетности</i>	
<i>Африканский вариант «планирования семьи»</i>	
<i>Детские сады и ясли в Африке</i>	
<i>Образ матери в африканской поэзии</i>	
<i>Система подготовки к взрослой жизни</i>	
<i>Игры, которых не знала Европа</i>	
<i>«Детская хижина»</i>	
<i>Ребячье «казначейство»</i>	
<i>Игрушечная «жена»</i>	
<i>Традиционная педагогика</i>	
<i>Танец и песня как средство игрового воспитания</i>	
<i>Камикадзе саванны</i>	
<i>Игры и жизнь</i>	
<i>Ритуальная «дверь» в мир взрослых</i>	
<i>Сквозь кровь и слезы, чтоб предков ублажить</i>	
<i>Ритуальная «смерть» как новое «рождение»</i>	
<i>Главное – выжить!</i>	

МОЖНО ЛИ «ЖЕНИТЬСЯ» НА ВНУЧКЕ? 126

Дискуссионность проблемы

Эскалатор традиционного бытия

Какое имя выберет цыпленок?

Избирательные технологии древности

Презентация новорожденного предкам

Внук «становится» сыном

«Возвращение» взрослого сына

Мы – мость

Что значит «жениться на внучке»?

Подслушанный разговор

Заботы африканского дедушки

Никто не смеет обидеть внучку

Парадоксы африканского чадолюбия, или Киндерсюрприз по-африкански

Неожиданная «дочь»

Вблизи Килиманджаро

Неугомонная Фанта

«Жена» вдовы и дети «Духа»

Детство и дедство в африканском контексте

Возрастная пирамида

Ступени жизни

Адаптация к будущему

ТАЙНЫЕ РИТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА АФРИКИ 175

Дедушку нужно слушаться и любить

Дедушка сказал ...

Тайная ритуальная власть

Чернокожие амазонки

Мафиози или мифиози?

Мечь тотема

Виртуальные перевоплощения

Крокодил-полицейский

Там, где бессилён Интерпол...

«ЗАКАЗНОЕ» САМОУБИЙСТВО 209

Жизнь и смерть в архаической ментальности

Последняя воля патриарха

Зомби возвращается в родную деревню

Баобаб-гробница, или «опрос» мертвых

Не пора ли вам «уснуть»?

«Новый» облик древней проблемы

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ДЕНЬГИ244

Зеркало африканского рынка

Солнечный маятник торговли

Арена общения

«Говорящее» платье

Человек для денег или деньги для человека?

Капитал по-африкански

Метаморфозы экономики потребления

Магазин – «потомок» места обмена дарами

Разговор дороже денег

Человек для денег или деньги для человека?

ОБЩЕНИЕ ДУШ ИЛИ АГРЕГАТ ИНДИВИДОВ?265

Корни традиций взаимопомощи

«Африканский способ производства»

Родство и богатство

Колониализм и община

Патриарх или парцелла?

Чиновник-бизнесмен

«Новые африканцы»: кто они?

Что впереди?

ПОЭТИЧЕСКИЕ БЛИКИ АФРИКИ.....298

А если Пушкин?

Текла ли в его жилах кровь масаев?

Афро-славянский статус великого поэта

Африканская родня Пушкина

Вестерн-цивилизация: взгляд из Африки

Сенегальский стрелок

Является ли африканец «европейцем наоборот»?

Негритюд как попытка выражения африканской

идентичности

Чтоб не распалась цепь времен, как в датском королевстве

у Шекспира

«Людоеды живут на Западе»

Российские ассоциации

Четвертая сценическая площадка

Час уснувших семян, хранящих застывшее время

Вести с «того Света»

Виртуальная бездна перехода

«Жизнь и сказка из одной груди сосут»

*Скромное обаяние африканской мифологии
Дитя Льва и Буйволицы
Баобаб – дерево согласия
Двумя матерями рожденный
Изошренность виртуальной ментальности*

ОСТОРОЖНО С ЧАСАМИ ИСТОРИИ!349

*«Английская тайна»
«Маленькая» трагедия на опушке Большого Леса
Из гевей в саванну: зачем?
Никого нельзя осчастливить насильно
Штаны как знаковый символ цивилизации
Природа и Культура: кто кого?
Волны Истории и цивилизационный серфинг
На семи ветрах Истории
«Возвращение» к каменному веку?*

НУЖНА ЛИ НАМ АФРИКА, НУЖНЫ ЛИ МЫ ЕЙ?
(Вместо Заключения).....374

Андреев Игорь Леонидович
Тамтам сзывает посвященных

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1
Печ. л. 24,0 + 1,0 ил. Тираж 1000 . Заказ № 1907

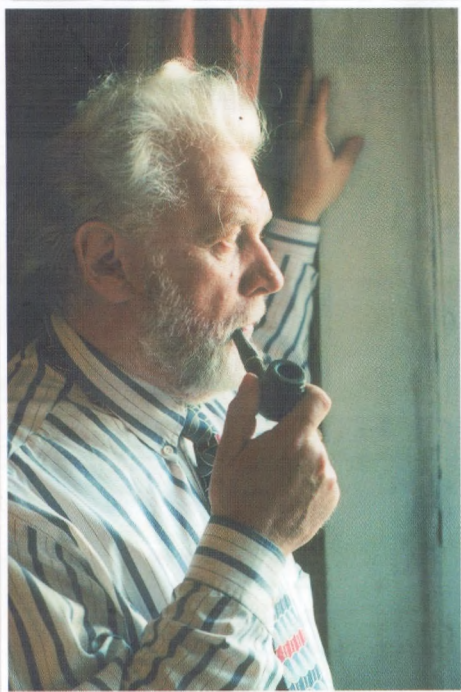
Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9.
Телефон (495) 245-49-03

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ИПП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-89826-279-2

9 785898 262792

Автор книги, профессор И.Л. Андреев, на протяжении почти четырех десятилетий работавший в пятнадцати африканских странах, досконально изучил особенности форм жизнедеятельности и социальной организации коренного населения, местные традиции и внутренний мир африканцев. Книга написана в жанре философско-литературного эссе.

Библио Глобус
Москва Мясницкая 6/Зетер1 Тел 781-19-00
<http://www.biblio-globus.ru> 628-35-67
624-46-80

КТС:
036

9 7850981262792 06.00.51.04
Андреев И.Л. Тамтам слыш
Цена: 285.00

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ